

От автора
абсолютного супербестселлера
«ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»,
переведенного более чем на 30 языков!

Танцующая с лошадьми

ДЖОДЖО МОЙЕС

Легкая и увлекательная история,
захватывающая с первых строчек.

Cosmo.ru

Annotation

Сара – четырнадцатилетняя внучка Анри Лашапаля, в прошлом очень талантливого наездника. Когда-то Анри желал ощутить себя «человеком с крыльями». И вот теперь дед помогает девочке освоить классическую езду, он хочет, чтобы Сара бросила вызов силам притяжения. Но неожиданно приходит беда, и Сара должна уже в одиночку постоять за себя... У Наташи Макколи, адвоката, защищающего права детей, черная полоса в жизни. Она вынуждена делить дом с бывшим мужем, все ее дела идут хуже некуда. Как-то вечером, не желая оставаться с бывшим мужем под одной крышей, Наташа едет в супермаркет и там случайно встречается с Сарой. Она решает забрать девочку к себе, не представляя, что у Сары есть секрет, который способен изменить их жизни навсегда... Впервые на русском языке!

- [Джоджо Мойес](#)

-
-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
-

Джоджо Мойес

Танцующая с лошадьми

Jojo Moyes

THE HORSE DANCER

Copyright © 2009 by Jojo's Mojo Limited

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

© И. Нелюбова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Ч., С., Г. и Л., а также Мекке Харрис

Покажи мне свою лошадь, и я скажу, кто ты.

Старинная английская пословица

Пролог

Он заметил ее желтое платье еще до того, как увидел ее саму: оно мелькнуло в дальнем конце конюшни, как маяк в сумерках. Он остановился на миг, решив, что ему показалось. Потом ее белая рука потянулась вверх, и изящная голова Геронтия склонилась над дверью стойла, принимая угощение. Он ускорил шаг, почти побежал, лязгая сапогами с металлическими носами по сырому булыжнику.

– Ты здесь!

– Анри!

Она обернулась, он обнял ее за талию и поцеловал, вдыхая чудесный аромат волос. У него перехватило дух, но он взял себя в руки, вспомнив, что ему предстоит.

– Мы приехали сегодня днем. – Она уткнулась ему в плечо. – У меня даже не было времени переодеться. Должно быть, выгляжу ужасно... но я сидела на трибунах, когда увидела тебя сквозь занавес. Я должна была прийти, чтобы пожелать тебе удачи.

Она говорила неразборчиво, но он ее и так почти не слышал. Он был оглушен самим присутствием девушки, ощущением ее тела в своих объятиях после стольких месяцев разлуки.

– Дай-ка мне на тебя взглянуть!

Она сделала шаг назад и стала осматривать его с головы до ног, скользя взглядом по черной фуражке, по безупречной униформе. Протянула руку, смахивая несуществующую пылинку с золотого эполета. Он отметил с благодарностью, как нехотя она отвела руку. Как чудесно, что между ними нет никакой неловкости, даже после стольких месяцев. Никакого кокетства. Само простодушие. Девушка, которая жила в его мечтах, вновь предстала перед ним во плоти.

– Ты великолепно выглядишь, – отметила она.

– Я... не могу остаться. Мы начинаем через десять минут.

– Я знаю. Карусель – это так здорово. Мы видели мотоциклистов и парад танков. Но ты, Анри, ты и лошади, безусловно, самое привлекательное. – Она бросила взгляд в сторону арены. – Кажется, вся Франция здесь, чтобы увидеть вас.

– У вас есть *les billets*?

Оба насупились. Несмотря на все их старания, языковой барьер еще сохранялся.

– *Billets...* – Он покачал головой, недовольный собой. – Билет. Билеты. Лучшие билеты.

Она радостно улыбнулась, и его недовольство, хоть и короткое, улетучилось.

– Билеты есть. Мы с Эдит и ее мамой сидим в первом ряду. Им не терпится увидеть, как ты гарцуешь. Я им все про тебя рассказала. Мы остановились в «Шато Верьер». – Она заговорила шепотом, хотя рядом никого не было. – Очень шикарно. Уилкинсы ужасно богаты. Намного богаче, чем мы. Мило, что они меня пригласили.

Пока она говорила, он наблюдал за ней. Ему не давал покоя изгиб ее верхней губы, напоминающий лук Купидона. Она здесь. Он бережно обхватил ее лицо ладонями в белых лайковых перчатках.

– Флоренс... – Он перевел дух и снова ее поцеловал. Ее кожа пахла солнцем, хотя уже сгущались сумерки. Аромат был всепроникающим, будто она была создана излучать тепло. – Я думаю о тебе каждый день. До тебя у меня не было ничего, кроме Кадр-Нуар. Теперь без тебя мне все не в радость.

– Анри! – Она погладила его по щеке и прильнула к нему.

У него закружилась голова.

– Лашапель!

Он резко обернулся. Дидье Пикар стоял возле головы своей лошади, натягивая перчатки. Конюх готовил седло.

– Считаешь, что, если будешь думать о выезде столько же, сколько о своей английской шлюшке, у нас что-нибудь получится, а?

Флоренс не хватало знания французского, чтобы понять сказанное, но она заметила ухмылку на лице Пикара, и Анри понял: она догадалась, что другой француз сказал что-то неприятное.

В нем снова закипел гнев, и он сжал зубы. Неодобрительно покачал головой, давая Флоренс понять, что находит высказывание Пикара глупым и неуместным. Пикар вел себя оскорбительно и вызывающе после той поездки в Англию, когда Флоренс и Анри познакомились. Потом вышла ссора: Пикар с горячностью утверждал, что англичанкам недостает шика. Анри понимал, что оскорбление адресовано ему. Пикар считал, что англичанки не умеют одеваться. Что они едят как свиньи из лохани. Что они готовы лечь с первым встречным за пару франков или за пинту их отвратительного пива.

Лишь через пару недель стало ясно: желчность Пикара никак не связана с Флоренс, а вызвана обидой, что товарищ по Кадр-Нуар обскакал его. И не просто товарищ, а сын фермера. Однако это вовсе не упрощало

дела.

– Говорят, неподалеку от набережной Люсьена Готье есть комнаты. – Громкий голос Пикара разнесся эхом по всему двору. – Немного удобнее, чем в конюшне, n'est-ce pas?^[1]

Анри сжал руку Флоренс.

– Даже если ты, Пикар, останешься последним мужчиной на земле, – по возможности спокойным тоном ответил Анри, – все равно она будет слишком хороша для тебя.

– Тебе, вероятно, невдомек, деревенщина, что любая шлюха пойдет с тобой, если предложишь сходную цену. – Пикар ухмыльнулся, вставил безукоризненно начищенный сапог в стремя и вскочил на лошадь.

Анри подался вперед, но Флоренс остановила его:

– Любимый, мне пора занять свое место. – Она попятилась. – Тебе нужно подготовиться.

Она чуть замешкалась, потом встала на цыпочки и снова поцеловала его, притянув за шею тонкой белой рукой. Он понимал, для чего она это делает: хотела отвлечь его от оскорбления, нанесенного Пикаром. Она была права. Когда твоих губ касаются губы Флоренс, нельзя чувствовать ничего, кроме радости.

– Bonne chance, ёсуе^[2], – улыбнулась она.

– Ёсуе! – повторил он, сразу позабыв обо всех обидах, растроганный, что она сама выучила, как сказать по-французски «наездник».

– Учусь! – Она послала воздушный поцелуй, в ее глазах заплясали многообещающие чертики.

И она умчалась, его англичанка, стуча каблучками по булыжнику, вдоль длинных рядов стойл.

На Карусели – ежегодном военном фестивале – традиционно отмечалось окончание курса подготовки молодых кавалеристов Сомюра. Как обычно, в выходные дни в июле средневековый город наводняли гости, которых привлекал не только выпускной молодых кавалеристов, но и традиционное представление наездников, трюки мотоциклистов и парад танков, на огромных корпусах которых были видны шрамы, полученные во время войны.

Шел 1960 год. Старая гвардия пасовала под напором поп-культуры, изменения мировоззрения и Джонни Холлидея, но Сомюр не спешил меняться. Главным событием Карусели было ежегодное представление, в котором участвовало двадцать два элитарных французских берейтора, как

военных, так и гражданских, составляющих Кадр-Нуар. Это всегда гарантировало, что за пару дней билеты будут раскуплены как местными жителями, проникнутыми чувством пиетета к наследию Франции, так и менее интеллектуальными согражданами, которых заинтриговали афиши по всему региону Луары, обещающие «величие, непостижимость лошадей, которые бросают вызов силе притяжения».

Кадр-Нуар появилась почти двести пятьдесят лет тому назад, после истребления французской кавалерии в ходе Наполеоновских войн. В попытке воссоздать некогда великолепные корпуса школа открылась в Сомюре, где с XVI века существовала кавалерийская академия. Сюда были собраны инструкторы из лучших школ Версаля, Тюильри и Сен-Жермена, призванные передать традиции верховой академической езды новым поколениям офицеров. И эта традиция сохраняется по сей день.

С наступлением эпохи танков и механизации военного дела возник вопрос о целесообразности существования такой загадочной организации, как Кадр-Нуар. Но годы шли, ни у одного правительства не хватило духу расформировать школу, ставшую к тому времени частью французской национальной культуры. Наездники в черной форме стали символом, а Франция с ее «Комеди Франсез», *haute cuisine* и *couture*^[3] понимала значимость традиций. Сами же кавалеристы, возможно чувствуя, что лучшим способом выжить будет создание новой для себя роли, расширили круг своих обязанностей: помимо обучения кавалеристов, школа стала устраивать представления для публики во Франции и в других странах, демонстрируя редкостную выучку и великолепных лошадей.

В этой-то школе и оказался Анри Лашапель. Сегодняшнее представление было самым важным для него событием года. Выдался шанс продемонстрировать друзьям и родственникам с таким трудом приобретенные умения. Воздух пропитался запахом карамели, вина и хлопушек, а также теплом тысяч медленнодвигающихся тел. Толпы людей уже начали собираться на плацу Шардоне, сердце *École de Cavalerie*^[4], окруженном элегантными зданиями. Атмосферу карнавала усиливала июльская жара, безветренный вечер и заразительное чувство предвкушения. Туда-сюда бегали дети с воздушными шариками или сахарной ватой на палочках. Их родители влились в толпу, изучающую лотки, с которых торговали бумажными вертушками и игристыми винами, или просто прохаживались оживленными группками через большой мост на северную сторону, где располагались открытые кафе. Тем временем зрители, которые уже занимали свои места вокруг большого манежа –

огромной, посыпанной песком арены – и еще недавно возбужденно переговаривались, теперь изнывали от нетерпения, обмахиваясь и истекая потом в сгущающихся сумерках.

– Attends!

Услышав команду «Готовься!», Анри проверил седло и уздечку и в пятнадцатый раз спросил у dresseur^[5], хорошо ли оправлена у него форма. Потом потер нос своего коня Геронтия, нашептывая слова похвалы и ободрения в изящно остриженные уши, любуясь косичками с тонкими лентами на лоснящейся шее. Геронтию исполнилось семнадцать, он был староват по меркам академии, и в скором времени ему предстоял выход на пенсию. Его дали Анри, когда тот только поступил в Кадр-Нуар три года назад, и с первой секунды между ними установилась прочная связь. Здесь, в стенах старинной школы, молодые люди, целующие своего коня в нос или нашептывающие нежности, которыми постеснялись бы наградить девушку, мало кого удивляли.

– Vous êtes prêt?^[6] – Le Grand Dieu^[7], главный берейтор, направился к центру тренировочной арены, сопровождаемый écuvers.

Расшитая золотом форма и треуголка отличали его как самого старшего по положению в школе. Он остановился перед молодыми всадниками, чьи кони нетерпеливо переступали с ноги на ногу.

– Как вам известно, это самое важное событие года. Церемония существует более ста тридцати лет, а традиции нашей школы были заложены намного раньше, еще во времена древнегреческого полководца Ксенофонта. Многие в нашем мире, похоже, ждут перемен, нуждается в отказе от старого в угоду доступному или простому. Мы в Кадр-Нуар верим, что есть место для элитарного, непревзойденного мастерства. Сегодня вы выступаете в роли послов, которые продемонстрируют, что истинная грация, истинная красота достижимы только дисциплиной, терпением, пониманием и самоотдачей. – Он обвел взглядом окружающих. – Наше искусство погибает в тот же миг, когда рождается. Так подарим жителям Сомюра возможность почувствовать свою исключительность благодаря этому зрелищу.

Послышался одобрителный гул, затем всадники стали оседлывать лошадей. Некоторые теребили свои фуражки, иные стирали несуществующие пятна на сапогах – все это свидетельствовало о нарастающем волнении.

– Лашапель, готовы? Не слишком нервничаете?

– Нет, месье. – Анри стоял навтыжку.

Взгляд старшего по положению скользил по его форме, придирчиво выискивая малейшие огрехи. Тайное волнение Анри все же выдавал пот, стекающий с висков на жесткий стоячий воротничок.

– Нет ничего постыдного, если кто-то ощущает немного адреналина перед первой в жизни Каруселью. – Главный берейтор погладил Геронтия по шее. – Я знаю, чего ты стоишь. Итак, выполняете каприоль во второй команде. Потом на Фантоме выполните крупадю. D'accord?^[8]

– Да, месье.

Он знал, что старшие берейторы сомневались, стоит ли доверять ему такую заметную роль в ежегодном выступлении. Всему виной его поведение в последние месяцы: ссоры, намеренное и серьезное нарушение дисциплины. Конюх пересказал ему разговоры в кладовой: его бунтарство едва не привело к исключению из Кадр-Нуар.

Оправдаться Анри не пытался. Как бы он объяснил, что внутри его все перевернулось? Как бы он рассказал им, что для человека, который ни разу не слышал доброго слова, не знал ласки, голос любимой девушки, ее забота, ее груди, ее аромат и волосы сбили его с толку, стали наваждением еще более сильным, чем научный трактат о тонкостях искусства верховой езды?

Из-за отца-тирана детство Анри Лашапеля прошло в атмосфере хаоса и беспорядка. Верхом роскоши тогда была бутылка вина за два франка. Любое стремление к знаниям осмеивалось. Поступление в кавалерию указало ему жизненный путь, а продвижение по службе и рекомендация на престижное место в Кадр-Нуар мнились пределом мечтаний. В двадцать пять он впервые почувствовал себя на своем месте.

Он был необыкновенно одарен, а годы на ферме наградили его редкостным трудолюбием. Ему нравилось иметь дело с трудными лошадьми. Поговаривали, что со временем он мог бы стать старшим берейтором, а некоторые и вовсе считали, что из него выйдет новый Grand Dieu. Он не сомневался, что до конца дней ему будут необходимы лишь строгость, дисциплина, удовольствие от учебы и ее плоды.

А потом появилась Флоренс Джекобс из Клеркенвелла. Она даже не интересовалась лошадьми, а случайно попала по лишнему билету на выступление французской школы верховой езды. И разрушила все: его душевное спокойствие, решимость, терпение. Позднее, глядя на эти события с высоты полученного опыта, он мог бы сказать себе тогдашнему, молодому, что подобную страсть испытывают, только когда влюбляются впервые, что такие бурные чувства со временем остывают и даже сходят на нет. Но Анри, одинокий человек, у которого практически не было друзей,

способных дать столь мудрый совет, знал одно: с той минуты, когда он заметил темноволосую девушку, взирающую на арену распахнутыми глазами три вечера подряд, он не мог ни о чем думать, кроме нее. Он представился, сам не понимая, зачем разыскал ее после выступления, и после этого каждая минута его жизни, проведенная без нее, раздражала его или, того хуже, казалась бесконечной и бессмысленной пропастью. И что из этого вышло?

Он тотчас потерял способность сосредоточиться. После возвращения во Францию начал подвергать сомнению прежде незыблемые истины, его раздражала любая мелочь, которую он считал незначительной. Обвинил Дево, одного из старших берейторов, в том, что тот «застрял в прошлом». Только прогуляв три тренировки подряд, после чего конюх предупредил Анри, что его отчислят, он понял: необходимо собраться. Он изучал труды Ксенофонта, заставлял себя усиленно работать. Не совал свой нос куда не следует. Его поддерживали все более частые письма Флоренс, обещание приехать к нему летом. И спустя несколько месяцев, возможно как вознаграждение, ему дают главную роль на Карусели – исполнить крупяду, одну из самых трудных фигур в верховой езде. Назначили его вместо Пикара, что стало последней каплей для этого заносчивого молодого человека, который и без того считал себя ущемленным.

Grand Dieu оседлал свою лошадь, крепкого португальского жеребца, и подъехал к Анри:

– Не подведите меня, Лашапель. Начнем с этого вечера новый отсчет.

Анри кивнул, от внезапно охватившего его волнения потеряв дар речи. Он оседлал своего коня, сжал уздечку, проверил, ровно ли сидит на голове черная фуражка. Доносился приглушенный гул толпы; потом заиграл оркестр, и тысячи зрителей затаили дыхание в предвкушении. Он слышал, как его собратья прошептали: «Удачи!» – и направил Геронтия на свое место, в центр точно выверенной шеренги лоснящихся, украшенных лентами лошадей. Его конь радостно ждал первых команд. Раздвинулся тяжелый красный занавес, и они оказались на освещенной прожекторами арене.

Повседневная жизнь Кадр-Нуар была далеко не так спокойна и выверена, как отрепетированный выезд двадцати двух наездников на публичные выступления. Она скорее изматывала как физически, так и интеллектуально. Каждый день Анри Лашапель чувствовал себя изнуренным. Его почти до слез доводили бесконечные придирки старших берейторов, неспособность заставить нервных лошадей идеально брать

препятствия. Он чувствовал, хотя не мог этого доказать, что к подобным ему, попавшим в элитную школу из армии, относились с предубеждением. В отличие от гражданских, победивших на спортивных соревнованиях по верховой езде представителей высших классов французского общества, у которых всегда были привилегии в выборе лошадей и неограниченное время для оттачивания мастерства. В теории все в Кадр-Нуар были равны, отличия создавало только мастерство. Но Анри понимал, что на самом деле равенство ограничивалось их суконной униформой.

Медленно, но верно, трудясь с шести утра до позднего вечера, батрак с фермы в Туре заслужил репутацию человека работоспособного и умеющего найти подход к самым непослушным лошадям. Старшие берейторы, наблюдая за Анри Лашапелем из-под козырьков черных фуражек, замечали, что он умел укротить лошадь. Он был *sympathique*^[9]. Поэтому, помимо любимого Геронтия, ему был поручен Фантом, взрывной серо-стальной жеребец, почти неуправляемый. Всю неделю Анри раздумывал, не взять ли на эту роль Фантома. Но сейчас, когда взгляды публики были прикованы к нему, слушая прекрасные звуки скрипок, чувствуя ровный ход Геронтия, он вдруг и в самом деле ощутил себя, говоря словами Ксенофонта, «человеком с крыльями». Он чувствовал на себе восхищенный взгляд Флоренс и знал, что позже прикоснется губами к ее коже, и гарцевал еще искуснее, еще элегантнее. Только конь-ветеран был способен дать такую легкость; от удовольствия он прядал ушами. Вот для чего я создан, подумал Анри с благодарностью. Все, что мне нужно, – здесь. Он видел огни факелов, мерцающие на древних колоннах, слышал глухое постукивание копыт лошадей, которые то медленно сходились, то расходились вокруг него. Он пустил коня легким галопом, чтобы занять место в строю по периметру большого манежа, и на миг позабыл обо всем, кроме Геронтия под собой, который так красиво двигался, так грациозно перебирал копытами, что Анри едва удерживался от смеха. Старый конь красовался.

– Лашапель, выпрямись! Сидишь в седле как крестьянин.

Анри прищурился и увидел Пикара, который сначала поравнялся с ним, а затем обогнал, едва не задев плечом.

– Что ты так ерзаешь? – прошипел тот едва слышно. – Твоя шлюшка наградила тебя чесоткой?

Анри хотел ответить, но Grand Dieu скомандовал: «Левада!» – и шеренга наездников подняла коней на дыбы. Раздались бурные аплодисменты.

Когда передние ноги лошадей вновь коснулись земли, Пикар

отвернулся. Однако его голос был отлично слышен.

– Трахается она тоже как крестьянка?

Анри закусил губу, стараясь не терять хладнокровия. Он не хотел, чтобы его гнев передался добродушному коню. Он слышал, как диктор пояснял технические детали движений ездовых, и пытался собраться с мыслями, сосредоточиться. Еле слышно он повторил слова Ксенофонта: «Гнев подрывает эффективное общение с лошастью». Он не позволит Пикару испортить ему вечер.

– А сейчас, дамы и господа, вы увидите, как месье де Кардон исполнит леваду в центре арены. Обратите внимание, как лошадь сохраняет равновесие, опираясь на задние ноги, согнутые под углом точно в сорок пять градусов.

Краем глаза Анри заметил, как откуда-то сзади появилась черная лошадь, и услышал взрыв аплодисментов. Он заставил себя сосредоточиться, чтобы удерживать внимание Геронтия. Но он не мог забыть лицо Флоренс в тот миг, когда Пикар выкрикивал оскорбления, проезжая мимо нее, как она встревожилась. А что, если она понимает по-французски лучше, чем показывает?

– А сейчас вы увидите Геронтия, из наших самых старых коней, который исполнит каприоль. Это наисложнейшая фигура как для лошади, так и для наездника. Лошадь подпрыгивает, вытягивая в прыжке задние ноги.

Анри осадил Геронтия, потягивая уздечку и слегка пришпоривая. Он почувствовал, как лошадь начала раскачиваться под ним, выполняя тер-а-тер и переходя на галоп. Я им покажу, подумал он. А потом: я ему покажу.

Все остальное исчезло. Был только он и под ним старый бравый конь, набирающий скорость. Потом с криком «Derrière!»^[10] он хлестнул хлыстом коня по крупу и впился шпорами ему в живот. Геронтий прыгнул, вытянув задние ноги горизонтально земле. Анри ослепили вспышки фотоаппаратов. Трибуны вскрикнули в восторге «О-о-о!» и разразились аплодисментами. Легким галопом он направился в сторону красного занавеса, бросив по пути взгляд на Флоренс: она вскочила с места и аплодировала ему, на ее лице сияла гордая улыбка.

– Bon! C’était bon!^[11]

Он спешил, погладил Геронтия по спине и последовал за инструктором. До него доносились одобрительные возгласы, потом темп музыки на арене сменился. Выглянув из-за красного занавеса, Анри увидел, как два других берейтора выполняли фигуры, управляя лошадьми с

помощью двух длинных поводьев.

– Фантом очень нервничает. – Появившийся конюх озабоченно нахмурил черные брови. Он пожурил серого коня, кружившего возле них. – Анри, следи за ним.

– Все будет хорошо, – рассеянно пообещал Анри, приподнимая фуражку и утирая пот со лба.

Конюх передал поводья ждущим наездникам, затем повернулся к Анри и бережно снял с него фуражку. Эта фигура выполнялась без головного убора, дабы исключить возможность, что фуражка случайно съедет и все испортит, и от этого Анри всегда чувствовал себя странным образом незащищенным.

Он смотрел, как стального цвета лошадь ринулась на арену, на шее уже выступил темный пот, двое мужчин едва удерживали ее.

– Давай. Пора. Сейчас. – Инструктор похлопал его по спине и вытолкнул на арену.

Три берейтора стояли рядом с лошадьёю, двое у холки, один сзади.

Анри вышел на залитую ярким светом арену и вдруг пожалел, что у него нет никакой опоры.

– Bonne chance! – услышал он голос конюха, потом его заглушили аплодисменты.

– Дамы и господа, сейчас будет выполнена крупада – фигура, родившаяся в кавалерии в восемнадцатом веке и считавшаяся проверкой способности наездника оставаться в седле. Месье Лашапель поедет на Фантоме без уздечки и стремян. Этот элемент, восходящий к временам античной Греции, является в большей степени испытанием для наездника, чем для лошади. Можно сказать, это более элегантная версия родео.

Послышался смех. Полуослепленный прожекторами, Анри взглянул на Фантома: тот закатывал глаза, побелевшие от нетерпения и еле сдерживаемой ярости. От природы обладая способностями к акробатике, конь не переносил, когда его силой сдерживали в холке. Шум и запахи Карусели только обострили его норов.

– Ш-ш-ш, – прошептал Анри, похлопав по напряженной спине коня. – Все хорошо. Все в порядке.

Он видел, как улыбаются Дюшан и Варжюс, стоящие у холки лошади. Эти опытные наездники были готовы отреагировать на непредсказуемую перемену в настроении животного.

– Держись крепче, дружище. – Варжюс улыбнулся, когда подсаживал его. – Un, deux, trois...^[12] Но!..

Лошадь была крайне напряжена. Это хорошо, сказал Анри сам себе,

выпрямляясь в седле. Адреналин будет способствовать успеху. Публике должно понравиться, и Grand Dieu тоже. Анри с трудом сделал глубокий вдох. И только смиренно скрестив руки за спиной, как того требовала традиция (он всегда чувствовал себя при этом плененным, что было крайне неприятно), Анри понял, кто располагался позади Фантома.

– Посмотрим, какой из тебя наездник, Лашапель, – сказал Пикар.

Времени для ответа не было. Анри вытянул ноги на всю длину, сцепил руки в перчатках за спиной. Слышал, что диктор сказал что-то еще, и почувствовал нарастающее нетерпение на арене.

– Attends!

Варжюс оглянулся. Лошадь пошла в галоп.

– Un, deux, derrière!

Анри чувствовал, как лошадь набирала скорость, слышал, как Пикар ударил хлыстом. Фантом подбросил круп; Анри кинуло вперед, и он едва не расцепил руки за спиной. Лошадь успокоилась, и раздались аплодисменты.

– Неплохо, Лашапель, – услышал он шепот Варжюса, когда тот удерживал Фантома за грудь.

А потом, прежде чем он успел подготовиться, снова раздалась команда «Derrière!». Фантом отбил задними ногами, Анри подбросило вверх и вперед, он с трудом удержался в седле, руки разомкнулись и повисли вдоль туловища.

– Пикар, не так скоро. Ты выбиваешь его из седла, – донесся до Анри раздраженный голос Варжюса.

Потеряв ориентацию, Анри чувствовал, как напряглась спина лошади под ним, слышал едва сдерживаемое ржание коня.

– Две секунды, – прошептал он, пытаясь удержаться в седле. – Дай мне две секунды.

Но тут раздался новый удар хлыстом – сильный, сверху. Конь взбрыкнул, и всадника снова подбросило вверх и вперед. И едва не вышвырнуло из седла.

Разгневанный Фантом прыгнул в сторону, берейторы с трудом удерживали его голову. Варжюс что-то пробормотал в досаде, но Анри не разобрал слов. Они оказались у красного занавеса. Он увидел Флоренс, в желтом платье, заметил растерянность и беспокойство на ее лице. А потом: «Enfin! Derrière!» Он еще не собрался с духом, а сзади уже раздался еще один громкий удар. Его снова бросило вперед, спину скрутило. Фантом, разъяренный ударом хлыста, рванул вперед и в сторону, и в этот момент Анри все же потерял равновесие. Он обхватил шею лошади, украшенную

косичками, полетел вверх тормашками, уцепился за холку, и тут Фантом снова поднял круп. Анри упал на землю, зрители дружно ахнули.

Анри лежал на песке, смутно осознавая поднявшуюся на арене суматоху. Варжюс ругался, Пикар возмущался, диктор смеялся. Анри приподнял голову и услышал:

– Вот чем все закончилось. При выполнении этой фигуры трудно удержаться в седле. В следующий раз повезет больше, месье Лашапель. Как вы видите, дамы и господа, зачастую требуются годы тренировки, чтобы достигнуть высочайшего уровня старших берейторов.

Рядом раздалось «un, deux, trois» и злой шепот Варжюса:

– Садись, садись снова на лошадь.

Анри оглядел себя: его безупречная черная форма оказалась вся в песке. Он вскочил в седло, вытянул руки вниз, и они шагом отправились прочь с арены под сочувственные аплодисменты трибун. Эти звуки принесли ему неведомую прежде боль.

Он оцепенел от шока. Впереди Варжюс и Пикар о чем-то спорили приглушенными голосами, но он не мог разобрать слов, так как кровь ударила ему в голову и у него заложило уши.

– В чем дело? – Варжюс покачал головой. – Никто еще не падал с лошади, исполняя крупаду. Из-за тебя мы попали в глупое положение.

Анри не сразу сообразил, что Варжюс обращался к Пикару.

– Я-то в чем виноват, если Лашапель способен оседлать только английскую потаскуху?

Анри спешил и пошел в сторону Пикара. У него звенело в ушах. Он даже не понял, как нанес первый удар, только услышал, как его кулак врезался в челюсть противника. По хрусту он с удовлетворением понял: что-то сломалось. Потом пришла боль и промелькнула мысль, что это может быть его рука. Лошади заржали и бросились врассыпную. Люди закричали. Пикар лежал на песке, прикрыв лицо ладонью, с круглыми от изумления глазами. Затем с трудом встал на ноги, бросился на Анри и ударил его головой в грудь. Анри задохнулся. Удар мог бы свалить с ног и более крупного мужчину, а Анри был всего метр семьдесят ростом. Но ему приходилось часто драться в детстве, к тому же он шесть лет прослужил в Национальной гвардии. Через несколько мгновений он уже сидел на Пикаре, осыпая ударами лицо, щеки и грудь более молодого противника, вкладывая в удары всю свою ярость, которую копил несколько месяцев.

Кулаки наткнулись на что-то твердое и жесткое. Сильный удар пришелся ему в левый глаз, и он перестал видеть. Во рту был песок. Потом чьи-то руки стали его оттаскивать, бить. Звучали возбужденные,

возмущенные голоса.

– Пикар! Лашапель!

Зрение вернулось к нему, и он поднялся, сплевывая и шатаясь. Скрестил руки на груди. Из-за занавеса доносилось струнное адажио. Перед ним стоял Le Grand Dieu с побагровевшим от гнева лицом:

– Что здесь, черт возьми, происходит?

Анри покачал головой, заметил мелкие брызги крови.

– Месье...

Он тяжело дышал. Только сейчас он начал осознавать масштаб своей ошибки.

– Карусель! – возмущенно выговаривал Le Grand Dieu. – Пример грации и достоинства! Дисциплины! Где ваша выдержка? Вы оба нас опозорили. Отправляйтесь в конюшни. Мне надо закончить представление.

Он вскочил на своего коня. Мимо, пошатываясь и прижимая носовой платок к мертвенно-бледному лицу, прошел Пикар. Анри проводил его взглядом. Вдруг до него дошло, что на арене за занавесом наступила странная тишина. К своему ужасу, он понял, что они все видели. Они знали.

– Есть два пути, – произнес Le Grand Dieu, сидя на своем португальском скакуне. – Два пути, Лашапель. Я вас предупреждал. Вы сделали свой выбор.

– Я не могу... – начал он.

Но Le Grand Dieu уже въезжал на залитую светом арену.

Глава 1

Лошадь, встающая на дыбы, представляет собой такое чудесное зрелище, что зрители, ни млад, ни стар, не могут оторвать от нее глаз.

*Ксенофонт. Об искусстве верховой езды.
350 г. до н. э.*

Август

Поезд в 6:47 до Ливерпуль-стрит был переполнен. Странно, что в столь ранний час уже такая давка. Наташа Макколи едва нашла свободное место. Несмотря на утреннюю прохладу, ей было жарко. Она пробормотала извинения женщине, которой пришлось подобрать полы жакета, чтобы Наташа смогла сесть. Мужчина в костюме, который вошел следом за ней, втиснулся между пассажирами напротив и раскрыл газету, не обращая внимания, что загородил свет женщине, читавшей книгу в мягкой обложке.

Наташа не всегда ездила на работу этим маршрутом, но после юридического семинара ей пришлось заночевать в гостинице в Кембридже. В кармане жакета приятным грузом лежала внушительная пачка визиток солиситоров и барристеров^[13]. Они поздравляли ее с отличным выступлением, говорили, что будут рады встретиться снова, некоторые предлагали работу. Но от дешевого белого вина, которое лилось рекой, у нее урчало в животе, и она на миг пожалела, что не нашла времени позавтракать. Обычно Наташа не пила, и ей трудно было следить за тем, сколько она выпивает на вечеринках, если ее бокал постоянно наполняют, пока она увлечена беседой.

Зажав в руке пластиковый стаканчик с горячим кофе, Наташа открыла ежедневник, дав себе обещание выкроить сегодня чуть больше свободного времени, чтобы прочистить мозги. Обычно на это ей выпадало не более получаса, но теперь она найдет час, чтобы сходить в спортзал. «Позаботиться о себе», как велела мама.

Пока что в ежедневнике было записано:

- * 9:00 ЛА против Сантоса, зал суда 7.
- * Развод Перси. Оценка психического состояния ребенка?
- * Гонорар! Спросить у Линды о состоянии юридической

помощи.

** Филдинг – где отчет свидетельских показаний?
Необходимо отослать факсом сегодня.*

На каждой странице был жесткий, не единожды переписанный список дел по крайней мере на ближайшие две недели. Почти все ее коллеги в «Дэвисон и Бриско» перешли на электронные устройства – электронные записные книжки и приспособления для электронной почты от «Блэкберри», она же предпочитала просто ручку и бумагу. Хотя Линда жаловалась, что не может расшифровать ее каракули.

Наташа отпила кофе, посмотрела на дату, поморщилась и добавила:

** Цветы, извинения, мамин день рождения.*

Поезд приближался к Лондону, равнины Кембриджшира сменялись серыми промышленными городскими окраинами. Наташа смотрела на записи, пытаясь сосредоточиться. Напротив сидела женщина, которая, видимо, считала в порядке вещей есть на завтрак гамбургер с двойным сыром, и подросток, чье отсутствующее выражение лица не вязалось с тяжелым ритмом из его наушников. День обещал выдаться безжалостно жарким: зной проникал в набитый до отказа вагон, передавался и усиливался телами пассажиров.

Наташа прикрыла глаза. Если бы она могла спать в поездах. Зазвонил мобильный. Она подняла веки, порылась в сумочке и нащупала телефон между косметичкой и бумажником. Пришла эсэмэска.

Местные власти в деле Уотсона сдались. Идти в суд в 9:00 не надо. Бен.

В последние четыре года Наташа была единственным адвокатом-солиситором в фирме «Дэвисон и Бриско», гибридом солиситора и барристера, что оказалось полезным, когда это касалось ее специализации – представление в суде детей. Рядом с женщиной, с которой дети провели не один час в кабинете, они не так нервничали в суде. Наташе, со своей стороны, нравилось налаживать отношения с клиентами и поддерживать состязательный дух в работе.

Спасибо. Буду в офисе через полчаса, вздохнув с облегчением, написала она. Потом выругалась про себя: зря пропустила завтрак.

Она уже собиралась убрать телефон, когда он зазвонил снова. Это

оказался Бен, ее стажер.

– Просто хотел вам напомнить, что мы перенесли встречу с пакистанской девочкой на десять тридцать.

– С той, чьи родители спорят по поводу опеки?

Женщина рядом многозначительно кашлянула. Наташа подняла голову и заметила на стекле надпись: «Мобильные телефоны запрещены». Она опустила голову и стала лихорадочно перелистывать страницы своего ежедневника.

– В два у нас также встреча с родителями по делу о похищении ребенка, – прошептала она. – Можешь подготовить документы?

– Уже подготовил. А еще у меня есть круассаны, – прибавил Бен. – Уверен, вы ничего еще не ели.

Для нее это обычное дело. Она подозревала, что, если бы в «Дэвисон и Бриско» отказались от стажеров, она могла бы умереть голодной смертью.

– С миндалем. Как вы любите.

– Бен, подбострастие тебе не поможет.

Наташа закрыла телефон, а потом сумочку. Она доставала из портфеля документы по делу девочки, когда снова раздался звонок. Вокруг недовольно заворчали. Она извинилась, не глядя никому в глаза:

– Наташа Макколи.

– Это Линда. Только что звонил Майкл Харрингтон. Он согласился выступить вместе с тобой в деле о разводе Перси.

– Отлично!

Этот развод предполагал крупные денежные суммы и запутанные условия опекунов. Ей был нужен опытный барристер, который бы взял на себя финансовые вопросы.

– Он хочет обсудить с тобой кое-что сегодня во второй половине дня. Ты свободна в два?

– Да, подходит. – Наташа вспомнила, что убрала ежедневник в портфель. – Ой, постой, что-то у меня на это время назначено.

Женщина похлопала ее по плечу. Наташа прикрыла микрофон рукой.

– Две секунды, – сказала она более резко, чем намеревалась. – Я знаю, что в этом вагоне запрещено пользоваться мобильным телефоном. Простите, но мне необходимо закончить разговор.

Она прижала телефон плечом к уху и попыталась отыскать ежедневник. Раздраженно обернулась, когда женщина снова похлопала ее по плечу.

– Я же сказала, всего....

– Вы пролили кофе на мой жакет.

Наташа посмотрела вниз и увидела, что ее стаканчик угрожающе навис над кромкой кремового жакета.

– Простите. – Она убрала стаканчик. – Линда, можно поменять расписание на сегодня? Мне необходим перерыв.

– Ба!

Когда она захлопывала телефон, кудахтанье секретарши стояло у нее в ушах. Она вычеркнула появление в суде, добавила встречу и уже собиралась убрать ежедневник назад в портфель, когда ее внимание привлек газетный заголовок.

Она подалась вперед, пытаясь удостовериться, что правильно прочитала имя в первом абзаце. Она нагнулась так близко, что мужчина, читающий газету, опустил ее и недовольно нахмурился.

– Можно мне вашу газету на минуту?

Просьба прозвучала столь неожиданно, что он не смог отказать. Она взяла газету в руки, перегнула страницу и прочитала статью дважды. Потом вернула издание владельцу и тихо сказала:

– Спасибо.

Подросток, сидящий рядом, ухмыльнулся. Он не мог поверить, что люди способны вот так нарушить общепринятые правила.

Сара дважды разрежала сэндвичи по диагонали и аккуратно завернула четвертинки в пергаментную бумагу. Один сверток положила в холодильник, второй – в свою сумку, вместе с двумя яблоками. Протерла столешницу влажной тряпкой и осмотрела маленькую кухню на предмет наличия крошек, потом выключила радио. Папá терпеть не мог крошек.

Где-то внизу тележка молочника просигналила, что уезжает со двора. Однажды его тележку угнали, пока он был на пятом этаже, и с тех пор он больше не разносил молоко по этажам. Бутылки для пожилых дам он по-прежнему оставлял под навесом дома напротив, прочим приходилось ходить в супермаркет и везти литровые бутылки в переполненных автобусах или тащить в тяжелых хозяйственных сумках. Если Сара успевала вовремя спуститься, он разрешал ей купить молоко. Как правило, ей это удавалось.

Она посмотрела на часы, проверила бумажный фильтр: вся ли темно-коричневая жидкость просочилась. Каждую неделю она говорила Папá, что настоящий кофе стоит намного дороже, чем растворимый. Он пожимал плечами и отвечал, что есть вещи, на которых не стоит экономить. Она обтерла тряпкой дно кружки и по узкому коридору прошла в его комнату.

– Папá? – Она давно перестала звать его дедушкой.

Сара открыла дверь плечом. Маленькую комнату заливал утренний солнечный свет, и можно было представить, что за окном нечто красивое, пляж или сад. На самом деле за окном был выцветший жилой массив постройки 1960-х в Восточном Лондоне. Напротив кровати – полированное бюро. Щетки для волос и одежды аккуратно разложены под фотографией Нанá. После ее смерти он поставил односпальную кровать. Так просторнее, сказал он. Она знала, что ему было невыносимо одиноко на широкой кровати без ее бабушки.

– Кофе.

– Уходишь? – Старик сел в кровати, нащупывая очки на прикроватной тумбочке. – Который час?

– Начало седьмого.

Он взял часы, прищурился. Мужчина, на котором обычная одежда сидела как униформа, в пижаме выглядел странно беззащитным. Он всегда был одет подобающе.

– Успеешь на шесть десять?

– Если бегом. Сэндвичи в холодильнике.

– Скажи безумному ковбою, я рассчитаюсь с ним сегодня.

– Я ему уже сказала вчера, Папá. Все в порядке.

– И пусть соберет яйца. Завтра они нам пригодятся.

Сара успела на автобус, но только потому, что тот на минуту опоздал. Тяжело дыша, она вошла в салон, увесистая сумка оттягивала плечо. Показала карточку, села, кивнула индианке с ведром и шваброй, которая каждый день оказывалась на сиденье напротив.

– Красиво, – сказала женщина, когда они проезжали мимо букмекерской конторы.

Сара оглянулась на убогие улицы, освещенные неярким утренним светом.

– Будет красиво, – заключила она.

– Ты упаришься в этих сапогах, – заметила индианка.

– У меня есть запасные. – Сара похлопала по сумке.

Они смущенно улыбнулись, испугавшись, что вдруг разговорились после стольких месяцев молчания. Сара устроилась поудобнее и стала смотреть в окно.

Дорога до «Ковбоя Джона» занимала семнадцать минут или в три раза дольше, когда на востоке по пути в Сити образовывались заторы. Обычно она приезжала раньше Джона и была единственным человеком, кому он доверял запасные ключи. Как правило, Сара выпускала кур к тому времени,

когда он, медленно шагая на негнущихся ногах, появлялся на дороге. Часто можно было услышать, как он пел.

Когда Сара возилась с замком на воротах, залаяла Шеба, немецкая овчарка. Узнав Сару, собака села и стала бить хвостом в ожидании. Сара бросила ей угощение и прошла на маленький двор, захлопнув за собой калитку.

Когда-то в этой части Лондона было множество конных дворов, располагавшихся в конце узких, мощенных булыжником улиц, за амбарными дверями, под арками. Лошади возили подводы с пивом, телеги с углем и старьем. Никто не удивлялся, увидев в субботний вечер верховую лошадь – любимицу семьи или пару рысаков на прогулке в парке. «Ковбой Джон» был одним из конных дворов, уцелевших до настоящего времени. Он располагался в конце узкого переулочка, выходящего на центральную улицу, под четырьмя железнодорожными арками, и вмещал три или четыре конюшни со стойлами. Перед арками находился окруженный стеной двор, мощенный булыжником. Во дворе были сложены штабеля поддонов, клетки для кур, ведра, пара контейнеров для мусора и всякая всячина, которой торговал Ковбой Джон. Была там еще жаровня, в ней всегда горел огонь. Приблизительно каждые двадцать минут над головой с грохотом проносился пригородный поезд, но ни люди, ни животные не обращали на это внимания. Куры клевали, коза жевала что-нибудь, явно для этого не предназначенное, а Шеба лениво смотрела на мир за воротами своими янтарными глазами, готовая облаять любого, кто не числился в ее списке.

В настоящее время в конюшне на постоянном содержании было двенадцать лошадей. Среди них числились близнецы клейдесдальской породы, принадлежавшие ломовому извозчику на пенсии Тони, рысаки с изящными шеями и дикими глазами – собственность Мальтийца Саля и его букмекерской конторы, а также целый выводок неряшливых пони, чьими хозяевами были местные ребята. Сара даже не могла сказать, сколько людей знают об их существовании. Сторож в парке знает: он регулярно выгонял их с общественной территории, и еще они получали письма, адресованные «владельцам лошадей в арках Спеапенни-лейн» и содержащие угрозы подать в суд, если они будут продолжать нарушать закон. Ковбой Джон смеялся и выбрасывал письма в жаровню, протяжно приговаривая: «Насколько мне известно, лошади здесь появились первыми».

Он утверждал, что является членом «Черных ковбоев Филадельфии». Это были не настоящие ковбои, то есть, по крайней мере, они не занимались скотоводством на ранчо. Он говорил, что в Америке есть

городские конные дворы вроде этого, только больше. Там можно содержать и тренировать своих животных, туда приходят дети, чтобы учиться. Так они не будут обречены на жизнь как в гетто. Он приехал в Лондон в шестидесятых, вслед за женщиной, с которой, как оказалось, «было слишком много проблем». Город ему понравился, но он скучал по лошадям. И он купил чистокровную лошадь с перебитыми коленями на рынке Саутхолл и практически бесхозные стойла викторианского времени у муниципалитета. Впоследствии муниципалитет не раз пожалел об этой сделке.

Теперь «Ковбой Джон» был предприятием или помехой, это как посмотреть. Для чиновников из муниципалитета – помехой. Они постоянно посылали предупреждения о состоянии окружающей среды и борьбе с вредителями, хотя Джон неустанно повторял, что они могут просидеть здесь хоть всю ночь, облитые сырным соусом с головы до ног, и не дожидаться ни одного грызуна: у него имелся поисковый отряд отважных кошек. Для застройщиков и строителей – тоже помехой. Они хотели бы втиснуть на эту территорию многоквартирные дома, а Ковбой Джон продавать землю отказывался. Большинство соседей на Джона не жаловались, останавливались поболтать с ним по-дружески или купить что-нибудь из свежих овощей. Местные рестораны его обожали. Ранджит или Нила из «Радж-Паласа» прибегали, если им нужны были яйца, или курица, или козлятина. И потом были такие, как Сара. Она проводила здесь все свободное от школы время. Аккуратная викторианская конюшня с покачивающимися скирдами сена и соломы давала ей укрытие от безжалостного шума и суеты городских улиц.

– Ты еще не выпускала этого глупого гуся?

Ковбой Джон появился, когда она бросала сено в кормушку пони. На старике была шляпа стетсон – на случай, если кто-то не догадается, кто он такой. Впалые щеки блестят от испарины – он курил на ходу, а солнце уже грело.

– Не-а. Он меня за ноги щиплет.

– Меня тоже. Надо спросить в новом ресторане, не нужен ли им гусь. Черт, у меня все щиколотки в шрамах.

Они смотрели на жирную птицу, которую Джон купил из прихоти на прошлой неделе на рынке.

– Соус из чернослива! – гаркнул он, и гусь зашипел в ответ.

Сара не могла вспомнить, когда начала проводить почти все свободное время на Спеапенни-лейн. Когда она была совсем маленькой, Папá сажал ее на косматых шетландских пони Ковбоя Джона, а Нанá неодобрительно

шикала: ей казалось, Папá не должен передавать девочке свою страсть к лошадям. Когда ее мать в первый раз ушла из дому, Папá привел ее сюда, чтобы она не слышала, как плачет Нанá. Или когда мать в редких случаях появлялась в доме, она кричала на нее и приказывала не горбиться.

Здесь Папá научил ее ездить верхом. Бегал по переулкам туда-обратно, пока она не научилась ездить рысью, подпрыгивая в седле. Папá возмущался тем, как некоторые содержат своих лошадей в конюшне Ковбоя Джона. Говорил, что если они живут в городе, то это не освобождает их от обязанности тренировать животное каждый день. Он не разрешал ей есть прежде, чем будет накормлена лошадь. Принимать ванну, пока она не начистит до блеска свои сапоги. А потом, когда умерла Нанá, появился Бошер, которого они звали Бо. Им тогда нужно было на что-то отвлечься, найти повод уходить из опустевшего дома. Потом, когда Сара стала подростком, Папá показалось, будто наивную девочку поджидают опасности, и он решил, что ее надо чем-нибудь увлечь. Он стал тренировать жеребенка медной масти и свою внучку, причем тренировки далеко выходили за рамки того, что местные детишки называли верховой ездой: мчаться по улицам, подпрыгивая на спине пони, пока впереди не покажутся болота; скакать через скамейки в парке, ящики с фруктами и любые другие препятствия, вызывающие восторг. Папá был очень взыскательным к тому, чего другие даже не видели: правильный, до миллиметра, угол сгиба ноги, совершенно неподвижные руки. Он мучил Сару, пока она не начинала плакать: ей так хотелось дурачиться со сверстниками, а он не разрешал. И не только потому, что Папá хотел защитить ноги Бо от бетонированных дорог, а потому, что, как он говорил, ей нужно учиться и единственный способ достичь чего-то – это труд и дисциплина.

Папá до сих пор повторяет эти слова. Поэтому Джон и другие зовут его Капитаном. Сначала это было нечто вроде шутки, но она знала, что они его слегка побаиваются.

– Чая хочешь? – Ковбой Джон указал на чайник.
– Нет. У меня всего полчаса. Нужно быть сегодня в школе пораньше.
– Ты еще работаешь над своими трюками?
– Сегодня, – сказала она с подчеркнутой вежливостью, – мы будем отрабатывать езду рысью с переменой ног в воздухе, с элементами пиаффе. По приказу Капитана. – Она погладила лоснящуюся шею лошади.

Ковбой Джон ухмыльнулся:

– Надо будет обязательно сказать это твоему старику. В следующий раз, когда мимо будет проезжать цирк, они ему проходу не дадут.

Почти каждую неделю Наташа встречала детей, уже знакомых со сферой правосудия. Их приводило сюда либо предписание суда за злостное нарушение порядка, либо ордер на арест несовершеннолетнего. Время от времени такие случаи даже попадали в печать. Но нынешний юный клиент поразил ее не только жестокостью своего преступления, но и собственной судьбой. Истории детей, с которыми она имела дело, были полны отчаяния, насилия и небрежения со стороны взрослых. В большинстве случаев Наташе удавалось выслушивать их без содрогания. За десять лет она узнала столько подобных вещей, что они перестали вызывать сочувствие, – она лишь прикидывала в уме, ее ли это компетенция. Проверяла, подписаны ли документы об оказании юридической помощи. Гадала, насколько сильна будет защита, можно ли верить словам свидетеля. Как и всем остальным, подростку по имени Али Ахмади было суждено стереться из ее памяти, превратиться в название папки-дела, записью в реестре суда, о которой вскоре забыли.

Он вошел в ее кабинет два месяца назад: настороженный, с отрешенным взглядом, выдававшим недоверие и отчаяние, что часто встречается у подобных ему. На ногах дешевые, явно кем-то подаренные кроссовки, слишком широкая рубашка мешком висела на тощей груди. Ему было необходимо предписание суда о критическом положении, чтобы его не выслали обратно в страну, которая, по его словам, чуть его не погубила.

– Я, в общем-то, не занимаюсь вопросами иммиграции, – объяснила Наташа, но Рави, который вел такие дела, был в отпуске, и требовалось срочно его подменить.

– Наташа, пожалуйста, помогите, – сказала приемная мать, – я вас знаю. Вы можете.

Два года назад Наташа уже представляла в суде другого ее ребенка. Она просмотрела документы, подняла голову и улыбнулась мальчику. Он улыбнулся в ответ, но не сразу. Улыбка вышла не уверенной, а скорее умиротворенной. Будто этого от него и ждали. Она изучала записи, а он тем временем начал говорить, все больше волнуясь. Женщина переводила, он объяснял жестами слова, которых она не понимала.

Его семью преследовали как политических диссидентов. Отец пропал по пути из дому на работу. Мать избили на улице. Потом и она пропала, как и ее сестра. Али был в таком отчаянии, что почти две недели шел пешком до границы. Когда он говорил, из глаз лились слезы, он утирал их, стесняясь. Если он вернется на родину, его убьют. Ему было пятнадцать.

В общем-то, малопримечательная история.

Линда караулила у двери:

– Не могла бы ты позвонить секретарю судьи? Хорошо бы получить зал суда четыре.

Когда они уходили, Наташа положила руку на плечо мальчика и только тогда поняла, какой он высокий. Казалось, он уменьшился в размерах, пока рассказывал свою историю. Как будто рассказ сплющил его тело.

– Сделаю все, что в моих силах, – пообещала она, – но все же, мне думается, вам лучше обратиться к кому-то другому.

Она добилась для него постановления в суде и была готова забыть о нем навсегда, но перед уходом из зала, пока убирала бумаги в портфель, заметила, что он снова плачет в углу, беззвучно всхлипывая. Ошеломленная, она отвела глаза, когда проходила мимо, но он вырвался из рук приемной матери, снял с шеи цепочку и вложил ей в ладонь. Он не смотрел на нее, даже когда она сказала, что не стоило этого делать. Просто стоял, опустив голову и согнувшись вопросительным знаком. Прижал ладони к ее ладоням, хотя его религия запрещала это. Она не забудет, как его руки обхватили ее пальцы, совсем по-взрослому.

Те же руки два дня назад поздно ночью предприняли «продолжительную и порочную атаку» на безымянную пока двадцатилетнюю продавщицу в ее собственном доме.

Снова зазвонил телефон, и снова раздалось шиканье, в этот раз нескрываяемо возмущенное. Наташа в очередной раз извинилась, встала, собрала вещи и начала протискиваться к выходу в битком набитом вагоне. Поезд неожиданно качнуло влево. Пытаясь удерживать равновесие, с портфелем под мышкой, она добралась до тамбура и нашла свободное место у окна в максимальной близости к вагону, где было разрешено пользоваться мобильными телефонами. Звонок оборвался, она уронила сумки и выругалась: напрасно лишилась места. Наташа уже хотела убрать телефон в карман, когда увидела сообщение на экране:

Привет. Нужно забрать кое-что из вещей. В любое удобное для тебя время на следующей неделе. Мак.

Мак. Не мигая, она смотрела на маленький экран, и все вокруг застыло. Мак.

У нее не было выбора.

Без проблем, написала она в ответ.

Когда-то в этом уголке Сити находились сплошные конторы солиситоров. Они размещались одна за другой в зданиях диккенсовских

времен. Вывески с золотыми буквами обещали представительство по вопросам бизнеса, налогов и семьи. Большинство давно переехало на окраины Сити в новые бизнес-центры из стекла и бетона, спроектированные современными архитекторами, дабы подчеркнуть, что их обитатели смотрят на мир на уровне двадцать первого века. Фирма «Дэвисон и Бриско» пока не вписалась в этот тренд, и кабинет Наташи, тесный, набитый книгами, в дышащем на ладан георгианском здании, в котором размещались офисы еще пяти юристов, больше напоминал кабинет университетского профессора, чем офис коммерческого предприятия.

– Вот бумаги, которые вы просили. – Бен, долговязый прилежный молодой человек с гладкими щеками, какие могут быть только у двадцатипятилетнего, положил перед ней папку с розовыми тесемками. – Вы не притронулись к круассанам.

– Извини. – Она пролиستала содержимое папки. – Нет аппетита. Бен, окажи услугу. Отыщи мне, пожалуйста, дело Али Ахмади. Юридический анализ на предмет критического положения. Месяца два тому назад.

Потом взглянула на газету, которую купила на вокзале, пытаясь убедить себя, что прочитанное – не более чем галлюцинация из-за недосыпа.

Открылась дверь, и вошел Конор, в синей рубашке в полоску, которую она подарила ему на день рождения.

– Доброе утро, Дока. – Он перегнулся через стол и нежно поцеловал ее в губы. – Как все вчера прошло?

– Хорошо. Очень хорошо. Я по тебе скучала.

– У меня были мальчики. Прости, ты же знаешь, как это. Пока мне не разрешат видаться с ними чаще, не хочу пропускать свидание.

– Приятно провели время?

– Оторвались по полной. «Гарри Поттер» на дивиди, тосты с фасолью. Мы едва не разнесли дом в пух и прах. Кровать в отеле не показалась слишком широкой без меня?

Она откинулась на спинку стула:

– Конор, мне тебя очень не хватало, но к полуночи я была так измотана, что могла бы уснуть и на скамейке в парке.

Снова вошел Бен, кивнул Конору, положил перед ней на стол папку:

– Мистер Ахмади.

– Насколько мне помнится, ты занималась этим делом о депортации пару месяцев назад. – Конор посмотрел на нее с любопытством. – С чего снова в нем копать?

– Бен, принеси мне, пожалуйста, свежего кофе. Из кафетерия, не ту

коричневую бурду, что Линда делает.

– И мне. – Конор протянул банкноту. – Двойной эспрессо. Без молока.

– Ты себя так убьешь, – заметила она.

– С Божьей помощью, я делаю это эффективно. Ладно. – Он заметил, что она ждет, пока не уйдет Бен. – В чем дело?

– Вот. – Она протянула газету со статьей.

– А, твой парень! – Он быстро пробежал текст глазами.

– Ну да. – Наташа вытянула руки и на секунду опустила голову на стол. Потом взялась за круассан с миндалем. – Мой парень. Не знаю, может, стоит сообщить Ричарду?

– Старшему партнеру? Только не это! Зачем тебе власяница, Дока?

– Преступление-то серьезное.

– Предугадать ты его не могла. Наташа, не бери в голову. Это все лишь часть работы, милая. Сама знаешь.

– Знаю. Просто это так... так жутко. Он был такой.... – Она покачала головой, вспомнив. – Не понимаю. Не похоже это на него.

– Не похоже. – Конор засмеялся.

– Да, не похоже. – Она сделала большой глоток остывшего кофе. – Невыносимо участвовать в чем-то столь ужасном. Я ощущаю свою ответственность.

– С чего бы? Ты заставила его напасть на девушку?

– Ты прекрасно знаешь, я имела в виду совсем другое. Я хорошо подготовила дело и помогла ему остаться в стране. Я несу ответственность за то, что он здесь.

– Потому что ни у кого другого это не получилось бы, так?

– Ну...

– Не изводи себя. – Конор постучал по папке. – Если бы этим делом занимался Рави, он был бы на твоем месте. Забудь. И не заикливайся. Встретимся вечером, выпьем чего-нибудь. Сходим в «Арчеры»? Знаешь, они теперь предлагают тапас.

Но Наташа была мастером давать советы, а не следовать им. Через какое-то время она во второй раз раскрыла дело Ахмади, пытаясь найти хоть какое-то объяснение, почему этот мальчик, который так плакал и так нежно сжимал ее руки, оказался способен на акт насилия. Она не могла этого понять.

– Бен, найди мне атлас.

– Атлас?

Через двадцать минут стажер принес атлас – потрепанный, в тряпичном переплете, корешка не видно из-за заплат.

– Скорее всего, он устарел. Там упоминается Персия и Бомбей, – сказал он, извиняясь. – Лучше поискать в Интернете. Хотите, я найду?

– Я луддит, Бен. – Наташа принялась листать страницы. – Ты же знаешь. Мне нужно видеть на бумаге.

Сама не зная почему, она решила найти место, откуда мальчик был родом, запомнила название города. И когда она водила пальцем по странице, ее вдруг осенило – никто из социальных работников, никто из ее коллег-юристов, ни даже приемная мать не задали Али очевидный вопрос: как он смог пройти пешком девятьсот миль за тринадцать дней?

Вечером Наташа сидела в баре и кляла себя за то, что не проверила все досконально. Она рассказала историю Конору, и он отрывисто, мрачно рассмеялся. Потом пожал плечами:

– Ты же знаешь, эти дети готовы на все. Будут говорить то, что, по их мнению, ты хочешь услышать.

Она встречалась с такими детьми каждый день: с беженцами, с перемещенными или безнадзорными, с подростками, которые не слышали ни одного доброго слова и не знали теплого объятия, с преждевременно ожесточившимися подростками, чей разум направлен на выживание любой ценой. Ей казалось, она понимает, кто из них лжет: девочки, которые не хотели жить дома и поэтому утверждали, что родители жестоко с ними обращаются; люди, просившие убежища, которые клялись, что им одиннадцать или двенадцать, хотя их щеки покрывала вполне взрослая щетина. Она привыкла встречаться с одними и теми же малолетними правонарушителями: нескончаемый цикл проступков и поддельного раскаяния. Но Ахмади ее тронул.

Конор проявил неподдельный интерес:

– Слушай, ты уверена, что правильно нашла место?

– Название в протоколах. – Она попросила проходившего мимо официанта принести ей минеральной воды.

– И он в самом деле не мог пройти такое расстояние?

– Меньше чем за две недели? – спросила она с невольным сарказмом. – Семьдесят миль в день. Я подсчитала.

– Не знаю, почему тебя это расстраивает. Когда ты его представляла, тебе это было неизвестно, поэтому какое это теперь имеет значение? Ты не обязана ничего говорить. Ты вообще ничего не обязана предпринимать. Черт возьми, такое случается со мной постоянно. Половину клиентов приходится просить закрыть рот на первой же встрече, пока они не сказали чего-то, что я не должен слышать.

Наташа хотела возразить: если бы она проверила его рассказ сама, смогла бы раньше догадаться, что Ахмади лжет. Могла бы отказаться от дела под предлогом «душевного дискомфорта». Это часто заставляет людей более тщательно изучать факты. Можно было бы уберечь от беды ту женщину, неизвестную продавщицу двадцати шести лет. Но Наташа лишь бегло просмотрела записи. И позволила парню ускользнуть, исчезнуть в лондонских лабиринтах, полагая, что он хороший мальчик, который не предстанет перед судом вновь.

– Если он солгал о том, как попал в Англию, мог солгать о чем угодно.

– Выкинь ты это из головы. – Конор откинулся на спинку кресла и сделал большой глоток вина. – Несчастному ребенку удалось избежать высылки в богом забытую дыру. Ну и что? Забудь.

Даже имея дело с самыми трудными случаями, Конор надевал маску сангвиника: выйдя из зала суда, расточал улыбки и с радостным видом пожимал всем руки, будто ему все равно, выиграл он или проиграл. Он похлопал себя по карманам:

– Возьми мне еще один бокал. Иначе придется бежать в банкомат.

Она стала рыться в сумочке в поисках бумажника, и ее пальцы запутались в чем-то. Она потянула и вытащила на свет амулет – маленькую шероховатую на ощупь серебряную лошадку, которую Ахмади дал ей в тот день, когда она выиграла его дело. Она собиралась послать амулет ему домой – не так уж много у него ценностей, чтобы их раздаривать, – но совершенно об этом забыла. Теперь он напоминал ей о совершенной ошибке. Вдруг на память пришло странное для города видение, которое явилось ей в то утро.

– Конор, сегодня я видела нечто странное.

Пятнадцать минут поезд стоял в тоннеле на подъезде к Ливерпуль-стрит. Этого времени было достаточно, чтобы температура в вагонах повысилась, люди стали беспокойно ерзать на сиденьях и выражать недовольство. Связь в тоннеле не работала, и ее телефон замолчал. Оставалось лишь смотреть в черноту и думать о бывшем муже, который еще не совсем стал бывшим.

Она пошатнулась: поезд, скрежеща раскаленным металлом, дернулся и выехал из тоннеля на солнечный свет. Она не будет думать о Маке. Не будет думать об Ахмади, который оказался совсем не тем, за кого себя выдавал.

И в этот миг явилось видение. Оно так быстро исчезло, что, даже выгнув шею и оглянувшись назад, пытаясь рассмотреть, что это было, Наташа сама себе не могла сказать, видела она это на самом деле или ей

пригрезилось. Видение растворилось в залитых маревом улицах и палисадниках, в покрытых сажей балконах и пропитанных свинцом веревках с развешанным бельем.

Но оно не оставляло Наташу весь день, даже когда поезд уже доставил ее в подернутый дымкой центр Сити. Посреди пустынной, мощенной булыжником улицы, зажатой между многоэтажными жилыми домами, вдоль которой располагались станции обслуживания грузовиков и припаркованные автомобили, стояла молодая девушка с длинной палкой в руке – не для угрозы, а для обучения.

А над ней возвышалась огромная лошадь, которая сохраняла равновесие, стоя на задних ногах, лоснящихся и мускулистых.

Наташа бросила кулон в сумочку, едва скрывая дрожь.

– Ты меня слушаешь?

– Прости, не разобрал, что ты сказала.

Он читал газету. Потерял интерес. Он же сказал: не зацкливайся. Можно подумать, он сам был на это способен.

Она пристально посмотрела на него:

– Уже ничего. Пойду раздобуду вина.

Глава 2

Позаботьтесь, чтобы жеребенок был добрым, послушным и любил людей... Таким его обычно делают дома.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Коня, подобного Бо, нечасто увидишь на заднем дворе в Восточном Лондоне. Он не был тяжелой ломовой лошастью с мохнатыми ногами или породистым иноходцем с овечьей шеей, которого можно быстро запрячь в двуколку, чтобы организовать подпольные бега на шоссе с двусторонним движением. Результаты заносятся в личные записные книжки, после чего кругленькие суммы, выигранные на незаконных пари, переходят из рук в руки. Не был он и хорошо обученной в школе верховой езды лошадью из Гайд-парка. Или одной из множества разновидностей низеньких крепких пони, черно-белых или коричневых, которые с разной степенью добродушия позволяли на себе ездить вниз по ступеням, перепрыгивать через пивные бочки или запихивать себя в лифт, чтобы потом их хозяева могли со смехом и гиканьем скакать по балконам многоквартирных домов.

Бо был *Selle Français*, французским селем, ширококостной чистокровной верховой лошастью, с более крепкими ногами и более сильной спиной, чем предполагала эта порода. Он отличался спортивностью и уверенным шагом. Спина с короткой поясницей позволяла ему хорошо прыгать, а ласковый, почти как у собаки, нрав делал его уступчивым и добродушным. Его совершенно не беспокоил шум транспорта, и он не переносил одиночества. Ему быстро становилось скучно, и Папа повесил столько мячей на веревках у него в стойле, что Ковбой Джон шутил: старик, вероятно, прочит коняге место в баскетбольной лиге.

Другие дети у Сары в школе и во дворе получали удовольствие от подарков и сюрпризов, от гонок на угнанных автомобилях по пустырям, которых становилось все меньше; они тратили часы, чтобы вырядиться под какую-нибудь знаменитость, штудировали модные журналы с большей тщательностью, чем школьные учебники. Она ко всему этому была равнодушна. В первый раз надев на лошадь седло и вдохнув знакомый запах теплого тела и чистой кожи, обо всем другом она забыла.

Когда Сара ехала верхом на Бо, все неприятное, уродливое и удручающее исчезало. Она забывала, что была самой худенькой девочкой в классе, что ей одной ни к чему было носить лифчик, что только у нее и Рени, турчанки, с которой никто не разговаривал, не было мобильного телефона и компьютера. Забывала, что, кроме Папá, у нее никого нет на свете.

Если описать ее чувства к своей лошади, пока все складывалось хорошо, то это будет: благоговение перед ее могуществом, ощущение абсолютной силы под собой и восхищение тем, на что лошадь была способна ради нее. Бо плохо себя вел, только если она забывала, как правильно его попросить. Это случалось, когда ее беспокоили неприятности в школе, или ее мучила жажда, или она была усталой. Когда у них все получалось, он излучал такое добродушие, что у нее возникал комок в горле. Бо был ее, и он был особенный.

Тем, кто не разбирался в лошадях, Папá говорил, что он был как «роллс-ройс» по сравнению с трактором: все тонко настроено, все быстро реагирует, все элегантно. Разговаривать с ним следует тихим голосом, на него нельзя кричать, и его нельзя шлепать. С ним у вас происходит слияние ума и воли. Она просила Бо что-то сделать, тот сосредоточивался, напрягал мышцы, опускал массивную голову на грудь и делал. Его потолком был потолок Сары. Дедушка говорил, у Бо самое большое сердце, какое он встречал у лошади.

Так было не всегда. У Сары осталось два шрама на руке в форме полумесяца – след от укуса. Когда они приучали Бо к поводьям, случалось, он срывался с поводьев и скакал по парку, размахивая хвостом, будто знаменем. Испуганные мамочки с колясками визжа разбежались в разные стороны, а Папá громко молился на французском, чтобы лошадь не столкнулась с автомобилем. Каждый раз Папá говорил, что это Сара виновата. Иногда ей хотелось даже накричать на него. Но теперь она стала опытней и понимала его правоту.

Возможно, лошади формируются человеком в большей степени, чем другие создания. Они могут быть от природы пугливыми или строптивыми, но их реакция на окружающий мир определяется исключительно тем, как с ними обращаются. Ребенок даст вам второй шанс, потому что хочет быть любимым. Собака подойдет к вам, поджав хвост, даже если вы побили ее. Лошадь же не позволит приблизиться ни вам, ни кому-нибудь другому. Поэтому Папá никогда не повышал на Бо голоса. Никогда не выходил из себя и не отчаивался, даже если было очевидно, что Бо неуправляем и непослушен, как подросток.

Теперь он вырос, ему было восемь лет. Достаточно обучен, чтобы хорошо себя вести, достаточно умен, чтобы его шаг был летящим, элегантным. Чтобы увезти Сару из этого сутолочного города к ее будущему. Если Папá не ошибался, а ошибался он редко.

Опершись на швабру, Ковбой Джон смотрел сквозь ворота на парк, где девочка на лошади нарезала небольшие круги легким галопом, время от времени замедляя ход, чтобы похвалить лошадь или дать ей передохнуть. На ней не было головного убора – редкий акт неповиновения, поскольку дед не позволил бы ей сесть на этого коня с непокрытой головой. На солнце ее волосы ярко блестели, так же как круп лошади. Мимо нее на велосипеде проехал почтальон. Он что-то крикнул ей, она помахала ему рукой, не поворачивая головы, занятая своим делом.

Она была хорошей девочкой, в отличие от большинства детей, которые сюда приходили. Те будут гонять по пустынным улицам, пока копыта лошади не потрескаются. Сунут лошадь в стойло, потную и изможденную, и убегут домой, обещая на ходу, что завтра мать или отец обязательно заплатят за аренду. Дерзят взрослым, тратят деньги, выданные на школьные завтраки, на сигареты, которые он у них конфисковывал.

– Мне плевать на ваши легкие. Не хочу, чтобы вы обкуривали моих старичков, – обычно говорил он, сам при этом затягиваясь сигаретным дымом.

Последнюю пачку он отобрал у мальчишки, которому было не больше восьми.

Ковбой Джон подумал, что Сара Лашапель вряд ли выкурила хоть одну сигарету. Капитан держал ее в строгости, как и этого коня: никаких ночных развлечений, никакого алкоголя и сигарет, никакого шатания по улицам. Девочка не роптала. Ее он, похоже, тоже выдрессировал.

Не то что ее мать.

Джон снял шляпу и утер лоб. Жара уже проникала в кожу сквозь выдавший виды стетсон. Мальтиец Саль уверял, что, если передать ему заведение, лошадь Капитана будет здесь в безопасности, как и лошади других хозяев, вовремя вносящих арендную плату. И, как это было уже сорок лет, здесь по-прежнему будет конюшня.

– Мне нужна база, – не раз повторял он Джону. – Это рядом с домом, и лошадям здесь хорошо.

Он говорил так, будто все уже решено. Джону хотелось сказать, что этот ветхий старый двор станет рынком, где можно будет купить и продать что угодно, но такому, как Саль, говорить это нельзя. В особенности

принимая во внимание деньги, которые тот предлагал.

Правда заключалась в том, что Ковбой Джон устал. Он мечтал поселиться в деревне, обменяв свой дом на маленький коттедж с участком, где его лошади могли бы щипать травку. Жизнь в городе становилась все уродливее, а он – все старше. Он устал воевать с муниципалитетом, собирать битые бутылки, которые каждую ночь пьянчуги и просто идиоты бросали через ворота и о которые животные могли бы пораниться. Устал ссориться с детьми, которые отказывались заплатить долг. Все чаще он рисовал себе картину, где он сидит на пороге дома, смотрит вдаль и до самого горизонта видит только зеленую траву.

Саль сохранит здесь конный двор. И деньги предлагает хорошие, достаточно, чтобы воплотить мечту Джона. И все же... Несмотря на деньги, несмотря на мечту о покое, мечту видеть, как его старые кони машут хвостами в высокой траве, что-то внутри мешало ему отдать двор этому человеку. Что-то подсказывало ему, что обещания Салья ничего не стоят.

– Bon anniversaire!^[14]

Сара возилась с ключом, который не хотел вытаскиваться из замка, и услышала голос деда, еще не видя его самого. Улыбнулась:

– Merci!^[15]

Она ожидала увидеть на кухонном столе торт, как в прошлом году. Но торта не было. Она миновала коридор и застала деда перед телевизором.

– Voilà!^[16] Садись, – велел он, целуя в обе щеки.

На нем был его лучший галстук.

Она украдкой взглянула на маленький кухонный стол:

– Мы не будем пить чай?

– Пицца. Чуть позже. Ты выбираешь. – Он протянул ей проспект.

Пицца с доставкой на дом – большая для них редкость.

– Чуть позже?

Она бросила школьную сумку и села на диван, чувствуя возрастающее волнение. Папá выглядел таким довольным, на губах – легкая улыбка. Она не могла припомнить, когда видела его таким в последний раз. После того как Нанá умерла четыре года назад, он ушел в себя и оживлялся только при виде Бо. Сара знал, что он ее любит, но это была любовь, которую не увидишь по телевизору: он не говорил ей нежных слов, не спрашивал, что у нее на душе. Он заботился, чтобы она была накормлена, умыта и сделала уроки. Научил ее быть практичной, обращаться с деньгами, чинить и

штопать. И верховой езде. Они оба освоили, как пользоваться стиральной машиной, вести домашнее хозяйство и покупать продукты на неделю с минимальными затратами. Когда она грустила, он клал руку ей на плечо, иногда подбадривал. Когда она теряла голову от волнения, ждал, пока не успокоится. Если поступала неправильно, открыто выказывал свое недовольство неодобрительным взглядом. Одним словом, он обращался с ней будто с лошадью.

– Сначала, – сказал он, – мы кое-что посмотрим.

Она проследила за его взглядом и увидела DVD-плеер. Когда она уходила из дому утром, его не было.

– Ты купил мне дивиди-плеер? – Она нагнулась и провела пальцем по блестящей металлической поверхности.

– Он не новый, – сказал Папá, извиняясь, – но parfait^[17]. И не краденый. Купил на распродаже.

– И мы можем смотреть что угодно? – возбужденно спросила она.

Она сможет брать напрокат фильмы, как другие девочки в школе. Всякий раз, когда речь заходила о фильмах, она всегда была не в курсе новинок.

– Не просто что угодно. Мы посмотрим с тобой un spectacle^[18]. Но сперва... – Он достал бутылку, торжественно открыл ее и разлил вино по бокалам. – Четырнадцать. Доросла до вина.

Он кивнул и протянул ей бокал. Она сделала глоток, стараясь скрыть, что вино показалось ей слишком кислым. Она бы предпочла диетическую кока-колу, но не отважилась попросить, чтобы не испортить торжественности момента.

С довольным видом дед надел очки, взял пульт управления и уверенно нажал на кнопку: явно тренировался до ее прихода. Экран телевизора ожил, дед сел на диван рядом, держа спину прямо, несмотря на мягкие подушки. Отпил из своего бокала. Было видно, что ему хорошо, и она прильнула к нему.

Заиграла классическая музыка, и белая лошадь пронеслась по экрану.

– Что это?

– Кадр-Нуар. Куда мы с тобой стремимся.

Даже любители лошадей мало знали о Кадр-Нуар, загадочной организации элитных французских наездников, существующей с 1700-х годов в неизменном, узнаваемом виде. Академия, где могут возникнуть жаркие споры о величине угла, под которым должны сгибаться задние ноги

лошади, когда она выполняет фигуры, возникшие тысячу лет назад, такие как крупада или левада. Наездники носили там старинную черную форму. В год принимали не больше одного-двух новых членов. Упор делался не на материальную выгоду или передачу навыков и знаний широким массам, но на достижение высшего мастерства в таких вещах, которые обычные люди даже не замечали. Если бы вы об этом знали, то невольно спросили бы: а зачем все это? Но все, кому довелось увидеть, как эти лошади двигаются под своими серьезными всадниками, как они образуют абсолютно симметричный строй или выполняют потрясающие прыжки, нарушающие все законы притяжения, как они перебирают ногами в танце, как подчиняются воле наездников, не могли остаться равнодушными к их послушанию, красоте и потрясающей ловкости. Возможно, даже если вы не любите лошадей или французов, то будете рады, что такая организация существует.

Сара смотрела сорокаминутное представление молча. Оно ее заворожило. Ей захотелось побежать к Бо и повторить с ним то, что она видела. Она знала: он смог бы. Он был умнее и сильнее некоторых лошадей в фильме. В нем была та же мощь, она часто это чувствовала, когда сидела на нем верхом. Она смотрела на лошадей, проносящихся на экране, и ее руки и ноги приходили в движение, руководя ими, когда они выполняли фигуры, известные со времен древних греков.

Пусть ее арена располагалась в парке с вытоптанной травой и горами мусора, а не на широкой площади исторического французского города, пусть на ней старые джинсы и футболка вместо черного кителя с золотыми галунами и фуражки. Она знала, что чувствовали эти мужчины. Когда камера показывала их лица, на которых отражались усилия, сочувствие, целеустремленность, она ощущала близость с ними, какой никогда у нее не было ни с одной девочкой в школе. Все, чему учил ее Папá, заняло свое место. Он говорил, что им предстоят годы работы. Он говорил, что разрешить ей исполнить такие фигуры – это все равно что разрешить Ковбою Джону принять участие в марафоне прямо с сигаретой в руке. И теперь Сара поняла, к какой цели он стремился: это была каприоль. Самая сложная и красивая фигура, которую может выполнить лошадь, когда все четыре копыта отрываются от земли в балетном прыжке. Лошадь взмывает в воздух, словно пушинка, отталкиваясь задними ногами, будто ей неведома сила притяжения. Красиво. Страшно. Вызывает благоговение.

Сара не могла бы описать свои чувства, когда Папá рассказывал о французской школе. И какой у них был шанс, если был. Что бы он ни говорил, она не могла сопоставить жизнь на конном дворе Ковбоя Джона и

тренировки в парке с тем будущим, которое описывал Папá. Когда на экране пошли титры с именами создателей фильма, она поняла, что он произвел эффект, обратный задуманному. Он только подтверждал, что Папá витал в облаках. Как можно совершить прыжок из лондонского захолустья в Кадр-Нуар с его утонченностью и славой?

Эта мысль породила в ней чувство вины. Сара взглянула на деда, пытаясь понять, догадался ли он о ее чувствах. Он все еще смотрел на экран. По его щеке катилась слеза.

– Папá?

Он стиснул зубы. Ему потребовалось время, чтобы взять себя в руки.

– Сара, это выход для тебя.

– Выход из чего?

Она никогда не считала свою жизнь ужасной. В отличие от Папá.

– Такого будущего я хочу для тебя.

Она сглотнула.

Он взял в руки коробочку от видео:

– У меня есть письмо от Жака Варжюса, моего старого друга из Сомюра. Он пишет, они приняли двух женщин. Сотни лет в академию не принимали женщин, даже не рассматривали их кандидатуры. Сейчас принимают. Военная служба не играет роли. Нужно быть лучше всех. Сара, это шанс. – (Она растерялась от его напора.) – У тебя есть способности. Тебе нужна дисциплина, и только. Не хочу, чтобы ты напрасно растрачивала время. Не хочу, чтобы ты общалась с этими *imbéciles*^[19] и оказалась с ребенком в коляске. – Он махнул рукой в сторону парковки за окном.

– Но я...

Он поднял руку:

– Мне нечего тебе дать, кроме этого. Моих знаний. Моих усилий. – Он улыбнулся, пытаясь смягчить свой тон. – Моя девочка в черном. *La fille du Cadre Noir*^[20].

Она молча кивнула. Дедушка нечасто выражал свои чувства и сейчас выглядел беззащитным, кающимся. Ей стало страшно. Все дело в вине, объяснила она себе. Он редко выпивал. Вино подогрело их эмоции. Она крутила бокал в руках и избегала смотреть ему в глаза.

– Отличный подарок.

– Non! – Он вернулся из мира грез и вновь взял себя в руки. – *Un demi cadeau*^[21]. Не хочешь увидеть вторую часть?

Она облегченно улыбнулась:

– Пицца?

– Фу! Пицца! Non, non – regards^[22]. – Он достал конверт и протянул ей.

– Что это?

Он кивнул.

Она открыла конверт, осмотрела содержимое и обмерла. Четыре билета. Два – на автобус с пересадкой на паром. Два – на представление Кадр-Нуар.

– Это от Варжюса. En novembre^[23]. Мы едем на каникулы.

Они ни разу не ездили за границу, даже когда Нанá была жива.

– Мы поедем во Францию?

– Пора. Пора тебе увидеть. Мне вернуться. Мой друг Варжюс теперь Le Grand Dieu. Знаешь, что это значит? Он самый важный, самый опытный наездник в Кадр-Нуар. Non. Во всей Франции.

Сара смотрела на рекламную брошюру: на наездников в черной форме, лоснящихся лошадей.

– Я заполнил анкеты на паспорта. – Казалось, Папá загорелся новой идеей. – Нужны только твои фотографии.

– Где взять деньги?

– Я кое-что продал. Pas du tout^[24]. Ты довольна? Хороший день рождения?

Она обратила внимание, что на нем нет часов. Часы фирмы «Лонжин» были свадебным подарком Нанá. Они были ему так дороги, что, когда Сара была маленькой, ей не разрешали даже их трогать. Она хотела спросить, но не решилась.

– Сара?

Она встала и оказалась в его объятиях. Уткнувшись в его старый мягкий джемпер, она позабыла все слова. Даже не смогла поблагодарить его.

Глава 3

Не подходите к ней, когда вас обуревают чувства. Гнев, нетерпение, страх... любая человеческая эмоция препятствует эффективному общению с лошадью.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Когда получалось рассуждать об этом здраво, Наташа могла бы сказать, с долей черного юмора, что ее замужество началось за здравие, а кончилось за упокой. Как ни странно, она сама помогла ускорить такое развитие событий, но как вышло, так вышло.

Ирония заключалась в том, что на момент ухода Мака Наташа с Конором даже не целовалась. Хотя нельзя сказать, что у них не было возможности. Когда ее брак стал трещать по швам, ланчи с Конором, его шутки, его внимание приносили облегчение. Он не скрывал, как к ней относится.

– Ты выглядишь опустошенной, старушка. Это ужасно, – говорил он с присущим ему обаянием. Он накрывал ее руку своей ладонью, она всякий раз освобождала руку. – Тебе необходимо привести свою жизнь в порядок.

– И закончить тем же, чем ты?

Его тяжелый развод стал легендой в офисе.

– Да ладно. Всего лишь острая, изнуряющая боль. С ней быстро свыкаешься.

Но тяжелый опыт давал ему возможность понять, через что вынуждена проходить она. Уже одно это отличало его от других.

В мире ее родителей браки распадались из-за смерти супруга, домашнего насилия или многочисленных и нескрываемых измен. Они распадались, когда терпеть побои было больше неважно и сопутствующий ущерб был слишком велик. В том мире браки не умирали, как у Наташи, медленно, от отсутствия внимания. В последние месяцы она часто себя спрашивала, а была ли вообще замужем. Он все чаще уезжал в зарубежные командировки и отсутствовал физически, а не только эмоционально. Когда он был дома, их не предвещающие ничего опасного разговоры заканчивались жесткими, мстительными обвинениями. Оба так боялись быть оскорбленными или, еще больше, отвергнутыми, что было проще не общаться вовсе.

- Счет за газ надо оплатить, – говорил он.
- Намекаешь, что я должна его оплатить, или сообщаем, что собираешься это сделать сам?
- Просто подумал, тебе это интересно.
- С какой стати? Потому что практически здесь не живешь? Хочешь получить скидку?
- Не будь посмешищем.
- Тогда просто оплати его сам и не вешай это на меня. Да, кстати, снова звонила Катрина. Та самая, которой двадцать один год и у которой силиконовые сиськи. Она еще называет тебя Маки. – Наташа передразнила низкий, с придыханием голос модели.

После этого он обычно хлопал дверью и удалялся в дальнюю часть дома.

Они встретились семь лет назад, в самолете по пути в Барселону. Наташа была в компании друзей по юридическому факультету: праздновали чье-то вступление в коллегия адвокатов. Мак возвращался из короткого отпуска и забыл свой фотоаппарат в квартире подруги. Это должно было послужить Наташе предостережением, поняла она много позже, поскольку было символом его неупорядоченной жизни и отсутствия здравого смысла. (Похоже, он не подозревал о существовании почтовой службы DHL.) Но тогда она думала, ей несказанно повезло, что досталось место рядом с обаятельным мужчиной с короткой стрижкой и в куртке цвета хаки, который не только смеялся, когда она шутила, но и проявлял неподдельный интерес к ее профессии.

- И чем вы, собственно, занимаетесь?
- Я солиситор-адвокат. Это нечто среднее между солиситором и барристером. Представляю в суде людей, чьи дела веду. Специализируюсь на детях.
- Малолетних преступниках?
- В основном находящихся под опекой. Немного на разводах, защищаю интересы детей. После того как приняли «Акт о детях», эта сфера начала расширяться.

Она по-прежнему старалась добиться лучших условий для детей, пострадавших в результате развода родителей, заставить местные власти и иммиграционную службу найти им временный дом. Но, сталкиваясь с судьбой каждого доведенного до отчаяния ребенка, она встречалась с циничной попыткой получить убежище, а помещение в новую временную семью приводило к жестокому обращению и возврату ребенка. Она старалась поменьше об этом думать. И ей это удавалось. Считала, что, если

хоть кому-то помогла, уже хорошо.

Мак ценил это. Говорил, что в ней есть стержень, в отличие от других людей, которых он знал по работе. Недовольная подружка, встретившая его в аэропорту Барселоны, бросала ревнивые взгляды, когда Наташа вежливо с ним прощалась. Через шесть часов он позвонил ей, сказал, что порвал с подружкой, и спросил, можно ли пригласить ее куда-нибудь в Лондоне. Весело добавил, чтобы не винила себя за этот разрыв: отношения были несерьезными. Как все в жизни Мака.

Свадьба была на ней: ему было все равно. К своему удивлению, Наташа поняла, что хочет свадьбы. Хочет определенности в отношениях. Предложения как такового Мак не делал.

– Если для тебя это так важно, я не возражаю, – сказал он, когда они лежали в постели однажды днем, сплетясь ногами. – Но организовывать все будешь ты.

В их браке он был не более чем участником.

Поначалу это ее не беспокоило. Она понимала, что была помешана на контроле, как в шутку называл это Мак. Так ей было спокойнее. Так она упорядочивала жизнь, которая иначе была бы хаотичной. Она выросла в тесном беспорядочном доме. Они с Маком знали свои слабости и подшучивали над ними. А потом будущий ребенок, о котором они и не помышляли, отдалил их друг от друга, а позднее создал между ними пропасть.

Когда случился выкидыш, Наташа всего неделю как узнала о беременности. Она объясняла себе задержку стрессом (работала над двумя трудными делами), а когда опомнилась, подсчеты были уже бесполезны. Мака новость шокировала, как и ее, поэтому она не рассердилась.

– Что будем делать? – спросила она, готовая к худшему.

– Таш, – он почесал затылок, – как ты решишь, так и будет.

И пока они думали, крохотный сгусток клеток, гипотетический ребенок, принял свое решение и исчез.

Она не ожидала, что будет так горевать. Надеялась, что почувствует облегчение.

– В будущем году, – решили они, когда она призналась, что хотела этого ребенка, – съездим в отпуск, отдохнем. Попробуем еще.

Им вскружили голову маячившие перспективы. У Мака намечалось несколько крупных проектов. Она устроится на работу в фирму, которая сможет обеспечить солидный социальный пакет по декретному отпуску.

Потом ей предложили место в «Дэвисон и Бриско», и они решили подождать еще год. А потом еще год, после того как купили дом в

Ислингтоне и Мак начал в нем ремонт. Тот год ознаменовался двумя событиями: карьера Мака сошла на нет, а ее взлетела. Несколько месяцев они виделись лишь иногда. Наташа в ту пору вела себя осмотнительно, дабы не показывать, что она успешнее его. А потом Наташа снова забеременела. Скорее случайно, чем намеренно.

Потом, намного позже, он будет обвинять ее в том, что она отгородилась задолго до того, как начала отношения с Конором Бриско. Что она могла сказать? Она знала, что это правда, но считала своим правом не говорить об этом. А что еще ей оставалось? Три выкидыша за четыре года, ни один ребенок не дожил до стадии созревания. Врач сказал, ей нужно обследоваться. Как будто речь шла о каком-то достижении. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь к ней прикасался, не хотелось снова пережить те мрачные времена. Она не хотела подтверждения того, о чем сама догадывалась.

А Мак, вместо того чтобы ее пожалеть, поддержать, как она надеялась, преодолев ее слезы и гнев, просто отдалился. Похоже, не смог справиться с ее болью, с сопливой неряшливой Наташей, которая целую неделю отказывалась подняться с постели и плакала, когда видела младенца на экране телевизора.

Когда она все же собралась с силами, то почувствовала, что ее предали. Его не было рядом, когда она в нем нуждалась. Только много лет спустя она догадалась, что он тоже мог страдать. Но было уже поздно. Тогда она только видела, что он рвется в командировки, кричит на нее, если она жалуется. Он говорил, что иначе ничего не добьется, что она его подавляет. Секс практически исчез из их жизни. Наташа достигла совершенства в решении всех вопросов, проявляя ледяную выдержку, и злилась, когда он был на это не способен.

А девушки тем временем звонили постоянно. Кокетки со славянским акцентом, нахальные подростки, негодующие, когда не заставляли его дома.

– Это просто работа, – уверял он. – Эти портфолио – мой хлеб с маслом. Ты же знаешь, мне это даже удовольствия не доставляет.

Учитывая отсутствие близости между ними, она не могла принимать его слова на веру. И все это время рядом был Конор, юрист с блестящим интеллектом, который понимал, что значит несчастливый брак, поскольку его собственный был именно таким.

– Мелкие интрижки с моей стороны, – говорил он. – Поражаюсь, до чего же некоторые женщины могут быть неблагоразумны.

За маской весельчака она видела боль, и это не могло не вызывать

сочувствия, поскольку в ее жизни происходило то же самое.

Они стали обедать вместе так часто, что это заметили в офисе. Потом он начал приглашать ее в бар после работы. Что в этом предосудительного, если Мака все равно никогда не бывает дома? Иногда ей казалось, что ее флирт с Конором оправдан. Скорее всего, Мак тоже с кем-нибудь флиртовал в это время в каком-нибудь гламурном месте. Но когда однажды Конор перегнулся через столик и поцеловал ее в губы, она отодвинулась:

– Я все еще замужем. – Она сама удивилась, что прибавила это «все еще».

На самом деле ей очень хотелось ответить на поцелуй.

– Не суди строго одинокую душу за попытку, – ответил он и пригласил пообедать завтра.

Вскоре она привыкла на него полагаться. Вины своей она не чувствовала. Ей казалось, Мака это не касается. Они теперь даже не ссорились: совместная жизнь свелась к череде вежливых вопросов и препирательств с едва сдерживаемым раздражением, которое время от времени прорывалось наружу, после чего он либо отворачивался, либо выходил из комнаты, хлопнув дверью.

Они давно задумали вечеринку, чтобы отпраздновать окончание ремонта дома, проститься с чехлами от пыли и гипсокартоном и продемонстрировать результат трудов Мака – нечто не только красивое, но и незаурядное. К тому времени ей расхотелось устраивать приемы: казалось, и праздновать им по большому счету нечего. Но отменить ее было бы равносильно недвусмысленному заявлению, а она не была готова это сделать.

В саду играл квартет, сновали нанятые официанты. Со стороны хозяева дома, вероятно, казались идеальной парой. Гостями Мака были фотографы и модели с глазами газели, с ее стороны – друзья-юристы. Над высокими кирпичными стенами звенел веселый смех. Она подумала, что неплохо было бы использовать вечеринку для укрепления деловых связей. Сама удивлялась, что живет в таком большом и стильном доме, и знала, что присутствие главы адвокатского бюро или королевского адвоката ей не повредит. Шампанское лилось рекой, звучала музыка, лондонское солнце просвечивало сквозь большой шатер, который они поставили в конце сада. Воплощение мечты.

Но она чувствовала себя совершенно несчастной.

Мак весь день ее избегал. Он стоял к ней спиной в компании людей, которых она не знала, и громко смеялся. С горечью она отметила, что все

приглашенные им женщины были ростом не ниже ста восьмидесяти сантиметров и интересно одеты: казалось, они набросили на себя первое, что попало под руку, отчего выглядели модными и сексуальными. У нее не хватило времени погладить платье, которое она собиралась надеть, и кофта с юбкой, которые были на ней теперь, казались безвкусными и устаревшими. Мак не сказал, что она хорошо выглядит. Он теперь редко делал ей комплименты.

Наташа стояла на высоком йоркском крыльце и наблюдала за ним. Неужели их брак уже не спасти? А есть ли что спасти? Она видела, как он шепнул что-то на ухо высокой женщине: та прищурилась и озорно улыбнулась. Что он ей сказал? *Что он ей сказал?*

– Эй, – произнес кто-то у нее за спиной. – У тебя же все на лице написано. Пойдем выпьем.

Конор. Они спустились в сад и смешались с толпой гостей. Теперь на лице у нее висела приклеенная улыбка.

– Ты в порядке? – спросил он, когда они нашли тихий уголок в шатре. Она только покачала головой.

Конор посмотрел на нее внимательно. Не стал шутить.

– «Маргарита», – заявил он, – лекарство от всех известных болезней.

Потом попросил бармена сделать четыре коктейля и заставил ее выпить два подряд.

– Ну и ну! – Через несколько минут она повисла у него на руке. – Что ты со мной сделал?

– Помог слегка расслабиться. Ты ведь не хочешь, чтобы люди перешептывались: «Что это с ней такое?» Сама знаешь, какие они все сплетники.

– Конор, что ты со мной сделал? – Она рассмеялась. – Чувствую себя на семьдесят градусов крепости.

– Наташа Маргарита, – проговорил он. – Красивое сочетание. Пойдем общаться с гостями.

Каблуки туфель увязли в траве, и она сомневалась, что удержит равновесие, если попытается их вытащить. Увидев заминку, Конор протянул ей руку, за которую она с благодарностью ухватилась. Они направились к юристам из адвокатского бюро, в которое часто обращались.

– Поболтаем с ними. – Конор понизил голос. – Ты знала, что Дэниела Хьюитсона месяц назад застукали в борделе? Ни в коем случае не говори: «Я слышала, вас застукали в борделе». – Он выждал немного. – Теперь ты не о чем другом не сможешь думать, так?

– Конор! – сказала она громким шепотом, снова повиснув на его руке.

– Лучше?

– Не отходи от меня. Возможно, мне потребуется на тебя опереться.

– Можешь на меня рассчитывать, дорогая, в любое время.

Радостно приветствуя окружающих, Конор пропихнул Наташу в центр компании.

Наташа смутно понимала, о чем говорят вокруг. Она чувствовала, что пьянеет все больше по мере того, как алкоголь всасывался в кровь. Теперь ей было на это наплевать, главное, Конор был рядом. Она думала только об этом, стараясь вовремя смеяться над шутками, кивать и улыбаться. У нее снова увязли каблуки, и, почувствовав, что шатается, она оперлась на него. В саду было столько народу, что этого, похоже, никто не заметил. Гости стояли группами, плечом к плечу. Когда Конор незаметно за спиной взял ее за руку, она в знак благодарности сжала его мизинец. Он спас ее, не дал выставить себя душой. Как было легко, как естественно сделать следующий шаг. Прошло несколько минут, прежде чем она поняла, что жар, который она почувствовала на затылке, объяснялся не только припекающим солнцем.

Она повернула голову и увидела Мака в десяти шагах от себя. Он смотрел на ее руку. Она пошатнулась, покраснела и отпустила мизинец Конора. Позднее поняла, что это было самое неправильное, что она могла сделать. Это было признанием вины. Но исправить что-либо было уже поздно.

По выражению его лица она поняла, что все кончено. Возможно, уже давно.

– Тебе нужна хорошая стрижка, – сказала Линда у нее за спиной.

На компьютерном экране она увидела отражение осуждающего лица секретарши, орудовавшей ножницами. На плечи Наташи было накинуто офисное кухонное полотенце, усыпанное прядками русых волос.

– Времени нет. – Наташа вернулась к папке, лежащей перед ней. Очки на кончике носа, ноги в чулках на столе. – Нужно успеть все это прочитать. В два снова надо быть в суде, чтобы получить заявление по итогам слушанья.

– Высветленные пряди совсем отросли. Нужно сделать мелирование.

– Можешь сделать?

– Я сто лет никому не делала мелирования, тем более в обеденный перерыв. Ты хорошо зарабатываешь, должна сходить к настоящему парикмахеру, к какой-нибудь знаменитости. – Она отрезала еще одну прядку.

- Вот был бы ужас, – хмыкнула Наташа.
- Если бы захотела, могла бы сделать из себя красотку.
- Ты говоришь, как мои родители. Чая у нас не осталось?

Она пробежала глазами последнюю страницу, закрыла папку и потянулась за следующей. Телефон просигналил, что пришло сообщение. Мак за утро прислал ей два сообщения с вопросом, когда он может зайти. Почти десять дней прошло, как она дала ему от ворот поворот.

Извини. Завтра не получится. Может быть, в четверг. Дам знать, набрала она. Не успела положить телефон, как он снова запищал.

Полчаса. Среда вечер.

Она не хотела с ним встречаться. Слишком много дел. Он отсутствовал год. Может подождать день или два.

Не получится. Судебный пересмотр. Извини, написала она в ответ. Но сегодня, похоже, у него лопнуло терпение.

Нужно забрать вещи. Пятница крайний срок. Могу это сделать без тебя. Скажи, если сменила замки.

Она захлопнула крышку телефона и попыталась собраться с мыслями.

– Лин, зачем мне идти в парикмахерскую? Мне нравится, как ты стрижешь.

– Не перехвали, миссис Макколи.

– Мисс.

– Кстати, хотела спросить, будешь менять «миссис» на «мс» на бланках? А то мне нужно новые заказать.

– С чего ты взяла, что я захочу быть «мс»?

Линда пожала плечами:

– Ты такая.

– Какая «такая»? – Наташа подалась вперед, уворачиваясь от ножниц, и резко повернулась в кресле.

Линду не смутил вопрос.

– Независимая, хочешь, чтобы все это знали, и рада этому. – Она задумалась. – Обращение «миссис» означает, что его обладательница прошла через огонь, воду и медные трубы. В отличие от «мисс», предполагающего, что женщина не потеряла надежду нарядиться в белое подвенечное платье и фату.

Она положила обе руки на голову Наташи и повернула ее так, чтобы та

смотрела прямо перед собой.

– Прошла огонь, воду и медные трубы, – повторила Наташа. – Не поняла, ты меня оскорбила или сделала комплимент.

Вошел Бен и положил на стол еще одну папку. Она потянулась за ней, и Линда чертыхнулась.

– Линда, социальный работник не звонил насчет Ахмади?

Наташа еще не знала, что собирается спросить, но ей нужны были какие-нибудь подсказки. Как она могла так ошибиться в этом парне? Неужели никто не проверил достоверность его рассказа?

– Ахмади? Это парень, про которого писали в газете? Которого ты представляла? Я узнала его имя. – Ничто не проходило мимо Линды. – Он напал на кого-то, да? Странно. По нему не скажешь.

Наташа не хотела обсуждать эту тему в присутствии стажера.

– В тихом омуте... Линда, заканчивай. Через двадцать минут я должна быть в суде, а я еще бутерброд не съела.

– Как все прошло?

Конор ждал ее перед залом суда. Она потянулась к нему и поцеловала, не обращая внимания на взгляды других юристов. Они теперь были парой. Двое разведенных, немолодых, умудренных опытом людей. Все в рамках приличий.

– Я их прижучила. Знала, у меня получится. Пеннигтону явно недоплатили.

– Умница, девочка моя. – Конор погладил ее по голове. – Хорошая стрижка. Как насчет ужина?

– С удовольствием бы, но у меня куча бумажной работы, которую нужно сделать до завтра. – Она увидела, как погрузтело у него лицо, и взяла его за руку. – А вот от бокала вина не откажусь. Я тебя почти не видела всю неделю.

Они прошли по относительно спокойному Линкольнс-Инн и вышли на оживленную, запруженную людьми улицу. Лучи солнечного света отражались от асфальта, когда они переходили на другую сторону, направляясь в паб. Наташа сняла жакет.

– Эти выходные не получится провести вместе, – сообщил Конор, когда они стояли у барной стойки. – У меня мальчики. Решил сказать тебе заранее.

Сыновья Конора, пяти и семи лет, даже год спустя тяжело переживали развод родителей и не были готовы узнать, что у папы есть подруга. Наташа попыталась скрыть свое разочарование.

– Жаль, – сказала она мягко. – А я заказала столик в «Уолсли».
– Шутишь.
– Не-а. – Она грустно улыбнулась. – У нас полугодовой юбилей, если помнишь.

– А я-то думал, ты сухарь, лишенный романтизма.
– Знаешь, никто не давал тебе монополии на красивые жесты, – кокетливо напомнила она. – Полагаю, придется найти тебе замену.

Похоже, подобная перспектива его не испугала. Он заказал напитки и повернулся к ней.

– Она едет в Дублин на выходные. – Он всегда говорил о своей бывшей «она». – Поэтому мое дежурство начинается в пятницу и заканчивается в понедельник утром. Понятия не имею, чем занять эту парочку. Они хотят покататься на коньках. Кататься на коньках, как тебе это? На улице двадцать семь градусов.

Наташа отпила из бокала, раздумывая, стоит ли предложить свою помощь. Если ему придется отказаться во второй раз, в этом будет нечто безнадежное. Для всех было бы безопаснее и проще, если бы она сделала вид, что не собирается вмешиваться.

– Не сомневаюсь, ты что-нибудь придумаешь, – осторожно заверила она.

– Как в понедельник вечером? Мог бы приехать к тебе, если хочешь. Весь на взводе.

– Боюсь, у меня нет выбора.

Она постаралась скрыть нотки горечи. Почему он не хочет свести ее с сыновьями? Рассматривает их отношения как временные и не считает нужным их знакомить? Или еще того хуже: она производит впечатление человека, который не любит детей, и он боится подобной встречи?

Весь прошедший год Наташа каждый день имела дело с конфликтами в суде, и ей хотелось их избежать в личной жизни.

– Тогда в понедельник, – улыбнулась она.

Они допили вино, обсудили рабочие дела. Конор посоветовал, как себя вести с судьей, с которым ей предстояло встретиться на следующей неделе. Они попрощались на пороге паба, и она вернулась в офис еще на час. Позвонила матери, выслушала скучный перечень недомоганий отца и рассказала кое-что из своей так называемой светской жизни. В девять заперла дверь, вышла на темную улицу, пропитанную запахами позднего лета, и на такси поехала домой.

Мимо проплывали лондонские улицы, парочки, не спеша выходящие из пабов и ресторанов. Когда ты один, кажется, у всех других есть спутник.

Надо было принять приглашение Конора, но работа была единственным постоянным фактором ее существования. Если бы она поддавалась искушению, вся жизнь стала бы напрасной.

Вдруг стало нестерпимо грустно, и она принялась шарить в сумочке в поисках бумажного платка. Потом заставила себя открыть папку, которую предстояло изучить до завтра. Держись, Наташа, не раскисай, велела она сама себе, не понимая, отчего так расстроилась. Хотя ответ был очевиден.

Она закрыла папку и прочитала новые эсэмэски. Сделала глубокий вдох и начала набирать текст.

Замки не поменялись. Приходи когда хочешь. Если придешь поздно, не гаси, пожалуйста, свет и задерни шторы, когда будешь уходить.

Глава 4

Самое приятное из всех слов – похвала.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Когда Сара пришла, у ворот ждал Ральф. Она вопросительно посмотрела на него, потом на часы. Ему было двенадцать, и он редко просыпался раньше полудня. Ральф утверждал, что каждый день ходить в школу не обязательно. Он любил засиживаться допоздна.

– Мальтиец Саль замутил бучу. – Он махнул рукой в сторону грузовика, припаркованного через улицу; рядом Саль ощупывал карманы куртки, проверяя, на месте ли телефон. – Ты едешь?

– Куда?

– На эстакаду. Ту, что у футбольных полей. Займет не более двадцати минут. Давай. Винсент обещал подбросить нас на своем пикапе. – Он смотрел на нее выжидающе, с сигаретой в углу рта. – Я помог Салю подготовить кобылу. Она из кожи вон лезет.

Наконец до Сары дошло, почему сегодня на Спеапенни-лейн припарковано в два раза больше машин. Мужчины рассаживались, хлопая дверьми, приглушенно переговариваясь в утренней тишине. Было слышно, как включают зажигание, воздух был пропитан ожиданием. Сара снова с недоумением посмотрела на часы.

– Ковбой Джон уже там, – сказал Ральф. – Ну, давай же. Будет весело.

Ей давно уже нужно было тренировать свою лошадь, но Ральф все стоял и ждал. Только одна она никогда не бывала на бегах.

– Ну же. Возможно, это последние бега нынешнего лета.

Она еще колебалась какое-то время, а потом побежала вслед за Ральфом к красному пикапу, который уже выпускал в чистый утренний воздух из выхлопной трубы фиолетовые клубы дыма. Она забросила в автомобиль свою сумку, взяла Ральфа за руку и взгромоздилась на груды веревок и брезента. Винсент велел им держаться покрепче и выехал на пустую улицу за четырьмя другими автомобилями: в них вплотную сидели темноволосые мужчины, пуская сигаретный дым через полуоткрытые окна.

– Поставили крупную ставку против приезжих из Пикетс-Лок, – сообщил Ральф, перекивая шум мотора.

Мимо проехала полицейская машина, и они пригнулись.

– На какую кобылу?
– Серую.
– Ту, что отцепила двуколку?
– У него теперь новая, и еще шоры получше. Хорошо на ней подзаработал, ты уж мне поверь. Очень хорошо. – Ральф развел руки в стороны и расплылся в улыбке.
– Не говори Папá, что я поехала! – крикнула она.
Он глубоко затынулся и выбросил окуроч на дорогу. Иногда слова не нужны.

В отличие от бегов борзых или матчей воскресной футбольной лиги, соревнования на двуколках были нерегулярным и необъявленным спортивным событием на востоке от Сити. Не было ни стадиона, не освещенных дорожек, на которых лучшие лошади могли бы мериться силами, ни официальной букмекерской конторы, которая предоставляла бы почти равные шансы игрокам. Вместо этого несколько раз в год соперники условливались встретиться в каком-нибудь пустынном месте, оговорив заранее длину гладкой дороги с гудроновой пропиткой.

Тот факт, что такая беговая «дорожка» была общественной дорогой, соревнованиям не мешал. Ранним утром, пока шоссе было почти пустым, на него с противоположных концов выезжали пикапы. Они совершали маневры, пока не занимали обе полосы, а затем останавливались в условленных местах, включив аварийные огни. Другие транспортные средства были вынуждены тоже встать. Прежде чем водители успевали сообразить, лошади, запряженные в легкие двуколочки, уже были на дороге. Сами бега проходили на дистанции в милю. Зрители кричали, потели и ругались. Мелькали ноги и хлысты ездоков. Нагнувшись вперед, они гнали своих лошадей к финишу. Зачастую он обозначался ленточкой, которую держали двое парней. Несколько минут, и ленточка будет порвана, а исход гонки решен. Участники исчезнут в переулках, будут поздравлять друг друга, спорить или раздавать выигрыши. К моменту появления полиции на месте заезда оставалась лишь кучка лошадиного помета и пара окуроч. Словно ничего и не происходило.

Ральф сказал, это была любимая беговая дорожка Мальтийца Саля.

– Новенькая, гудроновая! – Он с восхищением провел ботинком по гладкой поверхности.

Они выпрыгнули из пикапа и стояли под эстакадой, ведущей в промышленную зону, наблюдая, как в нескольких шагах от них деньги переходят из одних рук в другие. Мужчины в татуировках из домов на

колесах, почти невидимые из-за пилонов, сидели у своих блестящих грузовиков с огромными колесами, прижав к уху мобильный телефон и зажав сигарету в толстых грязных пальцах. Они отсчитывали купюры из пухлых пачек, поплевывали на ладони, прежде чем пожать друг другу руки. Блеск холодных глаз выдавал отсутствие доверия и дружеского расположения. Игроки со стороны Мальтийца были ниже ростом и полнее, чем приезжие. Их автомобили были более потрепанными, но зато костюмы – безукоризненными. Местные заняли места с одной стороны дороги, приезжие – с другой. Ковбой Джон стоял, прислонившись к пикапу, и задумчиво курил самокрутку. Он указывал на лошадей и разговаривал с кем-то на пассажирском сиденье. Парень, которого Сара не знала, сидел без седла на черной лошади, вытянув вперед ноги. С помощью недоуздка он помогал животному лавировать между машинами.

Чуть дальше Мальтиец Саль проверял застёжки на упряжи своей лошади, журуя ее, когда она ерзала. Он широко улыбался, сверкая золотым зубом. Кепка плотно сидела на его коротко стриженной голове. Смеясь, он ругал лошадь соперника, передразнивал неудачный угол ног, ее якобы узкую грудь.

– Они его терпеть не могут, – заметил Ральф, закуривая очередную сигарету. – Его в прошлом году застукали с чужой любовницей. Они саму лошадь и поставили.

– Как – поставили?

Ральф посмотрел на нее как на неразумного ребенка:

– Если он проиграет, ему придется отдать свою кобылу.

– Он же взбесится.

– Не-а. – Ральф сплюнул. – Пики знают, что у Саля банда, еще и вооруженная на всякий случай. Мы будем сидеть в пикапе Винсента, если придется свалить по-быстрому.

Он рассмеялся. Его всегда радовали возможные неприятности.

Мужчины стали рассаживаться по машинам, и Сару охватила дрожь: то ли от нервов, то ли от возбуждения. Над их головами, на эстакаде, поддерживаемой гигантскими пилонами из грубого бетона, грохотал транспорт. Судя по возросшему потоку машин, приближался час пик.

Кто-то свистнул, залаяла собака. Ральф потащил Сару к подъездной дороге. Три грузовика дали задний ход и направились в обратную сторону, как было заранее условлено. Они исчезли из виду, готовые влиться в поток транспорта на эстакаде. Остались только мужчины на подъездной дороге и лошади, которые выпускали пар из ноздрей и грациозно перебирали копытами. На месте их удерживали за голову. В ярко-красной двуколке

позади серой лошади, скорчившись, сидел Саль. Скрестив ноги, держа ненапрянутые вожжи в одной руке, он постоянно оглядывался назад в ожидании сигнала. Сара смотрела на него, на его широкую уверенную улыбку, на глаза, которые, казалось, все знали. Ральф, стоящий рядом, снова закурил сигарету и прошептал: «Ну, ну же, ну...»

Теперь все взгляды устремились на машины на эстакаде. Мужчины перешептывались. Поток не останавливался.

– Бьюсь об заклад, это Донни пришлось взять на прицеп. Он не уплатил чертов автомобильный налог.

Кто-то засмеялся. Напряжение разрядилось.

Потом послышался крик, и над их головами, едва видный, показался пикап кого-то из приезжих с мигающими аварийными огнями, просвечивающими через защитное ограждение. Кто-то скомандовал: «Вперед!» И, сделав одно плавное движение, обе лошади тотчас оказались на подъездной дороге. Колеса двуколок почти соприкасались. Ездоки наклонились вперед, зажав хлыст в поднятых руках, и помчались по пустой части дороги.

– Жми, Саль! – заорал Ральф срывающимся от возбуждения голосом. – Давай!

Сара почувствовала, как он схватил ее за рукав и потянул к пикапу Винсента. Двигатель уже работал, и они были готовы пуститься вслед за лошадьми, которые почти скрылись из виду.

Ральф помог ей запрыгнуть, и тут она услышала гудки стоящих на месте автомашин и визг тормозов. Вцепилась в поручни на заднем стекле, ветер гудел в ушах.

– Он его сделал! – орал Ральф. – Обогнал!

Она увидела серую кобылу, бегущую рысью – слишком, неестественно, сверхъестественно быстро. Увидела гримасу на лице приезжего. Он нахлестывал свою лошадь, заставляя ее бежать еще быстрее. Крепко выругался, и лошадь на короткий миг пустилась в галоп, что вызвало бурное возмущение Мальтийца.

– Не сдавайся, Саль! Сделай его!

Затаив дыхание, Сара смотрела, как напрягся каждый мускул маленькой смелой кобылки, чтобы не сбавлять скорости. Ее копыта едва касались дороги. «Не сдавайся», – пожелала Сара, страшась, что та проиграет, достанется приезжим и пропадет на каком-нибудь поросшем бурьяном пустыре с черно-белыми полукровками и сломанными тележками из супермаркетов. Она почувствовала единение с лошадкой, борющейся за выживание среди криков, пота и шума. Давай!

Потом раздался победный крик, и все было кончено. Лошади исчезли с эстакады так же молниеносно, как появились. Грузовики, преграждавшие путь, разъезжались, застрявшие машины устремились вперед. Пикап Винсента свернул налево с подъездной дороги. Машину подбросило на выбоине, и Сара больно ударилась коленями и локтями о борт, ее школьная сумка открылась, учебники высыпались, шелестя страницами. Она подняла голову и увидела Саля: он спрыгивал с двуколки на ходу, его маленькая лошадка продолжала бег. Он победно вскинул руку, друзья приветствовали его, ударяя ладонями о его ладонь. Сара с Ральфом смеялись и обнимались, зараженные всеобщим сумасшествием и победой Саля.

Еще несколько недель серая кобылка будет в безопасности, на дворе Ковбоя Джона.

– Я поставил фунт! – кричал Ральф с покрасневшим от возбуждения лицом, хватая Сару за рукав школьного пиджака. – Пошли! Саль сказал, что угостит нас всех завтраком, когда вернемся на двор.

Сара приехала в конюшню после школы, Папá уже был там. Он находился в стойле у Бо – нагибаясь и приседая, наводил зеркальный блеск на крупе коня. Еще не видя его, Сара услышала, как он тяжело дышит, и, прежде чем он обернулся, заметила пятна пота на его безукоризненно отутюженной рубашке. Папá никогда не брался за дело, если его нельзя было сделать идеально. Годы военной подготовки не прошли даром.

Ковбой Джон стоял, прислонясь к косяку двери стойла, и пил из кружки чай цвета лака. Он никогда особо не усердствовал, но тем не менее двор был всегда в порядке.

– Наша циркачка пришла, – сказал он.

Ральф, опиравшийся о круп черно-белой верховой лошади с массивной головой, подмигнул ей.

– Автобус опоздал. – Сара пристроила школьную сумку на кипу сена.

– Она забыла свою балетную пачку, – сострил Ковбой Джон.

– Результаты контрольной по математике уже известны? – спросил Папá.

– Двенадцать из двадцати. – Сара помахала тетрадкой, надеясь, что он не заметит следы от шин и грязь на обложке.

Она встретила взглядом с Ральфом, у него вдруг случился приступ кашля.

– Я говорил, что Мальтиец Саль купил и продал черную лошадь сегодня, ту, что досталась ему от итальянцев из Нортхолта?

Дед положил руку на грудь Бо, и конь послушно отступил назад.

– Иноходца?

Саль беспрестанно покупал и продавал рысаков.

Ковбой Джон кивнул:

– За ней приходили сегодня днем.

– Новому хозяину повезет, если ему удастся расшевелить эту лошадь, – заявил Ральф. – Она бежит, как кривоногий ковбой на шпильках.

– Но продавал он ее, словно это был Буцефал. – Ковбой Джон изобразил, как конь мотал головой. – Лошадь вышла из стойла, будто ей предстояло участвовать в дерби Кентукки.

– Но как... – начала Сара.

– Он засунул ей в ухо стеклянный шарик, – перебил ее Ральф.

Ковбой Джон замахнулся на него шляпой:

– Ты подслушивал?

– Вы сами говорили всем и каждому, кто проходил мимо сегодня утром!

– Лошадь мотала головой как сумасшедшая. На вырученные деньги он купил двух. Их привезут в субботу. Обе для бегов.

Сара знала, что Папá не одобряет старых трюков дельцов. Он делал вид, будто не слушает.

Ральф вынул изо рта жевательную резинку и приклеил ее на дверь стойла.

– Помните, когда вы продавали ту старую пегую лошадь с белой гривой итальянцу с болот, вы засунули ей в зад кусок имбиря, чтобы слегка ее расшевелить.

Шляпа Ковбоя Джона снова полетела в сторону Ральфа.

– Понятия не имею, как он туда попал! – заявил он в свое оправдание. – С лошадью все было в порядке. Вы, ребята, порочите мою репутацию. Тебе еще повезло, что я не прогнал тебя со двора, принимая во внимание твой поганый язык. Ты в школе должен быть. Почему ты, черт побери, в школу не ходишь...

Он направился к воротам, бормоча себе под нос, потом громко крикнул проходящей мимо рыжеволосой женщине средних лет:

– Миссис Парри! Это вас я видел вчера по телевизору?

Женщина не остановилась. Стоя у ворот, он снял шляпу и помахал ею, пытаясь привлечь внимание:

– Это были вы! Точно вы!

Озадаченная, она замедлила шаг и слегка повернула голову.

Ральф застонал:

– В телешоу «Новая топ-модель Британии»! Ну вот, видите, вы

улыбаются. Я знал, что это вы. Яиц купить не хотите? А еще у меня есть прекрасные авокадо. Целый ящик. Хотите? Нет? Вы еще вернетесь, слышите? Когда этот модельный контракт закончится. – Улыбаясь, он вернулся к аркаде железнодорожного моста. – Эта миссис Парри с почты такая... кисонька. – Он не сразу подыскал нужное слово. – Ах, была бы она лет на двадцать моложе...

– Она подавала бы вам ходунки, – продолжил Ральф.

Папá промолчал и снова принялся чистить лошадь сильными отрывистыми движениями. Бо не раз приходилось напрягаться под давлением его руки.

Ковбой Джон сделал большой глоток чая из кружки.

Сара любила такие дни, как этот, когда сонные лошади грелись на солнышке, а мужчины перебрасывались безобидными шутками. Здесь она не так болезненно ощущала отсутствие Нанá. И чувствовала себя на своем месте.

– Дочка, я вот все говорю твоему деду. Потому он так и останется без новой подружки. Только поглядите!

Она проследила за его взглядом в сторону Папá, который орудовал щеткой на лоснящихся боках Бо. Ковбой Джон вытянул руки и сделал плавное движение в воздухе, подмигивая ей:

– Я говорю, Капитан, женщины любят нежное обращение, руки должны двигаться медленно.

Папá бросил на него сердитый взгляд, потом вернулся к делу.

– А я-то думал, французы – отличные любовники, – добавил Ковбой Джон.

Дед пожал плечами и выбил пыль из щетки.

– Джон, если ты не понимаешь разницы между занятием любовью и чисткой лошади, неудивительно, что твои лошади совсем запутались.

Парни прыснули со смеху. Сара улыбнулась, хотя прекрасно знала, что ей не полагалось подавать вид, будто она поняла смысл шутки. Потом сделала серьезное лицо: Папá велел ей сбегать за шапкой.

Солнце садилось над железнодорожным мостом и эстакаде под ним. Был час пик, и вокруг парка образовался затор. Водители с интересом смотрели на то, что происходило на траве.

Сара не обращала на них внимания. Папá стоял рядом, вытянув руки, помогая Бо накопить внутреннюю энергию, которая поднимет его.

– Сиди прямо, – сказал он тихо. – Все дело в посадке, Сара. Держи ногу на... но помни о посадке, когда едешь, *comme ça* [\[25\]](#).

Сара вспотела от усилий. Краем левого глаза она видела хлыст в руке Папá, но он ни разу не коснулся блестящей гнедой шерсти Бо. Сара почувствовала, как под ней копится сила. Она старалась сидеть неподвижно, опустив ноги вдоль боков лошади, смотря прямо перед собой, между ее остроконечных ушей.

– Non^[26], – повторил он. – Вперед. Пусти его вперед. Попробуй еще раз.

Почти сорок минут они работали над пиаффе. От пота форменная рубашка прилипла к спине, разгоряченную голову припекало солнце. Вперед рысью, потом остановка, потом снова рысью, чтобы Бо мог пуститься рысью с места, двигаясь ритмично. После этого можно будет переходить к более сложным элементам, к которым, как Папá постоянно ей повторял, она пока еще не готова.

Несколько месяцев назад она упростила его показать с земли, как можно убедить Бо выполнить леваду, балансирование на задних ногах, когда лошадь встает на дыбы. Саре не терпелось, сидя верхом, выполнить фигуры, которые смогут оторвать ее от земли, – курбет и каприоль. Но Папá не разрешил. Надо тренироваться с земли, снова и снова. И конечно же, никакой левады в общественном парке, где полно зевак. Что она хочет этим показать? Что Бо – цирковая лошадь? Она знала, что он прав, но иногда тренироваться было так скучно. Как будто застрял на одном месте навсегда.

– Можно сделать перерыв ненадолго? Мне так жарко.

– Как ты собираешься достичь результатов, если не будешь тренироваться? Нет. Continue^[27]. Он начинает понимать.

В молчаливом протесте Сара выпятила нижнюю губу. Спорить с Папá было бессмысленно, но у нее было такое чувство, будто она делает одно и то же несколько часов кряду. Вспомнилась маленькая серая кобылка. По крайней мере, у той была цель.

– Папá...

– Сосредоточься! Прекрати разговоры и сосредоточься на своей лошади.

Мимо пробежали два ребенка. Один крикнул: «Поезжай на нем, ковбой!»

Она смотрела между ушей Бо. Узкая щель, мокрая от пота.

– И вперед. Поощри его.

Она пустила лошадь вперед, потом подала назад, пытаясь дать ей возможность перенести вес, слегка потянув поводья.

– Non! Ты опять заваливаешься вперед.

Она упала на шею лошади, испустив крик:

– Вовсе нет!

– Ты посылаешь ему противоречивые сигналы. – Папá недовольно поморщился. – Как он может тебя понять, если твои ноги говорят ему одно, а попа другое?

Она закусила губу. Ей хотелось закричать: «Зачем мы все это делаем? Мне никогда не сделать так, как ты хочешь! Это просто глупо!»

– Сара, сосредоточься.

– Я сосредоточена. Он слишком разгорячился и разволновался. Он больше меня не слушает.

– Он знает, что ты меня не слушаешь. Поэтому не слушает тебя.

Всегда была виновата она. Лошадь – никогда.

– Ты сидишь сомме ça, приучаешь его не слушать тебя.

Ей было очень жарко.

– Ладно. – Она взяла уздечку в одну руку и соскользнула с лошади. – Если я никуда не гожусь, покажи сам.

Она стояла на твердой почве, сама пораженная своим непослушанием. Она редко возражала Папá.

Он прожигал ее взглядом, и она чувствовала себя нагадившей собачонкой.

– Je m’excuse^[28], – резко сказала она.

Она ждала, не зная, что он сделает. Дед быстро подошел к Бо, с небольшим усилием вставил левую ногу в стремя, подпрыгнул и плавно приземлился на спину коня. Бо дернул ушами, озадаченный непривычным весом. Папá ничего ему не сказал. Он перекинул стремяна через седло, чтобы ноги могли свешиваться свободно. Затем, до невозможности выпрямив спину, без всякого участия рук направил Бо по большому кругу. Затем послал Бо сигнал к действию.

Заслоня ладонью глаза от солнца, Сара смотрела, как ее дедушка, которого она до этого и не видела верхом, каким-то неуловимым движением попросил коня сделать что-то, чего тот не знал, и Бо, с белой пеной у рта, стал поднимать ноги все выше и выше, стоя на месте. У Сары перехватило дыхание. Папá был похож на всадников из видео. Казалось, он ничего не делал, а результат говорил об обратном. У нее сжались кулаки, и она засунула руки в карманы. Бо так сильно напрягся, что по его мускулистой шее струился пот. При этом казалось, что Папá ничего не делает, а копыта Бо тем временем ритмично застучали по коричневой потрескавшейся земле. Неожиданно он стал раскачиваться, переходя на

легкий галоп тер-а-тер. И потом вдруг раздался крик «но!», и она попятилась, а Бо поднялся на задние ноги, аккуратно подогнув передние. Мышцы на крупе подрагивали: он изо всех сил пытался удержать равновесие. Левада.

Кто-то на тротуаре крикнул: «Во дает!» – и Сара услышала, как люди у нее за спиной озабоченно переговаривались. А потом конь опустил ся. Папá ловко спрыгнул, перекинув ногу через седло. Только темные пятна на голубой рубашке выдавали напряжение.

Он что-то прошептал лошади, огладив ее шею, видимо выражая благодарность, потом протянул уздечку Саре. Ей хотелось спросить, как он это сделал, почему он больше не занимается верховой ездой, если может так. Но он заговорил прежде, чем она подобрала слова.

– Он слишком старается, – сказал дед пренебрежительно. – Слишком напряжен. Нужно сбавить обороты, чтобы он меньше волновался по поводу сохранения равновесия.

Группа женщин сидела на траве, наблюдая за происходящим с безопасного расстояния. Они ели фруктовый лед на палочке, задрав юбки и обнажив загорелые ноги.

– Покажите еще, – попросила одна.

Сара не могла опомниться от того, что видела.

– Хочешь, чтобы я продолжила? – спросила она.

Папá погладил шею Бо.

– Нет, – ответил он тихо. Потом утер лицо рукой, и она была мокрой от пота. – Нет, он устал.

Она отпустила поводья, и благодарный Бо вытянул шею.

– Садись. Домой пора.

– Там тележка с мороженым, – сказала она с надежной, но, похоже, он ее не слышал.

– Не расстраивайся. – Дед пошел с ней рядом. – Иногда... иногда я хочу слишком многого. Он молод... Ты молода... – Он дотронулся до ее руки, и Сара поняла, что это признание вины.

Они сделали круг по парку, чтобы Бо мог растянуть и расслабить мышцы, потом направились по дорожке к воротам. Папá погрузился в свои мысли, и Сара не знала, что сказать. Перед глазами все еще стояла картина дедушки верхом. Она никогда раньше не видела его таким. Знала, что Папá когда-то был одним из самых молодых наездников в Кадр-Нуар. Нанá рассказывала, что двадцати двум юношам разрешалось носить черную форму с золотыми галунами: знак мастерства. Большинство уже

представляло свою страну на международном уровне – в выездке, в скачках по пересеченной местности или в конкуре. Но Папá проделал трудный путь, прежде чем попасть в школу: он служил в кавалерии, пока не добился, чтобы его, крестьянина из Тулона, приняли в классическую школу, где учились по преимуществу выходцы из высших слоев общества.

Нанá рассказывала Саре, держа в руках фотографию, на которой они были вместе. Когда бабушка увидела его в первый раз, он показался ей таким красивым на своем коне, что у нее чуть не остановилось сердце и она едва не потеряла сознание. Она не интересовалась лошадьми, но каждый день приходила и стояла у самой арены, чтобы, позабыв обо всем, смотреть на мужчину, который, позабыв обо всем, был сосредоточен на чем-то, о чем она даже не имела представления.

Теперь Сара знала, что имела в виду Нанá, вспоминая, как он просто сидел в седле, а Бо понимал, о чем его просят, словно читал мысли всадника. Она видела чудо.

Кивнув и помахав рукой сторожу у ворот, который никогда не запрещал ездить в парке, они пошли по дороге к дому. Копыта Бо постукивали по гудронному покрытию, он тяжело переступал ногами.

Наконец, когда они пересекли проспект и вышли на улицу, ведущую к конюшне, Папá прервал молчание:

– Джон сказал, что подумывает продать заведение.

Он назвал Джона по имени вместо обычного «сумасшедший ковбой», и она поняла, что дело серьезное.

– А где же будет Бо?

– Он говорит, нам не нужно искать новое место. Конный двор останется конным двором.

Месяца не проходило, чтобы Ковбою Джону не предлагали съехать за большие деньги. Иногда суммы были так неправдоподобно велики, что вызывали у него смех. Он всякий раз отказывался, спрашивая у потенциального покупателя, куда он денет своих лошадей, кошек и кур.

Папá покачал головой:

– Он говорит, кто-то из местных интересовался, обещал оставить все по-старому. Не нравится мне это. – Он остановился, чтобы утереть лицо, и выглядел растерянным. – Яйца у нас есть?

– Есть, я тебе уже говорила, Папá. Они на дворе.

– Это все жара.

Воротничок его рубашки потемнел от пота. Когда он ехал верхом, то потел не так сильно. Он схватился за шею коня, словно искал опору, и погладил его по гриве, что-то ему нашептывая.

Впоследствии она решила, что должна была заметить, как изменилось его настроение, как он не пожурил Бо, когда тот не остановился у края тротуара: он всегда настаивал на том, чтобы конь стоял неподвижно, получив команду остановиться. Мимо проехали два грузовика, и водитель сделал неприличный жест. Папá стоял к ней спиной, и она ответила водителю тем же. Некоторые мужчины считали, что если девушки ездят верхом, то они испорченные.

Они свернули на более тихую улицу и оказались под приятной тенью каштанов. Бо нагнул голову, подталкивая дедушку в спину, будто хотел привлечь внимание, но Папá, казалось, этого не почувствовал. Он снова отер лицо, потом руку.

– Вечером будет омлет. Omelette aux fines herbes^[29].

– Я приготовлю, – вызвалась Сара.

Они переходили через улицу, ведущую на двор, и она поблагодарила жестом водителя, который остановился, чтобы их пропустить.

– Можно еще сделать салат.

– Берешь яйцо... – Папá выпустил уздечку из рук и закатил глаза.

– Что?

Но он ее не слышал.

– Надо присесть...

– Папá? – Она посмотрела на машину, которая ждала, когда они перейдут.

Они все еще были посередине дороги.

– Все ушли, – прошептал он.

– Папá! – крикнула она. – Надо перейти улицу.

Бо нервничал, перебирал копытами по булыжнику, оглядывался назад, дергая головой. Впереди дедушка Сары медленно оседал на мостовую, словно сворачивался калачиком на кровати, кренясь вбок. Водитель машины нетерпеливо просигналил, потом, видимо, понял: что-то случилось, и стал пристально смотреть через ветровое стекло.

Все вокруг происходило как в замедленной съемке. Сара спрыгнула с лошади, мягко приземлившись на ноги.

– Папá! – закричала она и потянула его за руку, не выпуская уздечки.

Его глаза были закрыты: казалось, он напряженно думал о том, что происходило у него в голове. Он не слышал ее, как бы громко она ни кричала. Лицо перекосилось на одну сторону, будто кто-то его сдвинул. И эта странная искаженность напугала Сару, поскольку она привыкла видеть дедушку всегда собранным и сдержанным.

– Папá! Вставай!

От ее голоса Бо стал перебирать ногами и тянуть ее.

– С ним все в порядке? – крикнул кто-то с противоположной стороны улицы.

С ним не было все в порядке. Она это видела.

Потом, когда водитель выбрался из машины и быстрым шагом подошел к бабушке, она, пытаясь удержать взволнованную лошадь, завопила во всю мочь срывающимся от страха голосом:

– Джон! Джон! Помогите!

Последним ей запомнился Ковбой Джон, чья медлительность вмиг улетучилась, как только он увидел, что происходит. Он бежал к ней и что-то кричал, но она не могла разобрать слов.

Уборщик медленно двигался по линолеуму, двойные щетки полотера издавали ровное гудение. Ковбой Джон сидел на жестком пластмассовом стуле рядом с девочкой и смотрел на часы: в сорок седьмой раз. Они провели здесь уже почти четыре часа, и только одна медсестра подошла удостовериться, что Сара в порядке.

Ему уже давно надо быть на дворе. Животные, надо думать, проголодались. Пришлось запереть ворота, поэтому завтра предстоит давать отпор Мальтийцу Салю и ребятишкам, которые не смогли попасть внутрь.

Но оставить ее он не мог. Она ведь совсем ребенок. Сара сидела неподвижно, сцепив руки на коленях, на бледном лице было сосредоточенное выражение, будто она усилием воли заставляла бабушку поправиться.

– Ты в порядке? – спросил он. – Может, кофе принести?

Уборщик медленно прошел мимо. Взглянул украдкой на шляпу Ковбоя Джона и направился в сторону кардиологического отделения.

– Нет, – сказала она и прибавила тихо: – Спасибо.

– С ним все будет хорошо, – в десятый раз заверил он. – Твой дед крепок, как старый ботинок. Сама знаешь.

Она кивнула, но без уверенности.

– Бьюсь об заклад, сейчас кто-нибудь выйдет и скажет нам, как обстоят дела.

Она чуть поколебалась и снова кивнула.

И опять потянулось ожидание. Медсестры в пластиковых фартуках сновали мимо и не обращали на них никакого внимания. Доносились гудки и гул каких-то аппаратов. Джон не мог забыть лицо старика: страдание и ярость в глазах, волевой подбородок, когда он падал, с явным ужасом

осознавая, что с ним приключилось.

– Мисс Лашапель?

Сара была так погружена в свои мысли, что вздрогнула, когда к ней обратился доктор.

– Да. Он в порядке?

– Вы член семьи? – Доктор посмотрел на Джона.

– Можно и так сказать. – Тот встал.

Врач оглянулся на палату:

– Честно говоря, я не могу обсуждать эти вещи ни с кем, кроме...

– Можете положиться на меня, – заверил Джон. – У Капитана никого не осталось, кроме Сары. А я его старый друг.

Доктор сел на стул рядом. Он обращался к Саре:

– У вашего дедушки кровоизлияние в мозг. Инсульт. Знаете, что это?

Она кивнула:

– Вроде да.

– Состояние стабильное, но он немного не в себе. Не может разговаривать и ухаживать за собой.

– Но он поправится?

– Состояние стабильное, как я уже сказал. Важны следующие двадцать четыре часа.

– Можно его увидеть?

Доктор посмотрел на Джона.

– Мы оба хотели бы удостовериться, что с ним все в порядке, – твердо сказал Джон.

– Он подсоединен к большому количеству аппаратов. Вас это может шокировать.

– Она крепкий орешек. Как и ее дед.

Доктор посмотрел на часы:

– Хорошо. Идите за мной.

Видит бог, старик выглядел не лучшим образом. Казалось, он постарел на тридцать лет. Трубки, идущие из носа, закреплены на коже. Лицо серое и осунувшееся. Джон невольно закрыл рот ладонью. Аппараты вокруг сверкали неоновыми лампами, посылая друг другу приглушенные звуковые сигналы.

– Что они делают? – спросил Джон, чтобы нарушить молчание.

– Отслеживают сердечный ритм, кровяное давление и всякое такое.

– И он в порядке?

Ответ доктора был обтекаемым и, как подозревал Джон,

бессмысленным:

– Как я уже сказал, большое значение имеют следующие сутки. Хорошо, помощь подоспела вовремя. Это очень важно в случае инсульта.

Мужчины стояли молча. Сара придвинулась к краю кровати и осторожно села на стул, будто боялась потревожить больного.

– Если хотите, Сара, можете разговаривать с ним, – тихо сказал доктор. – Дайте ему знать, что вы рядом.

Она не заплакала. Не проронила ни слезы. Худая рука потянулась к руке старика и сжала ее. Но подбородок оставался решительным. Она была внучкой своего деда.

– Он знает, она здесь, – сказал Джон и удалился, чтобы оставить их наедине.

Когда они вышли на улицу, совсем стемнело. Джон ждал ее, куря одну сигарету за другой и меря шагами площадку, куда подъезжали машины «скорой помощи». На недовольные взгляды проходящих мимо медсестер он не обращал никакого внимания.

– Милашка, – заявил он какой-то из них, – ты должна сказать мне спасибо. Я обеспечиваю вас работой.

Он не мог обойтись без сигарет. Капитан всегда был сильным, всегда производил впечатление, что будет жить вечно, гордый и нестигаемый, крепкий как дерево, и надолго переживет Джона. Вид беспомощного старика, которому медсестры утирают слюни, привел его в содрогание.

Потом Джон увидел у возвращающихся дверей Сару – руки в карманах, ссутулившуюся. Она заметила его не сразу.

– Эй! – сказал он, понимая, что она замерзла. – Возьми мою куртку. Тебе холодно.

Она покачала головой, обьятая своей болью.

– Если простудишься, не сможешь помочь Капитану. Кроме того, он обрушит на мою голову все французские ругательства, если я о тебе не позабочусь.

Она подняла подбородок:

– Джон, вы знали, что дед был наездником – я имею в виду, настоящим?

Джон не сразу нашел что сказать.

– Наездником? – Он театрально сделал шаг назад. – Конечно. Не могу сказать, что одобряю его манеры, но, черт побери, да, знал. Твой дед – настоящий наездник.

Она попыталась улыбнуться, но он видел, с каким трудом ей это

давалось. Она позволила накинуть на ее плечи старую джинсовую куртку. И они пошли на автобусную остановку, старый ковбой и девочка.

Глава 5

При оценке необъезженного жеребенка единственным критерием, безусловно, может служить его тело, пока никаких явных признаков его темперамента выявить еще нельзя.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Вдоме горел свет. Выключая зажигание, Наташа смотрела на окна и пыталась вспомнить, не забыла ли погасить лампы утром. Она никогда не оставляла шторы открытыми, что означало «дома никого нет». Это было не так.

– О! – Она открыла входную дверь. – Не ждала тебя сегодня, ты собирался зайти несколько недель назад.

Вышло не слишком любезно, хотя и ненамеренно.

Мак стоял в прихожей с пачкой фотобумаги в руках.

– Прости. Закрутился на работе. Кое-что подвернулось. Я оставил тебе сообщение на телефоне днем, что зайду.

Она порылась в сумочке и достала телефон.

– Да, – сказала она, все еще наэлектризованная его присутствием. – Я не прочитала.

Они стояли лицом друг к другу. Мак здесь, в ее доме, в их доме. Волосы уложены немного по-другому, новая футболка. Проведя без нее почти год, он стал выглядеть получше, подумала она и ощутила угрызения совести.

– Мне потребовалось кое-что из оборудования. – Он кивнул назад. – Но не нашел его там, где думал.

– Я его переложил. – Наташа подумала, что снова не очень любезна, будто задалась целью стереть все следы его присутствия. – Оно наверху, в кабинете.

– А, вот почему я его не нашел. – Мак попытался выдавить улыбку. – И еще кое-какие папки, которые были здесь, внизу... и...

Она прошла в дом. «Мне было слишком больно смотреть на твои вещи, – мысленно ответила она. – Иногда, только иногда, хотелось взять большой молоток и разбить все на мелкие кусочки».

Она не подготовилась к этой встрече. Задержалась на работе, выпила

слишком много кофе, зная, что не сможет уснуть. Макияж давно смазался. Она знала, что выглядит бледной и усталой.

– Я тогда посмотрю наверху, – сказал он. – Долго тебя не задержу.

– Да нет, что ты! Не торопись. Мне все равно... все равно нужно молока купить.

«Прости, – сказала она тогда. – Прости, Мак».

«За что?» – Он казался таким спокойным, благоразумным.

«Ты мне сейчас сказал, что ничего не случилось».

Он посмотрел на нее с недоумением: «Ты правда думаешь, что я уйду из-за него?»

Не слыша его возражений, она вышла из дому. Знала, что он проявляет вежливость. Вероятно, решил, что она вернулась поздно, так как встречалась с Конором. Но никогда бы не сказал – это было не в его духе.

Наташа не часто делала покупки в этом супермаркете, расположенном в не самой спокойной части ее района. Это был магазин, где покупателю иногда удавалось увести тележку с продуктами, не заплатив, а остальные выражали по этому поводу бурную радость. Но она села в машину, не успев подумать. Выключила телефон из страха или по рассеянности. Она просто не могла оставаться в этом доме.

Она стояла в молочном отделе, стараясь держаться подальше от бродяги, который что-то бормотал, обращаясь к замороженному йогурту. Наташа настолько погрузилась в свои мысли, что забыла, зачем она вообще здесь.

Мак, самый неподходящий человек для брака, по мнению ее родителей, слабое подобие того мужчины, за которого она когда-то вышла замуж, другая побитая половинка союза, который едва не сломал их обоих, снова находился в их доме.

Она так долго отказывалась думать о нем, а он облегчал ей эту задачу. Иногда казалось, он исчез с лица земли. В последний год их брака он так часто уезжал, что она чувствовала себя незамужней. Когда он появлялся, все настолько раздражало ее, что переносить одиночество было легче. Забирай то, что тебе надо, и проваливай, велела она Маку, почувствовав неприятное эхо темных дней, которые только-только стали забываться. Не хочу ничего этого. Не хочу вновь пережить хоть толику того, что пришлось пережить в прошлом году. Делай то, что тебе надо, и оставь меня в покое.

От мыслей ее оторвал какой-то шум в следующем ряду, ближе к кассам. Она прошла вдоль полок с крупами и злаками до конца прохода – посмотреть, что происходит.

Толстый чернокожий мужчина удерживал молодую девушку, на вид не старше шестнадцати. Она отчаянно вырывалась, волосы растрепались и упали на лицо, но он безжалостно сжимал ее руки.

– Все в порядке? – спросила Наташа, появившись из-за полок с овсяными хлопьями. Она обращалась к девушке; сцена привела ее в замешательство. – Я юрист, – объяснила она и только тогда заметила на груди у мужчины значок охранника.

– Вот и хорошо, – сказала кассирша. – Тебе скоро понадобится юрист. И звонить не пришлось.

– Я ничего не украла. – Девушка снова попыталась высвободиться.

В ярком неоновом свете ее лицо было бледным, глаза казались огромными и испуганными.

– Неужели? Рыбные палочки сами выпрыгнули из морозилки и заскочили к тебе в карман?

– Я их просто положила туда, пока выбирала другие продукты. Отпустите меня, пожалуйста. Поверьте, я ничего не украла.

Она была готова расплакаться. Наташа обратила внимание на то, что, в отличие от других подростков, она не грубила.

– Прошла мимо меня как ни в чем не бывало, – продолжала кассирша, – думает, я дура полная.

– Может, она просто заплатит и дело с концом? – предложила Наташа.

– Это она-то заплатит? – пожал плечами толстяк. – У нее денег нет.

– Такие никогда не платят, – сказала женщина.

– Должно быть, я их обронила. – Девочка посмотрела на пол. – Я сюда больше не приду, ладно? Разрешите мне поискать деньги, пока их не нашел кто-нибудь другой.

– Сколько они стоят? – Наташа открыла бумажник. – Эти рыбные палочки?

Кассирша удивленно подняла брови.

Наташа устала. Но ей не хотелось возвращаться домой, думая о несчастной девочке в лапах охранника.

– Будем считать это недоразумением. Я заплачу.

Оба смотрели на нее как на мошенницу, пока она не протянула пятифунтовую банкноту. После небольшого замешательства кассирша пробила рыбные палочки и протянула сдачу.

– Чтобы духу твоего здесь больше не было, воровка! – Она ткнула в девочку пропитанный никотином палец. – Поняла?

Девочка ничего не сказала. Высвободившись из хватки охранника, она поспешила к выходу, с рыбными палочками в руке. Двери открывались

автоматически. Она вышла и скрылась в темноте.

– Это ж надо. – Лицо охранника блестело в неоновом свете. – Даже спасибо не сказала.

– Она воровка, это точно. На прошлой неделе приходила. Но в тот раз у нас не было доказательств.

– Если вас это порадует, она поест вкусно хоть раз на этой неделе, – сказала Наташа.

Она заплатила за молоко, взглянула на бродягу, который теперь спорил со стиральными порошками, и вышла на темную улицу.

Но не успела она сделать и нескольких шагов, как рядом возникла та девочка. Если бы Наташа была не так занята своими мыслями, то вздрогнула бы от испуга, но девочка протянула руку:

– Я нашла часть своих денег. Кажется, выронила из кармана.

В темноте Наташа увидела на ее ладони пятьдесят пенсов и несколько медных монет. Позже она вспомнит, что для этого возраста у девочки были слишком мозолистые руки.

Она уже сделала что могла и не хотела продолжения истории, поэтому не остановилась.

– Оставь деньги себе. – Наташа открыла дверцу машины. – Все в порядке.

– Я не воровка!

Наташа повернулась к девочке:

– Ты всегда покупаешь продукты на ужин в одиннадцать вечера?

– Мне нужно было кое-кого навестить в больнице. – Девочка пожала плечами. – Вернулась домой, а еды никакой нет.

– Где ты живешь?

Девочка оказалась моложе, чем Наташа сперва решила. Тринадцать-четырнадцать, не больше.

– В Сандауне.

Наташа бросила взгляд на растущий монолитный микрорайон, чьи башни-новостройки были видны даже отсюда. Он пользовался дурной славой. Она не знала, почему это сделала. Возможно, просто ей не понравилось, как он выглядит в темноте. Возможно, ей не хотелось возвращаться домой, к Маку, или, что еще хуже, если его там не будет. Вокруг бурлила городская жизнь: вдалеке были слышны клаксоны машин, двое мужчин на углу жарко спорили, их голоса были полны возмущения.

«Не верю, что ты такая непробиваемая, как кажешься, – тихим голосом заметил Конор. – Думаю, там скрывается совсем другая Наташа Макколи». – «Да, я полна неожиданностей», – ответила она. Даже для нее

это звучало как вызов.

Мужчины на углу начали драться, молотя друг друга руками и ногами. Атмосфера пропиталась духом насилия. Послышалась ругань, потом топот – какие-то люди побежали к ним. В темноте мелькнул железный прут.

– Ты не должна ходить одна в такое позднее время. – Наташа быстрым шагом пошла к своей машине. – Давай я довезу тебя до дому.

Девочка изучала ее – офисный костюм, дорогие туфли. Потом оглядела машину. Вероятно, пришла к умозаключению, что человек, который ездит в старом надежном «вольво», ее не обидит.

– Блокировка двери со стороны пассажира не работает, – добавила Наташа, – если тебе от этого легче.

Девочка вздохнула, словно не в ее власти было что-то изменить, и села в машину.

Едва выехав с парковки, Наташа пожалела, что ввязалась во все это. Повсюду, сбившись в группы, бесцельно слонялись молодые люди, некоторые развлекались тем, что ездили на велосипедах на одном заднем колесе, другие курили, бросали окурки на землю и задирали друг друга, выкрикивая оскорбления.

– Ты так и не сказала, как тебя зовут, – заметила Наташа.

– Джейн, – колебавшись, ответила девочка.

– Давно здесь живешь?

Та кивнула.

– Ничего страшного, – тихо добавила она, собираясь открыть дверцу.

Наташа хотела домой, в свою безопасную, приятную гостиную. В покой своего уютного дома, с душевной музыкой и бокалом красного вина. В свой собственный мир. Опыт подсказывал ей, что следует развернуться и уехать прочь. Такие жилые комплексы были территорией подобных парней. Некоторые редко выходили за его границы дальше чем на милю или две. И испытывали жгучий, чуть не дикий интерес к тому, что происходит в их вотчине. Наташа знала, что ее машина и костюм выдавали в ней представительницу среднего класса, чужую здесь, в этом мире, намного более жестоком и тяжелом, хотя ее мир находился совсем близко, буквально на соседних улицах. Но потом она посмотрела на бледную худенькую девочку рядом. Кто способен вышвырнуть ее из машины, не проводив до двери?

Она украдкой сняла обручальное кольцо и сунула в задний карман вместе с кредитками. Если вырвут сумочку, то ворам достанется только немного наличных.

– Все в порядке. – Джейн, оказывается, наблюдала за ней. – Я их знаю.

– Я тебя провожу, – сказала Наташа с невозмутимой профессиональной интонацией, которую использовала со всеми несовершеннолетними клиентами. Потом, увидев, что девочка погрузилась, добавила: – Не волнуйся. Я не скажу о том, что случилось. Уже поздно, и я хочу убедиться, что ты добралась в безопасности.

– Только до двери.

Они вышли из машины. Наташа несколько больше обычного выпрямила спину, ее каблук решительно застучали по дорожке, залепанной комками жевательной резинки.

Когда они подходили к подъезду, мимо на одном заднем колесе проехал парень. Наташа чуть не вздрогнула. Девочка не подняла головы.

– Это новая цыпочка твоего деда, да, Сара?

Он нацепил на голову капюшон и скрылся, заливаясь веселым смехом. Его лицо белело в тусклом свете уличных фонарей.

– Сара?

Лифты не работали, и они поднялись на третий этаж пешком. Лестница была до боли знакомой: граффити на стенах, запах мочи, повсюду разбросаны коробки из дешевых ресторанов, от которых пахло старым жиром или рыбой. Из открытых окон неслась громкая музыка, и внизу сработала автомобильная сирена. Через секунду Наташа поняла, что это не ее машина.

– Ну вот, пришли, – сказала Сара. – Спасибо, что подбросили.

Впоследствии Наташа не могла объяснить, почему она не ушла. Возможно, потому, что девочка назвалась не тем именем. Возможно, потому, что она явно хотела от нее отделаться. И Наташа продолжала идти следом за спешащей девочкой. А затем они оказались у двери, и она остановилась. Девочка застыла в замешательстве, и Наташа поняла: дверь открыта не потому, что кто-то ее встречает. Дверь взломали монтировкой. Вокруг замка – щепки, в квартире горит свет.

На мгновение они замерли на месте. Потом Наташа шагнула вперед и распахнула дверь:

– Есть кто?

Неужели она думала, что взломщики откликнутся? Взглянула на Сару: та зажала рот рукой.

Кем бы ни были взломщики, их след давно простыл. Дверь вела в маленькую прихожую, откуда была видна гостиная, такая аккуратная, что беспорядок сразу бросался в глаза. На телевизионном столике не было телевизора. Дверцы кухонных шкафчиков распахнуты. В небольшом бюро

выдвинуты ящики. На полу разбитая рамка. К ней Сара бросилась в первую очередь, подняла и бережно смахнула осколки с фотографии. На черно-белом снимке 1960-х годов – мужчина и женщина. Сара вдруг показалась совсем маленькой девочкой.

– Я позвоню в полицию. – Наташа достала из сумки телефон и включила.

Виновато отметила пропущенный вызов: Мак пытался до нее дозвониться.

– Бесполезно, – устало произнесла Сара. – Полиции наплевать на то, что здесь происходит. На прошлой неделе обчистили квартиру миссис О’Брайен, а полицейские сказали, что их и вызывать-то не стоило.

Сара сновала по комнатам – то уходила, то появлялась вновь.

Наташа вышла в прихожую и закрыла дверь на цепочку. Снизу доносились громкие голоса парней, и она пыталась не переживать за свою припаркованную машину.

– Что пропало? – спросила она, следуя за девочкой.

Дом приятно удивил ее своей опрятностью. Несколько приличных вещей. Сразу было видно, что здесь любили порядок.

– Телик. – У Сары задрожали губы. – Мой дивиди-плеер. Деньги, которые мы копили на отпуск.

Вдруг она что-то вспомнила и бросилась в другую комнату. Наташа слышала, как хлопнула дверь. Появилась Сара.

– Они ее не нашли! – На ее лице мелькнула улыбка. – Пенсионную книжку дедушки.

– Где твои родители?

– Мама здесь не живет. Я живу с Папá, моим дедушкой, – сбивчиво объяснила девочка.

– Где он?

Сара помедлила:

– В больнице.

– И кто же о тебе заботится? – (Сара промолчала.) – Как давно ты живешь одна?

– Недели две.

Наташа чертыхнулась в уме. В ее жизни столько всего происходило, столько всяких дел, которые она должна была уладить, а она взяла еще эту проблему себе на голову. Ей следовало выйти из супермаркета с пинтой молока, которое ей по большому счету не так уж было и нужно. А еще лучше – остаться дома и выяснить отношения с бывшим мужем.

Она набрала свой домашний номер.

– Черт побери, Таш, где тебя черти носят? – взорвался Мак. – Сколько времени требуется, чтобы купить молока?

– Мак, – мягко сказала она, – нужно, чтобы ты меня встретил. Возьми с собой инструменты. И мой портфель – мне необходимы записные книжки.

На ремонт их дома у Мака ушло четыре года. С точки зрения ее родителей, оно того стоило. Он штукатурил, слесарил, все делал сам, за исключением кровельных работ и кирпичной кладки. Даже принял участие в оформлении. Он умел работать руками и владел инструментами не менее виртуозно, чем фотокамерой. Наташа не обладала творческим воображением, а он видел результат еще до того, как тот проявится: форму комнаты, общую композицию или свой будущий снимок. Будто у него в голове было хранилище красивых образов, которые только и ждали, чтобы их воплотили в жизнь.

– Поставить новый замок в дверь не составит труда, – сказал он, посвистывая.

Наташа сразу поняла, что срочный вызов слесаря был девочке не по средствам, тем более что деньги, отложенные на отпуск, украли. Мак принес старый замок и установил его за полчаса.

– Криста? Это Наташа. – И потом, когда реакции не последовало. – Наташа Макколи.

– Привет, Наташа. Это я должна была тебе позвонить.

– Знаю. У меня ситуация, которая требует срочного вмешательства. Нужно найти временное пристанище для девочки-подростка.

Она сообщила факты.

– Ничего не могу предложить, – сказала Криста. – Совершенно ничего. У нас четырнадцать беспризорных детей, нуждающихся в убежище, которые прибыли вчера утром, и все места в приемных семьях заняты. Я весь вечер вишу на телефоне.

– Я...

– Хочу, чтобы ты знала, пока не начала оформлять документы: единственное место, куда я могу ее устроить на ночь, – это местное отделение полиции. Чтобы не терять время свое и судьи, советую доставить ее прямо туда. Может быть, завтра ситуация улучшится. В чем я сомневаюсь.

Когда она вернулась в гостиную, Мак закончил работу. Он прихватил с собой железный прут – один бог знает, где он хранил все свои причиндалы, – и укрепил им дверной проем.

– Теперь никто не влезет, – заверил он, собирая инструмент.

Наташа улыбнулась ему, благодарая за практичность, а еще за то, что он ни словом не упрекнул по поводу вызова среди ночи. Она сидела на диване рядом с Сарой. Мак изучал фотографии в рамках – первое, что он делал в незнакомом доме.

– Так это твой дедушка?

– Он когда-то был капитаном в армии. – Сара комкала в руках бумажный платок и говорила тихо.

– Потрясающая фотография! Глянь, Таш. Какие мускулы у этой лошади!

Он налаживал отношения с людьми как фотограф. И мог легко установить контакт практически с любым. Наташа сделала вид, что под впечатлением, но думала только, как сказать Саре, что ей придется провести ночь в камере полицейского участка.

– Ты собрала сумку? – спросила она. – Школьную форму?

Сара похлопала по сумке рядом. Она выглядела слегка растерянной, и Наташа напомнила себе, что девочка ничего не знает о людях, которые неожиданно вторглись в ее жизнь. Было половина первого ночи.

– Итак, куда вас доставить, юная леди? – спросил Мак, обращаясь скорее к Наташе.

Наташа сделала глубокий вдох:

– Выдалась трудная ночь. Придется найти тебе временное пристанище, пока не отыщется что-нибудь более подходящее.

Они смотрели на нее с надеждой.

– Я связалась со знакомыми. К сожалению, выбор не богат. Уже так поздно... и, учитывая количество нуждающихся...

– Так куда мы едем? – спросил Мак.

– Боюсь, сегодня мы должны отвезти тебя в полицейский участок. Потом что-нибудь придумаем, – заверила Наташа, увидев, что Сара побледнела. – Мест в приемных семьях нет. Даже коек в хостелах. И не предвидится в ближайшее время.

– В полицейский участок? – не веря ей, переспросил Мак.

– Других вариантов нет.

– С твоими-то связями. Ты всю жизнь посвятила подобным делам, заставляя органы власти заботиться о детях.

– Иногда кто-нибудь из них оказывается в полицейском участке. Это временно, Мак. Криста обещала найти что-нибудь для нее к утру. Она приедет в полицейский участок.

– Я не хочу в участок. – Сара помотала головой.

– Сара, ты не можешь оставаться здесь одна.

– Я туда не поеду.

– Таш, это чудовищно. Ей четырнадцать. Нельзя ей в полицейский участок.

– Другого выхода нет.

– Нет, есть, – возразила Сара. – Я ведь вам говорила. Со мной здесь ничего не случится.

Повисла долгая пауза.

Наташа села, пытаясь сосредоточиться.

– Сара, может быть, у тебя есть кто-нибудь еще? Школьные друзья, у кого можно переночевать? Другие родственники?

– Нет.

– Неужели нельзя позвонить твоей маме?

Ее лицо помрачнело.

– Она умерла. Остались только я и Папá.

Наташа посмотрела на Мака, надеясь, что он поймет.

– Такое не редкость, Мак. На одну ночь. Здесь ее оставлять нельзя.

– Тогда мы можем взять ее к себе. – (Ее удивило и то, что он сказал «мы», и само предложение.) – Я не собираюсь отправлять четырнадцатилетнюю девочку, которую только что ограбили, в полицейский участок, где она может оказаться рядом черт знает с кем, – добавил он.

– Там она будет в безопасности. Не обязательно, что ее поместят в камеру с другими. О ней позаботятся.

– Это не важно.

– Мак, я не могу взять ее домой. Это противоречит всем законам, всем предписаниям.

– Плевать на предписания! Если предписания говорят, что нельзя приютить маленькую девочку в теплом безопасном доме, а надо вместо этого поместить ее в камеру, то это хреновые предписания.

Мак редко употреблял нецензурную лексику. Наташа поняла, что он не шутит.

– Мак, мы не имеем статуса приемной семьи. Не будет считаться, что она в безопасности.

– Я проверен Бюро криминального учета. Пришлось пройти проверку, когда я начал преподавать в техническом колледже.

– Преподавать?

– У нас тебе будет лучше. – Он обернулся к Саре. – Мы можем позвонить дедушке и сообщить ему.

Она посмотрела на Наташу, потом на него:

– Наверное.

– Есть еще какие-нибудь процедурные причины, почему она не может остаться с нами? – Он произнес «процедурные» с сарказмом, будто Наташа специально выискивала такие причины.

Это моя работа, хотелось сказать Наташе. Если в адвокатской коллегии узнают, что я привечаю бездомных, мои профессиональные качества подвергнутся сомнению. Да я и не знаю эту девочку. Я ее встретила, когда она совершила кражу в супермаркете, и ее объяснения меня пока не удовлетворили.

Она смотрела на Сару, стараясь не думать об Ахмади, еще одном молодом человеке, который, казалось, был в бедственном положении. Все это подсказывало, что не надо принимать поспешных решений.

– Дайте мне пять минут.

Она прошла в спальню девочки и позвонила Кристе.

– Я убегаю! – сразу крикнула Криста, пока Наташа еще не успела ничего сказать. – Проблема в одном доме. Нужно кое-кого забрать.

– Не в этом дело, – торопливо сказала Наташа. – Криста, у меня возникли кое-какие обстоятельства. Девочка отказывается ехать в полицейский участок. Моему... Маку эта идея тоже не нравится. Он прошел проверку Бюро криминального учета и считает, что она должна остаться на ночь с нами. – (Последовало долгое молчание.) – Криста?

– Вы друзья семьи этой девочки? Знакомы с ее родителями? Можно сказать, что они поручили вам опеку над ней?

– Нет.

Последовала еще одна долгая пауза.

– Вы хоть с ней знакомы?

– Впервые встретились сегодня вечером.

– И вас это не останавливает?

– Она такая... – Наташа запнулась, вспомнив супермаркет, – милая. Самостоятельная. Осталась одна, да еще и квартиру ограбили. Нелегко...

Криста молчала, похоже, она ей не верила. Она была знакома с Наташей почти четыре года, и ничто не предвещало, что та способна на такой поступок.

– Послушай, – наконец сказала Криста. – Лучший совет. Представь, что никакого разговора вообще не было. Никаких записей нет. Если вы считаете, что с ней будет все в порядке, если с вами ей будет безопаснее, если не хотите провести остаток ночи в отделении, мне вообще не обязательно до утра знать о ее существовании. Позвони мне утром.

Наташа захлопнула крышку телефона. Комната была опрятной и содержалась в большем порядке, чем можно было ожидать от девочки этого возраста. Повсюду были фотографии лошадей. Цветные плакаты – бесплатные приложения к журналам, – изображающие лошадей, скачущих галопом. На некоторых маленьких фотографиях была девочка, наверное Сара, с коричневой лошадей. Зеленые луга и бескрайние пляжи резко контрастировали с унылым видом за окном.

Наташа устала и на миг прикрыла глаза, потом вошла в гостиную. Мак и Сара замолчали и посмотрели на нее. Наташа заметила, что глаза Сары потемнели от усталости и переживаний.

– Сегодня ты переночуешь у нас. – Наташа натужно улыбнулась. – А завтра утром тобой займется социальный работник.

Сара тотчас уснула. Во время поездки она молчала, как будто только теперь осознала всю сложность положения. Мак, возможно, догадывался об этом и шутил, стараясь ее подбодрить. Наташа с трудом узнавала его: он был милым, заботливым, вежливым, так непохожим на человека, с которым она разговаривала в последний раз. Было больно видеть, что все лучшее в нем было предназначено не ей. Становилось легче, когда она вспоминала о его недостатках.

Пока они ехали, Наташа молчала, взволнованная присутствием Мака и девочки. Все казалось каким-то нереальным. Он был таким знакомым, но в то же время чужим. Будто оказался здесь случайно.

Она забыла, как он мог ладить с детьми. Опыта, кроме детей сестры, у них было мало.

– Комната для гостей готова? – спросил Мак, когда она отступила, впуская их в дом.

– На кровати коробки.

Это были его книги. Она разбирала его вещи, когда набралась смелости и смогла справиться с заданием. Мак был таким рассеянным, что она боялась, он все может перепутать.

– Я их уберу. Может, она хочет чего-нибудь выпить? – Он указал на Сару.

– Горячего шоколада? – предложила Наташа. – Или съешь чего-нибудь?

И сразу почувствовала себя глупой старой теткой, которая плохо представляет, чем теперь живет молодежь.

Сара покачала головой. Взглянула на гостиную через открытую дверь. Мак собрал свое фотографическое оборудование: на полу повсюду стояли

коробки.

– У вас милый дом.

Наташа посмотрела на него чужими глазами: большой, шикарный, со вкусом обставленный. Свидетельство больших заработков и тщательного выбора. Заметит ли девочка следы того, что мужчина недавно покинул этот дом?

– Хочешь чего-нибудь? Или сразу поднимешься в комнату? Хочешь... я поглажу твою форму?

– Нет, спасибо. – Сара плотнее прижала к себе сумку.

– Тогда пойдем. На этаже есть ванная. Можешь ею полностью располагать.

– Надеюсь, ты не будешь возражать, – сказал Мак, когда она спустилась. – Я устроил постель на раскладном диване в кабинете.

Наташа ожидала этого. Не могла же она его выставить в такой час после того, что он сделал. Тем не менее мысль о том, что он будет ночевать под одной с ней крышей, ее беспокоила.

– Бокал вина? – спросила она. – Я точно не откажусь.

– И я тоже. – Он вздохнул.

Наташа разлила вино по бокалам и протянула один ему. Он сел на диван, она сбросила туфли и устроилась в кресле с ногами. На часах было без четверти два.

– Мак, тебе придется разбираться со всем этим утром. У меня слушание в суде.

– Что я должен сделать? – Похоже, у него не было срочных дел. Иначе не предложил бы. – Напиши, кому я должен позвонить или куда мне ее доставить. Пусть она выпится: ночь выдалась тяжелой.

– Не только для нее.

– Ужасный шок для девочки! Даже взрослому пришлось бы нелегко.

– Она молодец.

– Мы все правильно сделали. – Мак указал на лестницу. – Нельзя было оставить ее в таком положении.

– Конечно.

Они молча отпили из бокалов.

– Как живешь? – поинтересовалась она, когда молчание стало нестерпимым.

– Нормально. Ты хорошо выглядишь. – (Она удивленно подняла брови.) – Устала, конечно, но выглядишь хорошо. Прическа тебе идет.

Она поборолла желание поправить волосы. Ей всегда это хотелось

сделать после слов Мака.

– Над чем работаешь? – спросила она, чтобы сменить тему.

– Преподаю три дня в неделю, в остальное время коммерческие проекты. Портреты. Немного путешествую. Честно говоря, совсем немного.

– Преподаешь? – Она пожала плечами, чтобы скрыть недоверие в голосе. – Мне показалось, я ослышалась.

– Мне нравится. На жизнь хватает.

Наташа задумалась. Много лет он отказывался от компромиссов. Когда заказы по рекламе иссякали, с презрением отвергал ее идею о преподавании. Не хотел связывать себя с чем-то, что могло бы помешать более интересным проектам, требовавшим свободы действий. Даже несмотря на то, что его вклад в семейный бюджет был либо велик, либо ничтожен. По большей части последнее.

Перед ней был повзрослевший Мак. Целеустремленный. Она почувствовала себя обманутой.

– Ну да. Я слегка разочаровался в коммерческих проектах. Преподавание не так плохо, как мне казалось. Похоже, студенты меня любят. – (Ничего удивительного, подумала Наташа.) – Буду продолжать, пока не пойму, что делать дальше. С точки зрения доходов – не очень. – (Она напряглась.) – И... и придет время, когда нам, Таш, придется решать, что делать с домом.

Она знала, куда он клонит. Вечные финансовые разборки.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю. Но не могу же я вечно жить на чемоданах. Уже почти год прошел.

Она долго смотрела в свой бокал. Значит, вот оно как. Она подняла голову, постаравшись придать лицу непроницаемое выражение.

– Все хорошо?

Она допила вино.

– Таш?

– Не могу сейчас думать об этом, – резко сказала она. – Слишком устала.

– Понятно. Может, завтра.

– Я уже говорила: у меня суд.

– Знаю, тогда как-нибудь в другой раз.

– Нельзя вот так свалиться с неба, ни с того ни с сего, и ожидать, что я продам свой дом!

– Наш дом, – поправил он. – И не делай вид, будто не ожидала ничего

подобного.

– Последние полгода я даже не знала, где тебя носит.

– Можно было позвонить моей сестре и узнать, но ты предпочла, чтобы пыль осела.

– Чтобы пыль осела?

Он вздохнул:

– Таш, я не хочу ссориться. Просто хочу справедливости. Ты же всегда желала, чтобы я остепенился.

– Я все понимаю. Но сейчас слишком устала. У меня впереди тяжелый день. И если не возражаешь, давай займемся дележом имущества в другой раз.

– Хорошо. Но хочу, чтобы ты знала: мне надо где-то жить, когда я в Лондоне. И если у тебя нет веских возражений, я бы хотел занять комнату для гостей, пока не решим окончательно, как быть.

– Хочешь поселиться здесь? – Наташа замерла, не веря своим ушам.

– Ну да.

– Шутишь?

– А что, так уж плохо было со мной жить? – Он улыбнулся.

– Но мы разошлись.

– Тем не менее половина этого дома принадлежит мне. И я нуждаюсь в крыше над головой.

– Мак, это невозможно.

– Я справлюсь, если ты справишься. Речь идет всего о нескольких неделях. Прости за бомбовый удар, но, если тебе не нравится, можешь снять себе другое жилье. Что касается меня, я дал тебе возможность единолично пользоваться домом почти целый год. У меня тоже есть права. – Он пожал плечами. – Да ладно. Дом большой. Это будет кошмар, только если мы сами его создадим.

Его спокойствие сбивало с толку. Он выглядел чуть ли не довольным.

Ей хотелось осыпать его проклятиями.

Запустить чем-нибудь ему в голову.

Хлопнуть входной дверью и отправиться ночевать в гостиницу. Но под ее крышей была четырнадцатилетняя незнакомая девочка, за которую она только что согласилась нести совместную ответственность.

Не сказав больше ни слова, Наташа вышла из комнаты и поднялась в спальню, которую перестала чувствовать своей. Трудновато будет агентам продать дом, в котором разбили голову владельца.

Глава 6

Как в случае с лошадьми, так и с людьми, дурной нрав легче излечить в раннем возрасте, а не когда он становится хроническим, если его неправильно лечили.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Девочка на фотографии радостно улыбалась родителям, которые держали ее за руки с двух сторон, словно собирались поднять в воздух. «Воспитание чужого ребенка, – было написано на плакате. – Поменяйте чью-то жизнь». Значит, не родители. В любом случае нет семейного сходства. Скорее всего, модели, которым заплатили, чтобы они изобразили счастливую семью.

Сару вдруг стала раздражать улыбка на лице девочки. Сидя в кабинете социального работника, она поерзала на стуле и выглянула в окно: были видны кусты и деревья муниципального парка. Ей нужно на Спеапенн-лейн. Ковбой Джон позаботится о Бо, если она не появится, но этого было мало. Ему нужна прогулка. Нужно продолжать тренировки.

Женщина перестала писать.

– Итак, Сара, мы теперь знаем подробности твоей истории и можем составить программу опеки. Постараемся найти для тебя временный дом, пока твой дедушка не поправится. Как ты на это смотришь?

Женщина говорила с ней, как если бы ей было столько же лет, сколько девочке на плакате. В конце каждого предложения интонация повышалась, как в вопросе, хотя никаких вопросов она не задавала.

– Я из команды приема и оценки оказания услуг детям. Посмотрим, как мы можем тебе помочь.

– Как это работает? – спросил Мак, сидевший рядом. – Есть семьи, которые... берут детей только на короткий срок?

– У нас в картотеке много приемных семей. Некоторые молодые люди, наши клиенты, остаются в такой семье всего на одну ночь. Другие могут задержаться на несколько лет. В твоем случае, Сара, будем надеяться, срок окажется коротким.

– Только пока твоему дедушке не станет легче, – добавил Мак.

– Конечно, – подтвердила женщина, слишком поспешно, как показалось Саре.

– Молодых людей, которые оказываются в такой же ситуации, что и ты, Сара, очень много, много и семей, которым нужна помощь. Ты не волнуйся.

За завтраком Мак и его жена разговаривали только с ней, но друг к другу не обращались. Она гадала: если они поссорились, то вдруг из-за нее? Она не помнит, чтобы Папá и Нанá когда-нибудь ссорились. Нанá шутила, что может поссориться с Папá, а он с ней – нет. Когда Папá сердился, он замолкал и лицо у него становилось каменным. Все равно что со статуей спорить, говорила бабушка с заговорщическим видом, словно это была шутка, известная только им двоим.

На глаза навернулись слезы, и Сара стиснула зубы, чтобы не расплакаться. Она уже жалела, что пошла с Маком и Наташей. Вчера вечером она была напугана, но теперь увидела, что ее жизнью распоряжаются люди, которые ее не понимают.

Женщина просматривала записи:

– Вижу, у твоей бабушки с дедушкой имеется распоряжение суда об определении места твоего жительства. Сара, ты не знаешь, где твоя мама? – (Девочка покачала головой.) – Можно спросить, когда ты видела ее в последний раз?

Сара бросила взгляд на Мака. Они с Папá никогда не говорили о матери. Было странно вывешивать белье семьи перед незнакомыми людьми.

– Она умерла, – с запинкой ответила Сара, испытывая немую ярость из-за необходимости об этом рассказывать. – Несколько лет назад.

На их лицах отразилось сочувствие. Но Сара никогда не скучала по матери: она скучала по Нанá. Мать никогда не дарила ей теплых объятий, не протягивала руки, в которые можно упасть. Это была лишь тень матери, беспорядочная и непредсказуемая. Сара помнила ранние годы как череду образов: какие-то чужие дома, сон на кушетках, звуки громкой музыки издалека, ссоры и еще странное чувство мимолетности. Потом, когда она стала жить с Нанá и Папá, пришли покой и упорядоченность. Любовь.

Женщина что-то записывала.

– Ты уверена, что нет друзей, у которых ты могла бы остановиться? Может быть, какая-нибудь семья?

В ее вопросах слышалась надежда, словно ей не хотелось заниматься Сарой. Но Сара вынуждена была признаться, что не знает никого, кто хотел бы пригласить ее к себе домой, да еще на неопределенное время. Она не пользовалась популярностью. Те немногие друзья, что у нее были, жили в таких же маленьких квартирах, как и ее собственная. Она не была ни с кем

достаточно знакома, чтобы обратиться с такой просьбой, даже если бы захотела.

– Мне надо идти, – тихо сказала она Маку.

– Я знаю. Не волнуйся, я сообщил в школе, что ты опоздаешь. Сейчас важнее решить, что с тобой делать.

– А где, ты говоришь, сейчас находится твой дедушка? – улыбнулась женщина.

– В больнице Святой Терезы. Мне сказали, его должны перевести в другое место, но не знаю когда.

– Это мы выясним. Ваша связь не прервется.

– Я смогу навещать его каждый день? Как делала до этого?

– Пока не могу сказать. Все будет зависеть от того, куда мы тебя поместим.

– Что вы имеете в виду? – спросил Мак. – Разве это не будет где-нибудь поблизости от ее дома?

Женщина вздохнула:

– К сожалению, мы испытываем некоторые трудности и не всегда можем гарантировать клиентам, что они будут размещены поблизости от их дома, хотя нам бы этого очень хотелось. Но мы сделаем все возможное, чтобы Сара могла регулярно навещать дедушку, пока его не выпишут.

Сара слышала огромные паузы между словами женщины, дыры там, где должна быть уверенность. Она ясно представила себе, как живет в какой-то улыбчивой семье, далеко от Папá. И от Бо. Как она сможет заботиться о нем, если до него просто не доехать? Так не пойдет.

– Знаете что? – произнесла она, глядя на Мака. – Я могу сама позаботиться о себе. Если бы кто-нибудь мне помог немного, я бы прекрасно справилась, живя у себя дома.

Женщина улыбнулась:

– Мне жаль, Сара, но закон не позволяет нам разрешить тебе жить самостоятельно.

– Но я справлюсь. Меня ограбили, в этом проблема. Я должна быть рядом с домом.

– Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы так было, – мягко сказала женщина. – А теперь пора в школу. Социальный работник встретит тебя после уроков и, надеюсь, отвезет в новый дом.

– Ничего не выйдет, – резко возразила Сара. – Мне надо быть в одном месте после школы.

– Если речь идет о кружке, мы можем договориться со школой. Уверена, они не станут возражать, если ты пропустишь занятие.

Сара пыталась сообразить, что можно им сказать. Что они сделают, если узнают про Бо?

– Хорошо, Сара. Если можно, несколько вопросов о религии. Это не займет много времени. Скажи, пожалуйста, к какому вероисповеданию ты могла бы себя отнести?

Голос женщины затих, и Сара заметила, что та смотрит на Мака. Тому явно было неловко. Он нервно ерзал, словно хотел поскорее отсюда уйти. По крайней мере, он знал, как она себя чувствовала. Вдруг Сара ощутила прилив ненависти к нему и его жене за то, что они втянули ее в это. Если бы она не была вчера так напугана, могла бы починить дверь сама. Ковбой Джон мог бы помочь. И жила бы у себя дома, собственной жизнью, встречалась бы с Бо два раза в день и ожидала возвращения Папá. Она бы справилась.

– Сара? Англиканская церковь? Католическая? Индуизм? Мусульманство? Другая?

– Индуизм, – сказала она с вызовом, а когда они посмотрели на нее с недоумением, повторила: – Индуизм.

И чуть не рассмеялась, увидев, что женщина записывает. Может, если она все запутает, они отпустят ее домой.

– И еще я убежденная вегетарианка, – добавила она.

По выражению лица Мака она поняла, что он помнит, как сделал ей сэндвич с беконом на завтрак, но понадеялась, что он ничего не скажет.

– Хорошо. – Женщина продолжала записывать. – Уже почти все. Мистер Макколи, если вы спешите, мы можем закончить без вас.

– И еще у меня клаустрофобия. Не могу жить, где надо пользоваться лифтом.

На этот раз женщина посмотрела на нее строго, и Сара догадалась, что сочувствия в ней было не так уж и много.

– Хорошо, – резко сказала она, – мне надо поговорить со школьным руководством и врачом. Если существуют объективные нужды или проблемы, они их подтвердят.

Мак что-то записывал.

– Ты в порядке? – тихо спросил он у Сары.

– Все отлично.

Он выглядел озабоченным. Как будто знал, что разрушил ее жизнь.

– Мои номера. – Он протянул Саре листок. – Если возникнут проблемы, звони, ладно? Помогу чем смогу. Все будет хорошо? – спросил он у женщины.

Она ему улыбнулась. Для Сары не прошло незамеченным, что многие

женщины улыбаются Маку.

– Конечно. Мы стараемся, чтобы установленный порядок жизни наших клиентов не нарушался.

Мак встал, собираясь уходить. Протянул документы и личные записи, которые взял из квартиры.

– Береги себя, Сара. – Он помедлил, будто не был уверен, что надо уходить. – Надеюсь, ты скоро будешь дома.

Сара лягнула ножку стула и ничего не сказала. Она поняла, что молчание и бездействие – единственное оставшееся у нее оружие.

– Слава богу. Я думала, придется звонить мистеру Клик-Клик.

– Прости. Задержался.

Мак поставил сумки с камерами на пол. Поцеловал Луизу, арт-директора, повернулся к девушке у зеркала, которая яростно набирала эсэмэску, не обращая внимания на стилистов за спиной, накручивающих ее волосы на огромные керамические бигуди.

– Привет, я Мак. – Он протянул руку.

– Ой, привет! Сирена.

– Ты должен был быть здесь час назад. – Мария постучала по часам.

Джинсы сидели на ее бедрах так низко, что это было почти неприлично. Над ними два слоя воздушной темной материи искусно обтягивали красивую талию. Позади Марии кто-то возился с DVD-плеером.

– Просто решил дать тебе дополнительное время, чтобы ты могла завершить свои магические манипуляции, милая. – Мак поцеловал девушку в щеку и скользнул рукой по ее обнаженной спине. – Тогда я готовлю сцену, хорошо? Луиза, хочешь пройтись со мной по сценарию еще раз?

Луиза объяснила, какое выражение лица и обстановку они хотели бы видеть в кадре с молодой актрисой; костюмерша внимательно слушала и кивала. Мак тоже кивал; казалось, он был целиком поглощен процессом, но на самом деле мысленно все еще был в отделе опеки над детьми. Он сбежал по ступеням унылого здания сорок минут назад, не ощущая ожидаемого облегчения. Сара выглядела совершенно несчастной. Она все больше съеживалась по мере того, как до нее доходило, насколько изменится ее жизнь. Он собирался спросить у Таш, когда они готовили завтрак в гнетущей тишине, нельзя ли оставить девочку у себя, но, не успев сформулировать вопрос, понял, насколько это абсурдно. Таш ясно дала понять, что, если девочка останется, это подорвет ее профессиональную репутацию и что его присутствие в доме для нее невыносимо. Он даже не чувствовал этот дом своим. Как он мог навязывать ей присутствие чужого

человека?

– Много красного. Очень смело. Мак, это должна быть фотодекларация. Это не просто очередная молодая старлетка, а серьезная актриса завтрашнего дня, молодая Джуди Денч, Ванесса Редгрейв, только менее политичная.

Мак взглянул на Сирену, которая хихикала, читая эсэмэску, и подавил вздох. Он потерял счет исключительным молодым старлеткам, которых снял за последние десять лет. И только две из них пережили всплеск первоначального интереса и получили роли в комедии положений.

– Ну вот. Получай. – Мария, с кисточкой для макияжа между зубами, закалывала светлые волосы девушки умелыми пальцами.

Костюмерша снимала платья со стойки и вешала на полусогнутую руку:

– Я их принесу на площадку.

– Через десять минут начинаем. Только проверю задник. – Луиза вышла.

Подошла Мария.

– Хотела спросить, почему ты так поздно, – сказала она с сильным славянским акцентом, – но потом поняла, что мне плевать.

Он просунул палец в шлевку и притянул ее к себе. Ее волосы пахли яблоками, кожа – косметикой и лаком для укладки – незаменимыми атрибутами ее профессии.

– Если бы я тебе сказал, ты бы мне не поверила.

Она вынула кисточку изо рта:

– Ты девушек клеил.

– Причем четырнадцатилетних.

– Меня это не удивляет. – Ее рот был так близок, что он рассмотрел крошечную веснушку у верхней губы. – Ты мерзкий тип.

– Стараюсь.

Она поцеловала его, потом отодвинулась:

– После этой у меня еще одна съемка. В Сохо. Увидимся?

– Если только у тебя.

– Ты ночевал в доме своей бывшей?

– Это и мой дом. Я тебе говорил.

– И она не против, что ты вернулся?

– Мы не обсуждали это в таких выражениях.

Она прищурилась:

– Я ей не доверяю. Какая уважающая себя женщина примет назад экс-муженька вроде тебя? Когда мой бывший парень в Кракове попытался

вернуться в мой дом, я схватила папино ружье и взяла его на прицел. – Она изобразила, как целилась.

Мак задумался:

– А что, это вариант.

– Оказалось, что зря. Он только хотел отдать мой сиди-плеер. – Она повернулась, собираясь уходить, по дороге подцепила виноградинку из вазы с фруктами. – Мне его тоже не хватало.

Чертовы ворота опять заклинило. Пытаясь выровнять створки и замкнуть висячий замок, Ковбой Джон вдруг увидел знакомую фигуру. Девочка бежала к нему, школьная сумка ударялась о бедро.

– А я собирался закрывать ворота. – Он снял висячий замок с петель. – Прощай тебя вчера весь день. Боялся, с тобой что-то стряслось. Где ты пропадала, дочка? – Он закашлялся, резко и хрипло.

– Они поместили меня в Холлоуэй. – Сара бросила школьную сумку на булыжник и побежала к стойлу Бо.

Ковбой Джон закрыл ворота и на негнущихся ногах пошел за ней следом. Осенняя прохлада пробирала его до костей.

– Тебя посадили в тюрьму?

– Нет, – ответила она, сражаясь с защелкой на дверях стойла. – Социальные органы. Они сказали, я не могу жить одна дома без Папá, и отправили в эту дурацкую семью. Они живут в Холлоуэй. Они думают, я сейчас с Папá. Иначе мне сюда было бы не выбраться.

Она бросилась на шею лошади, и он увидел, как ее затрясло: будто накопившееся за день напряжение вырвалось наружу.

– Ты держись. Держись. – Он щелкнул выключателем и зажег свет. – Тебе надо расслабиться. Черт, что вообще происходит?

Сара повернулась к нему, ее глаза возбужденно блеснули.

– Во вторник нашу квартиру ограбили. Женщина, которая подвозила меня до дому, юрист или что-то в этом роде, заставила меня переночевать у нее. Сказала, одной у себя мне оставаться опасно. Потом они отвезли меня в социальные органы, и теперь я живу в чужой семье. И останусь там, пока Папá не станет лучше. В этой семье из Холлоуэй. Они совершенно чужие. Я сюда добиралась час с четвертью на автобусе.

– И чего они добиваются?

– Все было нормально, пока квартиру не ограбили.

– Дедушка знает об этом?

– Не знаю. Я его только завтра увижу. Они не знают про Бо. Им нельзя о нем говорить, а то они и его куда-нибудь поместят.

– Не беспокойся ты об этом. – Ковбой Джон покачал головой. – Никуда его не заберут.

– Мне теперь даже нечем платить за конюшню. Они забрали пенсионные книжки Папá и выдают мне деньги только на автобус и на обед.

– Не волнуйся ты так. – Джон видел, что она на грани истерики. – Когда твой Папá встанет на ноги, мы разберемся с платой за аренду. Деньги на корм лошади у тебя есть?

Она сунула руку в карман, пересчитала наличность и протянула ему:

– Хватит на четыре копны сена и пару мешков корма. Но вам придется кормить его за меня. Я даже не знаю, смогу ли приходить и убирать навоз.

– Ладно, ладно. Я буду убирать у него в стойле или попрошу кого-нибудь из ребят. А вот что делать с кузнецом? Ты же знаешь, он придет во вторник.

– Знаю. У меня есть кое-какие сбережения. Могу из них заплатить за этот месяц. Но на аренду не хватит.

– Я же тебе сказал: разберемся с арендой, когда Капитан поправится.

– Я верну долг. – Сара будто боялась, что он не верит.

– Знаю. Ты что, думаешь, я глупый? – Он шагнул назад и махнул в сторону пони. – Этим канализационным крысам я не дам просрочить аренду и на день. Но ты и твой Папá... Так, теперь давай успокаивайся. Займись своей лошастью, а там видно будет.

Похоже, она немного пришла в себя. Взяла щетку и начала чистить коня, методично, ритмично скользя рукой по боку, как делал ее дедушка. Казалось, эта простая работа давала ей утешение.

– Сара... Я бы предложил тебе остаться у меня, но дом мал. К тому же я так давно живу один. Был бы у меня дом побольше или женщина, которая могла бы о тебе позаботиться... Не думаю, чтобы они разрешили девочке жить в таких условиях.

– Не имеет значения.

– Ты сможешь запереть здесь все, если я уйду? – спросил он, минуту помявшись. Было видно, что она не спешит уходить. Ковбой Джон прислонился к двери стойла и сдвинул шляпу назад, чтобы лучше видеть девочку. – Слушай, Сара, хочешь, я навещу твоего дедушку завтра, а ты сможешь прийти сюда?

– А вы смогли бы? – Она выпрямилась. – Не хочу оставлять его одного на два дня.

– Без проблем. Ему было бы приятно знать, что Бо продолжает свои цирковые тренировки. И я хочу кое-что с ним обсудить. Хочу поговорить об

этом и с тобой, милая, тоже.

Она посмотрела на него с подозрением, ожидая нового удара.

– Я собираюсь продать конюшню Салю.

У нее округлились глаза.

– А как же...

– Все будет хорошо. Я так и скажу твоему деду. Все останется как прежде. Я здесь побуду какое-то время, пока дом продается. Как обычно, ежедневно буду открывать ворота и заниматься делами.

– Куда вы уезжаете? – Она обняла коня за шею и повисла, словно боялась, что и он тоже может куда-нибудь исчезнуть.

– Поселюсь за городом. Где-нибудь, где зеленая трава. Думаю, мои парни это заслужили. – Он кивнул в сторону своих лошадей. Поколебался. Вынул сигарету изо рта и сплюнул. – То, что произошло с твоим дедушкой, Сара, меня подтолкнуло. Я уже немолод и, если мне осталось недолго, хочу провести остаток жизни в каком-нибудь спокойном месте. – (Она ничего не сказала, только взглянула на него.) – Мальтиец Саль обещал мне, дочка, что все пойдет по-старому. Он знает о Капитане, знает, что сейчас ему приходится туго. Говорит, что ничего не будет менять.

Она не обязана была отвечать. Он понял это по ее лицу. Принимая во внимание положение, в котором она оказалась, как она могла во все это поверить?

– Спасибо, Майкл, что приехал пораньше. Миссис Перси скоро будет здесь, а я хотела бы пробежаться с тобой по предварительным документам... – Наташа замолчала: вошел Бен с коробочкой бумажных платков и бутылкой охлажденного белого вина. – Обычно мы не поощряем слез, – заметила она, когда Бен аккуратно поставил бутылку на стол перед ней, – но когда имеешь дело с клиентом такого калибра...

– Можно позволить ей немного поплакать.

– И смягчить боль бокалом ее любимого шабли, – улыбнулась Наташа.

– Я полагал, в этой части города речь скорее пойдет о конфискации банки особого напитка, распиваемого в неполюженном месте.

Обаяние и шутливая речь знаменитого адвоката Майкла Харрингтона, специализирующегося на разводах, давали неправильное представление о его остром, как бритва, уме. Наташа помнила, как впервые увидела его в суде, когда еще была стажером, а он – поверенным противной стороны. Она пожалела, что не взяла с собой магнитофон, чтобы иметь возможность потом скопировать обманчиво легкомысленную манеру, с которой он разносил в пух и прах позицию оппонента.

– Хорошо. – Она посмотрела на часы. – Вкратце, женаты двенадцать лет, у него второй брак, некая неясность, как скоро они с мистером Перси сошлись после того, как первая жена его бросила. Чуть больше года назад она застала его на месте преступления с au pair^[30]. Довольно банальная история. У нас две проблемы. Во-первых, нет согласия относительно финансовой компенсации, по причине неясности величины активов. Во-вторых, она отказывается соблюдать договоренности о доступе на территорию на том основании, что в период брака он оскорблял ее физически и психологически, а их одиннадцатилетнюю дочь – словесно.

– Запутанно.

– Да. В документах нет тому доказательств. – Наташа пробежала глазами свою записку по делу. – Она утверждает, что всячески скрывала это, так как не хотела портить его деловую репутацию. Теперь, как она говорит, ей нечего терять. Он грозит отказаться от предложенной финансовой компенсации из-за недостаточности активов. Нет необходимости говорить, что дело получит широкий общественный резонанс, учитывая его репутацию. Слушание состоится в Главной канцелярии Отделения по делам семьи Королевского суда. Заседание по урегулированию спора обернулось сплошной катастрофой. Тем временем миссис Перси, похоже... Похоже, собирается предать огласке свою версию событий. Это все, что я могу сделать, чтобы помешать ей обратиться в газеты. – Наташа замолчала, соединила ладони кончиками пальцев. – Ты обнаружишь, Майкл, что это не самый легкий клиент для представления в суде.

Бен просунул голову в дверь:

– Она здесь.

Майкл бросил на Наташу быстрый взгляд, вскочил и с заранее протянутой рукой подбежал к двери встретить миссис Перси.

За годы работы в «Дэвисон и Бриско» Наташа навидалась женщин, подвергавшихся побоям. Она представляла детей, чьи матери клялись, что их мужчина не способен ни на кого поднять руку, несмотря на швы на затылке и на синяки под глазами. Она видела женщин, настолько запуганных годами оскорблений, что разучились говорить в полный голос. Но она никогда не встречала женщины, подобной Джорджине Перси.

Не успел Бен закрыть за ней дверь, как она уже схватила Наташу за руку обеими ладонями:

– Он снова мне угрожает! – Накрашенные ярким лаком ногти впились в кожу. – Позвонил вчера вечером и сказал, что, если не увидит Люси, подстроит мне аварию.

Длинные, тщательно уложенные мягкими волнами волосы спадали на плечи. Дорогая одежда облегла тело, закаленное жесткими тренировками и годами самодисциплины. Но, похоже, на ее лице с идеально наложенным макияжем навечно застыло гневное выражение. Едва она заговорила, как показалось, что вся иная энергия исчезла из помещения.

– Присядьте, пожалуйста, миссис Перси. – Наташа подвела ее к стулу, налила вина в бокал и протянула ей. – Позвольте представить вам Майкла Харрингтона, королевского адвоката, о котором мы говорили. Он будет представлять вас в суде.

– Я ему сказала, что записала разговор. – Миссис Перси ее явно не слышала. – Его угрозы. Все. Разумеется, я этого не сделала, но была так напугана. Сказала ему, что, если со мной что-нибудь случится, запись попадет к вам. И знаете, что он сделал? Рассмеялся. Я слышала, как эта потаскушка смеялась вместе с ним. – Она умоляюще посмотрела на Майкла Харрингтона. – Он заблокировал мои кредитные карты. Представляете, каково это, когда вашу карту не принимают в «Харви Николс»?

– Мы постараемся в ближайшее время организовать встречу, чтобы решить вопрос о промежуточной компенсации.

– Мне нужен приказ суда, запрещающий досаждать. Хочу, чтобы он не приближался к дому.

– Миссис Перси, – начала Наташа, – я объяснила вам: очень трудно вам помочь без каких-либо материальных доказательств, что вы и ваша дочь подвергаетесь риску или опасности.

– Мистер Харрингтон, он пытается свести меня с ума! Он оказывает на меня все больший и больший нажим, чтобы я выглядела сумасшедшей и чтобы судья отнял у меня ребенка.

Клиентка обращалась только к барристеру, будто он был один в комнате. Это такая женщина, подумала Наташа, которая других женщин предпочитает не замечать.

– Миссис Перси! – Майкл Харрингтон сел с ней рядом. – Из документов, которые я видел, следует, что вы рискуете потерять ребенка скорее из-за неисполнения решений суда, а не из-за подозрения в душевном расстройстве.

– Никогда не отдам ему свою дочь! – категорически заявила она.

Словно впервые увидев Наташу, она закатала рукав и вытянула обнаженную руку. Длинный белый шрам доходил до локтя.

– Это осталось после того, как он стащил меня с лестницы. Думаете, он не может сделать такое с Люси? Вы думаете, я должна оставить мою

дочь в доме с этим человеком?

Майкл погрузился в изучение документов. Наташа нагнулась вперед:

– Мы говорили, что необходимо подтвердить ваши заявления о риске для Люси. Вы мне сказали, что няня видела, как муж вас ударил, но в ее показаниях ничего не говорится об этом.

– То была гватемальская няня, а не польская.

– Можно получить показания у гватемальской?

– Откуда я знаю? Она в Гватемале! Толку от нее не было никакого. Пришлось уволить. – Миссис Перси отпила из бокала. – Застала ее, когда она примеряла мою одежду. Будто бы она ей подходила! Будто бы она была способна втиснуться в двенадцатый размер!

Майкл Харрингтон закрыл авторучку колпачком:

– Миссис Перси, видел ли кто-нибудь акт насилия по отношению к вам или к вашей дочери?

– Я же вам говорю! Он такой умный! Он все делал за закрытыми дверями. Говорил, что мне никто не поверит.

Клиентка громко разрыдалась. Наташа переглянулась с Майклом, взяла коробочку с бумажными платками и протянула женщине.

– Я обращусь в прессу! – Миссис Перси с вызовом посмотрела на нее. – Чтобы все знали, что он за человек, он и его шлюшка.

– Предлагаю не спешить с этим, – дипломатично сказал Майкл. – Это не расположит к нам судью, и еще очень важно, чтобы нас абсолютно не в чем было бы упрекнуть.

– Вы полагаете? – (Оба адвоката кивнули.) – Но это ужасно! – Дама громко высморкалась в бумажный платок. – Так ужасно.

– Мы некуда не спешим, миссис Перси.

Время шло. Удивительно, какими спокойными могут быть барристеры, когда им платят триста пятьдесят фунтов в час, подумала Наташа.

– А теперь начнем все сначала. Очень важно все сделать правильно.

Наташа послала Бену эсэмэску:

Ляг пораньше. Нам предстоит длинный день. До завтра.

Глядя на ворох одежды на своей кровати, Наташа подумала: когда имеешь дело с по-настоящему богатыми людьми, это все равно что читать журналы про дизайн интерьеров. После того как она повидала женщину с безупречной кожей, изысканной одеждой из кашемира и шелка, обутую в крошечные дизайнерские туфли, собственный гардероб показался ей старомодным, а ее более чем средняя фигура – бесформенной. Не забывай,

напомнила она себе, ты пережила развод легче, чем Джорджина Перси. Женщина бушевала еще час, никого не слушая, противореча сама себе, изливая гнев, горечь и, пожалуй, неподдельную тревогу. Когда она наконец ушла, даже Майкл Харрингтон потерял самообладание.

Открылась входная дверь, и Наташа у кровати подпрыгнула от неожиданности. Наступила пауза, словно вошедший обдумывал, что сказать, а потом из прихожей послышалось неуверенное: «Привет».

Она невольно стиснула зубы. «Привет, милая, я дома», будто они снова были счастливой семейной парой. Она выждала, потом крикнула: «Я наверху!» – стараясь, чтобы ее слова не были приняты за приглашение.

Он все равно, сводя ее с ума, поднялся вверх. В дверном проеме появилась его голова, а потом он сам.

– Хочу заказать еду в ресторане с доставкой на дом. Ты что-нибудь будешь?

– Нет. Я уйду.

– Уезжаешь, – поправил он, заметив чемодан.

– На выходные. – Она подошла к комоду и вынула две сложенные кофточки.

– В приятное место?

– В Кент.

Она не знала, сказать ли ему о коттедже, который арендовала, когда он ушел от нее. Потом испугалась: он может решить, что у нее есть другое жилье, и станет посягать на дом еще больше. Конор предупредил, чтобы она ничего не говорила Маку, как бы он ни был мил. «Все в конце концов обернется против тебя».

– Поэтому дом в твоём полном распоряжении на выходные, – добавила она.

Бросила вещи в чемодан и прошла в гардеробную взять увлажнитель воздуха и косметику.

Мак засунул руки в карманы джинсов. Неловко осмотрелся вокруг, вспоминая время, проведенное в этой комнате, и это было сродни какому-то наваждению. После его ухода она ничего не поменяла. В частности, поэтому Конору здесь не нравилось.

– Значит, можно закатить вечеринку на всю ночь. – (Она резко обернулась.) – Шучу. Ты забыла щетку для волос.

Она помедлила, потом взяла ее. Не могла признаться, что в коттедже у нее была щетка.

Мак потер затылок:

– Я так понимаю, едешь с Конором?

– Да. – Она стояла спиной к нему, упаковывая чемодан.

– Как он?

– Отлично.

– Если это из-за меня, не стесняйся, скажи. Одно слово, и меня не будет весь вечер. Не хочу никому наступать на пальцы. Если не хочешь, не уезжай.

– Все нормально. Не переживай, – солгала она. – Мы почти всегда уезжаем из Лондона на выходные.

– У меня есть где остановиться. Только скажи.

Она продолжала собираться. Его присутствие мешало. Спальня была ее убежищем, после его возвращения единственным неприкосновенным местом. Когда он вновь появился, она с горечью вспомнила времена, когда они весело запрыгивали в постель, дни, когда они смотрели видео и ели подгорелые тосты... ночи, когда она лежала рядом с ним, чувствуя себя самым одиноким человеком на свете. Кроссовки, сапоги, джинсы. Щетка для волос. Она пожала плечами, не в силах сосредоточиться.

– А куда в Кент ты едешь?

– Это что, допрос? – выпалила она помимо воли.

– Таш, я просто хотел быть вежливым. Мы постоянно уклоняемся от разговора. Я пытаюсь наладить подобие нормального общения. – Его голос был спокойным. – По большому счету я провожаю свою жену...

– Бывшую жену.

– Почти бывшую жену на выходные с любовником. Тебе кажется, это вполне цивилизованно? Сделай шаг навстречу.

Ей хотелось сказать, что это тяжело, намного тяжелее, чем ей представлялось. Но даже это маленькое признание было выше ее сил.

– Деревушка на границе с Сассексом.

– Я здесь долго не задержусь. – Он нахмурился, переминаясь с ноги на ногу на покрытом лаком полу. – Звонили агенты, сказали, что согласовывали окончательные детали. Завтра дом выставят на продажу.

Ее снова покорило. Она стояла посередине комнаты, с ботинками в руке.

– Таш, мы ведь договорились. – Он заметил выражение ее лица.

– Перестань называть меня Таш! – раздраженно бросила она. – Меня зовут Наташа.

– Прости. Если бы у меня было достаточно денег, я бы этого не делал. Мне тоже не нравится идея продажи дома. Не забывай, сколько времени я на него потратил.

Она прижала ботинки к груди. Где-то включили музыку. Громкие звуки

отражались от фронтонов домов.

– Может, так будет проще, по большому счету.

– Сомневаюсь, – огрызнулась она. – Но если надо это сделать, давай покончим с этим.

Она закрыла чемодан на молнию и, с трудом натянув на лицо улыбку, прошла мимо почти бывшего мужа и спустилась по ступеням.

Глава 7

Любой неожиданный звук приведет в замешательство горячую лошадь, точно так же как человек приходит в замешательство, когда сталкивается с неожиданной картиной, звуком или опытом.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Октябрь

Дедушку снова перевели. Целых двадцать минут Сара пыталась его разыскать. До прошлой недели он был в неврологическом отделении, а потом снова попал в реанимацию, когда у него началось воспаление легких.

– Мы надеялись, ему станет легче, – сказала медсестра, провожая Сару в отгороженный занавесками закуток, – но теперь дисфагия: ему трудно глотать. Бедный старый мальчик, ему нелегко.

– Он не мальчик, – резко возразила Сара. – Ему семьдесят четыре года.

Медсестра замедлила шаг, будто хотела что-то еще сказать, потом припустила быстрее, и Саре пришлось ее догонять. Медсестра остановилась у синей занавески в цветочек, откинула ее, пропуская девочку вперед. Та придвинула стул поближе к кровати. Спинка была приподнята, и дед практически сидел. С болью она смотрела на его посеревший подбородок, покоившийся на груди. Прежде она видела дедушку со щетиной, отросшей максимум за ночь, и сейчас подумала, что эта небрежность его бы расстроила.

Сара бесшумно открыла тумбочку рядом с кроватью, желая удостовериться, что все его вещи перенесли. Ей зачастую приходилось приставать к медсестрам, чтобы их отыскать. За время пребывания в больнице бесследно исчезли две пижамы, принесенные ею, новый кусок мыла и пакет с лезвиями. Она осмотрела полку и вздохнула с облегчением. Косметичка, полотенце и его фотография с Нанá были на месте. Сара достала фотографию и поставила на тумбочку. Если развернуть ее правильно, он мог бы смотреть на нее весь день.

Она взглянула на часы, пытаясь определить, сколько времени в запасе. Хьюиты были строги в отношении распорядка дня. Они требовали, чтобы она была дома в четыре, даже если она говорила, куда ей надо. Сейчас

было почти два. Она не успевала на Спеапенни-лейн, чтобы выгулять Бо.

Она взяла дедушку за руку и вздрогнула, ощутив, до чего сухая у него кожа – будто бумага. Месяц в больнице высосал из него все соки, лишил крепости. Трудно было поверить, что еще несколько недель назад он поднял лошадь на дыбы. Обмен ролями лишил ее устойчивости, корней. У нее было ощущение, что жизнь утратила смысл.

– Папá?

Выражение его лица не изменилось. Она взглянула на кучу лекарств на тележке рядом. Медсестры говорили, что ему на всякий случай дают антибиотики. Она надела на него очки.

– Я принесла тебе йогурт.

Когда они вынули трубки из горла, она приносила ему каждый раз что-нибудь, что он мог бы проглотить. Больничная еда ему не нравилась.

Его взгляд смягчился, и она поняла, что он ее узнает. Накрыла ладонью его руку:

– С черешней. Твой любимый.

Он сжал ее руку.

– Хотела тебе сказать, Бо уже линяет, но чувствует себя прекрасно. Мы с ним вчера много гуляли, скакали легким галопом, и он вел себя очень хорошо. Я увеличила его рацион – ночи становятся все холоднее. И еще я даю ему сахарную свеклу. Правильно?

Он кивнул едва заметно, но ей было достаточно. Все было хорошо, пока он одобрял.

– После тебя я пойду к нему. Хочу взять его на прогулку на болота. В парк не могу – сегодня суббота. Слишком много народу. Но он будет рад.

Сара говорила неправду, но теперь обдумывала каждую фразу. Было важно, чтобы он думал только о хорошем, находясь здесь. Больше он ничего делать не мог.

– Новая семья, в которой я живу, милая. Кормят хорошо, но не так, как у нас. Когда ты вернешься, я приготовлю тушеную рыбу с чесноком, как ты любишь.

Его пальцы дернулись в ее руке. Это была поврежденная рука, которой он не мог шевелить. Она все говорила, словно ее ничего не значащая болтовня могла вернуть его к нормальной жизни.

– Хочешь попить?

Она взяла пластмассовый поильник с водой. Он едва заметно кивнул. Сара приложила поильник к его губам и слегка приподняла подбородок другой рукой, чтобы не пролить воду. Она давно забыла о брезгливости. Поняла, что если она не будет этого делать, то вряд ли кто-нибудь это

сделает вообще.

– Temps^[31], – сказал он.

Она взглянула на него.

– Хлеб. Chapeau^[32]. – Он раздраженно закрыл глаза.

– Позвать медсестру?

Он нахмурил брови.

– Позволь, я посажу тебя удобнее. – Она поправила подушки, чтобы он не так сползал. Умело поправила постель, затем пижаму у шеи, чтобы он выглядел не таким беспомощным. – Так лучше?

Дед кивнул. Он казался побежденным.

– Ничего. Не унывай, Папá. Доктор сказал, все наладится, но это может случиться не скоро. Ты помнишь. Тебе нездоровится. Значит, все эти лекарства не помогли. Наверное, они что-то перепутали.

Его глаза неодобрительно затуманились. Ему не нравилось, что она относилась к нему покровительственно. Потом заметила, что он перевел взгляд на стол, где лежала ее сумка.

– Йогурт. Хочешь йогурта?

Он вздохнул с облегчением.

– Chapeau, – снова произнес он.

– Хорошо, – сказала Сара. – Chapeau.

Она достала из сумки чайную ложку и открыла коробочку с йогуртом.

Даже год спустя было трудно сказать, что именно привело к разрыву. Может, в подобных делах вообще не найти правды. Возможно, у каждого была своя правда. Как в суде, где нет абсолютов, а только точки зрения и все зависит от того, кто лучше аргументирует свою. Только разрыв случился задолго до того, как они могли изложить друг другу свои взгляды.

Поначалу, когда Мак ушел, Наташа говорила себе, что это к лучшему. Они были слишком разными. Постоянное раздражение опустошило ее, превратило в человека, который ей самой не нравился, и было очевидно, что оба в тот год были несчастливы. Возможно, если бы они проводили больше времени вместе, они поняли бы это скорее. Сколько раз она себе это говорила.

Сидеть одной в лондонском доме было невыносимо. В конце концов, как он любил шутить, это был «Дом, который построил Мак». Там все напоминало о нем, каждый сантиметр. Каждая комната кричала о том, что она потеряла: вот лестница, которую он перестроил, вот полки, которые он перевешивал дважды, пустота там, где стояли его книги и диски, где висела

его одежда. Большая часть вещей, которые он взял с собой, хранилась на складе, и даже это беспокоило ее: вещи, которые они любили, выбирали вдвоем, пылились теперь в каком-то незнакомом месте, так как он стремился полностью исчезнуть из ее жизни.

– Остальное заберу через неделю или две.

Она стояла в прихожей, пригвожденная к месту. Вспомнила, как было холодно босым ногам на каменном полу. Кивнула, словно соглашалась, что это разумно. А потом, когда за ним закрылась дверь, медленно сползла по стене на пол. Неизвестно, сколько времени она сидела в оцепенении, придавленная масштабом случившегося.

Несколько недель, задолго до того, как семья и друзья узнали об их разрыве, по выходным, рано утром или поздно вечером, когда нельзя было спрятаться у себя в кабинете и уйти с головой в работу, она садилась в машину и уезжала. Ездила по улицам, по эстакадам шоссе, под мостами, по тускло освещенным дорогам с двусторонним движением. Останавливалась только на заправках. Слушала радио, разные ток-шоу. Звонившие в эфир должны были ей напоминать, что ее жизнь не так уж плоха, но отчего-то это не утешало. Слушала политические и научно-популярные программы, драмы, мыльные оперы. Музыку не слушала. Это было все равно что ходить по минному полю. Только казалось, все в порядке, и вдруг какая-нибудь песня разрывает душу. Под эту песню мы танцевали, а эта звучала, когда устраивали барбекю. Слезы лились по щекам, и она переключала станцию. Лучше слушать новости, недовольно ахать или изумляться диким точкам зрения.

Она забывалась, сосредоточившись на двух вещах: радио и дороге. Однажды в субботнее утро она оказалась в Кенте. У нее заурчало в животе, и она, к собственному удивлению, осознала, что в последний раз ела почти восемнадцать часов назад. Увидела кафе с витриной, оформленной нарочито в стиле добрых старых времен и выглядевшей как-то странно не по-английски. Съела половину сдобной булочки с маслом (в эти недели она с трудом заставляла себя съесть хоть что-нибудь), расплатилась и пошла прогуляться по деревне, вдыхая сырой осенний воздух. Она наслаждалась запахом дыма из труб, прелых листьев, острым горьковатым вкусом терновых ягод, сорванных с живой изгороди. И вдруг почувствовала себя лучше.

На домике перед ней висело объявление: «Сдается». Улица, похоже, вела к ферме, но Наташа дальше не пошла. Она набрала номер агента и оставила сообщение, что хочет снять дом, если он еще свободен. Впоследствии она скажет себе, что счастье за деньги не купишь, но для

жизни со своим горем можно подобрать местечко поприятнее.

Потом на выходные, которые проводил без сыновей, с ней стал приезжать Конор. Он не был практичным, как Мак, но ему нравилось проводить время с Наташей. Он валялся на диване, читал газеты, разжигал огонь – исключительно чтобы им полюбоваться. Иногда помогал ей готовить. В хорошую погоду сидел на воздухе с пивом, наблюдая, как она приводит в порядок сад. Наташа плохо разбиралась в садоводстве, но в скором времени поняла, что ей доставляет удовольствие вырывать сорняки или копать в земле, забывая на время несметное число городских трагедий, с которыми приходилось иметь дело на работе.

Она снимала коттедж уже почти год и летом порадовалась плодам своих трудов: на удобренной земле поднялись многолетники, расцвели розы, на яблонях уродились плоды. Женщина с фермы в конце дороги, которая оказалась конюшней, оставляла мешки с навозом у калитки.

– Спасибо, мне ничего не надо, – говорила Наташа, но та оказалась настойчивой.

– Мне его девать некуда. Чем больше удобрять розы, тем лучше.

В маленьком домике в Кенте она обрела душевный покой. Ее не связывало с ним ничего личного, и она постоянно была чем-то занята. Если она не приезжала туда на выходные, то не знала, чем себя занять.

А теперь прибавилась еще одна причина сбежать из Лондона. Почти год спустя Мак наконец решил забрать оставшиеся вещи.

– Ну, чем мальчики занимаются на этих выходных?

– Точно не знаю. Кажется, она везет их к своей матери.

– Не знаешь точно? Это на тебя не похоже.

– Она была такой мрачной, когда я их привез, что светской беседы не получилось.

Конор опустил уголки губ. Наташу поражало физическое проявление чувства обиды, которое переполняло его, когда он говорил о бывшей жене.

– Но ты сказал, им понравилось кататься на коньках, – напомнила она.

Они ехали в выдавшей виды спортивной машине Конора. Он взглянул в зеркало заднего вида и перестроился. Сказал повеселевшим голосом:

– Не то слово. Я выглядел на льду как корова, а они через двадцать минут уже могли ездить задом наперед. У тебя воды нет? Во рту пересохло.

Она достала из сумки бутылочку, отвинтила пробку и протянула ему. Он приложил бутылку ко рту и стал пить.

– Водил их в ресторан, о котором я тебе говорила? С фокусником?

– Водил. Они были в восторге. Прости, хотел сказать, да забыл.

– Думаешь, захотят сходить туда еще разок?
– Почему нет? – Он сделал еще глоток воды. – Может, в следующую субботу. Почти уверен, мне их отдадут.

Наташа наблюдала за ним и взяла бутылку, когда он ее протянул. Она нечасто ночевала в квартире Конора. Никогда еще не видела она такого безликого дома. Если бы не фотографии сыновей, разбросанные игрушки и яркое постельное белье во второй спальне, его можно было бы принять за гостиничный номер. Жизнь Конора отличалась монашеским аскетизмом. У него была стиральная машина, но белье и одежду забирали в прачечную и возвращали чистыми и отутюженными, поскольку ему не нравилось, когда белье и одежда были разбросаны по дому. Он не готовил. Зачем, если в соседних ресторанах это делали лучше? Кухней не пользовались, и она сияла первозданной чистотой, но уборку почему-то делали дважды в неделю.

Как Наташа подозревала, в душе Конор был возмущен своей новой жизнью и его отказ пустить корни в служебной квартире означал, что он не собирается задерживаться в ней надолго. В коттедже в Кенте он немного расслаблялся. Когда он разжигал огонь, готовил барбекю или чинил полку, она видела, каким хорошим семьянином он, вероятно, когда-то был.

– Знаешь... мне следует держать язык за зубами, но, если дело Перси пройдет хорошо, Ричард, вероятно, захочет поговорить с тобой.

– О чем?

– Да ладно, будто сама не знаешь. – На его лице появилась легкая улыбка.

– Предложит стать партнером?

– Тебя это удивляет? В последнее время ты приносишь фирме доход, а дело Перси повышает нашу репутацию. Знаю, его смущало, что ты по преимуществу занимаешься семейным правом, но сам удивился, как быстро такие дела окупаются. Что у тебя на следующей неделе?

Она попыталась сосредоточиться, мысли вдруг разбежались.

– Очередная встреча с Харрингтоном по поводу дела Перси. Похищение ребенка. Да еще молодой человек, который хочет получить статус беженца, – проблема с установлением возраста. Тоже клиент Рави. – Наташа вспомнила, что не проверила свой телефон утром, и полезла за ним в сумочку. – Приезжает без документов, говорит, что ему пятнадцать. Местные власти утверждают, что это не так. Он подпадал под параграф семнадцать: властям пришлось бы оплачивать его опеку. Если им удастся доказать, что он старше, его передадут в Национальную службу поддержки политических беженцев. Как всегда, вопрос о расходах.

– Выиграешь?

– Будет трудно. Бремя доказательства, что он ребенок, лежит на нас. Моя единственная надежда – процессуальная. Он не подвергался предварительной проверке, когда встал вопрос о его возрасте. Я их на этом подловлю.

Документы на парня были составлены кое-как, и такие дела стало выигрывать все труднее: власти оказывали давление, а это означало, что все чаще ребенка либо признавали взрослым, либо просто отсылали в страну, из которой он бежал.

– Ты, похоже, не уверена. Насчет его возраста.

– Не знаю, что и сказать. То есть он не бреется и все такое, но может и врать. Они все нынче утверждают, что им пятнадцать.

– Цинично, Дока, да? Ты не такая.

– Это правда. Дети стали такие жестокие. – Она почувствовала на себе его взгляд.

– Ты так никому ничего не рассказала об этом иранском пареньке? – (Она удивленно на него посмотрела.) – Ну, о том, который все не давал тебе покоя. Мистер Расстояние. Который не пришел, откуда сказал. Или направился не туда, куда было нужно.

– Али Ахмади? Нет.

– Даже социальному работнику?

– Что я могла бы ему сказать? – Она скрестила руки на груди. – Какой от этого прок?

– И правильно. Могла бы себе навредить. Судить людей не твоя работа. Твоя работа – как можно лучше представлять их в суде, используя информацию, которую тебе предоставили. – Он взглянул на нее, очевидно догадавшись, что говорит покровительственным тоном. – Просто мне казалось, ты слишком переживала из-за него. Ну не мог парень пройти такое расстояние. Он не хотел обмануть тебя лично.

– Знаю.

Она и вправду восприняла это как личную обиду. Не выносила, когда ей врут. Поэтому до сих пор чувствовала свою вину перед Маком.

– Ты не могла знать, что он сделает.

– Не могла. Ты прав. Но теперь я смотрю на них другими глазами. Читаю резюме и ищу неувязки.

– В твои обязанности не входит давать юридическую оценку их рассказам.

– Наверное. Но это не отменяет того факта, что парень этот сейчас по дороге в Суд короны. И в этом есть часть моей вины.

– Ты слишком строга к себе. – Конор покачал головой. – Не учитываешь человеческую природу. Бог мой, если бы я так близко принимал к сердцу судьбы людей, которых представляю, мне вообще было бы не место в профессии.

Она отвинтила пробку на бутылке с водой и отпила.

– В большинстве случаев я могу убедить себя, что занимаюсь полезным делом. Что нахожусь в положительном спектре правосудия. Не то чтобы я считала твой спектр хуже, но ты никогда не ждал от работы того же, что и я.

– То есть денег.

– Да, – со смехом подтвердила она. – Эта история с Ахмади... Боюсь, она сделала меня циничной, а я никогда не хотела быть такой.

– Брось, девочка. – Конор ухмыльнулся. – Если бы ты никогда не хотела быть циничной, то работала бы в хосписе, а не в проклятой юридической фирме.

Конор не был собственником. С самого начала их отношений он очень старался дать ей понять, чтобы она особенно не рассчитывала на его преданность. Он не морочил ей голову: приходил вовремя, звонил, когда обещал позвонить, но в то же время окружал себя невидимыми стенами. Не говорил о своих желаниях и потребностях. Выражал любовь, но без намека на серьезные намерения. Поэтому у нее не было никаких оснований полагать, что изменение ее жилищных условий может быть для него проблемой. Она сообщила ему новость, только когда они доставали вещи из машины.

– Он был в доме всю неделю? – Конор опустил на землю свой чемодан.

– Со вторника.

– И ты мне ничего не сказала?

– Мы с тобой почти не виделись на этой неделе. Когда я могла сказать? Ловить тебя на выходе из зала суда и шептать на ухо: «Привет, дорогой. Мой бывший муж снова поселился в доме»?

– Могла бы позвонить.

– Могла. Но не хотела. Как я уже сказала, чувствовала себя глупо.

– Представляю себе.

Конор взял свой чемодан и пакет с продуктами и вошел в дом. Видно было, что он рассержен.

– Но это не то, что ты думаешь, – сказала она, уловив его интонацию.

– Не знаю, Наташа. А что это? – Голос Конора был очень спокойным.

Она прошла за ним на кухню. В минувшие выходные она оставила цветы на мойке. Они завяли, побуревшие лепестки свешивались из вазы.

– Ему негде жить, и он владеет домом наполовину.

Он резко обернулся:

– Я могу смертельно заболеть, обанкротиться и сойти с ума, но даже тогда на выстрел не подойду к бывшей или к ее дому.

– Мы не прошли через то, через что прошли вы.

– Имеешь в виду, что вы не развелись. Или я чего-то не понимаю?

– Ты прекрасно знаешь, Конор, что мы разведемся. Еще не так много времени прошло.

– Не так много времени? Или вы еще не решили?

С излишней энергичностью он начал доставать продукты из пакета. Он стоял к ней спиной, но она точно знала, что он стиснул зубы.

– Ты это серьезно?

– Ты мне только что сообщила, что твой не совсем бывший муж вновь живет с тобой под одной крышей. Как я могу быть несерьезным?

– Бог мой, Конор! – Наташа гордо прошла мимо него. – Можно подумать, моя жизнь и без того не была запутана. В последнюю очередь ожидала, что ты будешь изображать мистера Собственника.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ты даже не захотел со мной в отпуск поехать, а теперь устраиваешь сцену из-за того, что мы с моим бывшим мужем делим собственность.

– Это не одно и то же.

– Разве? Ты даже не хочешь познакомить меня со своими детьми.

– Так я и знал! – Он вскинул руки. – Ты их в это впутаешь.

– Хочешь правду, впутая. А что, по-твоему, я должна чувствовать, когда ты ведешь себя так, будто меня не существует. Ты не разрешаешь мне даже кофе с тобой выпить, если они у тебя.

– Они еще не оправились от удара. Их жизнь – сплошной кошмар. Мы с их матерью даже разговаривать не способны. Думаешь, знакомство с мамочкой номер два поможет им?

– Почему я должна быть мамочкой номер два? Разве не могу быть просто твоим другом?

– Думаешь, детей можно провести? Они сразу все поймут.

– И что теперь? – Она повысила голос. – Если мы будем вместе, им рано или поздно придется узнать обо мне. Или это я чего-то не понимаю?

– Конечно нет! Конечно мы вместе! Но зачем торопиться, черт побери? – Потом его голос смягчился. – Ты не понимаешь детей, Наташа. Не сможешь понять, пока не заведешь своих. Дети... должны быть на

первом месте. Им еще так больно. Они так переживают. Я обязан их защитить.

Она смотрела на него во все глаза:

– Конор, ты считаешь, я не могу этого понять? Будучи бесплодной...

– Бог мой, Наташа, зачем же так?

– Иди к черту! – прошипела она и побежала вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки сразу.

Потом заперлась в ванной.

Ноздри лошади были как блюдца. Они так раздулись, что за черным бархатом была видна розовая плоть. Глаза побелели, она хлопала ушами, постоянно проверяя, что делалось позади. Тонкие ноги выбивали какой-то невиданный тустеп. Мальтиец Саль спрыгнул с двухколесной повозки, подошел к лошади и погладил ее по шее, блестящей от пота.

– Винсент, что скажешь? Можно на ней подзаработать? – Он начал распрягать лошадь, велев знаком племяннику делать то же самое с другой стороны.

– Она тебе дорого обойдется. Смешная поступь. Ноги ее мне не нравятся.

– Эта лошадка выиграла четырнадцать заездов из пятнадцати. А ноги у нее лучше твоих. Это топ-модель среди лошадей.

– Тебе виднее.

– Да ты не отличишь рысака от иноходца. Хорошая лошадь. Чую. Ральф, наденешь ей путы?

Ральф подпрыгнул, чтобы поймать лошадь: освободившись от повозки, та носилась по двору, выделявая балетные па. Он едва сдерживал ее поводьями.

Сара проскользнула мимо них и закрыла за собой ворота. Ковбой Джон отсутствовал, а она постоянно была настороже среди приятелей Мальтийца Саля.

Он всегда был окружен мужчинами. Миссис Саль как бы существовала, наряду с женами других мужчин, но, как говорил Ковбой Джон, никогда не выходила из дому.

– Он двадцать лет держит ее взаперти. Хорошо готовит и убирается, а также... – Он поправил шляпу. – Забудь.

Сара чувствовала на себе их взгляды, пока шла к стойлу Бо, и была благодарна, что их отвлек Ральф, тщетно пытавшийся стреножить непокорную лошадь.

Сара всегда жалела рысаков и иноходцев. С красивыми ногами и

кроткими глазами, их привозили на двор, кормили до отказа, безжалостно гоняли, пока они не снашивали ноги или пока Саль не терял к ним интереса, а потом исчезали. Папá не одобрял того, что их заставляли носить по дорогам туда-обратно, наказывали, если они пугались или не слушались. Когда Саль срывался и хлестал лошадь, люди молча переглядывались. Но никто ничего не говорил. Не такой он был человек, чтобы ему перечить.

Сара вошла в стойло, и Бо тихонько заржал, вытянул голову в ожидании угощения. Она протянула ему мятный леденец, вдохнула его сладковатый запах, позволила обнюхать карманы в поисках других гостинцев. Потом сменила воду и соломенную подстилку.

Несмотря на помощь Ковбоя Джона, ухаживать за Бо становилось все труднее. Семейство Хьюит, в чьем безупречном доме никогда не держали даже золотой рыбки, страшно огорчалось, когда она не приходила домой в назначенный час. Сара не могла объяснить свое отсутствие (такие предлоги, как опоздание на автобус, оставление после уроков и срочное посещение бабушки, быстро истощились, и в них уже не верили), и ее ждала очередная лекция о том, как для них важно, чтобы они всегда знали, где она находится, об опасностях, которые ее поджидают, когда она часами пропадает неизвестно где. После этого она, если подозревала, что они действительно следят за ней, на следующий день прогуливала школу. В школе пока не замечали ее прогулов, но она знала, что это только до поры до времени. А какой у нее еще был выбор? Иногда она могла выбраться в конюшню, только чтобы покормить коня.

На длинном поводке Сара вывела Бо из стойла и направилась по Спеапенни-лейн, держась у края тротуара, подальше от проезжающих автомобилей. Она тихонько успокаивала коня, когда его случайно бросало в сторону от избытка энергии или он упирался у дорожного знака. Ничего удивительного – он любил работать. Ему была нужна не только физическая нагрузка, но и интеллектуальная тоже.

– Слишком умен на свою голову, – говорил Ковбой Джон, когда Бо в очередной раз отомкнул верхнюю защелку на двери стойла.

– Слишком умен для тебя, – бывало, отвечал Папá. – Сколько мозгов ему нужно, чтобы попасть на самый верх?

Сара стояла посреди улицы, тихой в сгущающихся сумерках, и пыталась забыть, каким слабым выглядел Папá сегодня. Каково это – ощущать, что стальной стержень внутри тебя исчез и ты стал слабым и зависимым? Глядя на него, трудно было поверить, что он сможет вернуться в их квартиру, к их прежней жизни. Но верить в это было надо.

Сара прошла с Бо вниз и вверх по улице еще раз, прося прощения, что у нее нет больше времени. Словно он мог понять. Он тряс головой, дергал ушами, ускорял шаг, показывая, что готов идти быстрее, дальше. Когда она повернула назад к воротам, он опустил голову, разочарованный, и она испытала укор совести. Мальтиец Саль с товарищами был в дальнем углу двора. Они курили и разговаривали. Открывая ворота, она увидела Ральфа. Он боготворил Саю и краснел от удовольствия, если тот бросал ему сигарету.

Когда она открыла кладовку, где хранила корм, у нее упало сердце. Оставалось четыре охапки сена – меньше стога. Она была так занята всю неделю, что забыла заказать у Ковбоя Джона еще сена. Его кладовая была заперта на замок.

Сара порылась в карманах в поисках мелочи, на которую можно было бы купить немного сена у Ральфа. Нашла сорок шесть пенсов и проездной на автобус.

Сзади послышался какой-то звук: Саль открыл свою кладовку. Он что-то насвистывал. Через дверной проем она видела аккуратные скирды и мешки с дорогим кормом для лошадей. Она никогда не видела столько фуража в одном месте. Он резко обернулся, и ей стало стыдно, что она подсматривает.

Он бросил взгляд на ее кладовку:

– Маловато, да?

Она ничего не ответила и стала открывать сетку для сена.

Он чмокнул:

– Похоже, буфет опустел.

– Все в порядке.

Мальтиец Саль прикрыл дверь и подошел ближе. Его рубашка была безупречна, словно он не подходил близко к лошади. Улыбнулся, сверкнув золотым зубом:

– У тебя достаточно сена?

Она встретила с ним взглядом и отвела глаза:

– Джон обещал одолжить мне немного.

– Джону надо уладить кое-какие дела. Его не будет до завтра. У тебя проблемы?

– Мне хватит.

Она начала сгребать остатки сена. Выпрямилась и хотела пройти, но он стоял на пути, не то чтобы загораживал дорогу, но пройти мимо, не попросив его подвинуться, она не могла.

– У тебя хорошая лошадь.

– Знаю.

– Такую лошадь нельзя кормить, сгребая остатки с пола.

– Завтра все будет нормально.

Он вынул изо рта сигарету и вытащил соломинку из охапки, которую она несла, поджег ее горячей сигаретой, наблюдая, как она вспыхнула и сгорела дотла.

– Годится только на растопку. Дед все еще болеет, да?

Сара кивнула. Над головой прогрохотал поезд, но она не отводила от Мальтийца глаз.

– Не хочу, чтобы ты кормила свою лошадь этим дерьмом. Брось.

Он снова засунул в рот сигарету, зашел в свою кладовую и вынес скирду сена. Оно было еще зеленым и источало сладкий луговой аромат. Он легко занес его в ее кладовку, раскачивая на бечевке, и положил в угол. Она стояла, прижавшись к стене, а он тем временем принес вторую. Подцепил большой мешок наилучшего корма для лошадей и, ворча, перебросил его через пролет двери:

– Ну вот. Пока хватит.

– Не надо, – прошептала она. – У меня нет денег.

Казалось, он видит ее насквозь.

– Заплатишь, когда появятся деньги. Договорились? Если я стану хозяином, не хочу, чтобы такая хорошая лошадь голодала. – Он пнул старую охапку. – А это выкинь в жаровню.

– Но...

– От Джона ты ведь принимаешь помощь? – Он пристально посмотрел на нее, и она нехотя кивнула. – Прими от меня. Ну, мне пора. – Он с важным видом вышел на двор.

Сара смотрела, как он присоединился к компании, потом нагнулась, чтобы вдохнуть запах нового сена. Оно было лучшего качества, чем то, к которому она привыкла. Если бы Папá был здесь, он не позволил бы ей принять дар. Но в этом-то и заключалась проблема.

Она взглянула на часы и вздрогнула. Через четырнадцать минут она должна быть у Хьюитов. А добираться на автобусе – пятьдесят пять минут с пересадкой. Она разрежала бечевку, взяла большую охапку и побежала туда, где ее ждала лошадь.

Тишина лондонского дома поразила Наташу. Она ощутила ее остроту, закрыв за собой дверь. Тишина, повисшая над лондонской улицей и прокравшаяся в прихожую, делала дом даже тише, чем коттедж в деревне. Возможно, это было оттого, что в доме мог находиться кто-то еще.

Наташа перешагнула через вездесущие теперь футляры фотоаппаратов и прошла в гостиную. Вдохнула, увидев фотопрожекторы в углу, и проверила автоответчик. Неподвижный красный огонек означал, что сообщений нет.

Она принялась, ища следы запаха вина и сигарет, свидетельство того, что были гости, но ничего не почувствовала. Смятые подушки на диване говорили о вечере, проведенном у телевизора. Она взбила подушки и водрузила на место, чувствуя легкое раздражение от того, что сделала.

Вернулась в прихожую, взяла чемодан и поднялась наверх, пугаясь звука своих шагов, словно была чужой в собственном доме.

Выходные, начавшиеся столь неудачно, потом наладились, но Наташа знала: они с Конором были потрясены ожесточенностью скандала, неожиданной силой задетых чувств, в которых оба не желали признаваться самим себе. Ей было даже приятно, что его так взволновало возвращение Мака, но одновременно и обидно. Он претендовал на особое место в ее жизни, не желая при этом впускать ее в свою.

– Дока, я обязательно познакомлю тебя с детьми, – сказал он, когда подвозил до дому, – обещаю. Потерпи еще немного. Ладно?

К себе он ее не пригласил.

Наташа бросила чемодан на кровать и расстегнула молнию. Она загрузит стиральную машину, потом включит телевизор и погладит блузки. После этого поработает за письменным столом и подготовит бумаги для завтрашнего суда, проверит, есть ли у нее все, что необходимо. Обычные дела воскресного вечера, знакомые, как пальцы на левой руке.

На мгновение Наташа застыла посреди комнаты, словно парализованная этой новой атмосферой. Мак не показывался на глаза, но его присутствие ощущалось во всем, словно он всерьез водворился в доме.

– Проверь, не тырит ли он книги или картины, – посоветовал Конор. – Давать ему неограниченный доступ ко всему – это все равно что подписать при разводе чек с непроставленной цифрой.

Но Наташу не пугала перспектива лишиться вещей, даже если бы она могла поверить, что Мак способен на такое. Ее беспокоило его присутствие, аура, которую он распространял вокруг себя.

Она поняла, что все еще злится на него за то, что его не было рядом, когда она в нем нуждалась. Злится, что он вернулся и нарушил ее жизнь, которую она с трудом собрала из обломков. Типично для Мака – рушить все вокруг, не задумываясь о последствиях. Она винила его за неудачные выходные, хотя в глубине души знала, что он ни в чем не виноват. За то, что сама была вынуждена уехать из дому. И все это его, похоже, ничуть не

заботило: он просто вошел как ни в чем не бывало, со своей очаровательной улыбкой и непринужденными манерами, будто пуленепробиваемый. Будто их брак был всего лишь слабым сигналом на его эмоциональном радаре.

Сама не понимая, что делает, Наташа пересекла лестничную площадку и подошла к гостевой спальне. Позвала Мака, потом нерешительно толкнула дверь. Смятая постель, кипа грязной одежды в углу у бельевого корзины. Слабый сладковатый запах марихуаны.

Не так уж он и изменился. Она замерла на пороге, потом бесшумно прошла через комнату в смежную ванную. Бритвенный станок в стакане, зубная паста и щетка. Коврик косо лежал на кафельном полу, и ей захотелось его поправить. Но беспорядок странным образом придал ей уверенности: это было отражение того человека, какого она знала. Безалаберного. Далекого от совершенства. Поэтому мы и разводимся, напомнила она себе и почувствовала почти благодарность к нему за эту вновь обретенную уверенность.

Она уже собиралась уходить, когда на глаза попалась золотистая баночка с дорогим кремом на стеклянной полке в дальнем конце ванны. Это был женский увлажняющий крем. А рядом ватные диски для удаления макияжа.

Что-то внутри похолодело и затвердело. Моргая, решительной походкой, не заботясь о соблюдении тишины, Наташа вышла из гостевой спальни.

Глава 8

Величие человека лучшим образом проявляется в обходительном обращении с этими животными.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Ковер в кабинете директора был роскошного глубокого синего цвета, настолько пушистый и мягкий, что ни один из вызванных учеников не мог отделаться от мысли, каково будет, если скинуть туфли с носками и погрузиться в него босыми ногами. Возможно, это скорее объясняло, почему почти все посетители мистера Фипса казались сбитыми с толку, чем отражало число учеников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности.

Сару ковер не волновал. Ее беспокоило другое: уже почти двое суток она не могла добраться до конюшни.

– Сара, ты четвертый раз пропускаешь английский в этой половине семестра. – Мистер Фипс изучал бумаги, разложенные на столе. – Это был твой любимый предмет. – (Сара сплела пальцы.) – Знаю, тебе сейчас приходится нелегко, но у тебя никогда не было проблем с посещаемостью. Тебе трудно добираться до школы? Приемная семья тебе не помогает?

Она не могла сказать ему правду – то, что сказала Хьюитам: проездной на автобус она потеряла, а деньги, выданные на проезд, пошли на покупку подстилки для Бо.

– Они обязаны обеспечить, чтобы ты приезжала в школу. Если они не помогают тебе добираться до школы утром, мы должны об этом знать.

– Они помогают.

– Тогда почему ты пропустила уроки?

– Я... запуталась в маршрутах и опоздала на автобус.

Смена режима стала сказываться на Бо. Тем утром он чуть не вырвался из стойла, потом напугал женщину с коляской и выбежал на дорогу так неожиданно, что водитель такси нажал на клаксон. Сара орала на водителя, стоя перед капотом. Когда она привела Бо в парк, он взбрыкнул, потом затащил уздечку, не слушая ее команды и закусив мундштук. Она злилась на него и не знала, что делать, а позже, когда, взмыленные и несчастные, они возвращались домой, сожалела об этом.

– Местные власти будут оплачивать такси. Мы сделаем все, что в

наших силах, Сара, если проблема в транспорте. – Он сложил ладони домиком. – Но мне кажется, дело не только в этом. Здесь говорится, что ты пропустила географию два раза в четверг днем и физкультуру три раза в пятницу днем. Что скажешь по этому поводу?

Она смотрела на свои ноги. Разве человек с таким дорогим ковром может понять ее жизнь?

– Я навещала дедушку, – едва слышно сказала она.

– Он все еще в больнице?

Она кивнула. Даже Папá на нее рассердился, когда она пришла к нему в пятницу. Посмотрел на часы на стене и прошептал: «Плохо. *Après*»^[33]. Она поняла, что он имел в виду. Велел больше не приходить в это время. Но он ведь ничего не знал. Не знал, что она по полдня носится по улицам Северо-Восточного Лондона, переминается с ноги на ногу на автобусных остановках, бежит бегом по переулкам, чтобы успеть в конюшню и вернуться вовремя.

– Твой дедушка поправляется? – Лицо директора смягчилось.

Если бы у нее был другой характер, подумала Сара, она бы заплакала – все знали, Фипс не переносил девчоночьих слез.

– Понемногу.

– Непростое для тебя время. Понимаю. Смотри на школу как на нечто стабильное в твоей жизни, на что можно опереться. Если тебе тяжело, Сара, ты должна сказать нам. Мне или кому-нибудь из учителей. Здесь все хотят тебе добра. – Он откинулся на спинку кресла. – Но мы не можем позволить тебе навещать дедушку когда заблагорассудится. Скоро надо будет думать об экзаменах. Это важно. Некоторые предметы даются тебе нелегко, так? Нужно наладить посещаемость. Что бы ни случилось в твоей жизни, ты должна выйти из школы, приобретя солидное образование. – (Она кивнула, не глядя ему в глаза.) – Сара, я хочу видеть нужные результаты. Хорошие оценки. Как думаешь, ты сможешь их показать?

Ковбой Джон пришел на двор в последний раз. Он навещал Папá, и первое, что сказал, войдя в ворота: он аннулирует задолженность по арендной плате. Он скажет Салю, что долга нет. С новым хозяином начнется новый расчет. Она угадывала, что он ожидал увидеть облегчение на ее лице. Но вместо этого вся кровь отлила от ее лица. Она поняла: он уже не верит, что Папá сможет расплатиться.

Не верил, что Папá вернется домой.

– Никаких больше пропусков уроков, Сара. Хорошо?

– Хорошо. – Она подняла голову, гадая, может мистер Фипс читать ее мысли или нет.

Столкнувшись с ним на кухне, Наташа подпрыгнула от неожиданности. Было без четверти семь. Когда они жили вместе, он начинал шевелиться не раньше десяти.

– Подвернулась работа в Хартфордшире. Реклама. Макияж, волосы, все такое. На дорогу нужно часа полтора, не меньше.

От Мака исходил легкий аромат шампуня и крема для бритья, будто он только что вышел из душа. Она сделала вид, что ничего не слышала, и занялась приготовлением завтрака, пытаясь скрыть замешательство.

– Прости, я взял последний пакетик чая. Надеюсь, не возражаешь? – Он взмахнул рукой с тостом, читая ее газету. – Я куплю. Ты ведь по-прежнему пьешь кофе?

– Ничего другого не остается. – Она закрыла дверцу шкафчика.

– Да, я говорил, что в четверг уезжаю на пару дней. Заказ сорвался, поэтому остаюсь в Лондоне. Ничего?

– Ничего. – Наташа пролила молоко на столешницу.

– Она тебе нужна? – Мак показал на газету. – Прости, что узурпировал.

Наташа помотала головой, соображая, где бы ей сесть. Если напротив, есть риск соприкоснуться ногами. Если сбоку, может создаться впечатление, что она ищет близости. Неспособная сделать выбор, Наташа осталась стоять у кухонных шкафчиков с миской хлопьев в руках.

– Оставлю себе страницы со спортом. Можешь взять остальные. Нет новостей от агента по недвижимости? Хотел спросить еще вчера вечером.

– На выходных две пары хотели посмотреть. Кстати, можно тебя попросить не курить марихуану в доме?

– Раньше ты не возражала.

– По правде говоря, возражала. Просто молчала. Дело не в этом. Если придут люди смотреть дом, им может не понравиться, что пахнет как в амстердамском кафе.

– Понял.

– Да, у агента есть ключи, поэтому тебе не обязательно присутствовать.

Он подвинул стул, чтобы лучше ее видеть:

– То есть *мне* не обязательно присутствовать? Ты снова уезжаешь?

– Да.

– Ты часто уезжаешь на выходные. Куда на этот раз?

– Это имеет значение?

Он поднял руки:

– Таш, мы просто ведем светскую беседу.

– Снова еду в Кент.
– Хорошо. Должно быть, тебе это нравится. Для Конора там тоже есть место?

– Вроде того.
– Он здесь редко бывает?
– Понятно почему. – Она сосредоточила внимание на хлопьях.
– Ты меня удивляешь. Его это особо не беспокоило, когда мы еще были вместе. Ладно... Ладно. – Он задрал голову. – Знаю. Все с нуля. Мы вроде не должны обсуждать, что было раньше.

Наташа закрыла глаза и глубоко вздохнула. Она не была готова возвращаться к этой теме с утра пораньше.

– Конечно, Мак, мы можем обсуждать, что было раньше. Просто, мне кажется, не стоит делать саркастических замечаний по поводу того, что было в нашем браке. Или чего не было, – добавила она многозначительно.

– Я к этому отношусь спокойно. Я тебе говорил: если он хочет остаться, я сметаюсь. Можем составить расписание. Я исчезаю по вторникам, ты – по средам. Что-то вроде того. – Он полностью погрузился в изучение газеты, потом прибавил: – Мы же современные люди.

Она потянулась к кофе.

– Надеюсь, все вскоре разрешится и нам не придется составлять расписание «ночных свиданий».

Ночные свидания. Она остро ощущала присутствие невидимой женщины. Знала, что по выходным, когда она уезжала, женщина являлась сюда. Для этого не надо было тайком пробираться в гостевую ванную. Иногда Наташе мерещился запах чужих духов. Иногда Мак сам себя выдавал: был довольным, расслабленным, как в те времена, когда они с ним проводили большую часть дня в постели. Ты занимался сексом все выходные *в нашем доме*, думала она, потом мысленно ругала себя за это.

Хлопья застряли у нее в горле. Она прожевала последнюю ложку и швырнула миску в сторону посудомоечной машины.

– Ты в порядке?

– Да.

– Правда в порядке? Тебе это не слишком тяжело?

Иногда Наташе казалось, что он ее испытывает. Как будто хотел, чтобы она сказала «больше не могу» и ушла. Конор предупреждал: «Только не уходи, не давай воли чувствам». Как только она уйдет из дома, потеряет и моральные и юридические преимущества. Если Мак вложил в дом столько времени и сил, он может не так уж хотеть уезжать из него, как говорил.

– Он-то больше всех хочет его продать, – возразила она.

– Он хочет, чтобы ты так думала.

Конор в поведении каждого видел скрытые мотивы. Он рассматривал присутствие Мака в доме как вражескую оккупацию. Не отдавай ни пяди. Не отступай. Не рассказывай о своих планах.

– Мне это совсем не тяжело, – весело сказала она.

– Вот и отлично. – Мак смягчился. – Я раньше беспокоился, как все сложится.

Она была удивлена. По Маку не было видно никакой тревоги. В этом он не изменился.

– Как я уже сказала, обо мне не переживай. – (Он удивленно посмотрел на нее.) – В чем дело?

– Таш, ничего ведь не изменилось?

– Что ты имеешь в виду?

Он изучал ее с серьезным видом.

– Ты, как всегда, непроницаема.

Их взгляды встретились. Он первым отвел глаза и сделал большой глоток чая.

– Кстати, я вчера загрузил стиральную машину, положил то, что было у тебя в корзине тоже.

– А что же там было?

– Ну, синяя футболка. И белье в основном. – Он допил чай. – Дамское белье, я бы сказал. – Перевернул страницу газеты. – А у тебя стало лучше со вкусом после того, как мы разошлись, я заметил... – (Наташино лицо залилось краской.) – Не переживай. Я выставил низкую температуру. Я в этом разбираюсь. Мог бы даже выставить режим ручной стирки.

– Не смей, – сказала она. – Не смей... – Она почувствовала себя страшно незащищенной. От одной мысли.

– Просто хотел помочь.

– Вовсе нет. Ты... знаешь, кто ты... – Она схватила портфель с бумагами и бросилась к двери, потом резко обернулась. – Не смей дотрагиваться до моего белья, понял? Не дотрагивайся до моей одежды. До моих вещей. Довольно того, что ты живешь здесь. Не хватало еще, чтобы ты рылся в моих трусах.

– Не придумывай. Считаешь, для меня нет большего удовольствия, чем рыться в твоём белье? Бог мой, я только помочь хотел.

– Тогда и не ройся.

– Не волнуйся! – Он раздраженно бросил газету на стол. – Близко к твоим трусам больше не подойду. Да и раньше почти не подходил, насколько помню.

– За это спасибо. Большое тебе спасибо.

– Извини. Я просто... – Он вздохнул.

Они смотрели в пол, потом подняли голову и встретились взглядами. Он поднял брови:

– Я буду впредь стирать свои вещи отдельно. Договорились?

– Договорились. – И она решительно закрыла за собой дверь.

Сара склонилась к шее лошади. Ноги были крепко зажаты в стремях, ветер выбивал слезы, которые скатывались из уголков глаз и высыхали. Она неслась с такой скоростью, что болело все тело: кисти, сцепленные на холке с зажатыми поводьями; живот, поскольку она пыталась сохранить равновесие, борясь с силой ветра и притяжения; ноги, которые она с трудом удерживала вдоль боков лошади. Она прерывисто дышала, сжимала руки на его шее, а Бо летел вперед, и она слышала только топот его копыт. Она не сдерживала его. Он ждал этого несколько недель. Болота были обширными и ровными, и можно было позволить ему скакать до изнеможения.

– Вперед, – шептала она ему, – давай!

Слова застревали у нее в горле. Бо все равно ее бы не услышал, даже если бы она кричала. Он погрузился в собственный, чисто физический мир, ведомый инстинктом, наслаждался свободой, растягивал напряженные от бездействия мышцы, ноги взлетали над ухабистой дорогой, легкие напрягались от усилия поддерживать такую сумасшедшую скорость. Она понимала его. Ей и самой это было нужно.

Вдалеке на фоне неба высились стальные пилоны, между ними висели кабели, указывающие путь к городу. Под ними на бетонных опорах, пересекая болота, по узкой дороге непрерывным потоком двигался транспорт. Слышались гудки клаксонов, возможно, сигналили ей, точно она сказать не могла. Бо двигался быстрее, чем автомобили и грузовики в час пик. Это приводило ее в восторг, но и пугало в то же время, так как она не была уверена, что сможет его остановить. Они еще никогда не уезжали так далеко, и раньше она не позволяла ему развивать такую скорость. Он сворачивал в сторону, объезжая старые велосипедные рамы в высокой траве, и она с трудом удерживалась в седле, ощущая, как напрягается его круп, когда он устремляется вперед. Сара почти ничего не видела, дыхание перехватило. Она оторвала голову от его шеи, выплюнула застрявшие во рту волосы гривы, касающейся ее лица. Попыталась определить, сколько они проехали. Слегка натянула поводья, понимая, что ей не хватит сил удержать его, если он будет артачиться. В глубине души ей было все равно:

было бы намного проще, если бы они могли мчаться без остановки. Парить над высокой травой, пересекать шоссе, маневрируя между машинами, а его копыта высекали бы искры. Они бы перепрыгивали через машины и ограждения. Летели бы под пилонами, мимо складов и автомобильных парковок, пока не оказались бы за городом. На всем свете остались бы она и ее лошадь, которая несла бы ее по зеленой траве в какое-нибудь светлое будущее.

Но Бо не забыл, чему его учил Папа. Почувствовав, что поводья натянулись, он послушно замедлил ход. Уши ходили взад-вперед, словно он проверял, правильно ли ее понял. Сара села в седло и выпрямилась, давая ему понять, что пора сбавлять скорость. Делать то, что она его просит. Возвращаться в их мир.

В пятидесяти футах от шоссе Бо перешел на шаг. Его разгоряченные бока вздымались, воздух с шумом выходил из ноздрей короткими толчками.

Сара сидела неподвижно, прищуриваясь и всматриваясь в даль, откуда они только что прибыли. Ветер уже не дул ей в лицо, но слезы продолжали катиться из глаз.

У ворот школы стояла Рут, социальный работник. Сара заметила ее, когда рылась в школьной сумке, пытаясь отыскать какую-нибудь мелочь. Рут стояла в сторонке, маленький аккуратный красный автомобиль был припаркован на противоположной стороне улицы. Видимо, она не хотела привлекать к себе внимание. Не было ни одного ребенка, выходящего из ворот, который не таращился бы на нее. Сара нехотя подошла к ней. Если бы на Рут был рыцарский плащ с гербом, на котором было бы написано неоновыми буквами «социальный работник», она бы и то меньше бросалась в глаза. Как полицейского в штатском, так и социального работника можно узнать сразу.

– Сара?

У нее упало сердце, когда она поняла, что мог означать приход этой женщины. Рут, видимо, заметила это.

– С твоим дедушкой все в порядке, – сказала она, когда Сара поспешила ей навстречу. – Не волнуйся.

Сара вздохнула с облегчением и нехотя пошла за женщиной к ее машине. Открыла дверцу и села на пассажирское сиденье. Она собиралась навестить дедушку и гадала, можно ли попросить Рут подвезти ее до больницы. Неожиданно Сара заметила на заднем сиденье две черные сумки. Из одной выглядывал ее спортивный костюм. Два переезда за пять

недель – она знала, что означают эти сумки.

– Я переезжаю?

– Боюсь, Сара, у Хьюитов лопнуло терпение. – Рут завела мотор. – Дело не в тебе, они считают, что ты славная девочка. Но нести ответственность за кого-то, кто постоянно исчезает, для них непосильная задача. Та же история, что и с Макиверсами. Они боятся, как бы с тобой чего не случилось.

– Ничего со мной не случится, – с оттенком презрения сказала Сара.

– В школе тоже обеспокоены. Я слышала, ты пропускаешь уроки. Не хочешь мне сказать, что происходит?

– Ничего не происходит.

– Может, здесь замешан какой-то мальчик? Или мужчина? Ты к нему бегаешь, Сара? Не думай, будто мы ничего не замечаем. Ты куда-то бегаешь между Хьюитами и школой.

– Нет. Никакого мальчика нет. И мужчины тоже.

– Тогда что?

Сара потерла ногу об ногу. Ей хотелось, чтобы Рут скорее уехала, чтобы дети, выходящие из школы, на них не пялились. Но Рут не двигалась с места, ожидая ответа.

– Я хотела повидать дедушку.

– Но дело не только в этом, так? Я была в больнице во вторник, когда позвонили из школы и сказали, что ты ушла с уроков. Я хотела тебя подвезти, но тебя в тот день в больнице не было. Так где ты была?

Сара смотрела на свои ладони, на которых не зажили волдыри от вожжей. Рано или поздно они узнают. Она понимала это. Вспомнила о Бо, как он двигался под ней, скоротечное чувство свободы, когда они летели навстречу новому будущему. Сунула руку в сумку, инстинктивно проверяя, на месте ли ключи от конюшни.

– Ты должна мне помочь, Сара. Я не знаю, что с тобой делать. За пять недель ты сменила две приемные семьи. Хорошие семьи, добрые люди. Хочешь оказаться в приюте? Оттуда тебе точно не удастся сбежать. Можем установить комендантский час или выделить человека, который каждый день будет провожать тебя до школы и встречать после уроков. Ты этого хочешь?

Сара порылась в сумке и достала листок бумаги.

«Все, что будет нужно, – сказал он, – все что угодно».

– К Маку. – Она подняла голову. – Я хочу обратно в дом к Маку.

Десять человек. Шесть просмотров. И ни одного предложения.

– Это все из-за процентных ставок, – извиняясь, объяснил агент по недвижимости. – Заставляют людей нервничать. Дважды подумать, прежде чем выдвинуть предложение.

– Но нам надо продать этот дом.

Наташа удивилась самой себе. До возвращения Мака она уезжать не хотела.

– Тогда могу только предложить снизить цену. По сходной цене продается все. И заранее прошу прощения, но было бы неплохо немного прибраться в гостевой спальне. Делу не помогает, если потенциальным покупателям приходится перешагивать через мужское нижнее белье, чтобы осмотреть ванную.

Наташа лежала в ванне, раздумывая, насколько снизить цену, чтобы продать дом. Снижение должно привлечь покупателей, но не оставлять неприятного осадка у нее. Это был красивый дом на приятной улице. Эта часть Лондона пользовалась спросом, все так говорили, а ей нужно было выручить достаточно, чтобы купить квартиру в другом месте.

Перспектива снова поселиться в квартире навевала грусть. К тридцати пяти полагается заложить фундамент жизни. Встретить свою половинку, поселиться в доме, который любишь, сделать хорошую карьеру. Иметь ребенка или двух. Сквозь пузырьки пены был виден ее совершенно плоский живот. Одно из четырех. Негусто. Да и то после эпизода с Ахмади она засомневалась в своей профессиональной компетенции.

– Наташа?

Она села и проверила, не забыла ли запереть дверь.

– Я здесь! – крикнула она.

Только бы он не привел никого в дом!

На пол опустили что-то тяжелое, потом раздались его шаги на лестнице. Прихожую заполонило оборудование: куча прожекторов, холщовые сумки с фотоаппаратами, усилители света из фольги. Скоро придется перепрыгивать через все это добро, чтобы войти или выйти.

– Я в ванной, – громко сказала она.

Наташа слышала, как он остановился у двери, и вдруг смутилась. Представила, как он стоит в коридоре, в футболке и джинсах, поглаживая себя по макушке.

– Ходил в супермаркет. Накупил кучу всего. Оставил на кухне. Чай в пакетиках и прочее.

Отлично, подумала она. Хочешь медаль?

– Звонил в агентство недвижимости. Они сказали, последняя пара еще может сделать предложение. Только два дня прошло после просмотра.

Она слышала, что ему на телефон пришло сообщение. Когда он заговорил снова, ей показалось, что-то его отвлекает, возможно, он набирает ответ. Ему никогда не удавалось делать два дела одновременно. Она глубже погрузилась в воду, пузырьки поднялись до подбородка, и голос Мака стал едва слышен.

– В любом случае, не помню, говорил я или нет, в следующую среду кто-то еще придет смотреть. Так что ничего нельзя загадывать наперед.

Они смотрели дом вместе. Мак пришел прямо с работы, с фотоаппаратом, висящим на шее. Она сказала, что он похож на позера. Он снимал комнаты, и оба были восхищены светом и простором. На следующее утро они высказали намерение купить этот дом.

– И еще был один звонок, – сказал он неуверенно.

Наташа насторожилась и села в ванне:

– Кто звонил?

– Из социальной службы. Речь шла о девочке, которая у нас ночевала.

– Что с ней?

– Они спросили, не могли бы мы приютить ее на несколько недель. Что-то у нее там не складывается с приемной семьей. – Он выдержал паузу. – Она просит взять ее к нам.

Вспомнились настороженные глаза девочки, уставившиеся в тарелку с завтраком. Ее растерянное лицо, когда она увидела разорение в своей гостиной на пятом этаже.

– Но мы ее не знаем.

– Она сказала, мы друзья ее семьи. Я не стал опровергать. Но, думаю, это не имеет значения. Я сказал, что это вряд ли возможно.

Наташа выбралась из ванны.

– Почему?

Он ответил не сразу. Было слышно, что он подошел ближе к двери.

– Кажется, ты была против. Не был уверен, что тебе понравится присутствие в доме постороннего человека. Я им сказал, что ты слишком загружена на работе.

– Мы о ней ничего не знаем.

– Это правда.

Наташа завернулась в белое пушистое полотенце и села на край ванны.

– А ты что думаешь? – спросила она, глядя на дверь.

– Я бы не возражал. Если бы это помогло ей пережить несколько недель. Пока мы дом не продадим. Она мне показалась неплохой девчонкой.

По его голосу она слышала: присутствие Сары принесло бы ему

облегчение. Как и ей. Они переключились бы на что-нибудь другое, и напряжение спало бы.

Она вспомнила об украденных рыбных палочках. Девочка клялась, что собиралась за них заплатить. Перестань, сказала она сама себе. Не все дети себе на уме. Просто надо дать ей шанс.

– Таш?

Наверное, никогда ей так сильно не хотелось заботиться о ребенке.

– Не вижу причин, почему бы нам не приютить ее на пару недель, – сказала она, – но тебе придется организовать свою работу, чтобы включиться в ее расписание. У меня грядет серьезное дело, и я не смогу раньше уходить с работы.

– Думаю, у меня получится.

– Не знаю, Мак. Это такая ответственность. Тебе придется перестроиться, забыть о треклятых сигаретах, пить меньше. Нельзя будет приходить и уходить когда заблагорассудится. Весь твой стиль жизни изменится. Не знаю...

– Тогда я им позвоню, – заключил он и, судя по шагам, направился к лестнице, – спрошу, что дальше делать.

Глава 9

Прежде всего тогда следует понять, что норы у лошади – то же самое, что гнев у человека.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Наташа услышала, как Сара спускается по лестнице. Девочка ступала нарочито бесшумно, будто не хотела, чтобы ее слышали, но Наташа, которая все еще остро ощущала присутствие посторонних в доме, тотчас оторвалась от бумаг. Уступив Маку свой кабинет в качестве спальни, она работала за кухонным столом и теперь откинулась на спинку стула, чтобы лучше видеть, что происходит.

– Ты уходишь?

Сара резко обернулась, будто не ожидала, что ее увидят. На ней был пуховик и шерстяной полосатый шарф.

– Я ненадолго.

– Куда идешь? – спросила Наташа с непринужденным видом.

– Повидать подругу.

– Хочешь, я тебя подвезу? – Наташа встала.

– Нет, спасибо.

– Тогда встречу. Сейчас рано темнеет. Мне не трудно.

– Нет, спасибо. – Сара улыбнулась, но улыбка вышла неубедительной. – Я доберусь на автобусе.

И исчезла, прежде чем Наташа успела что-то еще сказать. Сжав в пальцах ручку, Наташа смотрела на входную дверь.

Сара жила у них уже десять дней. Первые два дня она почти все время молчала и скрывалась у себя в комнате, если Наташа была дома, но потом у них установилось некое подобие режима. Наташа готовила завтрак (обычно она вставала первая), Мак отвозил Сару в школу, как посоветовал социальный работник. Он отвечал за первые пару часов после школы, а затем либо Сара с Маком, либо все трое, в зависимости от того, как поздно Наташа приходила с работы, ужинали. Факсимильная копия семьи.

Поначалу Наташе было неловко ужинать с Маком. Застольный разговор давался с трудом. Но Мак болтал с Сарой, и даже если девочка отмалчивалась, они все равно ощущали себя в большей, чем раньше, безопасности, а иногда даже испытывали чувство товарищества. Жизнь

Сары, ее маленькие потребности, даже ее упрямство придавали смысл их общению.

Дважды звонили из школы: жаловались, что она прогуливает уроки. Сара объясняла, что ошиблась с расписанием. А однажды она пришла, а учитель что-то перепутал и не явился. Рут, социальный работник, предупредила, что девочка нарушает установленный для нее распорядок.

– Нас беспокоит то, что ее нет там, где она должна быть, – говорила Рут.

У Наташи было ощущение, что от них что-то скрывают.

– А как иначе у подростков? – весело говорил Мак. – Меня тоже никогда не было там, где я должен был быть.

– Нельзя давать ей слишком много свободы, – твердила Рут, обращаясь к Наташе. – Насколько нам известно, дедушка был с ней строг, и она, похоже, реагирует на потерю стабильности, слетая с катушек. Прогуляла много уроков и отказывается говорить, чем занимается. Боюсь, вам с ней придется несладко, – быстро добавила она. – Как я уже сказала, это ребенок, которому, как нам кажется, было бы легче, если бы существовало четкое расписание. И если вам удастся договориться с ней об определенных ограничениях относительно того, когда и куда она уходит, всем было бы лучше.

Улыбаясь, Рут сказала, что у них есть преимущество: Сара сама попросилась жить с ними.

– Из опыта могу сказать, что, когда молодые люди сами выбирают семью, дела идут лучше. Уверена, так и будет.

У Наташи не было времени почувствовать себя польщенной. Теперь, когда Сара поселилась у них, складывалось впечатление, что та хотела бы проводить с ней как можно меньше времени. За ужином Сара отвечала односложно, а если Наташа была дома, то сидела у себя в комнате и отлучалась так часто, что казалось, она вообще у них не живет.

За первым ужином Мак сказал:

– Знаешь, мы никогда еще не принимали гостей твоего возраста. Что будем делать?

Он говорил так весело, так беззаботно.

Наташа стояла у плиты, соскребая пригоревшие крошки пиццы с противня и делая вид, будто не прислушивается.

– После школы я обычно встречаюсь с друзьями, – осторожно сказала Сара.

Мак пожал плечами:

– Хорошо. Скажем, два раза в неделю для начала. В остальные дни ты

должна приходить домой и мы вместе будем делать уроки. Хотя, честно признаюсь, у меня нет ни малейшего представления, что ты должна делать.

– Я привыкла уходить и приходить, когда мне нужно.

– А мы не привыкли, Сара, что в доме есть кто-то еще, и нам нужно время, чтобы приспособиться. Думаю, мы вскоре сможем дать тебе ключи от дома, но ты должна постараться. Договорились?

Девочка тоже пожала плечами:

– Договорились.

Наташа думала, что Сара была для Мака всего лишь дымовой завесой, помогающей скрыть, насколько им некомфортно друг с другом. Но он полностью погрузился в заботу о девочке. Бросил курить и пил не больше бокала вина или пива за вечер. Проштудировал кулинарные книги, чтобы научиться готовить в отсутствие Наташи. Казалось, он инстинктивно знал, о чем поговорить с Сарой, что она хочет на ужин или что посмотреть по телевизору. Иногда она улыбалась его шуткам, делилась тем, что произошло за день, возвращаясь из школы.

Наташа пыталась найти нужный тон. Часто даже ей самой казалось, что она говорит с ней, как с клиентом: «Тебе нужно что-нибудь? Что ты обычно ешь в школе?» Вопросы казались неловкими, будто она вела допрос. Во время таких разговоров у Сары появлялось настороженное выражение лица, словно она тоже чувствовала себя как на допросе.

Наташа предложила добавить что-нибудь в гостевую спальню, чтобы сделать ее поуютнее, но Сара отказалась. Вежливо улыбнулась, когда Наташа показала ей новое пуховое одеяло и туалетные принадлежности в ванной. Мягко отклонила идею пойти в выходной в магазин и выбрать постеры или картины для украшения стен. Однажды днем, когда Сара была в школе, Наташа зашла в комнату. Она пыталась понять, что Сара за человек, в чем нуждается, но вещи мало о чем могли сказать: дешевая одежда из сетевых магазинов, точно как у других девочек этого возраста, фотография, на которой изображена она и двое пожилых людей, вероятно ее бабушка и дедушка. Несколько книг о лошадях и школьная форма. Вообще Сара была аккуратной девочкой, но, что странно, обувь ее часто бывала в грязи, а джинсы в пятнах и пахли чем-то острым, Наташа не могла понять чем. Когда она спросила однажды вечером, Сара покраснела и сказала, что они с подругой выгуливали собаку в парке.

– Все нормально. Она откроется, нужно время, – уверил Мак, когда Сара удалилась к себе. – Только представь, как это все для нее необычно. За пару месяцев вся ее жизнь перевернулась.

Не только ее, хотелось сказать Наташе. Но вместо этого она взяла

документы и пошла на кухню работать, все больше чувствуя себя незваным гостем в своем доме.

– ...Поэтому в эти выходные я не еду в Кент.

Конор с трудом верил своим ушам.

– Вы с Маком – приемные родители девочки? – повторил он.

– Не говори так, Конор. Мы не удочерили ее. Я встретила Сару случайно. Она просто у нас поживет, пока ее бабушка не поправится. Кстати, это несколько упрощает нашу жизнь. Снимает напряженность.

Конор смотрел на это иначе.

– Кажется, я чего-то не понимаю, Дока, – сказал он, поглаживая свой кожаный портфель. – Сначала он переезжает к тебе. Теперь вы приемные родители. И ты не можешь уехать со мной на выходные, так как вы играете в семью.

– Это ее первые выходные, – очень спокойно ответила Наташа. – В пятницу приходит социальный работник, чтобы убедиться, что она нормально устроилась. Я не могу вот так взять и уехать, когда она только что у нас поселилась.

– Итак, вы изображаете счастливую семью.

– Конор, не говори ерунды. Думаю, Маку было так же трудно. Когда в доме третий человек, мы не должны относиться друг к другу как прежде.

– Все это очень хорошо, но я вижу это в другом свете. Когда у тебя дети...

– У нас нет детей. У этой девочки своя жизнь, свои интересы. Ее вообще дома почти не бывает.

– И в чем тогда смысл, если ее вообще почти дома не бывает? Ты сказала, в ее присутствии вам незачем общаться друг с другом.

Черт, как трудно спорить с юристом!

– Не передергивай. Она попросилась к нам. Мы с Маком оба решили, что это разрядит атмосферу в доме. К тому же поможет подростку в сложной ситуации.

– Какой альтруизм!

Она вышла из-за стола, подошла к нему и села на подлокотник рядом. Заговорила почти шепотом:

– А если бы ты встретил неиспорченного ребенка, которому был нужен кров на несколько недель, чью жизнь ты бы мог изменить к лучшему, что бы ты сделал? – (Теперь он внимательно ее слушал.) – Ты же отец. Представь, если бы речь шла о твоём сыне. Ты бы не молил, чтобы какие-нибудь хорошие люди позаботились о нём? – Она ловила его

взгляд. – Когда мы продадим дом, она благополучно вернется к себе, и мы, все трое, можем разойтись по разным дорогам. Всем будет хорошо.

Она хотела взять его за руку, но он отстранился и склонил голову набок.

– Я все это понимаю. Но объясни мне одну вещь. – Он подался вперед. – Как ты объясняешь свое семейное положение официальным представителям? Странное дело! Двое почти не виделись целый год и не испытывают друг к другу никакой симпатии, но внезапно предлагают спасти заблудшую душу... – (Она сделала глубокий вдох.) – Ой-ой-ой. Я знал...

– Да нет же, Конор...

– Вы им не сказали, так? – Его голос стал язвительным. – Они думают, что вы вместе. С официальной точки зрения вы обычная семейная пара.

– Не было смысла говорить об этом... Тебе прекрасно известно, что я не поменяла фамилию.

– Очень удобно.

– Просто не распространялась об этом, – пыталась объяснить она. – И только. Люди знают меня как Макколи. Не знала, что с этим делать.

– И теперь мистер и миссис Макколи удочеряют маленькую девочку. Очень все хорошо складывается, не правда ли? Семья восстановилась.

– Мы ее не удочерили. Это подросток, которому надо где-то жить несколько недель. Перестань, Конор. Не ищи того, чего нет.

Но ему мерещилась целая палитра мотивов, отговорок, хитростей. Дни напролет он ее избегал; если она приглашала провести с ней вечер, он ссылался на занятость или вовсе ее не замечал. Он вернется, говорила себе Наташа. Она смотрела на свой мобильный телефон, который показывал в четырнадцатый раз, что ей звонили только по работе. Значит, надо сосредоточиться на работе.

В доме было тихо. Еще несколько часов он будет принадлежать только ей. Она опустила голову на руки и закрыла глаза. Потом встрепенулась и, сделав глубокий вдох, будто вынырнула, набрала номер своего офиса и оставила сообщение на автоответчике.

– Бен, собери, пожалуйста, все свидетельские показания по делу Ноттингема. И немедленно дай знать, если будут новости из зала суда номер три. Мне кажется, местный орган власти в деле Томпсона собирается подать апелляцию.

Это снова повторилось. У ее кладовки были сложены три скирды свежего сена, распространявшего сладкий аромат летних лугов. Рядом

лежал невскрытый мешок корма. Сара за это не платила. Она сжала холодный навесной замок, глядя с удивлением на картину, которая встречала ее дважды за последние две недели, испытывая одновременно благодарность за то, что у Бо имеется корм, и тревогу, поскольку догадывалась, откуда все это взялось.

В конюшню прокралась осень, принеся с собой холодные ночи и, как казалось, неутолимый голод лошадям. Сара взглянула из кладовки на жаровню, которую Ковбой Джон растапливал манильскими конвертами, беседуя со своей собакой. Он наводил порядок в кирпичном сарае, который называл своим офисом, сжигая накопившуюся за многие годы нераспечатанную официальную корреспонденцию. Она попросила у него сена. Он сказал, извиняясь, что продал все Салю, оставив только то, что было нужно собственным лошадям.

Сара наполнила сеном корзину и потащила ее через двор в стойло Бо. Налила свежей воды в ведра и стала чистить подстилку. Время от времени она грела заочевенные пальцы на мягкой и теплой шкуре лошади под попоной и слушала, как та ритмично хрупает.

Она думала, что у Макколи ей станет жить легче. В какой-то степени так оно и вышло. Дом был милым. Ближе к школе и к конюшне. С деньгами оставалась проблема. Без Папá она не могла платить арендную плату за стойло. Наташа не давала ей денег на школьные обеды, а делала бутерброды. Они купили ей новый проездной на автобус, чтобы она не просила денег на транспорт. Каждые выходные они давали ей карманные деньги, чего не делали другие семьи, но их было недостаточно, чтобы покрыть расходы на содержание Бо.

Она даже боялась подумать, сколько задолжала. Не считая сена.

Вспомнила о банке, которую видела в комнате Наташи. Та и понятия не имела, сколько фунтовых монет в ней было. Сара увидела ее, проходя мимо, и застыла на месте, прикинув, что там должно быть не меньше сотни: медные монеты вперемешку с серебряными. Наташа Макколи подписывала чеки, не глядя на суммы. Оставила на кухонном столе баланс карточного счета, из которого следовало, что в прошлом месяце она потратила почти две тысячи фунтов, но у Сары не хватило смелости посмотреть, на что ушли эти средства. У адвокатши, видимо, было столько денег, что она не считала, сколько монет бросала в банку. Может, просто не хотела, чтобы они оттягивали карманы ее деловых костюмов.

Сара знала, что сказал бы Папá о девочках, которые берут чужие деньги. Но все чаще она мысленно говорила ему: «Ну и что? Тебя со мной нет. Как еще я могу позаботиться о нашей лошади, пока ты не вернешься

домой?»

– Сара...

Она вздрогнула. Ковбой Джон куда-то исчез, а Шеба не залаяла, как обычно, когда приходил кто-то чужой.

– Вы меня напугали. – Она прижалась к стене кладовки, по-прежнему сжимая в руке висячий замок.

Позади нее стоял Мальтиец Саль, его лицо было едва различимо в вечерних сумерках.

– Проходил мимо и увидел, что ворота открыты. Хотел проверить, все ли в порядке.

– Все в порядке. – Она обернулась и стала закрывать замок. – Я собиралась уходить.

– Ты запираешь ворота вместо Джона?

– У меня всегда были свои ключи. Я ему помогала, если он уходил пораньше. Могу продолжать это делать, когда вы станете хозяином.

– Когда я стану хозяином? – Он сверкнул золотым зубом. – Душенька, я уже хозяин. Неделью как. – Саль прислонился к дверному косяку. – Но ключи пусть останутся у тебя. Может пригодиться.

Сара нагнулась, чтобы поднять с пола школьную сумку. Она была рада, что в мерцающем свете натриевых фонарей, проникающем снаружи, Саль не видел, как она покраснела.

– Куда идешь?

– Домой.

– Дедушка вернулся?

– Нет. Я живу в одной семье.

– Темно. Молоденькой девушке опасно ходить одной так поздно.

– Все нормально. – Сара повесила сумку на плечо. – Правда.

– Тебя подвезти? Я никуда не спешу.

Его лица по-прежнему не было видно. От него пахло табаком. Не сигаретами, а чем-то приторно-сладким.

– Нет, не надо.

Она хотела пройти, но он загородил дорогу. Ему, похоже, доставляло удовольствие ставить людей в неловкое положение. Сара подумала, что, наверное, его товарищи в другом конце двора смеются над ней.

– Сено получила?

– Спасибо. Простите, чуть не забыла. – Сунула руку в карман и достала деньги, которые пересчитала с утра. – Это за две последние скирды. – Протянула деньги и передернулась, когда пальцы коснулись его ладони.

Он поднес ладонь к свету и внимательно изучил содержимое. Потом рассмеялся:

– Милочка, что это?

– Плата за сено. И корм. За две недели.

– Этого не хватит, чтобы заплатить даже за две кипы сена. Хорошего качества.

– Два фунта за кипу. Я столько плачу Джону.

– Мое сено лучшего качества. По пять фунтов за кипу. Я тебе говорил, что буду кормить твоего коня самым лучшим. Ты мне должна в три раза больше.

Она смотрела на него в изумлении. Непохоже, что он шутит.

– У меня столько нет, – прошептала она.

У ее ног скулила Шеба.

– Это проблема. – Он кивнул, будто говорил сам с собой. – Проблема. К тому же есть еще должок.

– Какой должок?

– В книгах Ковбоя Джона значится, что ты не платила аренду шесть недель.

– Джон сказал, что не будет брать арендную плату. Из-за дедушки.

Мальтиец Саль закурил сигарету.

– Он обещал, душа моя. Не я. Я купил дело на корню, а в книгах за тобой значится большой долг. Здесь ведь не благотворительная организация. Мне нужна арендная плата.

– Я поговорю с ним.

– Он здесь больше не хозяин, Сара. Ты мне должна.

Сара прикидывала в уме: арендная плата за шесть недель плюс деньги за корм. Когда подсчитала, у нее закружилась голова.

– Мне неоткуда взять такие деньги. По крайней мере, сразу.

– Ну что ж... – Саль посторонился и дал ей пройти, потом направился к воротам. – Я подожду. Куда спешить? Разберешься, тогда и поговорим.

Наташа выходила из суда, разговаривая с солиситором, когда увидела Линду, бегущую вверх по ступеням. Запыхавшаяся помощница сунула ей в руку листок бумаги:

– Позвоните этой женщине. Она говорит, какая-то девочка по имени Сара снова не пришла в школу.

– Что? – Наташа еще не опомнилась от судебного слушания.

– Они позвонили сразу после десяти. Не хотела вас отвлекать. – Линда кивнула в сторону зала. – Сара сегодня не пришла в школу, – повторила

она, увидев, что Наташа ничего не поняла. – Подразумевалось, что ты знаешь, о ком идет речь. Это клиент? Я пыталась сообразить, о ком они говорят.

Наташа посмотрела на часы. Было без четверти двенадцать.

– Маку звонила?

– Маку? – переспросила Линда. – Твоему бывшему? С какой стати я стала бы ему звонить?

Наташа искала свой телефон.

– Не волнуйся. Потом объясню.

Она нашла телефон и двинулась по коридору мимо стоящих группками юристов и клиентов, отыскивая тихий уголок.

– Наташа? – с удивлением сказал Мак.

На дальнем фоне слышался смех и музыка, словно он был на вечеринке.

– Из школы звонили. Она снова прогуливает.

– Кто? Сара? – Мак шикнул на кого-то. – Но я высадил ее у школы без четверти десять.

– Как она входит в ворота, видел?

Пауза.

– Когда ты спросила, я понял, что не видел. Она мне помахала. Черт, мне и в голову не приходило, что ее за руку надо водить.

– Они мне дважды звонили. По закону мы должны были через два часа заявить, что она пропала. Мак, тебе придется с этим разобраться. У меня перерыв меньше часа, потом весь день пробуду в зале. Судя по ходу слушания, освобожусь не раньше четырех.

– Черт! У меня сейчас съемка в разгаре, а потом еще одна в Южном Лондоне.

Она знала, что он обдумывает ситуацию. Он всегда напевал себе под нос, когда пытался найти выход.

– Ладно. Ты звонишь в школу, чтобы проверить, не появилась ли она там. Я еду домой проверить, нет ли ее дома. Потом тебе перезвоню.

Сары не оказалось ни дома, ни в школе. В больнице ее тоже не было. Мак позвонил Наташе, когда она, с бутербродом в руке, мерила шагами свой кабинет, и попросил не звонить социальному работнику до вечера.

– Давай сначала поговорим с ней.

– А вдруг что-то случилось? В прошлый раз она прогуляла только один урок. А в этот – почти весь день. Мак, нужно звонить социальному работнику, который ее курирует.

– Ей четырнадцать. Она веселится где-нибудь с друзьями, напившись

сидра.

– Ты меня ободрил.

– Она вернется. Она же не бросит дедушку.

Наташа не была в этом так уж уверена. С трудом заставляла себя сосредоточиться на слушании дела. Она бросила взгляд на Линдсея, своего двенадцатилетнего клиента, который сидел с угрюмым видом между опекуном и социальным работником, надзиравшими за ходом слушаний в связи с обращением о безопасном проживании, и видела непроницаемое бледное личико Сары, когда та пыталась незаметно улизнуть из дому. Происходило нечто неизвестное им, и это беспокоило Наташу. Она не знала, что ее беспокоит больше: тревога за ребенка, который явно попал в какую-то сложную ситуацию, или нарастающий страх, что она сама навлекла кучу проблем на свою благополучную, упорядоченную жизнь.

– Ваши записи, – шепнул Бен, проскальзывая в кресло рядом с ней. – Вы их забыли на стуле.

– Бог ты мой! Спасибо.

Надо было обдумать все тщательнее, сказала она сама себе, слушая выступление защитника со стороны местного органа власти. Ей было так неважно жить под одной крышей с Маком, что даже в голову не пришло, насколько все может еще больше усложниться.

– Миссис Макколи, вы хотите что-нибудь добавить? – задал вопрос судья.

Она почувствовала, что перестала следить за происходящим, и не знала, что сказать.

– Нет, ваша честь. Мне нечего добавить.

– Я думал, вы хотели зачитать свидетельство психиатра, – прошептал Бен.

Черт! Она резко встала.

– Приношу извинения, ваша честь, еще один документ, который я хотела бы представить вашему вниманию...

Когда она пришла домой, Мак сидел за столом на кухне. Наташа бросила портфель у холодильника и размотала шарф:

– Никаких новостей?

– Никаких.

– Уже темнеет. Как ты думаешь, сколько мы еще можем ждать, прежде чем звонить куда-нибудь?

Тревога, поселившаяся в ней после его первого звонка, принимала угрожающие размеры. Она в сотый раз проигрывала в уме разговор с

социальным работником. Органы опеки сочтут их глупыми или, что еще хуже, беспечными. Их ведь предупреждали: главное, чтобы Сара посещала школу. Начнутся пересуды. Под сомнением окажется Наташина профессиональная компетентность. И, кроме всего этого, пугающий внутренний голос, который она пыталась заглушить доводами рассудка, когда в очередной раз звонила Маку. «А вдруг сейчас что-то вправду случилось? У меня совсем нет опыта в таких делах. У настоящих родителей есть годы, чтобы привыкнуть к таким тревогам».

– Дадим ей еще полчаса, – решил Мак. – До шести. После этого наше терпение будет исчерпано.

Наташа села напротив Мака и приняла предложенный бокал вина. Он не улыбался. Вся его непринужденность испарилась. На смену ей пришло молчание и напряженность.

– Успел на свою вторую съемку?

Он покачал головой:

– Решил подождать у школы после окончания уроков. На случай, если она появится. – Он вздохнул и отхлебнул из бокала. – Да и не мог сосредоточиться на работе. Перенесли на завтра.

На мгновение они встретились глазами. Если она не вернется до завтра...

– В суде от меня почти не было толку, – призналась Наташа. – Тоже не могла сосредоточиться.

– На тебя это не похоже.

– Не похоже.

Она проиграла дело. И когда выходила из здания Высшего суда, выражение лица Бена подсказало: это ее вина.

– Ох уж эти дети, – с грустью сказал Мак.

Раздался дверной звонок, и оба вздрогнули.

– Я открою! – Мак вскочил из-за стола.

Наташа осталась сидеть, отпивая из бокала. Слышала, как он открыл входную дверь. Пробормотал что-то, она не разобрала слов, потом в прихожей раздались его шаги. За ним стояла Сара: намотанный вокруг шеи шарф скрывал половину лица, от одежды исходил вечерний холод.

– Добро пожаловать домой! – Мак обернулся к ней. – А мы голову ломали: может, ты переехала в какой-нибудь отель?

Глаз Сары почти не было видно. Она переводила взгляд с одного на другого, пытаясь оценить, насколько велики ждущие ее неприятности.

– Может, скажешь нам, где ты пропадала? – Голос Мака был спокоен, но Наташа видела, как он расстроен.

Сара немного сдвинула шарф:

– Гуляла с подругой.

– Но не весь же вечер. Я хотел сказать, весь день. Вместо школы.

Она пнула что-то невидимое:

– Я почувствовала себя плохо.

– И что?

– Решила погулять. Чтобы прочистить голову.

– Девять часов? – Наташа не выдержала. – Ты гуляла девять часов, чтобы прочистить голову? Да ты имеешь хоть малейшее представление, сколько неприятностей на нас свалилось из-за тебя?

– Наташа...

– Дай сказать! – бросила она Маку. – Я проиграла дело в суде, потому что сходила с ума от тревоги за тебя. Каждый час звонили из школы. Маку пришлось отменить важную работу. Самое малое, что ты можешь сделать, – это сказать, где ты была.

Девочка снова уткнулась в шарф. Уставилась в пол.

– Сара, мы отвечаем за тебя. Несем юридическую ответственность. За то, чтобы ты ходила в школу и вовремя возвращалась домой. Отвечаем перед законом. Понимаешь? – (Она кивнула.) – Так где ты была?

Долгая томительная тишина. Потом Сара пожала плечами.

– Хочешь оказаться в приюте со строгим режимом? За десять дней ты прогуливаешь уроки в четвертый раз. Еще один прогул, о чем школа сообщит в первую очередь социальному работнику, а не нам, и тебя отправят в приют. Знаешь, что это за место? – Наташа повысила голос. – Там тебя будут держать под замком.

– Таш...

– Мак, мы ничего не сможем сделать. Они решат, что мы не способны о ней заботиться. А если они сочтут, что она может сбежать, подадут в суд просьбу о заключении в приют строгого режима. – (Глаза девочки над шарфом округлились.) – Ты этого хочешь?

Сара покачала головой.

– Ладно, – сказал Мак. – Давайте успокоимся. Сара, мы хотим, чтобы ты соблюдала правила. Мы должны знать, где ты пропадаешь.

– Мне четырнадцать. – Голос был тихим, но вызывающим.

– И ты у нас на попечении, – добавила Наташа. – Сара, ты сама попросилась к нам. Самое меньшее, что ты можешь сделать, – это играть по нашим правилам.

– Мне жаль...

Наташе не показалось, что ей было жаль.

– Завтра Мак передаст тебя с рук на руки учителю. И кто-то из нас будет тебя встречать после уроков. Так будет продолжаться, пока мы не убедимся, что ты посещаешь безопасные места.

Мак встал, подошел к шкафу и достал пакет пасты.

– Давайте остановимся на этом и поверим, что такое больше не повторится. Сара, сними куртку и садись за стол. Ты проголодалась, наверное. Приготовлю что-нибудь поесть.

Сара резко повернулась и вышла из кухни. Они слышали ее шаги на лестнице, а потом громко хлопнула дверь в ее спальню.

Повисла пауза.

– Прекрасно.

– Дай ей шанс, – вздохнул Мак. – Ей тяжело.

Наташа отхлебнула вина, выдохнула и посмотрела на него:

– Может, самое время сказать, что из банки в моей комнате исчезают монеты? – Ей показалось, он ее не слышит. – И в большом количестве. Я заметила, насколько их стало меньше. И еще... На днях я бросила в банку четыре фунтовые монеты. Вчера они пропали.

Он отвечивал пасту на весах.

– Вот так.

– Я не хотел говорить, но помню, что недавно из кармана джинсов на кофейный столик выпала пятерка. Хотел взять утром, но ее на месте не было. – Мак подошел к двери и бесшумно ее закрыл. – Думаешь, это наркотики?

– Не знаю. Вроде не замечала, чтобы она была не в себе.

– Не похоже.

– И не шмотки. – Это покорило Наташу: Сара не интересовалась модой, не читала модных журналов, в ванной утром проводила не больше десяти минут. – У нее нет телефона, насколько мне известно. И сигаретным дымом от нее не пахнет.

– Что-то не так.

Наташа опустила глаза:

– Мак, я должна тебе кое-что сказать. Когда я в первый раз ее увидела, ее задержали за кражу в магазине.

Он застыл на месте.

– Это была всего лишь упаковка рыбных палочек. Я случайно встретила с ней в супермаркете. Она клялась, что собиралась заплатить за них.

Снова меня облапошили, подумала Наташа. Считала, делаю доброе дело. Глупая либералка из среднего класса с чувством вины. Полностью

запутавшаяся.

– Извини. Нужно было раньше тебе сказать.

Он покачал головой. Наташа с благодарностью поняла, что он не будет делать из мухи слона.

– Думаешь... – нерешительно начала она, – нам следует...

– Завтра не могу, – перебил ее Мак, засыпая наконец пасту в кипящую воду. – Дай мне день или два, и я ее выслежу. Выясню, чем она занимается. Мы будем знать все.

Глава 10

Какой нрав, какая ретивость; как гордо он держится – он вызывает восторг и в то же время наводит ужас.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Два дня Сара была примером послушания. Она позволяла Маку провожать ее до класса, пытаясь скрыть обиду, и уже переминалась с ноги на ногу у школьных ворот, когда он приезжал за ней. Но особенностью подростков, подумал Мак, было то, что они считали себя умнее других. И Сара не составляла исключения.

На третий день он высадил ее у школы, сказав, что у него нет времени ее провожать. Спросил, дойдет ли она до класса сама. Заметил, как у нее вспыхнули глаза. Он помахал ей, рванул с места, делая вид, что очень спешит, и объехал вокруг квартала. Остановился у каких-то гаражей, посчитал до двадцати и медленно двинулся назад на главную улицу мимо школы. Ученики еще входили в ворота, с сумками через плечо на длинных ремнях. Они громко переговаривались или сбивались в кучки, рассматривая что-то в мобильных телефонах. И естественно, там была Сара. Она направлялась в противоположную сторону, почти бежала к автобусной остановке.

Мак молился, чтобы она не оборачивалась, но она уже думала только о том, куда едет. «Черт, Сара! – сказал он про себя. – Почему ты так решительно хочешь разрушить свое будущее?» Он смотрел, как она села в автобус, отметил номер и конечную остановку. Она едет не в больницу. Социальный работник возила ее в больницу к бабушке и назвала ее местоположение. Мак обещал доставить девочку туда на выходных и записал адрес. Так куда же она собралась?

Он сидел в машине позади автобуса. Он не видел Сару, но надеялся, что заметит, когда она будет выходить. Пропустил вперед два автомобиля, чтобы не бросаться в глаза, но в час пик транспортный поток еле полз.

Пусть это будет парень, молил он, перебирая радиостанции. Тогда они могли бы пригласить его к себе, поговорить с обоими. С парнем можно справиться. Установить расписание. Только бы не наркотики. Пожалуйста, только не наркотики.

Двадцать минут машина ползла через весь Лондон в сторону Сити. Водители белых микроавтобусов бурно протестовали и орали на него, возмущаясь, что он не едет быстрее. Хорошо одетые самоуверенные женщины показывали ему неприличные жесты. Когда возмущение достигало апогея, Мак приостанавливался и пропускал машины вперед, гадая, сколько штрафов ему выпишут за многократный выезд на полосу для автобусов. Приложив столько усилий, он не мог себе позволить потерять Сару из виду. Когда он добрался до границ Квадратной мили, начался дождь и он с трудом различал ее темную школьную форму на фоне мужчин в деловых костюмах, работавших в Сити, которые, с зонтиками в руках, запрыгивали и выпрыгивали из автобуса на каждой остановке. Народу становилось больше, и Мак боялся ее упустить. Несколько раз ему казалось, что Сара уже исчезла и вся затея была сумасбродной, но он продолжал ехать за автобусом.

Наконец, когда стеклянные башни финансового района остались позади, сменившись более мрачными зданиями и многоквартирными домами, он ее увидел. Сара выпрыгнула из автобуса, обошла его сзади и остановилась на островке безопасности посреди дороги. Мак затаил дыхание: если она посмотрит направо, то заметит его. Но ее внимание было приковано к транспорту, который шел в другую сторону. Вот девочка отпустила поручень и побежала через дорогу. Мак не сразу сообразил, что теперь ему надо ехать в противоположную сторону. Тем временем она исчезла в боковой улице.

– Черт! – громко выругался он. – Черт, черт, черт!

Он резко повернул, чтобы обогнать автобус, поднял руку, извиняясь перед водителем автомобиля позади, которому пришлось резко затормозить, и прошмыгнул перекресток на желтый свет. Женщина-пешеход возмущенно постучала кулаком по крылу.

– Простите, простите, простите, – бормотал он, нажимая на газ и мчась к круговой развязке.

Снова вырулил на главную дорогу и поехал в противоположном направлении, высматривая девочку через ветровое стекло. Добрался до переулка, в который она свернула: это оказалась улица с односторонним движением. В противоположную сторону.

Мак недолго колебался. Решительно свернул и поехал, прибавив газу, моля Бога, чтобы достичь перекрестка, пока ему навстречу не выедет другая машина.

– Знаю... знаю! – крикнул он человеку на мопеде, едущему навстречу.

Водитель в шлеме изрыгал ругательства.

На перекрестке Мак ничего не увидел – ни машин, ни людей. Ряд викторианских домов с витражными окнами, въезд на парковку, многоквартирный дом. Налево просматривалась главная улица, кафе и индийский ресторан, отпускающий блюда на дом. Проехал автобус. Мак свернул направо в мощный булыжником переулок, поехал медленно, вглядываясь в каждую улицу, надеясь увидеть девочку в школьной форме. Никого. Будто она сквозь землю провалилась.

Мак свернул в переулок и нашел стоянку. Посидел, кляня себя на чем свет стоит. И Сару заодно. Подумалось: что я здесь, черт побери, делаю? Гоняюсь за школьницей, которую едва знаю, по всему Лондону, и для чего? Через пару недель она в любом случае уйдет. Если хочет погубить свою жизнь из-за глупых дружков или наркотиков, ему-то какое дело? Дедушка поправится, возьмет ее в ежовые рукавицы, и они заживут своей жизнью.

Зазвонил телефон. Мак взглянул на углубление для ног у пассажирского сиденья и обнаружил, что в результате сумасшедших маневров вещи высыпались из карманов и упали на пол. Он не сразу отыскал телефон.

– Мак? – Это оказалась Мария.

– Привет.

– Не говори, что хотел позвонить, но тебя придавило тяжелой мебелью. – В голосе слышалась обида. Он не принял это на свой счет: она говорила таким тоном, если у нее чай был не того цвета. – Ты обещал позвонить насчет обеда.

– Черт! Прости, дорогая. У меня тут кое-какое дело. Сегодня не смогу.

– Работа?

– Не совсем. – Мак откинулся на спинку сиденья и провел рукой по волосам.

– Снова бывшая? Вы бурно, страстно занимаетесь любовью все ночи напролет и у тебя не остается сил для меня? – Она засмеялась.

– Это не связано с Наташей.

– В Польше Наташа – самое распространенное имя среди проституток. Не знал?

– Я ей сообщу. Наверняка обрадуется.

Мария накричала на кого-то и вернулась к разговору:

– Мне тебя жаль. Ты не увидишь меня две недели.

– Нет?

Ему померещилась Сара в дальнем конце узкой улицы, но когда девушка повернулась, он увидел, что она катит коляску.

– Уезжаю на Карибы, суперсуперпроект. Я тебе говорила.

– Говорила.
– Съёмки для испанского «Elle». Угадай, кто снимает.
– Мария, ты знаешь, я не отличу одного фотографа, который снимает моду, от другого.

– Севи. Все знают Севи.

Нужно позвонить Таш и сказать, что он ее упустил. Потом они решат, сообщать социальному работнику или нет.

– Он сделал обложку последнего номера «Marie Claire».

Может, позвонить в школу и сказать, что она пошла к врачу? Потом он вынудит ее сказать, где была.

– «Marie Claire», – повторила Мария для пущего эффекта.

– Они что-то напутали в отделе доставки, и я не получил журнал за этот месяц.

– Ты очень унылый человек. Много плохих шуток.

– Мария, солнышко, мне некогда. Нужно срочно позвонить.

– Может, ты становишься гомосексуалистом?

– Нет, не сегодня, но я об этом подумаю.

– Моя сестра вышла замуж за гомосексуалиста. Я тебе говорила?

Он ее не слышал. Из сетчатых ворот чуть дальше по улице появилась огромная коричневая лошадь. Подпрыгнула легонько у урны, скользнула в сторону, оказавшись на булыжной мостовой. Копыта зацокали на твердой поверхности. Когда она приблизилась, Мак прищурился: стекла в машине запотели. Но личность седока сомнений не вызвала. Он был поражен.

– Мария, мне пора. Позвони в другой раз, и мы что-нибудь придумаем.

Он сунул телефон в карман и, когда лошадь отошла на безопасное расстояние, открыл дверцу и выскочил из машины. Волосы Сары были собраны сзади, тонкая фигура слегка возвышалась над огромным животным, школьный свитер был виден издали. Конь снова прыгнул в сторону, она сидела неподвижно. Опустила руку и погладила животное по шее, словно хотела приободрить.

Мак захлопнул дверцу и бросился к багажнику. Достал свою «лейку», не спуская глаз с девочки на лошади. Запер машину и пошел следом за ней по улице. Она была погружена в себя, не обращая внимания на городской шум и суету вокруг. Когда они свернули за угол, он увидел, что она направляется в парк.

Он поразмыслил, достал телефон и набрал номер, укрывшись в дверном проеме, чтобы его не было слышно.

– Это канцелярия школы? Здравствуйте, это говорит опекун Сары Лашапель. Хотел сообщить, она сегодня идет к врачу и не сможет прийти в

школу. Да, простите, я должен был позвонить раньше...

Пока Папá не заболел, бóльшая часть тренировок Бо проходила с земли. Папá управлял им с помощью поводьев, стоя позади, уча его понимать, что означает разная степень давления руки или поводьев, как сохранять равновесие, когда податься вперед, когда поворачиваться налево или направо. Сара становилась у его головы или плеча, закрепляя то, чему его учил Папá, иногда легким нажимом или голосом, иногда слабым ударом хлыста. Так, объяснял Папá, Бо научится не дать ей потерять равновесие. Папá всегда говорил, что на ней лежит ответственность, что ее присутствие усложняет Бо жизнь. Она давно перестала принимать это близко к сердцу.

Когда-то у дедушки был конь по имени Геронтий. Его три года тренировали с помощью поводьев, прежде чем разрешили оседлать. Дедушка неустанно повторял, что это не замена тренировок, а их основа. Все прыжки, *sauts d'école*, базировались на этом. Не освоить их было нельзя.

Все это хорошо, думала теперь Сара, но ей надо ездить. Она сидела в седле, позволив коню немного размяться, мягко журуя, когда он пугался уличных фонарей, автомобильных заторов или люков, на которые шесть недель назад не обращал никакого внимания. Она была вынуждена пропустить два дня. За эти два дня его, может быть, кормили и поили, но не выводили из конюшни. Для умного, сильного коня, как Бо, это было равносильно пытке. Она знала это и готова была заплатить любую цену.

Дождь усилился. Сара подняла руку, прося машины остановиться, чтобы они могли перейти через дорогу. Бо учуял зеленую траву и рванулся вперед. Дождь прогнал всех из парка, и им никто не мешал. Но лошадь была возбуждена, пожалуй, слишком сильно. Попад после заточения на пружинистый грунт, ее копыта словно заряжались электричеством.

«Слушай меня», – велела Сара своей посадкой, ногами, руками. Но чувствовала, что в нем копится энергия, требующая выхода.

«Левада», – сказал тихий голос внутри ее.

Папá говорил, чтобы она даже не пробовала это делать, это слишком трудный элемент. При выполнении левады лошадь должна перенести вес на задние ноги, согнутые под углом в сорок пять градусов. Это был тест на силу и способность сохранять равновесие, переход к более трудным фигурам классической выездки.

Но Папá это делал. Она тоже, с земли. Она знала, что Бо способен на это.

Сара вдохнула влажный воздух, утерла пот с лица. Пустила Бо рысью

по кругу, останавливая и снова посылая вперед, заставляя сосредоточиться на ней, создавая невидимую арену между урнами, тумбами и детской площадкой. Когда увидела, что он достаточно разогрелся, пустила его в легкий галоп, натягивая то один повод, то другой. В голове звучал голос Папá: «Глубокая посадка, руки неподвижны, ноги немного назад, чуть больше давления на внешние поводья». Через несколько минут она забыла обо всем: о нестерпимой необходимости подчиняться чьим-то правилам, о деньгах, которые она задолжала, о Папá, несчастном и страдающем, прикованном к постели, пахнущем лекарствами и старостью. Остались только она и Бо, занятые своими шагами. Они трудились, пока от них не пошел пар, который смешивался с мелким морсящим дождем. Она снова перевела коня на шаг, ослабила поводья, давая ему отдохнуть. Он больше не шарахался ни от шума городских улиц, ни от проезжавших мимо двухэтажных автобусов: работа расслабила, успокоила его. Папá был бы доволен сегодня, подумала Сара, оглаживая мокрую шею коня.

Левада. Неужели такой уж большой грех попробовать? Папá вовсе не обязательно об этом знать. Она сделала глубокий вдох и снова натянула поводья, пустив Бо медленной рысью, потом постепенно сдерживала, пока он не выполнил пиаффе и не начал ритмично поднимать копыта, стоя на месте. Она выпрямила спину, стараясь вспомнить инструкции Папá. Задние ноги должны находиться в центре тяжести лошади, скакательные суставы – чуть ли не уходить в землю. Она немного откинулась назад, подбадривая его ногами, давая понять, что его энергия должна быть на что-то направлена, сдерживала его, слегка натянув вожжи. Щелкнула языком, отдала серию приказов, и он насторожился, слушая ее, задвигал ушами. Сара поняла, что он не может этого сделать. Нужен второй человек, который бы давал посылы с земли. Потом почувствовала, как его круп под ней стал оседать, испугалась немного, что они оба потеряют равновесие, и вдруг верхняя часть его туловища начала подниматься. Она подалась вперед, чтобы помочь ему, чувствуя, как он дрожит от напряжения. Они воспарили вопреки силе притяжения. Сара смотрела на парк с новой высоты.

Потом он опустился на землю. От неожиданности Сара упала ему на шею, и он рванулся вперед, взбрыкивая ногами от избытка чувств, так что она с трудом удержалась в седле.

Сара выпрямилась и засмеялась. Ее охватил бурный восторг. Она похлопала коня по спине, давая ему понять, насколько он великолепен. Нагнулась и обняла его за шею.

– Умница, умная лошадь! – повторяла она, и Бо повел ушами, услышав

похвалу.

– Впечатляюще, – сказал кто-то у нее за спиной.

Сара резко обернулась в седле. У нее упало сердце.

Там стоял Мак, в мокрой от дождя куртке.

– Можно? – Он подошел ближе и погладил шею Бо. – Лошадка взмокла, – заметил Мак, отводя руку и потирая ладони.

Сара лишилась дара речи. Мысли разбегались. Она похолодела от ужаса.

– Вы закончили? Пойдем обратно? – Мак кивнул в сторону Спеапенни-лейн.

Она кивнула, крепче сжала поводья. Мозг лихорадочно работал. Можно сбежать. Дать сигнал Бо, и они умчатся через парк на болота. Он не сможет ее поймать. Но что потом? Идти больше некуда.

Она медленно двинулась обратно на конный двор. Бо опустил голову: было видно, что он устал от интенсивной работы. Она чувствовала себя побежденной. Смотрела на спину Мака, шедшего впереди. По его поведению было трудно сказать, что ее ждет.

У ворот Сара замешкалась. Ковбой Джон вышел из-под своего навеса и открыл створки.

– Душ принимала, Циркачка? Ты промокла до нитки. – Он похлопал коня, потом заметил Мака, стоявшего рядом с ней в нерешительности. – Чем могу вам помочь, молодой человек? Хотите купить яиц? Фруктов? У меня сегодня прекрасные авокадо. Отдам целый ящик всего за три ваших английских фунта.

Мак в изумлении смотрел на Ковбоя Джона, будто никогда раньше ничего подобного не видел. На голове у Джона красовалась потрепанная ковбойская шляпа, на шее красный платок, на плечах куртка со светоотражающими полосами, которую в прошлом году забыли дорожные рабочие. Но самое главное, между пожелтевшими зубами был зажат огромный косяк.

– Авокадо? – переспросил Мак, приходя в себя. – Звучит заманчиво.

– Не то слово, молодой человек. Идеальная спелость. Чуть спелее, и у них бы лопнула кожица, превратив их в гуакамолу. Хотите попробовать? Бьюсь об заклад, лучшего предложения сегодня вы не получите. – Он нахально засмеялся.

– Показывайте. – Мак прошел в ворота вслед за Сарой.

Она повела лошадь в стойло. Сняла седло и уздечку, обтерла их и бережно водворила в кладовую, затем начала убирать навоз. В дальнем углу двора Ковбой Джон предлагал Маку фрукты и овощи. Мак кивал,

внимательно осматривал двор, видимо, задавал вопросы. Джон показывал, где стояла лошадей, где куры, где офис. Наконец, когда она наполнила ведро Бо чистой водой, Джон с Маком направились к стойлу под аркой железнодорожного моста. Дождь усилился. Ручейки сбегали по склону и растекались струйками между булыжниками.

– Закончила, Циркачка? – (Она кивнула, стоя рядом с лошастью.) – Я тебя два дня не видел. Не могла выбраться? Старина Бо опять сегодня утром чуть не вырвался.

Она поглядела на Мака, потом уставилась в землю:

– Что-то в этом роде...

– Дедушку видела?

Она покачала головой. К своему ужасу, поняла, что сейчас расплатится.

– Мы к нему сейчас направляемся, – сказал Мак. (Она вскинула голову.) – Если хочешь, – добавил он.

– Вы знаете эту девочку? – Ковбой Джон театрально отступил, потом показал на картонную коробку с фруктами, которые купил Мак. – Вы знаете Сару? Что ж сразу-то не сказали? Разве я бы продал вам это дерьмо, если бы знал, что вы ее друг. – (Мак поднял бровь.) – Не могу вам это продать, – сказал Джон. – Пойдемте ко мне в офис, и я дам вам настоящий товар. Это я держу для прохожих. Сара, передавай привет деду. Скажи, до субботы я заскочу к нему. Отнеси ему это. – Он бросил ей гроздь бананов.

Мак пошел следом за Джоном в его офис. Сара заметила у него на губах легкую улыбку.

Когда Сара забралась в машину, ее одежда еще не высохла. Мака оштрафовали за парковку: он отцепил квитанцию от ветрового стекла и наклонился, чтобы бросить ее в бардачок, как вдруг заметил, что девочка дрожит.

– Хочешь надеть что-нибудь сухое? На заднем сиденье есть мой запасной джемпер. Надень его поверх формы.

Она послушалась его совета. Он вырулил на дорогу, и они поехали. Он подбирал слова, не зная, что сказать.

– Так вот в чем дело, – заговорил он, когда они достигли светофора. – Прогулы. Отлучки.

Про деньги он ничего не сказал.

Она едва заметно кивнула.

Мак просигналил и повернул налево.

– Да... ты меня удивила. Ничего не скажешь.

У него отлегло от сердца. Она была просто маленькой девочкой с пони. Правда, с очень большим пони.

– Что это было? Этот прыжок?

Она что-то пробормотала едва слышно, он не разобрал.

– Левада, – повторила она чуть громче.

– И что это?

– Фигура высшей школы верховой езды. Что-то вроде выездки.

– Выездки? Это когда они кружатся?

– Что-то вроде того. – Она улыбнулась через силу.

– А конь твой?

– Мой и Папá.

– Он умный. Я не разбираюсь в лошадях, но твой просто потрясающий. Откуда у вас такой?

Она посмотрела на него изучающе, будто прикидывала, насколько ему можно довериться.

– Папá купил его во Франции. Это французский сель. На таких лошадях ездят во Французской академии верховой езды, где Папá тренировался. – Сара выдержала паузу. – Он знает все о верховой езде.

– Знает все... – пробормотал Мак. – И давно ты этим занимаешься?

– Сколько себя помню. – Сара утонула в джемпере: засунула руки в рукава и натянула его на колени, сделавшись похожей на колючий шерстяной шарик. – Мы собирались туда съездить. Чтобы их увидеть. Во Францию. До того, как он заболел.

Мак вспомнил, как она переходила дорогу, лавируя между автобусами и грузовиками, как была сосредоточенна, когда лошадь скакала по кругу, оставляя следы копыт на траве. С чем мы столкнулись, подумал он.

– Это должен был быть для нас подарок, – нерешительно продолжила она. – Для меня и для него. Каникулы. Я еще никогда не была за границей. – Она теребила рукава джемпера. – Мне так этого хотелось. Папá так этого хотелось.

– Что ж... – Мак посмотрел в зеркало заднего вида, – многие откладывают каникулы, если кто-то заболел. Уверен, если все объяснить в турагентстве, они позволят вам поехать, когда ему станет лучше. – Он заметил, что она кусает ногти. – Мы им позвоним позже. Если хочешь, я тебе помогу.

Она застенчиво улыбнулась ему. Второй раз за день, подумал он. Все же мы можем сделать что-то хорошее. Он потянулся и настроил навигатор.

– Так. Больница. Давай включим обогреватель. Не хочу, чтобы твой дедушка увидел тебя промокшей до нитки.

Мак разбирался в медицине еще хуже, чем в лошадях, однако даже ему было ясно: не важно, во что верила Сара, но мистер Лашапель не только не поедет на каникулы, но и не вернется домой в ближайшее время. Он лежал на высоких подушках и не проснулся, когда они вошли в палату. Кожа серая, как у тяжелобольных... Сара взяла его за руку, и лишь тогда он наконец открыл глаза. Мак переминался у входа, чувствуя себя незванным гостем.

– Папá, – тихо позвала она.

Он поднял на нее глаза, и они просветлели, когда он узнал ее. Улыбнулся одной стороной лица.

– Прости, что не приходила к тебе два дня. Были трудности.

Старик покачал головой. Легонько сжал ее руку. Она увидела, как его взгляд остановился на Маке.

– Это Мак. Он и его жена заботятся обо мне.

Мак почувствовал, что его изучают. Несмотря на слабость, старик взирал на него строго и оценивающе. Будто мучительно искал ключи к разгадке.

– Он... очень добрый, Папá. И его жена тоже. – Сара покраснела, будто, стараясь успокоить дедушку, выдала слишком много.

– Рад познакомиться с вами, мистер Лашапель. – Мак шагнул вперед и пожал руку старику. – Enchanté^[34].

Еще одна улыбка. Уже шире, от Сары.

– Вы не говорили, что знаете французский.

– Не уверен, что твой дедушка это подтвердит.

Мак сел на стул по другую сторону кровати. Сара проверяла тумбочку, косметичку. Поправила фотографии.

– Я видел, как ваша внучка ездит верхом. – Чувствуя себя неловко в тишине, Мак снова заговорил, пугаясь своего слишком громкого голоса. – Она необыкновенно талантлива.

Старик посмотрел на Сару.

– Я ездила сегодня утром.

– Хорошо, – медленно выговорил он скрипучим, как несмазанная петля, голосом.

На этот раз улыбка Сары появилась неожиданно и изменила ее лицо.

– Хорошо! – повторила она, будто не могла поверить в то, что он сказал.

– Хорошо, – снова выговорил старик.

Все трое кивнули друг другу, довольные. Мак догадался, что это был

большой прорыв.

– Он старался, Папá. Очень старался. Шел дождь, а ты знаешь, он может быть очень непослушным под дождем, но ему удалось сосредоточиться. Рот не напрягал и слушал, действительно слушал.

Сара сидела с прямой спиной, как в седле, скрестив руки перед собой. Старик купался в ее словах, наслаждаясь каждой подробностью.

– Ты бы был им доволен. Правда.

– Мне не доводилось видеть ничего подобного, – вступил в беседу Мак. – Я ничего не знаю о лошадях, мистер Лашапель, но, когда увидел, как он прыгает на задних ногах, у меня перехватило дыхание.

Повисла тишина. Старик медленно перевел взгляд на внуку. Лицо стало серьезным.

Мак запнулся:

– Это было... великолепно.

Сара покраснела до корней волос. Старик не сводил с нее глаз.

– Мы сделали леваду, – прошептала она виновато. – Прости. – (Старик покачал головой.) – Он был так горяч. Нужно было занять его чем-то новым, чтобы он сосредоточился. Ему нужно было трудное задание...

Мак видел, что чем больше она защищается, тем больше старик мотает головой в беззвучной ярости.

– Gourmand^[35], – сказал он. – Non gourmand. Маленькая. Опять.

Мак силился разобрать его слова, пока не понял, что в них нет смысла. Припомнил, что люди после инсульта с трудом могут подобрать нужное слово.

– Avant^[36]. Non. Лошадь. Лошадь. – Расстроенный, он стиснул зубы и отвернулся от Сары.

Мак похолодел от ужаса. Сара кусала ногти. Лицо старика выражало немой гнев. Все из-за него, подумал Мак. Пытался сделать вид, что его здесь вовсе нет, потом поднял фотоаппарат, который все еще висел у него на шее:

– Мистер Лашапель, я сделал несколько снимков, когда Сара работала. Ездил рысью и все такое. Может, хотите посмотреть?

Он склонился над постелью и перебрал несколько цифровых снимков. Наконец нашел кадр, который, как ему казалось, не должен был вызвать гнев у старика, увеличил изображение. Сара надела на дедушку очки.

Он внимательно изучал фотографию, уйдя в свой мир. Потом обернулся к Саре, закрыл глаза, силясь сосредоточиться.

– Рот, – наконец сказал он. У него задрожали руки.

– Да. – Сара взглянула на фотографию. – Он сопротивлялся. Но только в самом начале, Папá. Как стал работать крупом, расслабился.

Старик удовлетворенно кивнул, и Мак вздохнул с облегчением.

– А другие есть? – спросила Сара. – Более поздние?

Мак просмотрел снимки, протянул фотоаппарат Саре:

– Мне нужно выйти позвонить. Оставляю вас наедине. Вот, Сара, кадры можно просматривать так. Чтобы лучше видеть, можно увеличить, нажав на эту кнопку. Буду ждать тебя внизу через полчаса. Месье Лашапель, был рад познакомиться.

– Капитан, – поправила Сара. – Все зовут его Капитан.

– Капитан, – повторил Мак. – Надеюсь снова вас вскоре увидеть. Обещаю хорошо заботиться о вашей внучке, пока вы не поправитесь.

Только никто не знает, когда это будет, думал он, выходя из палаты.

– Ты шутишь.

– Ничуть. Хочешь посмотреть? – Мак протянул Наташе фотографию, которую успел напечатать, как только вернулся домой.

Наташа порылась в сумочке, отыскала очки, надела их и стала просматривать снимки. Раньше она не носила очков, отметил он.

– Это не наркотики, – сказал он, чтобы прервать паузу.

– Это правда, – кивнула она. Сняла очки и посмотрела на него. – Но лошадь? – Она протянула ему фотографии. – Что, черт возьми, нам делать с лошадьёю?

– Насколько я понимаю, мы ничего не должны делать с лошадьёю. Она ею владеет и сама за ней ухаживает.

– Все это время она пропадала там?

– Я не спрашивал ее о деньгах, но полагаю, они пошли туда.

– Как ребенок может ухаживать за лошадьёю?

– Она держит его под аркой железнодорожного моста. – Мак не мог забыть впечатление, которое на него произвел конный двор посреди города. – Это связано с ее дедом. Он мастер верховой езды. И это не просто пони. Это зверь, как на рисунках Стаббса. Все очень серьезно. Она владеет выездкой. Прыгает и зависает в воздухе.

– Бог мой. – Наташа смотрела вдаль. – А если она получит травму?

– Вряд ли. На мой взгляд, она полностью владела ситуацией.

– Но мы ничего не знаем о лошадях. Социальный работник ничего об этом не говорила.

– Социальный работник не в курсе. Сара скрывала: думала, если они узнают, заберут его у нее. Она права?

– Понятия не имею. – Наташа пожала плечами. – Боюсь, таких прецедентов не было.

– Я был вынужден дать обещание, что мы ничего не расскажем.

– Мы не можем этого обещать! – Наташа бросила на него скептический взгляд.

– Я пообещал. А она пообещала, что не будет больше прогуливать уроки. Мне показалось, это хорошая сделка.

Мак отвез Сару в школу во время перемены на обед. В спешке набросал объяснительную записку. Она не могла поверить, что он с ней заодно.

– Это только раз, – предупредил он, понимая, что был слишком мягок. – Мы разберемся, когда ты вернешься домой. Ладно?

Она кивнула. Не сказала спасибо, отметил Мак с грустью и посмеялся над собой, отъезжая. Думаю, как родитель. Как часто он слышал жалобы друзей на их якобы неблагодарных детей.

Наташа села. Пробормотала что-то о трудном деле, связанном с внутрисемейным насилием. Будто он мог понимать, о чем идет речь. Осознал, не без чувства вины, что многие годы не слушал ее, когда она говорила о своей работе.

– Слушай, Таш, не все так плохо. Она не употребляет наркотики. Не влюблена в какого-нибудь идиота. Она просто девочка-подросток, увлеченная лошадьми. Мы с этим справимся.

– Тебя послушать, все просто. – В голосе Наташи слышалось возмущение. – Но это не так. Ей одной не справиться с лошадью. Поэтому она и прогуливает школу. Ты мне сказал, что всю основную работу делал дедушка. Кто будет этим заниматься, пока она учится? Ты?

– Я вряд ли. – Он засмеялся. – Я ничего не знаю о лошадях.

– А я и того меньше. Есть кто-нибудь, кто может ее заменить?

Мак вспомнил американца с его сомнительными сигаретами.

– Не думаю. Я тебя понимаю. Положение и правда трудное.

Какое-то время они сидели молча.

– Знаешь, – сказала Наташа, не глядя ему в глаза, – у меня есть одна идея.

Глава 11

Познакомьте его со всеми видами и со всеми шумами. Когда жеребенок пугается от какого-то вида или шума, его следует учить, не журуя, но успокаивая, объясняя, что бояться нечего.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Очевидно, идея насчет Кента была нелепой изначально.

– Нет! – Сара наотрез отказалась перевозить лошадь. – Он должен быть здесь, где я могу за ним присматривать.

– На ферме Хоув он будет в полной безопасности. У миссис Картер большой опыт ухода за лошадьми.

– Она не знает его. Вокруг него будут люди, которых он не знает.

– Думаю, миссис Картер знает о лошадях даже больше тебя.

– Да, но она не знает его.

Странно, подумала Наташа: девочка, которая столько дней почти всегда молчала, теперь говорила на повышенных тонах.

– Сара, у тебя нет времени, чтобы все делать самой. Ты прекрасно это знаешь. Если хочешь, чтобы мы были на твоей стороне и не сообщили в органы опеки, ты должна согласиться, что нам надо найти другой способ заботиться о нем, пока твой Папа болеет. На ферме Хоув за ним станут ухаживать всю неделю. Мы будем приезжать на выходные, и ты сможешь проводить с ним целые дни.

– Нет. – Сара скрестила руки на груди и стиснула зубы. – Я не оставлю его в незнакомом месте.

– Ты с ним познакомишься. И потом, это временная мера. На ферме условия лучше, чем те, в которых он содержится сейчас.

– Он счастлив там, – с раздражением ответила Сара и бросила на Наташу гневный взгляд. – Вы ничего о нем не знаете. На Спеапенни-лейн он живет счастливо.

– Но так ничего не получается. – Наташа с трудом сдерживалась. – Пока твой дедушка не вернется, нам самим не справиться. Тебе не справиться.

– Вы не отнимете его у меня.

– Сара, не драматизируй. Никто не собирается отнимать его у тебя.

– Представь, что это для него каникулы. – Мак распластался на диване и ел яблоко. Наташе приходилось напоминать себе, что это был и его дом тоже. – Может весь день носиться по лугам – или что там еще делают лошади. Лучше, чем торчать взаперти под железнодорожным мостом.

От внимательного глаза юриста не ускользнуло, что слова Мака на девочку произвели впечатление. На мгновение показалось, что Сара сдалась.

– Не думаю, что он проводит много времени, бегая по лугам, так? – Мак бросил огрызок в мусорную корзину.

Тот попал точно в цель, глухо стукнувшись о металл.

– Иногда я разрешаю ему побегать на длинной веревке, – сказала Сара, оправдываясь.

– Но это ведь не идет ни в какое сравнение со свободой, когда он может скакать куда захочет?

– Но он никогда не был в фургоне для перевозки лошадей.

– Значит, научится.

– И он...

– На самом деле, Сара, не хочу ссылаться на закон, но это не обсуждается, – строго сказала Наташа. – У тебя нет времени ухаживать за ним и учиться. Мы с Маком ничего не знаем о лошадях и не можем помочь тебе. Мы будем рады оплатить его содержание на ферме Хоув, а когда твой дедушка поправится и вернется домой, оплатим перевоз лошади обратно, и вы заживете своей привычной жизнью. А сейчас, простите, мне нужно работать.

Выходя из комнаты, она замешкалась. Когда она упомянула дедушку Сары, у Мака сделалось растерянное лицо, будто он знал о чем-то и молчал. И долго еще Наташа чувствовала испепеляющий взгляд Сары у себя на спине.

Переезд обернулся катастрофой. Они наняли профессиональную фирму из Ньюмаркета для транспортировки Бо, как Сара его называла, в субботу. Потом Мак рассказал Наташе, что огромный грузовик с трудом втиснулся в узкую Спеапенни-лейн. Кроме того, водителя привел в замешательство адрес конюшни. Замешательство только усилилось, когда он увидел двор.

– Он привык иметь дело со скаковыми лошадьми, – сказал Мак. – Шикарными конюшнями.

– Не удивляюсь, учитывая цену, которую они заломили, – резко заметила Наташа.

Конь, уже почуявший неладное, отказывался входить в грузовик. Сара просила и умоляла его, орала, чтобы все отошли назад, несколько раз пыталась направить его по пандусу в обитый плюшем фургон. Но Бо упирался, пяtilся, от страха несколько раз вставал на дыбы, распугивая небольшую группу прохожих, собравшихся посмотреть. Мак сказал, что чем дольше это будет продолжаться, тем больше соберется зевак. А лошадь все больше нервничала, обливалась потом и закатывала глаза, становясь неуправляемой. Мимо проносились мальчишки на скутерах, застрывшие из-за фургона водители нетерпеливо жали на клаксоны. Ковбой Джон стоял у ворот и курил. Он, сдвинув шляпу назад, качал головой, словно все происходящее вызывало в нем неодобрение.

Дважды Сара кричала зевакам, чтобы они шли по домам и оставили их в покое. Наконец водитель и помощник сказали ей, что у них нет больше времени все это терпеть, и, применив силу, с помощью длинной сети затащили лошадь в фургон. Даже когда тот медленно тронулся в сторону главной улицы, было слышно ржание и стук копыт о борта фургона.

Саре не разрешили ехать с ним вместе. («Страховка, старина. Извини».) Когда Мак уговорил ее, бледную, сесть в машину, заметил, что у нее руки в крови.

Всю дорогу она отказывалась с ним говорить.

Все это Мак рассказал Наташе по мобильному телефону во время короткой остановки на шоссе. Она уехала на своей машине раньше, чтобы прибраться в коттедже. По крайней мере, она так им сказала. На самом деле надо было избавиться от следов пребывания Конора и, что еще важнее, подготовить себя к вторжению в единственное оставшееся место в ее жизни, которое принадлежало только ей.

В коттедже имелось только две спальни. Сара займет гостевую, а Мак будет спать на диване. От одной мысли, что они появятся здесь, Наташа чувствовала себя в ловушке, окруженной врагами. Она боялась, что и этот дом теперь тоже будет отравлен ее неудавшимся браком; это было место, свободное от него, от воспоминаний, а теперь в нем поселится ненужное эхо. Как она вообще оказалась в таком положении? Как принесла в жертву свою независимость, душевный покой и возможное будущее с другим мужчиной? Конор на работе подчеркнуто избегал ее, ссылаясь на занятость, если по ошибке брал трубку, когда она звонила. Утром она отправила ему сообщение, выведенная из себя его холодностью.

Если твоя жена причинила тебе боль, это не значит, что я

сделана из того же теста.

Здравый смысл не успел остановить ее, прежде чем она отправила послание.

Конор, я этого не заслужила.

Захлопнув крышку телефона, Наташа сидела на пустой кухне и ждала ответа, хотя не надеялась его получить. Ответа не последовало, и ей стало еще хуже.

Наташа вышла в сад. Волоски на руках встали дыбом – скоро зима. В последний раз она подстригала газон две недели назад, но на холоде трава росла медленно, и газон выглядел ровным и зеленым. Она собрала листья, подрезала кусты и посадила длинный ряд луковиц там, где раньше была низкая поросль. Над клумбами возвышались китайские фонарики, их сухие оранжевые головки выделялись ярким пятном на фоне серого осеннего неба. Доцветали последние розы на высоких кустах. Запущенный некогда сад сиял красотой.

Тяжело вздохнув, Наташа обхватила себя за плечи. Выбора у нее не было. Если повезет, Маку не нужно будет приезжать сюда снова. Она сама будет привозить Сару по выходным. Судя по всему, девочка собирается проводить все время со своей лошадью. Конору вообще незачем знать, что Мак здесь был. Возможно, когда-нибудь Конор и Сара найдут общий язык. Он понимает детей, этого у него не отнять. Знает, как разговаривать с ними. В отличие от нее.

Наташа медленно обошла сад, туфли потемнели от влаги. Как было бы хорошо, если бы присутствие Сары в ее жизни не лишало ее равновесия. Все их разговоры были какие-то неправильные, словно ей не удавалось найти подходящий тон. Мак относился к девочке с легкостью и непринужденностью старшего брата. Когда за кухонным столом они обменивались шутками или говорили об ее бабушке, Наташа чувствовала себя лишней.

Она не нравилась Саре. Любой безобидный вопрос та воспринимала как допрос, относилась к Наташе с едва скрываемым подозрением. Когда Мак сказал по телефону, что Сара отказывается с ним разговаривать, она чуть ли не обрадовалась. Ей хотелось крикнуть: «Не только со мной! И с тобой тоже она бывает своенравной!»

Откровенно говоря, Наташа знала, что Сара чувствовала ее недоверие. Да, возможно, деньги были потрачены на лошадь. Да, не было

свидетельств, что она употребляет наркотики или алкоголь. Но девочка была слишком скрытной, складывалось впечатление, что она чего-то недоговаривает.

Маку этого Наташа сказать не могла. А как иначе, если она неделями скрывала от него существование дома в Кенте? У него на все был один ответ: «Сара так много пережила, что нуждается в заботе». Его тон подразумевал. Наташа виновата в том, что не понимает этого.

Фантастика, хотелось сказать Наташе. Я поселила у себя в доме бывшего мужа, девочку-подростка, которая меня терпеть не может, и плачу за ее чертову лошадь. Какого понимания вам еще от меня надо?

Мак снова позвонил ей без четверти час:

– Ты не можешь подойти в конюшню? Ты ведь знакома с этой женщиной?

– У меня обед на столе. – Она взглянула на свежие булочки и кастрюлю с супом на плите.

– Сказать это коню? Он выскочил из фургона и чуть не убил кого-то. О черт! Сара кричит на женщину. Я пошел.

Наташа схватила пальто и побежала вниз по улице. Когда она пришла на ферму, Мак пытался успокоить миссис Картер. Ее рот был сурово сжат, выражая неодобрение.

– Она разнервничалась, – говорил Мак. – Переживала за него. Она не хотела вас обидеть.

– Все, кто держит здесь своих лошадей, – заявила миссис Картер, – должны соблюдать мои правила.

– А я не хочу держать его здесь, – вмешалась Сара, выглянув из-за двери стойла.

То и дело рядом с ней высывалась голова лошади, потом скрывалась в сумраке.

Из стойла доносился звук, будто кто-то расщеплял доски.

– Если он выломает стену, – продолжала миссис Картер, – боюсь, вам придется за это заплатить.

– Это потому, что вы его напугали.

– Сара, уймись! – велел Мак. – Конечно, мы возместим убытки.

Мы? – подумала Наташа.

Двое мужчин ждали у фургона.

– Кто-нибудь с нами рассчитается? – спросил один. – Нам ехать пора.

Наташа пошла к ним, доставая из жакета бумажник.

– Она та еще штучка, – заметил другой.

– Боюсь, я не разбираюсь в лошадях, – сказала Наташа.

– Я не о лошади.

Она обернулась: Сара вышла из стойла. Спор между ней и миссис Картер, похоже, набирал обороты.

– Я занимаюсь лошадьми сорок лет, юная леди, и ни разу не видела такого поведения у себя на дворе. Я не потерплю грубости.

– Вы не дали ему шанса! – кричала Сара. – Он никогда не выходил за пределы своего двора. Он был напуган!

– Нужно было вывести лошадь из фургона, пока она не поранила себя.

– Надо было предоставить это мне!

– Сара, угомонись! – снова оборвал ее Мак. – Давайте все успокоимся. Мы заплатим за ущерб, – повторил он.

– Я не хочу, чтобы эта женщина близко к нему подходила.

– Вы говорили, что конь благонравный. – Миссис Картер обернулась к Наташе. – И что девочка послушная.

Сара открыла рот, но Мак ее опередил:

– Он вел себя очень мирно в своей конюшне. Я его видел. Он был спокойный.

– Спокойный? – переспросила миссис Картер.

– Он хорошо себя ведет с людьми, которые умеют обращаться с лошадьми. – Сара пнула землю.

– Юная леди, к вашему сведению...

– Всего неделю, – перебила ее Наташа. – Пожалуйста, присмотрите за ним одну неделю. Если вы найдете, что он действительно неуправляем, я организую его доставку назад. – Она посмотрела на Сару. – Потом снова будем думать, что делать.

Грузовик удалялся по подъездной дороге. Наташа вспомнила о супе, остывавшем в кастрюле на плите.

– Прощу вас, миссис Картер. Сара переволновалась, как и ее лошадь. Сегодня мы не сможем его увезти. Это физически невозможно.

Миссис Картер вздохнула. Глянула на Сару, которая перевесилась через дверь стойла и все еще пыталась успокоить своего коня.

– Я не могу гарантировать ежедневный уход.

– И ладно, – сказала Наташа, понятия не имея, о чем та говорит.

– И пусть она его держит в блоке за углом, подальше от остальных.

Хозяйка резко развернулась и потопала к своей конторе.

– Отлично! Все устроилось. – Мак улыбнулся, будто знал об этом с самого начала. – Умираю от голода. Пойдем, Сара. Пусть он придет в себя, а мы пообедаем. Сразу после обеда можешь снова к нему пойти.

Сара съела суп с рекордной скоростью и провела весь день в конюшне. Мак посоветовал оставить ее в покое.

– Она хорошая девочка, – сказал он. – Миссис Картер увидит это, если их предоставить самим себе. Обе любят лошадей. Конечно, они найдут общий язык.

Наташе не хватало его уверенности.

Когда Сара ушла, они остались сидеть на кухне. Мак раскачивался на ножках стула. Наташа видела, что он рассматривает фотографию ее родителей, которая раньше висела в кабинете их лондонского дома, фаянсовую посуду, которую она перевезла сюда.

– А Конором не пахнет, – заявил он, когда она принялась за тарелки.

Она прочитала по его глазам: это женский дом. Не было оборочек или цветочков, но пол хозяина угадывался по тому, как были расставлены предметы, по мягкости тонов и обстановки.

– Я его не купила, если ты об этом спрашиваешь. Просто снимаю.

– Я ни о чем не спрашиваю. Просто... – Мак развернулся, чтобы рассмотреть гостиную через дверной проем, – слегка удивлен.

Она не знала, что сказать, поэтому промолчала.

– Это сюда ты приезжаешь каждые выходные?

– Почти каждые. – Она вдруг смутилась, испугавшись, что может выронить тарелки.

– Никогда не думал, что тебе нравится сельская жизнь.

– А я никогда не думала, что разведусь. Но, как видишь, в жизни все бывает.

– Вы обе, и ты, и Сара, меня удивляете.

– Знаешь, ты тоже меня удивил, появившись на пороге, – как снег на голову свалился.

Наташа набрала воду в раковину, радуясь, что может заняться делом. Было странно видеть его здесь, будто он стал незнакомым для нее человеком. Иногда с трудом верилось, что они когда-то были вместе. Казалось, он так изменился, так отдалился. В ее собственной жизни мало что поменялось.

– Спасибо. – Наконец он нарушил молчание.

Она готова была ответить едким замечанием.

– За что?

– Что разрешила нам сюда приехать. Знаю, тебе это было нелегко.

В его голосе не было и намека на сарказм. Карие глаза смотрели искренне. Это ее напугало.

– Ерунда.

– В таком случае, может, пора тебе сказать, что у меня давным-давно есть жилье в Ноттинг-Хилле? – Он начал смеяться еще до того, как она обернулась. – Шучу! Таш, я шучу.

– Очень смешно. – Она с облегчением улыбнулась помимо своей воли.

– Она успокоится, знаешь, надо дать ей время, – добавил он после паузы.

Наташа застыла на месте. Значит, он тоже заметил.

Он подошел к мойке и встал рядом. Она сосредоточенно смотрела на тарелки.

– Мне кажется, Сару ничего не волнует, кроме ее Папá и этой лошади. Учитывая все случившееся, она, возможно, больше всего на свете боится потерять и его. Поэтому ведет себя так агрессивно. У нее все на лице написано.

Он протянул ей оставшуюся на столе ложку.

Возможно, для тебя, подумала Наташа. Но не стала говорить это вслух.

– Я увеличил несколько фотографий. – Мак снова сел. – Они у меня в машине. Если я заварю чай, посмотришь?

А что ей оставалось делать? Наташа постаралась не показывать, что ее передернуло, когда он стал рыться в шкафчиках в поисках кружек и чайных ложек. Оттого что чай заваривал Мак, а не Конор, она почувствовала себя изменницей, осознавая грустную иронию положения.

Они расположились в гостиной: Мак на стуле, который обычно выбирал Конор, Наташа на диване напротив. Мак перебирал стопку фотографий.

– Это место, где она его держит, словно не изменилось с викторианских времен, если бы не машина и всякие мелочи. Старик, – он показал на пожилого чернокожего мужчину в старой ковбойской шляпе, – сказал, что таких небольших дворов еще полно осталось в Ист-Энде. Было больше, но застройщики пустили их под бульдозер.

Наташа смотрела на тесный двор, пылающую жаровню, гуляющих кур и не могла поверить, что все это чуть ли не в центре города. Где-то между Стептоу и Сан скрывалось нечто потайное, магическое, осколок давно минувших времен. Там были куры, козы, крупные лошади и худенькие дети. Над штабелями палет пронесся сияющий современный поезд, его пассажиры даже не догадывались о жизни, текущей под ними. Это была территория Сары. Ее мир. Как такое место вписывается в современность? Как такая девочка, как Сара, может вообще найти свое место в жизни?

– Что скажешь?

Когда Наташа оторвала взгляд от фотографий, Мак выжидательно смотрел на нее. Ему вправду было нужно знать ее мнение.

– Никогда ничего подобного не видела, это точно.

Ее взгляд привлекла еще одна фотография – лошадь, стоящая на задних ногах, и худенькая знакомая фигурка, прильнувшая к ее шее. Выступившее из-за тучи солнце освещало голову лошади. На фоне унылой улицы конь казался неземным созданием. Вдруг до Наташи дошло, что она видела это раньше. Из окна поезда.

– Как? Они тебе понравились? – спросил Мак с нетерпением. – Я задумал выставку. Хотел показать их куратору в галерее неподалеку от Ватерлоо. Ты ее помнишь. Я там устраивал выставку три или четыре года назад. Я ему рассказал о снимках, и он хочет их посмотреть. – Мак наклонился и взял фотографию, которую она держала, в свои широкие ладони. – Мне кажется, эту надо подрезать, вот здесь. Как думаешь?

Он объяснил, что снял эту серию на пленку, а не на цифровой аппарат. Использовал свою старую «лейку», и это только десятая часть того, что было на обзорном листе. В этом месте нельзя было сделать плохой снимок. Куда ни глянешь, готовый кадр в рамке. Пройдет немного времени, и этот мир исчезнет. Так сказал ковбой. Из тридцати дворов, что там изначально были, осталось не больше пяти. Возможно, получится серия. Мак говорил охотно, увлеченно, как не говорил о своей работе многие годы. Наконец он замолчал.

– Я тебя утомляю. – Он виновато улыбнулся и собрал фотографии.

– Вовсе нет. – Наташа протянула ему снимки, которые лежали у нее на коленях. – Правда. Они прекрасны. Мне кажется, это лучшее, что я видела из твоих работ. – (Он вскинул голову.) – Правда, – заверила она. – Очень красивые. Я немного разбираюсь в фотографии.

Он улыбнулся:

– Это говорит женщина...

– Которая однажды отщелкала целую пленку, не сняв крышку с объектива. Я знаю.

Они засмеялись. Потом почувствовали неловкость. В наступившей тишине она что-то выстукивала пальцами у себя на коленке.

– В любом случае, – Мак встал, – мы дали ей полтора часа. Надо пойти взглянуть, какие неприятности Национальный Бархат^[37] учинила на дороге.

Наташа выравнивала стопки журналов на столике. У нее возникло странное чувство, будто она что-то потеряла. Не могла смотреть ему в глаза.

– Да, конечно. Пора.

Они пошли по дороге к ферме Хоув, ежась от холода. В своем голубом шерстяном пальто Наташа чувствовала себя неуместной здесь. Они столкнулись локтями, и она отодвинулась.

Она не раз слышала, как люди говорили о своих бывших мужьях или женах будто о лучших друзьях. Наташа не могла этого понять. Как можно так легко перейти от страсти – будь то любовь или ненависть – к дружеской близости, когда взяться за руку не составляет труда. Она помнила мгновения, когда так сильно ненавидела Мака, что ей хотелось его убить. Помнила и то время, когда она хотела его так сильно, что могла, как ей казалось, умереть. Как такая страсть могла бы превратиться в дружбу, чувство нейтральное, как бежевый цвет? Как мог он развестись с ней и это не оставило на нем ни одного видимого рубца? Она знала, что еще не пережила конец их брака. Это проявлялось в ее жестах, в неестественной реакции на его слова и поступки, в непрекращающихся вспышках гнева. А он плыл себе, ничего не замечая, как корабль в вечно спокойных водах. Наташа спрянула подбородок поглубже в шарф и прибавила шагу, словно ей не терпелось добраться скорее. Она надеялась, что ее замешательство останется незаметным.

Конюшня разительно отличалась от тесного двора посреди города на фотографиях Мака. На живописном дворе из красного кирпича женщины среднего возраста и девочки-подростки в обтягивающих узкие бедра разноцветных бриджах для верховой езды начищали щетками своих лошадей или убирались в стойлах; при этом они переговаривались, перекрикивая маленький транзисторный радиоприемник. До Наташи долетали обрывки их разговора:

- Он плохо скачет по песку. Кажется, что у него увязают задние ноги.
- Я делала серпантин из трех петель со сменой ног в середине...
- Дженнифер кормила его одной ячменной соломой, пока он не начал кашлять. Теперь тратится на стружки...

Лошади терпеливо ждали у мостиков для посадки или с любопытством высовывали нос из-за дверей стойл, молча общаясь друг с другом. Это был замкнутый мир со своим языком и обычаями, а его обитателей объединяла общая страсть, которую Наташа пока не могла понять. Мак наблюдал за всем этим с интересом, руки безжизненно повисли вдоль туловища, будто не знали, чем себя занять без фотоаппарата.

Лошади Сары в стойле не было. Дверь настежь открыта. Миссис Картер вышла из офиса:

– Я сказала по доброте душевной, что она может занять манеж на полчаса. Думала, животному надо отдохнуть, но она сказала, он быстрее успокоится, если дать ему нагрузку. – Поджатые губы лучше всяких слов говорили, что она думает об этом. – Никого не слушает, да?

– Ее дедушка – опытный человек. Он ее всему учит.

– Манерам только не научил. – Хозяйка хмыкнула. – Пойду посмотрю. Не испортила бы она арену.

Наташа переглянулась с Маком и поняла, что ей хочется захихикать.

Они последовали за миссис Картер, которая шла, слегка прихрамывая из-за пораженных артритом ног и стараясь не наступить на своего маленького коротконового терьера. Сара стояла посредине песочной арены и двумя длинными поводьями управляла лошастью. Та скакала рысью по кругу, меняя направление и повинаясь каким-то невидимым посылам. Вот лошадь сбавила скорость и теперь перебирала ногами на месте. Сара оказалась рядом с крупом Бо, а всем было известно, что стоять позади лошади нельзя.

Наташа засунула руки в карманы и наблюдала молча. Лошадь двигалась так медленно, что казалось, она парит, высоко поднимая колени, слегка подпрыгивая в аллюре. Лошадь была сосредоточенна, как и девочка. Бока ходили ходуном, голова свесилась, она поднимала и опускала копыта, подчиняясь какому-то неслышимому ритму. А потом вновь пустилась рысью, описывая небольшие круги вокруг девочки, которая что-то тихо бормотала.

– Как балет для лошадей, – сказал Мак, стоящий рядом. Он поднял фотоаппарат и делал снимок за снимком. – Я уже раньше такое видел. Забыл, как это называется.

– Пиаффе, – сказала миссис Картер.

Она стояла у ворот и внимательно наблюдала, вдруг сделавшись молчаливой.

– Она молодец, правда? – Мак опустил фотоаппарат.

– Талантливая лошадь, – заключила миссис Картер.

– Она хочет, чтобы лошадь делала... какие-то фигуры выездки. Или что-то в этом роде. Что-то вроде балетных движений. Что-то в воздухе.

– В воздухе над землей?

– Ну да. Так она сказала.

– Думаю, вы неправильно поняли. – Миссис Картер покачала головой. – Она не поднимет лошадь в воздух. Мала еще. Это прерогатива европейских академий.

Мак сосредоточился:

– Нет, она точно сказала, выездка.

– Она должна пройти весь путь от начинающего уровня, потом предварительный, потом уровень новичка, потом начальный... Если у нее есть талант, может достигнуть среднего уровня в свое время, при правильном обучении. Но если не принимать участия в соревнованиях, ничего у нее не выйдет.

Она говорила так уверенно, что Наташа посочувствовала Саре. Она не понимала, что происходит, но девочка была так сосредоточена на движениях лошади. Обидчивый подросток исчез, осталась спокойная компетентность, любовь к делу, молчаливое, добровольное ответное действие животного. Вот, подумала она, это и есть настоящая страсть.

– Вы еще не видели, как она ездит верхом, – сказал Мак в защиту Сары. – Просто фантастика.

– Кто угодно будет смотреться на вполне пристойной лошади.

– Она просто сидит, ничего не делая. Даже когда он встает на дыбы... – Мак изобразил, как лошадь встает на задние ноги.

Миссис Картер сделала круглые глаза.

– Нельзя поднимать лошадь на дыбы, – сказала она строго. – Если она упадет, может пораниться или даже убить себя. И ездока тоже.

Мак хотел что-то сказать, но тяжело вздохнул и закрыл рот.

Они закончили. Сара повернулась и повела Бо к воротам. Он свесил голову и казался спокойным. Когда она подошла к ним, он ткнулся носом в ее спину.

– Ему здесь нравится, – радостно сообщила Сара, позабыв об обиде. – Все его поведение изменилось. Ему нравится пружинистый грунт. – Она улыбалась. – Он никогда еще не бывал на арене.

– Не бывал? А где же ты его тренировала? – Миссис Картер открыла ворота, выпуская их.

Наташа нервно отступила назад.

– В парке в основном. Больше нигде было.

– В парке?

– Я обозначила арену рядом с детской площадкой.

– В парке тренироваться нельзя. Летом грунт слишком твердый, а зимой, когда почва раскисает, можно повредить ему сухожилия. Ты ему так ноги угробишь, – недовольно проворчала миссис Картер.

Наташа заметила, как Сара оцетинилась.

– Я не дура! – отпарировала она. – Мы тренируемся, только если грунт хороший.

Ликующая открытая улыбка, которая появилась на мгновение на ее

лице, исчезла.

Как надо быть осторожными с детьми, подумала Наташа. Одно неверное слово в неподходящий момент, и они чувствуют себя подавленными. Наверное, Сара больше не улыбнется миссис Картер.

– Ладно, отведи его в стойло. Подальше от других. Как договорились.

– Ему там будет одиноко. – Сара остановилась. – Он привык, что рядом другие лошади.

– Он их будет слышать, – строго сказала миссис Картер. – То стойло ему слишком мало. Кроме того, Брайану нужно будет заделать дыры в стене.

– Делай, как велит миссис Картер, – посоветовал Мак. – Смотри, он выглядит довольным.

Сара бросила на него взгляд, в котором было негодование, но и готовность подчиниться. Наташа не сразу поняла, что в этом взгляде было что-то еще. Доверие. Девочка повела лошадь в новое стойло.

– Хорошо. Нужно, чтобы вы заполнили кое-какие документы, – сказала миссис Картер, ведя их в сторону офиса. – И еще нужен чек в качестве залога. И плата за ремонт, если вы не против.

Она ускорила шаг, ее собачка побежала следом. Хозяйка взяла Мака под руку – все женщины так делали, как только им выпадала такая возможность.

– Знаете, конь неплохой. Лучшее, что вы можете для него сделать, мистер Макколи, – сказала она тихо, – это найти ему новый дом. Где он сможет полностью проявить свой потенциал.

Повисла пауза.

– Для меня важнее, чтобы потенциал проявила его владелица, – ответил Мак.

Когда они вернулись в коттедж, Сара скрылась в своей комнате. Наташа пошла искать чистые полотенца и наводить порядок в белье в шкафу. Спускаясь по лестнице, она вспомнила, что забыла проверить телефон, который остался на столе.

Пропущенный звонок от Конора и сообщение от агента по недвижимости:

Мистер и миссис Фриман выразили желание купить ваш дом. Срочно позвоните.

Мак пошел за дровами. Наташа смотрела, как он легко нагибается и

наклоняется вперед, отбрасывая в сторону сухие поленья. Вернулась на кухню и набрала номер агента. Он сказал, что предложение «разумное», всего на пару тысяч ниже запрашиваемой цены. Покупатели не связаны цепочкой и готовы переехать быстро.

– Рекомендую принять предложение, учитывая состояние рынка, – закончил он.

– Мне нужно поговорить с... Я вам перезвоню. Спасибо. – Наташа повесила трубку.

Пошатываясь, вошел Мак с полной корзиной поленьев. Он казался слишком крупным для маленького дома. Со стуком он опустил корзину на пол у камина, и в воздух взлетело облако древесной пыли.

– Удивительно, что у тебя не выросли мышцы, как у Шварценеггера!

– Потому что я не таскаю поленья корзинами, а приношу по два-три зараз.

– Я тогда зажгу? – Он отер руки о джинсы. – Хорошо посидеть у огня. На улице холодает, это чувствуется.

Мак сделал вид, что дрожит, стряхивая кусочки коры с куртки. От холода у него покраснели мочки ушей.

Она поражалась его непринужденности. Разводить огонь в доме, в котором не могло не чувствоваться присутствие другого мужчины! Он сложил поленья на растопку, нагнулся и поджег газету под ними. Дул, пока огонь не разгорелся.

– Нашлись покупатели на дом. – Наташа показала телефон. – Предлагают на две тысячи меньше, чем мы просили, но не связаны цепочкой. Агенты советуют соглашаться.

Мак посмотрел ей в глаза, потом отвернулся к огню.

– Я не против. – Он положил еще одно полено на решетку. – Если тебя устраивает.

Впоследствии она подумала, что героиня фильма на ее месте должна была бы что-то сказать. После ничего нельзя будет вернуть назад, чувства и поступки перестанут от тебя зависеть. Но, как ни старалась, не смогла найти нужных слов.

– Мы должны сказать Саре. Если... если все закрутится быстро, нам придется искать для нее другое место.

– Давай решать проблемы по мере их поступления. – Он не отрывал глаз от огня.

– Тогда пойду перезвоню им.

Наташа отправилась на кухню. Мокрым ногам было холодно на полу.

Мак заранее предупредил, что хочет приготовить ужин. Спросил разрешения. Принес из багажника коробку с продуктами, накрытую кухонным полотенцем, и объявил, что они не должны смотреть раньше времени. Наташа была несколько потрясена вновь обретенными кулинарными способностями бывшего мужа и обнаружила, что его неожиданный сюрприз скорее вывел ее из равновесия, чем обрадовал. Зачем ему надо было превращаться в мистера Совершенство, как только они расстались? Он выглядел лучше, вел себя лучше, был увлечен работой. Нисколько не потерял обаяния. Ее же жизнь, наоборот, застопорилась. Она делала что могла. Станным образом это ее обнадежило, когда ужин был подан.

– Это из мексиканской кухни, – объявил он слегка извиняющимся тоном.

Наташа с Сарой увидели в синей миске рыхлый холмик коричневого цвета и упаковку тако. Тонкие полоски какого-то непонятного вещества, перемешанные с чем-то красным, лежали, покрытые скользкой пленкой растительного масла. Они переглянулись и прыснули со смеху.

– Ладно, я еще не совсем разобрался со временем приготовления, – сказал Мак. – Простите, говядину, скорее всего, передержал.

– А что это? – Сара указала на грязноватый холмик.

Наташа подумала, едва сдерживая смех: это похоже на то, что оставляют за собой лошади.

– Пюре из тушеных бобов. Ты раньше не ела?

Сара покачала головой и смотрела с подозрением: вдруг ее разыгрывают?

– На вкус лучше, чем на вид. Правда.

Мак ждал, всматриваясь в их лица.

– Ладно, – сказал он. – закажем что-нибудь с доставкой на дом.

– Здесь нет ресторанов, отпускающих блюда на дом. Это деревня. Смотрите, – Наташа вскрыла упаковку с тако, – если добавить сметану и сыр, получится вполне съедобно. Разве не в этом суть мексиканской еды?

После ужина Сара приняла ванну, потом сообщила, что идет спать, если они не возражают. Под мышкой у нее была зажата потрепанная книга.

– Да еще только полдесятого! – воскликнул Мак. Они с Наташей перебрались в маленькую гостиную. Он положил ноги на корзину для поленьев. – Что ты за подросток?

– Думаю, усталый подросток, – заметила Наташа. – У тебя был трудный день.

– Что читаешь?

Сара вынула книгу. Она была обернута в красную бумагу и скреплена клейкой лентой.

– Это дедушкина, – сказала она и добавила, увидев, что они ждут. – Ксенофонт.

– Ты читаешь классику? – удивленно спросила Наташа.

– Это об искусстве верховой езды. Папá ее читал, и я подумала, мне это тоже сможет помочь...

– Греки могут научить тебя верховой езде?

Сара протянула книгу Маку. Он изучил обложку.

– Ничего не меняется, – сказала она. – Вы слышали о белых лошадях Вены?

Даже Наташа знала о белых лоснящихся жеребцах, но думала, что они не более чем красивая приманка для туристов, вроде бифитеров^[38].

Их ездоки по-прежнему учатся по трактату Ла Гериньера, который был написан в 1735 году. Каприоль, крупата, курбет... Манеры, фигуры не изменились с тех времен, когда их исполняли перед «королем-солнцем».

– Многие принципы правосудия восходят к древним временам, – сказала Наташа. – Меня поразило, что ты интересуешься классической литературой. Ты читала «Илиаду»? Там наверху есть. Тебе может понравиться...

Но Сара покачала головой:

– Это только чтобы учить Бо. Пока нет Папá.

– Сара, можно тебя спросить? – Мак потянулся за тако и положил его в рот. – А какой во всем этом смысл?

– В чем?

– Все эти премудрости. Чтобы твои ноги были в строго определенном положении. Чтобы ноги лошади двигались точно так или этак. Чтобы ее голова была повернута точно туда. Другое дело прыжки или скачки. Я наблюдал за тобой в парке. Ты повторяла одни и те же упражнения, снова и снова. Какой в этом смысл?

Вопрос ее порастил, заметила Наташа, будто был еретическим.

– Какой смысл? – переспросила Сара.

– Повторять все эти движения так маниакально. Выглядит мило, но я не понимаю цели. В большинстве случаев не понимаю даже, чего ты хочешь достигнуть.

После мытья на мокрых волосах девочки остались бороздки от расчески. Она пристально на него посмотрела:

– Зачем вы все время снимаете?

Он улыбнулся: вопрос ему понравился.

– Потому что надеюсь, следующий снимок будет лучше.

– И я тоже могу сделать лучше. – Сара пожала плечами. – Мы можем сделать лучше. Стремимся прийти к абсолютному взаимопониманию. Это достигается легким давлением пальца на поводья или почти незаметным перенесением веса. Каждый раз это по-новому. Он может быть в плохом настроении, я могу быть усталой. Или грунт может быть мягче. Это не столько техника, это два разума, два сердца пытаются понять друг друга. Это о том, что происходит между вами.

Мак поднял бровь и посмотрел на Наташу:

– Мне кажется, мы поняли.

– Когда Бо меня понимает, – продолжала Сара, – когда у нас получается вместе, ничто не может с этим сравниться. – Ее взгляд стал отрешенным, руки сжали воображаемые поводья. – Лошадь может делать красивые вещи, удивительные вещи, если вы научитесь просить ее правильно. Дело в том, чтобы попытаться раскрыть ее способности, а потом заставить сделать что-то. Более того, заставить сделать, потому что она сама этого хочет. Потому что, когда у нее получается, она чувствует себя на вершине мира. – Повисла пауза. Девочка смутилась, словно разоткровенничалась больше, чем ей хотелось бы. – В любом случае, – закончила она, – ему было бы лучше дома.

– Он скоро туда вернется, – весело заверил Мак, – после небольших каникул. А мы станем плохим воспоминанием, о котором можно будет рассказать друзьям.

– Мне кажется, – продолжала Сара, словно не слышала его, – ему будет плохо без меня целую неделю.

– Мы все это уже обсудили. – Наташа почувствовала растущее раздражение, и это отразилось в ее тоне. – Даже если бы он остался в Лондоне, ты не могла бы видаться с ним. Здесь, по крайней мере, за ним будут ухаживать. Уймись, Сара... – Она не хотела показывать досаду, но слишком устала.

Сара собралась уходить, но обернулась.

– Вы продаете дом? – спросила она на пороге. – Я слышала, что вы говорили, когда была в ванной.

В таком маленьком доме трудно держать что-то в тайне. Наташа посмотрела на Мака.

– Да. – Он тяжело вздохнул. – Продаем.

– Куда переезжаете?

Он подбросил спичечный коробок и поймал его.

– Я, наверное, куда-нибудь в Ислингтон. Куда Наташа – не знаю. Но ты не должна волноваться. Это случится не скоро. К тому времени дедушка вернется домой.

Сара замешкалась в дверном проеме:

– Вы уже не вместе, да?

Это прозвучало скорее как наблюдение, чем вопрос.

– Да, – подтвердил Мак. – Живем вместе ради детей. Ради тебя, между прочим. – Он бросил книгу Саре, она ее поймала. – Слушай, не беспокойся за нас, – сказал он, заметив ее тревогу. – У нас дружеские отношения, и мы готовы жить под одной крышей, пока все не придет в норму. Да, Таш?

– Да, – хрипло отозвалась Наташа.

Сара смотрела на нее; показалось, что девочка видит ее насквозь, и Наташе стало неловко.

– Я сама позавтракаю. – Сара запихнула книгу под мышку. – Хочу прийти пораньше в конюшню, если вы не против.

И удалилась по узкой скрипучей лестнице в свою спальню.

Первую ночь в новом лондонском доме Мак и Наташа провели на матрасе на пыльном полу. При переезде из ее квартиры болты, соединяющие две части диван-кровати, потерялись. Уставшие за день после распаковывания вещей, они бросили матрас напротив камина в гостиной и накрылись пуховым одеялом. Она вспомнила, как лежала в его объятиях под голым окном, выходящим на темную улицу, где-то далеко в ночном небе летел самолет. Вокруг громоздились поставленные друг на друга коробки, которые останутся неразобранными еще пару месяцев. Чужие обои, странное чувство, что они спят в доме, который купили, но который не был их. То, что они ночевали как в палатке, только усиливало чувство необычности и нереальности. Наташа лежала без сна, и ее сердце учащенно билось. Она не знала, что с ними будет, каким станет дом, но наслаждалась мигom счастья, которое, как она уже тогда знала, не продлится долго.

Его рука на ее теле, простор старого дома наполняли ее чувством, что они могут все. Словно это была точка, с которой начнется что-то такое же бесконечное, как космос. Она повернулась, чтобы посмотреть на него, головокружительно красивого мужчину, погладила его спящее лицо, осыпала поцелуями, пока он не проснулся и, удивленный, со сладким стоном, не прижал ее к себе.

Наташа налила полный бокал вина. Уставилась в телевизор, плохо соображая, что смотрит. Она чувствовала себя беззащитной и поняла с

ужасом, что плачет. Отвернулась от Мака, заморгала и сделала большой глоток из бокала.

– Эй, – сказал Мак тихо.

Она не могла повернуться. Не умела она плакать незаметно. Нос, наверное, покраснел. Она слышала, как он встал, прошел через комнату и закрыл дверь. Потом сел и выключил телевизор. Она выругалась про себя.

– Ты в порядке?

– Да, – сказала она поспешно.

– Не похоже.

– Но это правда. – Она снова отпила из бокала.

– Она тебя расстроила?

Наташа выпрямилась:

– Нет... Лошади, да и девочка-подросток у тебя дома, – это изматывает.

– Все запуталось. – Он кивнул. – Да? – Улыбнулся.

Не любезничай, подумала она. Не надо. Прикусила губу.

– Это из-за дома?

Она постаралась придать лицу выражение беспечности.

– Ох... Никто и не ожидал, что будет просто.

– Я тоже не в восторге, – заметил он. – Люблю этот дом.

Они сидели молча, глядя на огонь. Снаружи деревенский коттедж окутала темная ночь, приглушившая все звуки и свет.

– Столько трудов, – сказала она. – Годы планирования, ремонт, мечты... Трудно свыкнуться с мыслью, что все достанется чужим людям. Не могу забыть, каким он был, когда мы впервые его увидели: развалина, но с большим потенциалом.

– У меня сохранились фотографии, – признался он.

– Фото, на котором ты кувалдой пробиваешь заднюю стену, весь в пыли...

– Странно, что там будут жить другие люди и они ничего не будут знать, как мы все восстанавливали или почему вставили круглое окно в ванной... – Мак вдруг замолчал.

– Столько трудов. А потом ничего. Обычная жизнь. – Она знала, что из-за выпитого вина может сказать больше, чем хотелось бы, но не могла остановиться. – У меня такое чувство... будто оставляю там часть себя.

Он встретился с ней взглядом, и она отвела глаза. На решетке сдвинулось полено, и искры устремились вверх по дымоходу.

– Боюсь, – сказала она скорее сама себе, – не смогу вложить столько души в какое-то другое жилище.

Наверху Сара выдвинула и закрыла ящик. В гостиной потрескивали дрова.

– Прости, Таш.

Он нерешительно нагнулся и взял ее за руку. Она с удивлением смотрела на их переплетенные пальцы. У нее перехватило дыхание от ощущения его прикосновения, забытого и знакомого.

Она убрала руку и покраснела.

– Вот поэтому я редко пью. – Наташа встала. – Длинный был день. Думаю, все чувствуют то же самое, когда продают дом, в котором прожили годы. Но это всего лишь дом, правда?

У Мака было задумчивое лицо, но о чем он думал, сказать было трудно.

– Конечно, – сказал он. – Это всего лишь дом.

Глава 12

Боги наградили человека истинным талантом обучать другого человека с помощью речи и рассуждений, но очевидно, что обучить лошадь с помощью речи и рассуждений нельзя.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Несмотря на сильную усталость, Наташа спала урывками. Деревенская тишина действовала угнетающе. Мешало присутствие Сары и Мака в маленьком доме. Она слышала скрип дивана внизу, когда он переворачивался, звук босых ног, когда Сара рано утром пробиралась в ванную. Ей казалось, она даже слышит, как они дышат, и гадала, значит ли это, что Мак тоже слышит каждое ее движение. Она засыпала и просыпалась от кошмаров. Ей снилось, что они с Маком ссорятся или что дом наводнили чужие люди. Наконец, когда забрезжил рассвет и над деревьями встало оранжевое северное солнце, она позволила себе открыть глаза. Она успокоилась, словно обстоятельства утомили ее разум. Еще полежала в постели, уставившись в светлеющий потолок, потом накинула халат и встала.

Она не будет думать о Маке. Расстраиваться из-за дома глупо. Если думать о прикосновении руки, можно сойти с ума. Она напилась и потеряла контроль над собой. Бог знает, что бы сказал Конор, если бы ее увидел.

Посмотрела на часы – четверть седьмого. Услышала, как включилось и загудело центральное отопление. Наташа смотрела на закрытую дверь своей спальни, словно могла видеть сквозь нее, как в комнате напротив спит Сара.

Я вела себя как эгоистка, подумала она. Сара не глупа и чувствует, что мне некомфортно. Каково это – потерять все и целиком зависеть от чужих людей? Благодаря деньгам, своему возрасту и положению Наташа дает Саре то, что та вряд ли могла бы когда-либо получить. Наташа решила несколько ближайших недель изображать друга, подавляя врожденную сдержанность и недоверчивость. Она сделает так, чтобы это короткое пребывание было полезным. Невелика жертва с ее стороны, и она того стоит. Если уделять Саре больше внимания, ей, Наташе, может быть, будет легче пережить присутствие Мака. И больше не допустить положения, в

котором она оказалась вчера.

Кофе, решила она. Нужно приготовить кофе и насладиться часом покоя.

Наташа осторожно отворила дверь и вышла из комнаты. Дверь спальни напротив была приоткрыта. Какое-то время Наташа смотрела на нее, потом, подчиняясь внезапному порыву, слегка толкнула ее. Все матери так делают, сказала она сама себе. Во всем мире матери открывают двери, чтобы посмотреть, как спят их дети. Она может даже отчасти почувствовать то, что чувствуют они. Только отчасти. Почувствовать что-то, попытаться почувствовать что-то, было легче, когда девочка спала.

Вдруг зазвонил телефон, и она отдернула руку. Если кто-то звонит в такое время, ничего хорошего это не предвещает. Только бы не мама или папа, молила она невидимое божество. Только не сестры, пожалуйста.

Голос был незнакомый.

– Миссис Макколи?

– Да?

Проснулся Мак. Она видела, как он вскочил с дивана.

– Это миссис Картер из конюшни. Простите, что звоню так рано, но у нас возникла проблема. Ваша лошадь исчезла.

– Как он мог выбраться? – Мак сидел и тер глаза. На нем была старая футболка, которую Наташа узнала, совсем уже застиранная.

– Она сказала, им иногда удается открыть засовы. Стучат по двери, пока засов не откроется. Я ее почти не слушала.

Бог мой, думала Наташа. Что мы скажем Саре? У нее будет истерика. Она обвинит их в том, что заставили ее привезти его сюда.

– Что будем делать?

– Муж миссис Картер объезжает на квадроцикле соседние поля. Она выводит свой внедорожник. Просит нас взять недоуздок и приехать. Боится, что он мог ускакать на шоссе. Возможно, он пропадает всю ночь.

Наташа дрожала, обняла себя за плечи.

– Мак, придется разбудить ее и сказать.

Мак потер лицо. По его выражению было видно, что он боится этого так же, как и она.

– Пока не будем. – Он натянул свитер. – Попробуем сначала его найти. Не стоит ее пугать, если он всего лишь на соседнем поле. Она вчера так устала. Будем надеяться, проспит, пока мы его не найдем.

Земля была покрыта изморозью. Когда они ехали по дороге, шины потрескивали на посеребренном гудроновом покрытии. Ехали медленно, с

открытыми окнами, внимательно осматриваясь по сторонам в надежде увидеть или услышать большую каурюю лошадь. Любая движущаяся тень в дальнем леске, каждый след на заиндевевшей земле вселяли надежду. Наташа в уме составляла карту местности, пыталась предугадать намерения животного, которого она даже и не погладила ни разу.

– Бесплезно, – повторил Мак. – Из-за заборов ничего не видно, из-за шума мотора ничего не слышно. Выходим.

Они припарковали автомобиль в центре деревни. У церкви, вспомнила Наташа, имелась возвышенность, откуда видна большая часть долины. В кармане остался бинокль Конора, но Наташа сомневалась, что сумеет отличить нужную лошадь от какой-нибудь другой.

Уже совсем рассвело, но воздух был по-прежнему холодным, и она замерзла. В спешке наинула пальто на футболку, и теперь, когда было около нуля, одежда ее не защищала.

Мак забрался на крышу склепа на церковном кладбище и всматривался в даль, щурясь от низкого солнца. Когда Наташа отдавала ему бинокль, он заметил, что она дрожит.

– Ты в порядке?

– Замерзла немного. Мы собирались в спешке.

Вдруг она подумала: что, если Сара проснулась? И уже обнаружила, что конь исчез?

– Держи. – Он снял шарф и протянул ей.

– Тогда ты замерзнешь.

– Я не чувствую холода. Ты же знаешь.

Она взяла шарф и укуталась. Он был еще теплым от его тела и пропитан его запахом. У нее закружилась голова, и, чтобы не выдать себя, она пошла к ступенькам перелаза. Ей был слишком знаком этот аромат – цитрусовые и травы. Его мужественность. Какой мазохизм! Она сорвала шарф и, убедившись, что Мак не смотрит, засунула его в карман. Подняла воротник.

– Я ничего не вижу. – Мак опустил бинокль. – Бесплезно. Он может быть где угодно. За высоким забором. В лесу. На полпути к Лондону. Мы не знаем, как давно он вырвался на свободу.

– Это наша вина, да? – Наташа обхватила себя за плечи.

– Мы пытались помочь.

– Ну да. И нам это до сих пор удавалось.

Она пнула землю и посмотрела, как крупинки инея тают на ее туфле. Он легко прыгнул, взял ее под руку:

– Не кори себя. Мы просто пытаемся сделать все возможное.

Они переглянулись, обдумывая сказанное.

– Лучше вернуться. – Он прошел мимо нее к машине. – Может быть, миссис Картер его уже нашла.

Оба мало в это верили. Что-то ей говорило: там, где речь шла о Саре, простого исхода ждать не приходилось.

Они возвращались коротким путем в молчании. Если Мак и заметил, что на ней нет его шарфа, то ничего не сказал. В доме было тихо и темно. Они вошли бесшумно и обрадовались теплу.

– Поставлю чайник. – Наташа скинула пальто, встала рядом с плитой и стала греть покрасневшие пальцы на теплой поверхности.

– Что мы ей скажем?

– Правду. Может, она не закрыла засов. Может, это ее вина.

– Мне показалось, она за этим строго следит. Бог мой! – Мак погладил небритый подбородок. – Ну и вляпались же мы!

Наташа достала две кружки и начала заваривать кофе, краем глаза наблюдая через дверной проем, как Мак мерит шагами комнату. Он подошел к окну и раздвинул шторы. Помещение наполнилось серым светом, проступили следы вчерашнего вечера: невымытые бокалы с остатками вина и прогоревшая зола на каминной решетке.

Сначала кофе, подумала она. Потом она позвонит миссис Картер. Потом разбудит Сару.

– Таш?

Инстинктивно она стиснула зубы. Когда он перестанет называть ее так?

– Таш?

– Что?

– Подойди.

– Что такое?

– Посмотри в окно. Сюда.

Она подошла к нему, протянула кружку и глянула на сад. Там, где когда-то был аккуратный четырехугольный газон, теперь стояло грязное болото с перевернутым дерном. Китайские фонарики исчезли, стебли последних отважных цветов были поломаны и втопты в землю. На границе с полем тщательно построенная живая изгородь из ив свалена и обрушилась на яблоню. Цветочные горшки разбиты о плитняковые камни. Поле битвы, место преступления. Будто по ее красивому ухоженному саду прошелся бульдозер.

Затаив дыхание, Наташа пыталась оценить масштабы разрушения. Она смотрела в покрытое инеем окно и не верила своим глазам.

Налево от дворика на садовой скамейке спала Сара. На ней было пальто и сверху то, что осталось от Наташиного когда-то лучшего зимнего пухового одеяла.

В нескольких шагах от нее, слишком большая для маленького сада, выпуская пар из ноздрей, ела последние яблоки с ветвей большая кауря лошадь.

Глава 13

Чтобы повернуть лошадь, вы сначала должны посмотреть в направлении, в котором хотите двигаться.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Сара сидела на верхнем этаже автобуса, в четвертый раз пересчитывая деньги в кармане. Хватит на аренду на две недели, пять тюков сена и пакет корма – достаточно, чтобы протянуть. Но недостаточно, чтобы удержать на расстоянии Мальтийца Саля. Было четверть четвертого. Он редко появлялся во дворе раньше половины пятого. Она оставит деньги у Ковбоя Джона или под дверью офиса с запиской и, если повезет, уйдет до его появления, избежав очередного неприятного разговора. После ее возвращения Саль дважды говорил о долге. Оба раза она обещала достать деньги, понятия не имея, откуда их возьмет.

Она была рада возвращению. Бо вернулся на Спеапенни-лейн меньше чем через неделю после своего побега. У Мака и Наташи выбор оказался невелик: хозяйка конюшни пребывала в ярости, говорила, что ездила в темноте два часа, пытаясь его отыскать, называла Сару безответственной идиоткой, которая должна была знать, что в саду росли тисовые кусты и бирючина, а также полдюжины других растений, которыми он мог отравиться. Даже Мак не встал на ее защиту. Они с Наташей вели себя с ней как с настоящей преступницей – все из-за того, что конь слегка потоптал траву. До этого Сара не видела Мака мрачным. Не то чтобы он сердился – с таким разочарованием смотрят люди, собираясь тяжело вздохнуть.

С таким разочарованием на лице он провожал их с Бо к стойлу. Засунув руки в карманы, сказал, что для Наташи ее маленький садик был бесценным, что, если Наташа не показывает эмоций, это не означает, что она их не испытывает. У каждого своя страсть, которую он будет защищать; ей это должно быть известно, как никому другому.

Ей было не по себе, когда она увидела, как Наташа плачет в передней. Она не подозревала, какой беспорядок учинит Бо в саду, только хотела найти место, где он будет в безопасности. Поближе к ней. Больше Мак ничего не сказал, но от пауз, которые он делал, когда говорил, Сара

чувствовала себя неловко. В конце речи он намекнул, что, вероятно, ей и Наташе стоит держаться подальше друг от друга.

Саре не дали сказать то, что она хотела: нельзя ее винить во всем. Она говорила им сотни раз: их с Бо нельзя разлучать. Они должны были понять, что она не могла оставить его в незнакомом месте, отделенном от нее темными полями. Самое смешное, она расположилась так близко от дома, чтобы они о ней не беспокоились.

После их возвращения в Лондон мрачная атмосфера царила еще несколько дней. Сара видела, что Наташа все еще злится на нее. Иногда слышала, как Наташа и Мак разговаривали приглушенными голосами, прикрыв перед этим двери, как будто она не догадывалась, что речь шла о ней. После этого Мак напускал на себя веселье, называл ее Циркачкой, как Ковбой Джон, и делал вид, будто все в порядке. Она побаивалась, что ей укажут на дверь. Но все как-то улеглось и устоялось. Теперь она вставала рано и работала в конюшне до школы. Несколько дней Мак тоже просыпался рано и подвозил ее. Он фотографировал двор, Бо и Ковбоя Джона, но потом на него навалилось много преподавательской работы, и он в конюшне больше не появлялся.

Накануне вечером он позвал ее на кухню. Наташа была на работе; она всегда была на работе. Мак протянул Саре конверт:

– Джон сказал, сколько тебе нужно. Мы будем оплачивать содержание Бо, ты будешь ухаживать за ним. Если узнаем, что ты прогуливаешь уроки или была не там, где должна быть, отправим его в другое место. Справедливый уговор?

Сара кивнула, ощупывая банкноты сквозь тонкую белую бумагу. Она едва не вырвала конверт из его рук. Когда подняла голову, он внимательно на нее посмотрел:

– Как думаешь, перестанут после этого исчезать монеты из дома?

– Думаю, да, – пробормотала она, покраснев.

Она не могла сказать ему о деньгах, которые задолжала Салю, по крайней мере сейчас, когда они на нее злятся. Тем более после того, как Мак фактически уличил ее в воровстве.

Сара попыталась посмотреть на ситуацию оптимистично. Они были не такие уж плохие. Ее лошадь осталась с ней. Жизнь вошла в нормальную колею. Или почти в нормальную, учитывая, что Папá не дома. И все же иногда, сидя утром в автобусе, она вспоминала, как выглядел Бо на той мягкой песочной арене, как ему нравилось, что он парит, как он был доволен, что в этом месте у него есть возможность показать себя с самой лучшей стороны. Вспоминала, как ее лошадь, вдали от дыма и шума,

громыхающих поездов, скакала галопом круг за кругом по мягкому зеленому загону, задрав голову, словно пила воздух дальних горизонтов, размахивая высоко поднятым хвостом, как знаменем.

– Ну, как идут дела?

Рут Тейлор взяла предложенную кружку чая и слегка откинулась на бежевом плюшевом диване. Про себя она отметила, что повседневная работа нечасто приводила ее в подобные гостиные. Картины на стенах, полированные старинные половицы. Приятно пить чай и не беспокоиться о том, чистая ли кружка.

– Все в порядке?

Она достала из портфеля папку Сары Лашапель, подумав с грустью, что впереди еще четыре посещения. И никаких бежевых диванов. Проверка двух несовершеннолетних беженцев в убогом пансионе на Фернли-роуд. Потом мальчик, который утверждает, что его избивает отчим. И несовершеннолетняя мать-наркоманка, употребляющая крэк, в Сандауне.

Супруги многозначительно переглянулись.

– Хорошо, – заговорил мужчина. – Все хорошо.

– Обжилась? Сколько уже прошло? Четыре недели?

– Четыре недели и три дня, – ответила женщина.

Миссис Макколи пришла сразу следом за Рут и сидела теперь на краешке стула, поставив портфель у ног. Она украдкой посматривала на часы, словно ждала, когда ей позволят снова умчаться по своим делам.

– А как в школе? Проблем с посещаемостью нет?

Они снова переглянулись.

– В самом начале были, – признал мистер Макколи, – но, как мне кажется, мы их разрешили. Достигли... взаимопонимания.

– Установили рамки, как мы советовали?

– Да. Полагаю, мы все стали лучше понимать друг друга.

Он был привлекательным. Ее тип. Растрепанные волосы и блеск в глазах. Прекрати, велела Рут сама себе. Нельзя так думать о клиентах. В особенности если рядом сидит жена.

– Она здорова, – продолжал он. – Аппетит хороший. Делает уроки. У нее есть... увлечения. – Посмотрел на жену. – Даже не знаю, что еще сказать.

– У Сары все хорошо, – твердо заявила та.

– Не волнуйтесь. Я здесь не для того, чтобы осуждать вас или оценивать ваши родительские способности, – улыбнулась Рут. – Это неформальное размещение, мы называем это родственной опекой, поэтому

наша роль ограничена. Я уже говорила с Сарой. Она сказала, что ей здесь хорошо. Но поскольку у нее были проблемы в недавнем прошлом, я решила зайти и проверить, как идут дела.

– Как я уже говорил, все и вправду хорошо. В школе не жалуются. Она не будит нас громкой музыкой. Всего шесть, может, семь бойфрендов. Не слишком много наркотиков класса А. Шучу, – прибавил он, когда жена бросила на него сердитый взгляд.

Рут посмотрела в свои записи:

– Есть новости о ее бабушке? Извините, я должна была сама позвонить в больницу, но у нас в отделе нет единого мнения по этому вопросу.

– Поправляется, но медленно, – сказал мистер Макколи, – хотя, признаюсь, я в таких вещах плохо разбираюсь.

Рут пожалела, что надела коричневую юбку, в которой ноги выглядят короткими и толстыми.

– Да, понимаю. Насколько я помню, у него инсульт? Гм... Такие больные поправляются не так быстро, как им хотелось бы. Вы не возражаете, чтобы она осталась с вами на более долгий срок? Первоначально речь шла о паре недель... – (Они снова переглянулись.) – Строго говоря, после шести недель мы должны вновь рассмотреть дело, возможно, оформить решение об опеке, у вас будут родительские обязанности.

– Может возникнуть одна сложность, – заметила миссис Макколи. – В скором времени мы продаем этот дом. Фактически мы приняли предложение.

– А в вашем новом доме найдется комната для Сары?

На этот раз они не смотрели друг на друга. Первым заговорил мужчина:

– Пока не уверен.

– Вы хотите, чтобы она вновь стала нуждающимся в опеке ребенком? Хотите передать ответственность за нее нам?

Пожалуйста, мысленно взмолилась Рут, не говорите «да». У меня длинный список детей, нуждающихся в опеке. И немногие дома для этих детей выглядят как ваш.

– Мы еще не определились с планами. Пока не решили, куда переедем, да, Таш? Но, безусловно, еще несколько недель она может провести здесь.

Несколько недель... За это время может произойти все что угодно. Рут вздохнула с облегчением.

– Будем надеяться, к тому времени ее бабушка поправится. – Она улыбнулась, осматривая гостиную. – У вас чудесный дом. Уверена, вам

жаль из него уезжать. – Оба промолчали. Она собрала документы в папку и наклонилась вперед. – А как вы справляетесь? Не имея опыта, с молодыми людьми не так-то просто. – Она обращалась к миссис Макколи, которая говорила мало.

– Мы справляемся, – сказал мистер Макколи.

– А вы, миссис Макколи?

Женщина задумалась, прежде чем ответить. Рут заглянула в записи и прочитала, что она юрист. Тогда ничего удивительного.

– Просто я не ожидала, что это будет так тяжело, – осторожно ответила та. – Да, по правде, я плохо себе это представляла.

– Какая-то конкретная проблема?

Она снова задумалась.

– Нет, – ответила она наконец. – Полагаю, мы просто смотрим на вещи по-разному.

– Подростки отличаются от нас.

– Что правда, то правда, – улыбнулся мистер Макколи.

– С ними нелегко. Но в школе говорят, она стала намного спокойнее.

– Она хорошая девочка, – продолжил он. – В ней есть стержень.

– Возможно, если захотите когда-нибудь стать приемными родителями, вам будет легче с детьми помоложе. Не думали стать зарегистрированными приемными родителями? – Не имеет смысла рассказывать о финансовых преимуществах, подумала Рут. Непохоже, чтобы у пары были финансовые проблемы. – Приемных семей не хватает, столько нуждающихся детей.

– Знаю, – тихо сказала миссис Макколи.

Рут заметила, как муж погладил руку жены тыльной стороной ладони. Нежно. Выражая поддержку. Она почему-то покраснела.

– Мы подумаем об этом, – ответил он. – Пока что будем решать проблемы по мере их поступления.

Сара нашла записку под дверью кладовой. Открыла дверь и подняла листок бумаги.

Развернула – почерк незнакомый.

Привет, Циркачка, прости, что не смог сказать тебе лично, но я уезжаю в Штаты. Заболела моя сестра Арлен, и, так как у нее никого больше нет (глупая женщина распугала трех мужей), я должен ей помочь.

У Мальтийца Саля есть ключи, и он будет кормить моих животных, но ты за ними тоже присматривай, ладно?

Передай Капитану, мне жаль, что не смогу навестить его в эти выходные, но я вернусь через пару недель. Принесу ему бутылочку

«Джимми Бима», если удастся протащить мимо зверских медсестер.

К. Дж.

Сара аккуратно свернула записку и положила в карман. Отъезд Джона потряс ее. Она знала, что у него имеется сестра в Америке – он постоянно шутил над тем, какая она некрасивая, – но всякий раз, когда он изредка уезжал навестить ее, Папá оставался за хозяина. Теперь, без него и без Джона, двор осиротел. Это ненадолго, уговаривала она себя. Скоро все наладится.

Заморосил дождь, на булыжниках образовалась слякоть от клоков сена и рассыпанного корма. Сара повесила пальто на крючок и переделалась в старую куртку Папá, которую он надевал поверх одежды, чтобы не запачкаться. Зная, что работа отвлечет ее от тревожных мыслей, она налила свежей воды в миску Шебы, потом пошла к лошадям, поправляя съехавшие попоны, проверяя, надежно ли закрыты двери стойл. Почистила стойло Бо, сменила сено и воду, проверила его ноги, прогнала кур и новую незнакомую козу, потом остановилась поболтать немного с Ранджитом из «Радж-Паласа», который зашел купить яиц. Наконец вернулась в кладовую, чтобы переобуться в школьные туфли.

Она собралась запереть висячий замок, когда вспомнила о деньгах в конверте. Полезла в карман и вздрогнула, почувствовав, как кто-то положил руку на ее шею. Она резко обернулась, готовая дать отпор.

– Что такое? Думаешь, я сумасшедший, который собирается на тебя напасть?

Мальтиец был под кайфом, в тусклом свете кладовой блеснул его золотой зуб в углу рта. Он погрозил ей пальцем.

Она задрожала, медленно подняла руку к шее.

– Оставляешь мне любовное письмо, Циркачка?

Он взял у нее конверт, продолжая держать зажженную сигарету в другой руке. Ноги широко раздвинуты, будто он подчеркивал, кто здесь хозяин. Запах лосьона после бритья и табачного дыма перебивал тонкий сладковатый аромат сена и фуража.

– Не обязательно писать, ты всегда можешь сказать мне лично.

– Деньги, – сказала она охрипшим голосом и смутилась. – Ваши деньги.

– А-а... – Он взял конверт, коснувшись ее пальцев.

– Мне надо идти. – Она подняла школьную сумку, но он жестом остановил ее.

Вскрыл конверт и заглянул внутрь. Нахмурился и протянул ей:

– И что это такое?

– Деньги за аренду. За две недели. За сено и корм.

Дождь снаружи усилился. Внутрь прокралась Шеба, на лохматой шерсти капли блестели, как драгоценные камни. Под арками железнодорожного моста заржала лошадь, перебирая копытами на бетонном полу.

– И?.. – Он смотрел выжидательно и улыбался неестественной улыбкой.

Она сглотнула:

– У меня нет.

– Ты о долге?

– Да.

– Знаешь, тебе повезло, что я оставил за тобой стойло. – Мальтиец присвистнул и покачал головой. – Две недели назад ты забираешь лошадь и даже не ставишь меня в известность. По-твоему, это прилично?

– Я не...

– Я держал это стойло для тебя, Сара. А мог бы сдать двадцати другим. Потом приводишь его назад как ни в чем не бывало. Даже спасибо не сказала.

– Но я же сказала, что не виновата. Это...

– Милочка, мне плевать, кто виноват. А вдруг ты снова исчезнешь? И плакали мои денежки? У тебя ключи. Да ты завтра вместе со своим конем сможешь быть на полпути к Тимбукту, кто тебя знает.

Он придвинулся к ней, воротник сорочки был на уровне ее глаз.

У нее пересохло во рту.

– Я не сбегу, – сказала она тихо. – Я всегда оплачиваю свои долги. Папá всегда оплачивает свои долги. Джон это знает.

До этого у нас никогда не было долгов, подумала она.

– Но Джона нет. Твоего Папá нет. И это мой двор теперь, а не их.

Ей нечего было ему ответить.

Над арками прогрехотал поезд, огни из окон на миг осветили маленький двор. Тысяча людей проезжали над ними домой, где их ждала спокойная безопасная жизнь. Саль склонил голову, будто обдумывал что-то. Потом подошел ближе, еще ближе, слишком близко. У нее перехватило дыхание.

Он понизил голос:

– Твой Папá болен, Сара.

– Знаю, – прошептала она.

– Твой Папá очень болен, судя по тому, что говорит Джон. Поэтому хочу, чтобы ты мне кое-что сказала. Как ты собираешься вернуть долг?

Голос звучал мягко, музыкально, словно он пел, но это не могло скрыть угрозу. Он стоял так близко, что она чувствовала его теплое дыхание на своем лице, мускусный запах его лосьона, кожаной куртки и чего-то еще, мужского и незнакомого.

Она смотрела в пол. Она слышала нехорошие слухи о Мальтийце Сале. Что с ним шутки плохи. Что он сидел в тюрьме, водился с дурной компанией и занимался делами, о которых не задают вопросов.

– Итак?

– Я вам сказала...

– Ты мне ничего не сказала. Как я уже говорил, я думал, ты смотала манатки. Я должен быть уверен, что ты заплатишь. – Его взгляд жег ее. – Сара, мы должны что-то придумать. – (Она смотрела на него, моргая, пытаясь скрыть дрожь.) – Мы должны придумать, как ты сможешь вернуть мне долг.

Неужели он не понимает, что это единственное, чего я хочу? Этот долг тяготил ее. У нее сосало под ложечкой, когда она думала о нем. А она думала об этом каждый раз, когда ехала в конюшню, и встречи с Бо приносили все меньше и меньше радости. И не было никого, кому бы она могла довериться. Никого, кроме Мальтийца. Только он мог снять с нее этот груз.

– Могу убирать навоз, – пробормотала она.

– На это есть парни, Сара.

– Могу приглядывать за двором по выходным.

– Мне это не нужно. Мне не надо, чтобы ты продавала яйца или подметала. В этом для меня нет никакой ценности. Понимаешь, что значит ценность? – (Сара кивнула.) – Я бизнесмен. Несмотря на это, я пошел тебе навстречу, учитывая обстоятельства. Пытался понять. Другой бы, Сара... – Он покачал головой. – У меня давно должно было кончиться терпение.

Он оглянулся, выглянул из-под арки. Там дождь стекал по булыжникам в сторону ворот и блестел в свете фонарей. На миг ей показалось, что он собирается уходить. Но это было не так. Он повернулся к ней лицом.

Бесшумно подошел еще ближе, она отступила и прижалась спиной к стене. Потом бережно вынул сенную труху из ее волос. Показал ей и сбросил щелчком сильных загрубевших пальцев.

Она смотрела прямо перед собой, стараясь унять дрожь. Саль улыбался. Улыбка долго не сходила с его лица. Его глаза говорили, что все в порядке, что он понимает. Она попыталась улыбнуться в ответ. В этот миг он положил руку на ее правую грудь и провел большим пальцем по соску. Сделал это с такой легкостью и непринужденной уверенностью, и она даже

не сразу поняла, что происходит.

– Сара, деньги не главное, – вкрадчиво сказал он.

И не успела она возмутиться, как он улыбнулся и убрал руку.

Кожа Сары горела от прикосновения. Щеки пылали. Дыхание перехватило.

– Ты быстро растешь, малышка. – Он убрал конверт в карман и потряс рукой, будто обжегся. – У хорошенькой девушки всегда найдется выход. Дай Салю знать.

И вышел, насвистывая, через проволочные ворота. А она стояла, застыв на месте, со школьной сумкой в безвольно повисшей руке.

– Меня сегодня вечером не будет.

Наконец за Рут закрылась дверь. Уходя, гостя улыбнулась Маку, пожалуй, слишком широко. Так ему улыбались все женщины, и помимо воли Наташа почувствовала раздражение. Она поблагодарила Бога, что договорилась встретиться с сестрой.

– Хорошо. Я все равно обещал отвезти Сару в больницу после школы. Но завтра меня не будет, если не возражаешь.

Он не сказал, куда идет.

– Хорошо. – Наташа шагнула вперед, но он не дал ей пройти. – У меня совещание, Мак. Я уже опаздываю.

На нем были джинсы, которые ей когда-то очень нравились, – глубокого синего цвета, мягкие и шелковистые. Полиняли на карманах, которые были у него вечно чем-то набиты, несмотря на ее мольбы. Она вспомнила, как несколько лет назад, на выходных, отдыхала, прислонившись к нему, ветер кусал ее уши, а руки утопали в задних карманах этих самых джинсов.

– Я тут купил тебе кое-что. – Он достал из-за спины большую сетку разных луковиц. – Знаю, это только начало, но... ты так печалилась.

Она взяла у него сетку, и на руках остались мелкие частицы почвы.

– Я помогу тебе, если хочешь, на следующих выходных. По крайней мере, хоть изгородь почию.

Она сглотнула.

– Все вырастет заново. Со временем. – Наташа взглянула ему в глаза и улыбнулась. – Спасибо.

Она на минуту представила Мака, смеющегося и весело болтающего, на талии пояс с инструментами, а она сажает новые луковицы. Есть ли в этом смысл, хотелось ей спросить. Разве наши пути и так не переплелись слишком тесно?

Они стояли в передней, каждый думал о своем. Когда Мак заговорил, стало ясно, что думали они о разном.

– Таш, мы это не обсуждали, но что будем делать, если старик не поправится? – Мак прислонился к входной двери, загораживая ей дорогу. – Он плох, знаешь. Непохоже, что он скоро выкарабкается.

Наташа глубоко вздохнула:

– Тогда она станет головной болью кого-то другого.

– Головной болью кого-то другого?

– Хорошо. Ответственностью кого-то другого.

– А с лошадью что делать?

Она вспомнила животное, которое беззаботно топтало сад, оставляя после себя руины. В тот день оно перестало быть для нее воплощением грации и красоты.

– Мак, как только мы уедем отсюда, перестанем быть семьей. Мы не сможем дать ей ни дома, ни лошади, вообще ничего. Твоя работа не позволит тебе стать постоянным опекуном, моя тем более. Мы и так с трудом справляемся.

– Значит, мы ее подведем.

– Это система ее подвела. У нее нет ни гибкости, ни ресурсов, чтобы решать проблемы таких, как она. – Видя выражение его лица, Наташа смягчила тон. – Послушай, они могли бы найти для лошади временное пристанище в каком-нибудь заповеднике или где-нибудь еще, пока не подберут для Сары новую семью, возможно в деревне, если она жить без нее не может. Ей могло бы понравиться.

– Не думаю.

– Ладно, я наведу справки. Посмотрим, какие есть варианты. Не раскрывая карты, конечно.

Он по-прежнему загораживал дверь. Наташа посмотрела на часы: те говорили, что она опаздывает на совещание.

– Ты хочешь, чтобы она ушла?

– Я этого не сказала.

– Но... непохоже, что она тебе нравится.

– Конечно, она мне нравится. – Наташа стала рыться в портфеле, чтобы скрыть, что покраснела. – Чего ты от меня хочешь? Мак, не делай из меня плохого полицейского. Я предоставила свой дом незнакомке. Более того, ввела в заблуждение социальные органы относительно нашего знакомства. Заплатила несколько сот фунтов за перевозку лошади в Кент, а потом обратно. Принесла в жертву любимый сад...

– Я не об этом.

– Тогда о чем? О том, чтобы обсуждать косметику, как подружки? Я пробовала. Пыталась вытащить ее в магазины. Предложила украсить комнату. Пыталась завести беседу. А тебе не приходило на ум, что, возможно, это я ей не нравлюсь?

– Она еще ребенок.

– И что из того? Поэтому ты не допускаешь, что ей может кто-то не нравиться?

– Нет. Просто считаю, взрослый должен налаживать отношения.

– Прекрасно. Ты стал экспертом по воспитанию детей?

– Нет. Просто не потерял человечности.

Они смотрели друг на друга.

Она поставила сетку с луковицами на столик и взяла портфель с документами. Щеки ее пылали.

– Как у тебя все просто, Мак. Все тебя любят. Черт, эта проклятая социальная работница была готова усесться к тебе на колени. Непонятно, по какой причине, но на Сару ты производишь такое же впечатление. Рада за вас обоих. – Наташа схватила свой телефон. – Но не требуй того же от меня, ладно? Я делаю что могу. Я лишилась дома. Жертвую личной жизнью просто оттого, что вы торчите здесь каждый день, играю в счастливую семью. Я терплю. Насилую себя каждый день. Делаю что могу, черт возьми!

– Таш...

– И прекрати меня называть Таш!

Она освободила себе путь, рывком открыла дверь и стала спускаться по ступеням. В ушах звучал его голос, сердце колотилось. Отчего-то на глаза навернулись слезы.

– Хорошо. Ты клиническая идиотка. – Джо стянула резиновые перчатки и подошла к кухонному столу, где сидела Наташа с бокалом вина. – Мак? Твой бывший муж Мак?

– В этом-то и загвоздка. Официально он не бывший муж и поэтому имеет право жить в доме.

– Тогда тебе надо съехать. Это безумство. Посмотри на себя. Ты довела себя до полного нервного истощения.

Дотти, младшая дочка Джо, пришла на кухню, жуя резиновую собачью кость.

– Фу, милая, у тебя заведутся глисты. – Джо вынула кость изо рта ребенка, сунув взамен сушеный абрикос. У Дотти даже не было времени возмутиться. – Мама с папой знают?

– Конечно нет. Все это продлится еще несколько недель.

– Тебе нужно съехать. Поселись в гостинице. Когда ты с ним жила, нервы у тебя были хуже некуда. Куда это приведет? Бог мой, Таш, летом у тебя только все стало налаживаться. В постель, оба! – крикнула она, услышав шум драки из гостиной. – Эту тоже пора укладывать. Посидишь одна? Я только уложу ее спать. Уже без четверти восемь.

– Конечно.

Наташа вздохнула с облегчением, когда очаровательную Дотти, пахнущую тальком и со следами джема на круглых щечках, увели. Старшие дети подросли и, как ни странно, стали похожи на людей. Дотти была болезненно острым напоминанием о том, чего она лишилась. Потеря до сих пор не давала ей покоя.

– Скажи спокойной ночи тете Таш.

Наташа застыла, готовясь к поцелую, и напустила на себя непринужденный вид.

– Не хочу. – Девочка спрятала голову в колени Джо.

– Нехорошо, Дотти. Надо сказать спокойной ночи...

– Все нормально. Правда. – Наташа помахала ей рукой. – Она устала.

Она знала, что сестра увидит в этом очередное проявление ее дефектного гена материнства.

– Дай мне пять минут. Только почитаю ей на ночь.

Джо поправилась, подумала Наташа, наблюдая, как та привычным жестом подхватила ребенка и понесла его на бедре. Она постоянно жаловалась, что у нее совсем нет времени, что дети испортили ей фигуру, забрасывая еще один кусок сахара в кружку с чаем, с которой не расставалась.

– Чертов сахар, – объясняла она. – Успокаивает, кричу меньше за чаем.

Наташа долгое время избегала появляться в доме сестры. После выкидышей, из которых семья знала только об одном, шумный дом Джо, с нарисованными пальцами картинками, осыпающейся штукатуркой и пластмассовыми игрушками, слишком напоминал ей об утраченных детях. Она корила себя, что не могла побороть зависть к этим трем детям. Легче было сослаться на вечную занятость. В семье ее считали чокнутым трудоголиком – с того момента, когда она подала заявление о поступлении на юридический факультет. Она хорошо училась, ей были важны результаты. Когда она объясняла, что слишком загружена и не сможет прийти на семейный обед, потому что надо готовить то или другое дело, знала, что в ее отсутствие мама снисходительно, а возможно, грустно скажет, что стоило бы направить силы на более важные стороны жизни.

После ухода Мака они не решались обсуждать ее личную жизнь. По крайней мере, у тебя осталась работа, говорили они, когда она все же изредка посещала семейные обеды. И успокаивали себя тем, что именно это ей всегда и было нужно.

Джо вернулась минут через десять. Выкинула абрикос в раковину, собрала волосы в конский хвост.

– Не могу выбраться в парикмахерскую. Записывалась на прошлой неделе, но Тео приболел. Пришлось заплатить пятьдесят процентов. Обдираловка. – Она села и с удовольствием отпила белого вина. – Ух! Это мне и было нужно. Чертовски хорошо. Ладно. Пусть остальные еще повозятся, а то нам с тобой так и не удастся поговорить.

– У тебя-то все хорошо? – спросила Наташа, подозревая, что сестра считала ее заиклившей на себе. Незамужние бездетные женщины определенного возраста были такими. Она постоянно это слышала. – А как Дэвид?

– Две недели на Сейшелах и пластическая хирургия уладят все что угодно. Да и секс, конечно. Забыла, что это такое. – Она прыснула. – Да ладно. Давай о тебе. Ты ничего мне не рассказываешь.

Наташа поняла, что жизнь сестры превратилась в маленький пузырек. И это было нормально. Ее собственная жизнь была далека от нормальной.

– Я думала, он пробудет пару недель. Не стоило и говорить.

– Таш, я серьезно. Уезжай. Я бы предложила комнату здесь, но мы тебя сведем с ума через пять минут. – Она сделала еще один большой глоток из бокала. – У тебя же есть деньги. Сними номер в каком-нибудь хорошем спотеле. Делай массаж и маникюр каждый день после работы. Вычти стоимость из его доли. Это он сводит тебя с ума. Он во всем виноват.

– Не могу. – Наташа вертела в руках цветной карандаш.

– Можешь. Вот я бы обрадовалась. Рай!

– Не могу. – Наташа вздохнула, обняла себя за плечи. – Я приняла ответственность за человека. За девочку.

Позднее Наташа пожалела, что нечасто виделась с сестрой в последние годы. Реакция Джо на новость, вопреки всем ожиданиям, ее потрясла. Она заставила Наташу повторить рассказ дважды. Наташа запинаясь от неловкости. Джо встала, обошла вокруг стола и крепко обняла младшую сестру, оставив следы муки на ее темном костюме.

– Бог мой, Таш! Как это чудесно! Какой благородный поступок! Если бы на свете было больше таких людей. Великолепно! – Джо села на место, ее глаза светились. – Какая она?

– В этом-то и проблема. Я это представляла иначе. Мы с ней, похоже...

не нашли общего языка.

– Она подросток.

– Да. Но Мак с ней поладил.

– Мак поладил бы с Саддамом Хусейном. Кокетка на девяносто семь процентов.

– Джо, я старалась. Ничего у нас не получается. Все пошло не так, как я ожидала...

Джо наклонилась в сторону двери – наверное, проверяла, не слышат ли дети.

– Буду с тобой откровенна. Как только Кэтрин исполнилось тринадцать, она превратилась в настоящую корову. Будто моего милого ребенка подменили монстром, состоящим из гормонов. Она смотрит на меня с таким... омерзением, будто я вызываю у нее физическое отвращение. Все, что я говорю, ее раздражает.

– Кэтрин?

– Ты ее давно не видела. Ругается, как грузчик. Огрызается. Таскает деньги потихоньку, хотя Дэвид делает вид, что не замечает. Врет на каждом шагу. Настоящая стерва. Могу утверждать это как ее нежно любящая мать. Если бы я не знала, что прежняя Кэтрин все еще существует, если бы не верила, что однажды она станет сама собой, я бы прогнала ее вон еще несколько месяцев назад.

Наташа никогда не слышала, чтобы сестра так безжалостно говорила о своих детях. Она задумалась, сколько материнских чувств она сдерживала, рисуя в своем воображении розовые картинки, которых была лишена. Может, она была слишком строга к Саре.

– Дело не в тебе. Она столько всего пережила. Только не бросай ее.

– Я не такая, как ты. Я так не умею.

– Ерунда. Ты талант. Вспомни, что ты делаешь для этих несчастных детей на работе.

– Это клиенты. Совсем другое дело. Я отстаиваю их права. И еще... Мальчик, которого я представляла. Он перевернул все во мне. Сказал, что пережил ужасный побег. Позже я узнала, что он лгал. Теперь я потеряла уверенность, что меня не водят за нос.

– Думаешь, она водит тебя за нос?

– Мне кажется, она что-то скрывает.

– Ей четырнадцать. – Джо покачала головой. – Чего только они не скрывают: безответную любовь, издевательства в школе, переживания по поводу лишнего веса или из-за какой-нибудь дуры, которая больше не хочет с ней дружить. Они нам этого не говорят. Боятся, что их осудят или

отчитают. – Она засмеялась. – Или еще того хуже: что мы вмешаемся и попытаемся решить их проблемы. – (Наташа смотрела на сестру во все глаза. Откуда она это знает?) – Слушай, не думаю, что она обманывает тебя сознательно. Возможно, это маленькая испуганная девочка, которая хотела бы открыться кому-нибудь. Своди ее в ресторан. Вы вдвоем. Нет, не в ресторан... – Джо обкусала ноготь. – Слишком для нее напряженно. Займитесь чем-нибудь вместе. Чем-нибудь приятным. Ненапрягающим. Может, она расслабится немного. – Джо погладила Наташину руку. – Не сдавайся. По крайней мере, это тебя отвлечет. И помни: ты делаешь хорошее дело, приютив эту девочку у себя в доме.

– Ерунда.

– Это не умаляет значимости того, что ты делаешь. Правда. А теперь надо отправить этих двух монстров в постель.

А Мак? Она хотела спросить, что делать с Маком. Но сестра уже ушла.

Действующей рукой старик взял у Сары вилку и стал медленно отправлять в рот кусочки манго, испытывая молчаливое, но явное удовлетворение. По пути Мак купил в супермаркете готовое блюдо. Сара накалывала кусочки на белую пластиковую вилку и передавала ее дедушке, чтобы он мог есть с достоинством.

Мак ждал, когда они закончат. Капитан тщательно утер рот бумажной салфеткой. Потом Мак протянул ему папку:

– Вот, посмотрите, Капитан.

Старик повернул голову. Он сегодня поживее, подумал Мак. Реакция поактивнее, говорит отчетливее. Попросил воды дважды, вполне ясно, и сказал «Chérie»^[39], увидев Сару.

Мак подвинул стул к кровати и раскрыл папку, чтобы было удобнее видеть ее содержимое.

– Мы решили украсить вашу комнату.

Пока Капитан не потерял бодрости, Мак достал первый снимок, черно-белый, в формате А4, на котором Сара скакала в парке на лошади рысью на месте, которую называла пиаффе. Старик долго рассматривал фото, потом повернулся к внучке:

– Хорошо.

– Он прекрасно себя вел в тот день. Слушал меня. Старался. Каждый миг...

– Очень красиво, – осторожно выговорил он.

Внезапно девочка забралась на кровать и легла рядом. Положила голову ему на плечо.

Мак достал другой снимок, стараясь делать вид, что ничего не замечает.

– Мне кажется, этот...

– Je ne reux pas voir^[40], – сказал старик.

Он терпеливо ждал, пока Сара надевала ему очки. Потом жестом попросил Мака поднести снимок поближе. Мак положил фотографию подле него. Капитан одобрительно кивнул.

– Это для вашей комнаты. – Мак полез в карман за голубым пластилином.

Потом стал развешивать фотографии вокруг кровати, глядя на голые бледно-зеленые стены, украшенные лишь репродукцией акварели 1980-х годов и обращением к посетителям: «Не забывайте мыть руки». Пару снимков он прикрепил у кровати Капитана.

Папá внимательно рассматривал фотографии одну за другой, подмечая каждую деталь. Ему этого хватит на весь день, подумал Мак.

Когда он рассказал Саре по пути в больницу, что собирается сделать, она разглядывала снимки, удивленная и молчаливая.

– Ничего? – Мака обеспокоило отсутствие реакции. – Я не взял фото, на которых вы делаете то, чего не следует. Стойки на задних ногах и всякое такое.

Она улыбнулась, но грустно:

– Спасибо вам.

По ее голосу он понял, что она нечасто встречалась с великодушием и еще меньше его ожидала.

– Приберег самую лучшую на потом.

Мак распаковал фотографию, которую вставил в рамку. Даже Сара еще не видела ее. Рамка была недорогая, из легкого дерева, с подложкой из картона, но за блестящим стеклом изображение девочки, которая прижималась щекой к своей лошади, было ярким и четким – старик мог рассмотреть каждую деталь. Фото передавало ее незащищенность; несформировавшееся лицо, которое еще не знает, станет ли красивым, в каком-то неземном единении слилось с конем-исполином. Монохромность и высокая четкость придавали лицу девочки и морде коня благородство и загадочность, которые исчезли бы на цветном снимке. Мак знал: это одна из его лучших работ. Он понял это практически сразу, как только сделал снимок. Когда он увидел законченную фотографию, у него учащенно забилося сердце.

– Бошер, – произнес Капитан, глядя на фотографию. – Сара.

У него получилось «Сарра».

– Мне нравится эта фотография, – сказал Мак. – Я сделал ее на

прошлой неделе утром, перед тем как мы вышли со двора. Она не знала, что я ее фотографирую. Мне нравится, как свет от лица Сары передается лошади. У обоих глаза полузакрыты, будто унеслись в мечтах куда-то далеко.

Владелец галереи был того же мнения. Он хотел выставить работу, сказал он Маку. Она ему очень понравилась. Часть Лондона, которая исчезает, сказал он. Как дети и лошади Дублина. Только лучше. И предложил цену за каждую фотографию, от которой Мак выпучил глаза.

– Выставка откроется, возможно, в марте, если вы не против, но эти копии – ваши. Я подумал, вам будет приятно на них смотреть...

Последовало долгое молчание. Мак нечасто бывал растерян, но сейчас чувствовал себя именно так. Наверное, я перегнул палку. Но я лишь хотел напомнить ему о том, что он потерял. Он боится, что я ее эксплуатирую. Какое право я имел являться как лорд Щедрость и вторгаться в чужую жизнь, решая, на что должен смотреть старик, коротая время? Развешивая все эти фотографии по стенам – мир, которым он не может наслаждаться. Указывая ему на его беспомощность.

Мак прислонился к стене:

– Если это не то, я могу...

Старик подозвал его. Мак нагнулся, старик взял его руку и пожал. Его глаза увлажнились.

– Merci, – прошептал он хрипло. – Merci, Monsieur.

Мак с трудом сглотнул.

– Не за что. – Он выдавил непринужденную улыбку. – На следующей неделе еще снимаю.

И только тогда обратил внимание на Сару. Обычно она мало говорила. Она по-прежнему прижималась к деду, обвила его руку, будто хотела сказать, что не хочет вновь оставлять его одного. Закрыла глаза, отвернулась. Слеза скатилась по щеке, высвеченная безжалостно ярким светом. Она выглядела совершенно несчастной.

Она была такой замкнутой, такой практичной девочкой, настолько занятой своей лошадью, что Мак иногда забывал, какой одинокой она могла себя чувствовать. Насколько ей не хватает дедушки, с которым она провела детство. Ему снова стало неловко, и он бросил голубой пластилин в сумку.

– Ладно. Сара, буду ждать тебя внизу. Через пятнадцать минут?

Он положил фотографию в рамке на кровать и вышел. Его преследовало видение: сбитый с толку, старик подносит дрожащую руку к волосам внучки, а она утыкается ему в плечо, стараясь скрыть слезы.

Глава 14

Я далек от мысли, что из-за того, что животное не выполняет все эти элементы идеально, его следует тотчас признать негодным, поскольку многие лошади не справляются поначалу не по причине отсутствия способностей, но из-за желания набраться опыта.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Несколько лет назад, когда Мак и Наташа только въехали в свой новый дом, их район можно было описать, с известной долей оптимизма, как «перспективный». Тогда она подумала, что реализации перспектив придется ждать довольно долго. Улица отличалась однородной обветшалостью. Три четверти домов не видели краски минимум пять, а то и десять лет. На проезжей части без желтой разметки стояли кузова автомобилей без колес, опираясь на кирпичи. Молодые семьи разъезжали по своим делам в помятых малолитражках с открывающейся вверх задней дверцей.

Викторианские дома с осыпающейся штукатуркой стояли с отступом от красной линии, перед ними расположились небольшие палисадники: живые изгороди из бирючины, укрытые брезентом мотоциклы, мусорные баки с разнородными съезжающими крышками. Наташа часто останавливалась поболтать с соседями: с мистером Томкинсом, пожилым художником из Вест-Индии, с Мейвис и ее кошками, с семьей из строительно-жилищной ассоциации^[41] с восемью малолетними детишками. Они были дружелюбны, охотно говорили о погоде, интересовались, как идет ремонт дома у Мака, спрашивали, знает ли она о планах устроить парковку для местных жителей или переезде буддийского центра на главную улицу. Как любой уголок в столице, этот отличало чувство сообщества.

Теперь мистера Томкинса не стало. Мейвис давно похоронили, строительно-жилищная ассоциация продала свою долю, а ее жильцы отбыли бог знает куда. Почти все дома покрашены в фарфорово-белый, трещины аккуратно зашпаклеваны, входные двери разноцветные – краска из «Фарроу энд Болл». Тщательно подстриженные тисы или лавровые деревья украшали каждое крыльцо, половина палисадников превратилась в

подъездные дорожки, мощенные булыжником, или были огорожены новенькими чугунными оградами. У домов припаркованы огромные сверкающие «мерседесы»-внедорожники. Усталые работники умственного труда, спеша в метро, приветствовали друг друга кивками. Необходимость выплачивать ипотечные кредиты не оставляла им времени ни для чего другого.

Это была теперь богатая улица, а уцелевшие ее прежние строения с облупившимися окнами и тюлевыми занавесками были как бельмо на глазу, как напоминание об ушедших временах.

Наташа понимала, что с финансовой точки зрения она выиграла, когда улица приобрела более благородный вид, но расслоение общества беспокоило ее. Отражая положение обитателей, улица стала маленьким оазисом среднего класса с амбициями, в то время как жилые массивы вокруг остались мрачными, грубыми и угрожающими на вид. Их населяли люди, сохранявшие все меньше и меньше шансов выкарабкаться.

Два этих мира почти не пересекались. Почву для их встреч представлял разве что криминал – угнанная машина, кража со взломом, украденный в мини-маркете кошелек; сфера наемного труда – у всех, естественно, были уборщицы или няни; профессиональные вопросы – Наташа представляла двенадцатилетнего ребенка, чьи родители-алкоголики выгоняли его из дому.

Все эти мысли пришли ей в голову, когда она въезжала в жилой массив Сандаун, минуя подожженные автомобили и тусклые уличные фонари. Сара молча сидела рядом, сжимая в руке ключи. После выхода из дедушкиной палаты она не проронила ни слова, и Наташа не предпринимала попыток начать разговор, не оправившись от потрясения. Она не могла осознать, во что они ввязались, пока не увидела старика, чья шея покоилась на подушках, а лицо было перекошено.

– Он держится молодцом, – весело сказала медсестра неврологического отделения. – Мы проделали большую работу, Генри, не так ли?

– Анри, – сердито поправила ее Сара. – Его зовут Анри. Он француз.

Когда Наташа проходила мимо, медсестра удивленно подняла брови.

– Как долго, по-вашему, он еще пробудет здесь? – Наташа догнала медсестру, пока Сара здоровалась с дедушкой.

Та посмотрела на нее как на умственно отсталую:

– Он перенес инсульт. Никто не может сказать, как долго это продлится.

– Но вы наверняка можете предположить. Речь идет о днях, неделях,

месяцах? Мы заботимся о его внучке, нам хотелось бы иметь представление.

Медсестра обернулась. Сара прибиралась: поправляла постельное белье, разговаривала с больным. Он внимательно смотрел на нее.

– Вам следует поговорить с его лечащим врачом, но могу сразу сказать: речь идет не о днях. И не о неделях. Он перенес тяжелейший инсульт, и реабилитация – это долгий процесс.

– Подросток может справиться с уходом за ним?

– В ее возрасте? – Медсестра скривилась. – Нет, конечно. Мы бы этого не рекомендовали. Для ребенка это слишком большая ответственность. У мистера Лашапеля гемипарез – паралич мышц одной стороны тела. Он не может сам мыться, ходить в туалет. Есть проблема с пролежнями. Да и речь не восстановилась на сто процентов. Дважды в день у него физиотерапия. Но он уже может сам есть.

– Он останется здесь?

– У нас отделение длительной терапии. Не думаю, что его можно поместить в какой-нибудь интернат. Он еще только начал восстанавливаться. – Она посмотрела на часы. – Извините, мне пора. Но он идет на поправку. Странно, но фотографии помогли. Он может на чем-то сосредоточить свое внимание. Нам всем они нравятся.

Наташа окинула взглядом маленькую палату, увешанную фотографиями. Снова Мак, очаровывающий медсестер, помогающий выздороветь даже в свое отсутствие.

Они въехали в обширный жилой комплекс и направились на парковку Хелмсли-хаус. Начался дождь. Подростки, которых она впервые увидела в день знакомства с Сарой, натянули на голову капюшон и чиркали спичками. Они наблюдали, как она выходила из побитого «вольво», но отвлеклись на звонок чьего-то телефона.

– Что ты хотела взять из вещей?

Наташа шла за Сарой по промозглой лестнице. Дождь хлестал, прорываясь сквозь водосточные стоки, забитые упаковками из-под чипсов и жвачки.

– Кое-что из книг.

Сара сказала и еще что-то, но Наташа не разобрала.

Они прошли по коридору, отперли входную дверь и поспешно закрыли за собой. Оказавшись под защитой металлической двери, поставленной Маком, Наташа почувствовала облегчение. В квартире было холодно. Несколько недель назад Сара была здесь с Рут, и они отключили отопление, когда забирали кое-что из вещей Сары.

Девочка скрылась в своей комнате, Наташа осталась в гостиной. Комната была опрятной, но приобрела нежилой вид. Фотографии исчезли со стен – переместились либо в новую комнату Сары, либо в больничную палату, и стены выглядели голыми.

Она слышала, как выдвигают и задвигают ящики и расстегивают молнию сумки. Наташа была уверена, что Сара не вернется в этот дом. Даже если старик поправится, он не сможет подняться сюда по ступеням. Стало не по себе. Понимает ли это Сара? Она была умной девочкой. Что она думала о своей дальнейшей судьбе?

Одна фотография на стене все же осталась: Сара, трех или четырех лет, на руках у седовласой женщины с похожей улыбкой. Обычный ребенок: в семье ощущает себя в безопасности, в чистых глазах нет страха и неуверенности в завтрашнем дне. Всего через несколько лет она будет зависеть от доброты незнакомых людей.

Наташа схватила за голову. Обратная сторона роли родителя – полная ответственность за чье-то счастье.

– Знаешь, давай поедим где-нибудь, – предложила Наташа, когда они снова садились в машину, смахивая капли дождя с рукавов. – Как насчет пиццы?

Сара отвела взгляд, и Наташа поняла, что своим неожиданным приглашением застала ее врасплох. Пару дней Сара была слишком необщительна даже по своим меркам. Дважды ела в своей комнате и почти не разговаривала с Маком, который до этого неизменно смешил ее.

Наташа задумалась над словами своей сестры. Предложить что-то было ее долгом. Хотя бы попытаться.

– Соглашайся. Готовить сегодня я не в настроении, да и поздно уже. Знаю отличное место в конце главной улицы.

Наташа пыталась казаться веселой, непринужденной. Господи, вот было бы здорово, если бы Сара выразила хоть какой-то энтузиазм или удовольствие. Как часто, интересно, она ела в ресторане в ее прежней жизни?

– У них отличные пиццы, – добавила Наташа.

Сара сжимала в руках большую сумку.

– Хорошо, – согласилась она.

В зале ресторана было свободно, и им предложили столик у окна. Наташа заказала хлеб с чесноком и две кока-колы. Сара смотрела на темную оживленную улицу, поставив сумку аккуратно под стулом. Она выбрала пиццу с ветчиной и ананасами, потом ела так медленно, что

Наташа начала бояться, не страдает ли она пищевым расстройством.

– Так ты всегда интересовалась лошадьми? – спросила Наташа, когда молчание стало невыносимым. – (Сара кивнула, отодвинув кусок моцареллы.) – Из-за дедушки?

– Да. – Брови Сары чуть приподнялись, давая понять Наташе, насколько глуп ее вопрос.

– Откуда он, собственно, из Франции?

– Из Тулона, потом жил в Сомюре. В академии.

– Как он оказался здесь? – не отставала Наташа.

– Влюбился в мою бабушку. Она была англичанка. Поэтому он оставил верховую езду.

– Ничего себе! – Наташа представила французский ландшафт, а потом жилой комплекс вроде Сандауна. – А чем он занимался, когда приехал сюда?

– Работал на железной дороге.

– Наверное, было непросто для него. Оставить лошадей. Францию. Всю свою жизнь.

– Он любил ее.

Ее слова прозвучали для Наташи почти как упрек. Неужели все так просто? Если кого-то любишь, все остальное перестает иметь значение, принесенные жертвы остаются в прошлом. Лошади были страстью старика, которая не исчезла, когда он отправил себя в добровольную ссылку. Но как он примирился с потерями?

Она вспомнила фотографию Сариной бабушки, женщины, которую якобы любили. На ее лице было выражение удовлетворенности, а ведь все они потеряли мать Сары. Наташа задумалась о собственных мелких спорах, накопленных едких обидах, которые разрушили ее брак. Может быть, ее поколение было просто не способно сохранять любовь на таком эпическом уровне?

– Как вы познакомились с Маком?

Наташина вилка застыла у рта. Она положила ее на тарелку.

– В самолете.

– Он вам сразу понравился?

Наташа подумала немного.

– Пожалуй. Он такой... человек, который сразу нравится.

Похоже, Сару устроил ответ.

Тебя он тоже очаровал, подумала Наташа с грустью.

– Кто от кого ушел: вы от него или он от вас?

Наташа сделала глоток кока-колы.

– Скажем, это было чуть сложнее...
– Значит, он ушел от вас.
– Если ты спрашиваешь, кто ушел из дома, то да, он. Но в тот момент мы оба понимали, что нам следовало отдохнуть друг от друга.

– Хотите снова сойтись?

Наташа почувствовала, что покраснела:

– Не в этом дело. А почему ты спрашиваешь?

Сара отломала крохотный кусочек от пиццы и положила в рот. Прожевала, проглотила.

– Однажды моя Нанá сказала мне, что надеется, Папá умрет первым. Не потому, что не любила его: она беспокоилась, как он справится без нее. Она считала, ей будет легче справиться, чем ему.

– Но вы вместе справлялись.

– Он был совсем другой, пока она была жива. Моя Нанá всегда могла его рассмешить. – Сара задумалась. – Я его рассмешить не могу. Особенно там. Он ненавидит это место.

– Больничную палату? – (Сара кивнула.) – Ему, должно быть, нелегко, – осторожно заметила Наташа.

– Хуже смерти.

Наташины вилка и нож снова застыли у нее в руках. Сара была, безусловно, права отчасти, как бы чудовищно ни звучали ее слова. Каково человеку, который провел всю свою жизнь на открытом воздухе, занимаясь физическим трудом, в движении, оказаться прикованным к постели, когда его кормят и переодевают, как ребенка? Должно быть, невыносимо.

– Он выздоровеет, – по возможности ровным голосом мягко сказала Наташа. – Медсестра говорила, он идет на поправку.

Возможно, Сара не расслышала. Или это противоречило тому, что она считала правдой. Она сложила вилку и нож на тарелке, давая понять, что закончила, хотя это было вовсе не так.

– Думаете, он вернется домой к Рождеству?

Наташа сняла салфетку с колен, стараясь выиграть время, но даже такая короткая пауза многое значила.

– Трудно сказать, я же не специалист. – (Сара кусала губу и смотрела на улицу.) – Мне жаль, Сара.

Какая она бледная. Кажется, даже похудела немного. Наташе захотелось взять ее за руку.

– Знаю, как тебе сейчас тяжело.

– Мне нужны деньги.

– Прости?

– Мне нужно купить кое-что для Папá. Рождественские подарки. Новую пижаму и всякое такое, – прозаично сказала Сара.

Сбитая с толку резкой переменой темы, Наташа положила в рот кусок пиццы и стала жевать.

– Что ему нужно? – прожевав, спросила она. – Могу пройтись по магазинам завтра после работы, если хочешь.

– Могу сама, если вы дадите мне денег.

– Тебе будет некогда. Все твоё время занято Бо и школой.

– Могу сходить в обеденный перерыв.

– Не получится. Ты не можешь покидать территорию школы. Не знаю, что ещё можно придумать.

– Это из-за того, что я брала мелочь из вашей банки, да?

– Нет. Просто не хочу, чтобы ты снова пропускала...

– Простите меня, ладно? Мне жаль, что так вышло. Я тогда не могла сказать вам о Бо. Я верну деньги.

– Это не обязательно.

– Тогда позвольте мне купить вещи для Папá. Я сама должна их выбрать, – настаивала Сара. – Я знаю, что ему нравится. – Она повысила голос. – Они постоянно воруют его туалетные принадлежности и одежду, а я не могу ничего купить, так как социальные органы забрали его сберегательные книжки. Я бы не просила, если бы у меня был другой выход.

Наташа утерла рот салфеткой.

– Тогда пойдем вместе в субботу утром. Купим все, что ты хочешь, а потом я отвезу тебя в конюшню.

В глазах Сары она прочла, как та относится к этому предложению.

Почему она хотела пойти одна? Потому что дело было не в пижаме? Потому что ей были нужны деньги на что-то другое? Или просто она была не в силах переносить Наташину компанию? Она почувствовала, что безумно устала. Сара смотрела в окно с непроницаемым видом, как в самом начале.

– Хочешь что-нибудь ещё? Мороженого?

Сара покачала головой. Она даже не смотрела на Наташу.

– Тогда заплачу по счету, – устало сказала Наташа, – и нам пора. Я не предупредила Мака, что мы пойдем в ресторан.

Она ей не доверяла. Сара ругала себя за то, что брала деньги из Наташиной банки с мелочью. Если бы не это, она бы сумела получить деньги, когда они ей так нужны.

Она поставила ногу на сумку, успокаивая себя, что главное сокровище

на месте. Социальные органы забрали пенсионную и сберегательные книжки Папá, чтобы вовремя платить арендную плату, но они ничего не знали о его облигациях выигрышного займа. Если бы ей удалось их обналичить и избегать встреч с Мальтийцем Салем еще какое-то время, она могла бы от него откупиться. Она представила его лицо, почувствовала его руку на своей груди, услышала слова, которые он шепнул ей на ухо, и содрогнулась.

Ей нужны деньги. Она подумала о других вещах, которые взяла в квартире: старинное украшение из стекла, которое аккуратно завернула в свитер. Его можно продать мужчине из комиссионного магазина. Ее компакт-диски, которые кто-то может купить в школе. Кое-что. Ничего.

– Бог мой! – сказала Наташа. – Четверть одиннадцатого. Я и не подозревала, что уже так поздно.

Она достала бумажник, чтобы заплатить по счету. Вставила карточку в переносное устройство и болтала с официантом, вводя пин-код.

2340.

Легко запоминается.

Сара закрыла глаза и содрогнулась, представив, что́ сказал бы Папá, если бы узнал ее замыслы. Когда парня с нижнего этажа в четвертый раз за неделю увозили в полицию, дедушка заметил: ничто не оправдывает кражу. Если что-то украл, ничего не получил. Только стал хуже. Папá даже не одобрял кредитов. Говорил, он никогда не имел ничего, за что не мог заплатить.

Сара шла к машине, слушая, как Наташины высокие каблуки стучали по мокрому тротуару. Четыре цифры отбивали ритм в темном уголке ее сознания.

Мак обещал довезти Марию до дому, а теперь просил подождать на крыльце, пока сбегает за ключами от машины. В комнате Сары горел свет. Наташиной машины не было. Она говорила, что задержится на работе, но его удивило, что она оставила Сару одну на такое долгое время. Мак стоял на ступенях, вертя на пальце ключи. Мария подошла и прижалась к нему всем телом, обвилась как змея.

– Зайдем?

– Нет.

– Ты мой должник. Худшего фильма я не видела. Ты должен мне полтора часа, чтобы стереть его из памяти.

– Обещаю. Но не здесь.

– Я соскучилась. – Она театрально нахмурилась. – Больше недели! Я

покажу тебе мои белые местечки. – Она спустила пояс джинсов с низкой посадкой и продемонстрировала загорелый живот. – Они маленькие-премаленькие, – добавила она с придыханием. – Рассмотреть можно только с *очень* близкого расстояния.

Мария была красива и незамысловата, и она хотела его. Он понимал, что она его не любит. Что он ей даже не нужен, и поэтому она ему так нравилась. Его устраивала эта прямолинейность, важно было знать, что он ни в коем случае не сможет причинить ей боль.

– Хорошая моя, сейчас не могу.

– Ты меня приводил сюда на выходных. Почему сейчас нельзя?

Он бросил взгляд на дорогу:

– Потому что моя бывшая вот-вот вернется и потому что это несправедливо.

– Это несправедливо по отношению ко мне. – Она отодвинулась от него. – Брр! Почему ты позволяешь этой несчастной женщине диктовать, как тебе жить? Ты говорил, у нее есть ухажер?

– Говорил.

– Она с ним спит?

– Не знаю, – пробормотал он, смущаясь. – Наверное.

– Конечно спит. – Мария положила руку ему на грудь. – Много секса с этим ужасным стариком. Жуткая унылая парочка. Откуда ты знаешь, что она сейчас не с ним?

Он попытался вспомнить, что Наташа сказала утром относительно планов на вечер. Он не хотел пропустить счет в крикете и не слушал ее.

– Я не знаю.

– У них ужасный, унылый секс. – Мария улыбнулась. – Она смеется при мысли, что ее бывший не решается заняться сексом со своей красивой подружкой в собственном доме, чтобы не огорчать ее.

Мария еще раз соблазнительно улыбнулась, наслаждаясь его неловкостью.

– Ты очень плохая девочка.

– Неужели? Могу быть еще хуже.

– Не сомневаюсь.

– Тогда пойдем и тихонько проберемся к тебе в комнату. Сделаем это по-быстрому, и меня след простынет. Снова станем подростками. Точнее, ты станешь. Для меня это не так уж ново.

Она обвила его талию руками, засунула ладони в задние карманы и притянула к себе.

Он глянул на часы. Не факт, что Сара спит.

– Слушай, поедem к тебе.
– У меня гостят две двоюродных сестры. Еще и дядя Лука. Как на Пикадилли. И еще бигос.
– Бигос?
– Тушеная капуста.
– Да, это заводит.
– Мак, – прошептала она хрипло, – Мак... Мне нравится твой дом. – Она запустила пальцы ему в волосы. – Мне нравится твоя комната. Твоя постель...
– Уверен, мне понравится бигос. – Он пытался стоять на своем.
– Знаешь, что значит это слово? – Она прищурилась, улыбнулась кошачьей улыбкой. – В переводе?
– Не захватил с собой польский словарь.
– «Проблема», – прошептала она, покусывая его ухо. – Это значит «проблема».

Наверняка Сара уже уснула. А если и не уснула, что в этом страшного? Она в любом случае почти не выходит из комнаты по вечерам.

Они дали ей маленький переносной телевизор, поскольку она не хотела смотреть то, что все. Или, вероятно, просто не хотела быть с ними.

Мария слегка отодвинулась. Опустила голову, потом заглянула ему в глаза:

– Не говори, что не соскучился.

Наташа, наверное, у Конора, говорил он себе, пропихивая хихикающую Марию в дверь. А у Марии со вниманием было не все в порядке. Ему вспомнилась старинная пословица, но он отогнал предупреждающий внутренний голос. В пословице говорилось о зубах дареных коней.

– Свет горит. Мак, наверное, уже дома.

Наташа не могла придумать, что бы еще сказать. Сара заметила, что она поджала губы. Вынула ключ зажигания и достала сумочку позади себя, обдав волной тонких дорогих духов.

– Помочь тебе с сумкой?

Будто она была маленькой.

– Не надо. Спасибо.

Сара не хотела выпускать сумку из рук. Весь вечер ей казалось, что это единственный ее шанс на спасение.

– Тебе придется завтра ехать на автобусе. – Наташа закрыла машину. – Мак прислал мне сообщение. Он завтра начинает рано, а у меня встреча.

Справишься?

– Да.

– И не сомневайся, твой дедушка получит прекрасные новые вещи. Я с удовольствием заплачу.

Наташа открыла входную дверь и посмотрела на нее, прежде чем закрыть за собой.

Ее лицо выражало сочувствие. Наверное, так она выглядела, когда говорила с клиентами. В доме было тепло, Сара сняла пальто.

– Дело не в недоверии, пойми. Я не впустила бы тебя в свой дом, если бы не доверяла тебе. Просто, думаю, будет лучше, если мы с тобой пойдем в магазин вместе в субботу утром. Закончу работу с документами и встречу тебя в конюшне. Можешь выбирать любой магазин. Если хочешь, возьмем такси до «Селфриджес». Что скажешь?

Сара пожала плечами. Даже не глядя на Наташу, она знала, что та была раздражена.

– Послушай, уже поздно. Иди к себе. Поговорим об этом утром.

Они услышали шум на кухне и обернулись.

– Мак? Я говорила Саре...

Наташа сняла шарф и направилась на кухню. И остановилась как вкопанная при виде высокой блондинки, на которой были только мужская футболка и трусики. В руках два бокала вина. Волосы, как в рекламе шампуней, легкие и блестящие. Бесконечно длинные ноги с легким загаром. Ногти на ногах как маленькие ракушки, покрытые розовым лаком.

– Вы, должно быть, Наташа. – Красотка улыбнулась, взяла оба бокала в одну руку и протянула другую. – Я Мария.

Она улыбнулась широко и совсем не по-дружески. Можно сказать, самодовольно. Сара стояла за Наташей, восхищенная: рука гостьи повисла в воздухе, не встретив отклика.

Похоже, Наташа потеряла дар речи.

– Мак столько о вас рассказывал. – Мария убрала руку, казалось не обидевшись. – Собиралась заварить чай, но у вас не нашлось соевого молока. Коровье молоко так вредно для кожи. – Мария задержала взгляд на Наташином лице чуть дольше, чем надо. – Простите меня. Пойду наверх. Меня ждут... – Улыбаясь, она прошла мимо Наташи. Не скованные бюстгалтером груди весело колебались под футболкой, от нее исходил легкий мускусный аромат.

Наташа не двигалась.

Сара наблюдала за этой сценой с открытым ртом. Наташа была очень бледной. Рука, сжимавшая ручку портфеля, побелела. Она была похожа на

Сару, когда та хотела заплакать, но не могла себе это позволить.

Выждав, Сара нерешительно шагнула вперед:

– Хотите, я заварю чай?

Кто-то должен был что-то предпринять. На Наташу было больно смотреть.

– Мне нравится обычное молоко, – тихо добавила Сара.

Казалось, Наташа забыла о ее существовании. Она удивленно подняла глаза и заставила себя улыбнуться:

– Очень мило... Спасибо, Сара.

Она не знала, что делать.

Сара прижала к себе сумку. Ей хотелось скрыться у себя в комнате. Но если она пойдет к себе, может показаться, что она встала на чью-то сторону. А она не могла сказать, как относится к случившемуся.

– Знаешь... – Наташа погладила щеку. Она пришла в себя, и бледность отступила с лица. – Знаешь... Мне кажется...

Открылась дверь, и послышался смех. Потом по лестнице спустился Мак, держась за поручни. На нем были только джинсы, торс обнаженный.

– Таш, – громко позвал он, – прости. Я думал, вас... Думал, Сары...

Наташа смотрела на него во все глаза. Она вдруг показалась Саре очень усталой.

– Молодец, Мак, – сказала она тихо, постояла немного, кивнула, словно соглашаясь сама с собой, потом повернулась и вышла из дому, хлопнув дверью.

Глава 15

То, что лошадь делает по принуждению... она делает без понимания. При таком обращении как лошадь, так и человек скорее будут выглядеть уродливо, чем грациозно.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Сара лежала в постели, свернувшись калачиком: согнутые колени у подбородка и обхвачены руками. Одеяло из гусиного пуха, наброшенное сверху, создавало уютное гнездышко, кокон, который не хотелось покидать. Простыни из египетского хлопка по-прежнему чудесно пахли средством для глаженья, которым пользовалась уборщица. В нем сочетались ароматы лаванды и розмарина. Шторы из тяжелого серого шелка пропускали мягкий свет, но не давали слишком резко проснуться. Но по мере того как комната с антикварным комодом, огромным венецианским зеркалом и небольшой стеклянной люстрой наполнялась светом, у нее становилось все темнее и темнее на душе.

Она устала в стену, сосредоточилась на дыхании. Если о нем не думать, все получается само собой. Не важно, чем ты занимаешься – бегаешь, едешь верхом, спишь, – оно работает само, поддерживая в тебе жизнь. Как только задумаешься о нем, оно становится пассивным. Ждет, пока ты наполнишь легкие. Замирает, когда у тебя в голове нехорошие мысли, когда чувствуешь, что твой желудок сжимается от страха.

Ей не избежать с ним встречи. Он будет там в пятницу, как обычно. И на выходных. Его не обманут те крохи, которые ей удалось собрать. Она закрыла глаза, прогоняя мысли, вдыхала и выдыхала.

Папá, наверное, уже проснулся; он всегда просыпался рано. Наверное, смотрит на стену. Ждет, когда комната наполнится светом и будут видны фотографии лошади и любимой внучки. Может, он представлял себя верхом на коне, которого давным-давно нет в живых. Он посылает ему беззвучные сигналы, и они несутся в танце по просторной арене. А может, он дремлет, пуская слюни, и его бесцеремонно обтирает губкой какая-нибудь медсестра, которая разговаривает с ним так, будто он не только стар, но и глуп. Сара обхватила колени еще крепче, по телу пробежала дрожь.

Накануне вечером Папá взял ее руку дрожащими пальцами. Кожа на

ощупь была сухой, как бумага. От него пахло по-другому – каким-то сильным дезинфицирующим средством. Он перестал быть собой. Что бы они ни говорили о выздоровлении, при каждой встрече он становился все более отстраненным, его охватывало все большее отчаяние. Будто все, что делало его Папá, Капитаном, обожаемым мужем Нанá, уходило с каждым вдохом. Иногда ей казалось, она точно знает, что он чувствует.

В двух милях от нее Наташа проснулась от шума наполняемой ванны за стеной. И подумала сквозь сон: как эгоистичны люди, которые считают нормальным включать телевизор на полную громкость в четверть седьмого утра. Зачем некоторым обязательно слушать телевизор, когда они принимают ванну? Неужели нет места, где они могли бы просто побыть в тишине?

Выпуск новостей. Половина седьмого. Сквозь стены, тонкие как бумага, было даже слышно, как объявили время. Наташа села, почувствовав первые симптомы головной боли, которая потом усилится. Попыталась сообразить, где находится. Вспомнила: что-то случилось, что-то нехорошее. Помрачнела. Осмотрелась: незнакомое покрывало, ее сумочка на спинке стула, узорчатое бежевое ковровое покрытие, почти пустая бутылка красного вина.

События прошлого вечера пронеслись в голове, она откинулась на чужую подушку и закрыла глаза. Как посмотрела на нее та женщина – как на пустое место! Смеющиеся глаза говорили, что ей известны их секреты, она осмеивала их прошлое. Как он посмел! Наташа вытерла глаза. А почему бы и нет? А что это было, если не окончательный разрыв? Чего она от него ждала? Такой разный Мак. Когда они еще были вместе, его окружали женщины, которые рассматривали ее как серьезное препятствие. Мак был мужчиной, на которого засматриваются женщины, он всегда был более привлекателен, чем Наташа, и женщины давали ей это понять. Сначала она думала, это не имеет значения. Когда все его обаяние было предназначено только ей одной. Когда она чувствовала, что ее обожают, хотят, в ней нуждаются. На вечеринках она говорила ему, шутя: «Иди пофлиртуй», а потом, когда их глаза встречались, она читала в них, что с ней никто не мог сравниться.

После очередного выкидыша она теряла уверенность в своей женственности. Молчаливо оценивала плодовитость других женщин. Они казались ей полнокровными, зрелыми. Молодыми. Себя она стала считать старой, иссохшей. И тут он, очаровывает их, возможно, планирует завести роман с более молодой и красивой. С той, которая может родить ему детей.

Как ему было себя вести? Он сердился, когда она высказывала ему подобные мысли. Стало проще вовсе ничего не говорить. Конор был первым мужчиной, который дал ей почувствовать, что это Маку с ней повезло.

Мак не принадлежал ей. Скорее всего, никогда. Лишь необходимость заставила их снова жить под одной крышей. Искусственная близость в силу сложившихся обстоятельств.

Наташа выбралась из постели, прошла в ванную и открыла воду. Потом вернулась в комнату и включила телевизор. Очень громко.

Даже индеец-следопыт не мог бы сравниться с Сарой в искусстве двигаться бесшумно. В последние несколько недель она могла внезапно появиться за спиной на лестнице или рядом на кухне. Словно решила стать как можно незаметнее, занимать как можно меньше места, не тревожить дом ни одним звуком. Обычно легкий скрип ступеней, когда девочка спускалась по лестнице, его не будил. Но Мак давно не спал.

Мария ушла около одиннадцати, через полчаса после того, как уехала Наташа. Гнаться за ней было бессмысленно: он понятия не имел, куда она направилась. Или что он мог ей сказать, даже если бы нашел.

Когда он вернулся в спальню, Мария презрительно фыркнула. Он тяжело опустился на кровать и отказался от бокала с вином, который она ему протянула.

– Она разозлилась из-за вина? Я куплю ей новую бутылку. Все равно вино было из супермаркета. – Мария сделала глоток. – В Польше вести себя так негостеприимно считается грубостью.

Он знал: Мария понимает, что дело было не в вине. На миг он почувствовал к ней ненависть. Она вела себя нарочито вызывающе и получала от этого удовольствие.

– Тебе лучше уйти.

– Чего ты так переживаешь?! – воскликнула она, натягивая джинсы и демонстративно извиваясь. – Ты целый год ее вообще не видел. Через несколько недель разводитесь. Сам говорил.

Что он мог ей сказать? Что не хотел обижать Наташу? Что, когда въезжал, глупо надеялся наладить с ней дружеские отношения? Что эта смешная, саркастичная, умная женщина останется в его жизни и после развода? Или что ее лицо, побелевшее от шока и боли, укор в сверкающих от ярости глазах не давали ему уснуть до рассвета?

Он встал, ополоснул лицо холодной водой, натянул джинсы и спустился. На кухне Сара, в аккуратно отутюженной школьной форме,

делала себе сэндвич.

– Прости, – сказал он едва слышно. – Я должен был приготовить тебе завтрак.

Потер щетину на подбородке, прикидывая, успеет ли побриться.

– Наташа обычно готовит завтрак, – заметила Сара.

– Знаю. Я вчера накуролесил. Ты в конюшню? – Мак посмотрел на часы. – Успеваешь.

– Да.

– Я тебя подвезу, только...

– Не надо меня подвозить, – перебила она.

– Хочешь яблоко для Бо?

Он взял одно из корзины с фруктами и бросил ей, ожидая, что она его поймает. У них это стало традицией. Но она отошла в сторону, и яблоко упало на пол.

Он поднял его и внимательно изучил повернутую к нему чересчур выпрямленную худую спину.

– Ты на меня сердишься?

– Это не мое дело. – Она аккуратно укладывала сэндвичи в школьную сумку.

Мак взял чайник и налил воды.

– Прости меня за вчерашнее.

– Мне кажется, не у меня вы должны просить прощения.

– Я не знал, что она вернется.

– Но это все еще ее дом.

– *Наш* дом.

– Да хоть бы и так. – Она пожала плечами. – Как я уже сказала, это не мое дело.

Он приготовил себе кофе, поражаясь, как четырнадцатилетняя девчонка может заставить взрослого мужчину почувствовать себя виноватым. Он знал, что Наташа разозлится. Просто не ожидал, что так все выйдет.

– Можете дать мне денег? – Она стояла позади него, собираясь уходить.

– Конечно. – Он обрадовался возможности разрядить атмосферу порицания. – Сколько тебе нужно? – Стал рыться в карманах.

– Пятьдесят, – отважилась она.

Он перебирал мелочь на ладони.

– Вот. – Мак протянул серебряную монету.

– Пятьдесят пенсов?

– А ты хотела пятьдесят фунтов? Очень смешно. Послушай, я утром работаю. Днем сниму деньги в банкомате. Могу дать десятку. Ни в чем себе не отказывай. Купи бургеры себе и друзьям.

Она не обрадовалась, как он ожидал. Но ему не надо было беспокоиться об ужине, если Сара проведет вечер с друзьями.

Нужно было поговорить с Наташей. Но он не знал, что ей сказать.

Все резюме дел, которые получает барристер, за исключением имеющих отношение к государственным органам, перевязываются розовой лентой. Этот анахронизм объясняется не только аккуратностью или традицией подачи документов. У ленты было свое предназначение: она символизировала способность барристера эмоционально отстраниться от дела. От него требовалось сохранять независимость и объективность. Перед возвращением папка снова перевязывалась лентой. Барристер должен был забыть факты дела.

Сидя напротив Майкла Харрингтона, Наташа думала, что в каких-то делах было легче соблюдать объективность, чем в других. Они встретились у него в кабинете, чтобы обсудить дело о разводе Перси, слушание которого должно было вот-вот начаться.

– Наташа, ты выглядишь усталой, – заметил он и вызвал свою помощницу. – Надеюсь, ты не корпела над материалами всю ночь.

– Конечно нет.

– Думаю, нам следует встретиться с миссис Перси завтра утром. Как я понимаю, мы ждем заключение судебных бухгалтеров. Можешь пригласить их на эту встречу? Нужно также окончательно решить, каких свидетелей каждый из нас приглашает.

Он внимательно ее изучал, и она точно не могла сказать, как долго сидела, опустив глаза к бумагам.

– Наташа, все в порядке?

– Да.

– Сможешь прийти?

Она заглянула в ежедневник: день был расписан по минутам.

– Я освобожу время.

– Хорошо. Вот, собственно, пока и все. – Он встал, и она стала собираться. – Погоди. У тебя есть минутка? Выпьем чего-нибудь?

Она вспомнила вчерашний вечер.

– Мне чая. – Она снова села. – Спасибо.

– Хорошо.

Помощница просунула голову в дверь.

– Бет, приготовь нам по чашке чая, пожалуйста. Сахар? Без сахара, обе чашки. Спасибо.

Неожиданно он сменил тему разговора: завел речь о своих взрослых детях, о вновь проснувшейся страсти к яхтам. Обсудили знакомого, замешанного в скандале с юридической помощью.

– Я давно хотел с тобой поговорить. Мы задумали кое-какие перемены, хотим перераспределить работу в бюро. Вероятно, откроется вакансия. – (Она выжидала.) – Я с интересом наблюдаю за твоей карьерой. Мне нравится, как ты работала по делу Ричмонда против Тернера и по делу о похищении тройняшек. Я поговорил со многими солиситорами, все отзываются о тебе наилучшим образом.

– Спасибо.

– Если откроется вакансия, она могла бы тебя заинтересовать?

Наташа была застигнута врасплох. Когда она была стажером, фирма «Харрингтон и Левинсон» служила образцом современного, прогрессивного адвокатского бюро с безупречной репутацией. И вот Майкл Харрингтон, его основатель, делает ей заманчивое предложение.

– Я польщена.

Помощница принесла чай. Они подождали, пока за ней не закроется дверь.

– Не скрою, велика вероятность, что мне могут предложить должность партнера на моем нынешнем месте работы.

– Не думаю, что это идеальный для тебя вариант. Знаешь, многие солиситоры-адвокаты переходят целиком на адвокатскую работу? Это будет для тебя стартовой площадкой. Мы могли бы предложить тебе должность с испытательным сроком. Менее чем через пару лет ты могла бы стать адвокатом.

Наташа попыталась переварить сказанное и то, как может измениться вся ее жизнь. Не надо будет больше выполнять работу солиситора, с утра до вечера жить в хаосе. Она займет более независимое положение барристера. Не надо будет ежедневно соприкасаться с жизнью клиентов. После случая с Али Ахмади она не была уверена, что хочет этого.

– Майкл, это серьезный шаг. – На уме у нее был Конор. – Мне нужно все взвесить.

Он написал что-то на листке бумаги и протянул ей:

– Мои телефоны. Не пытайся соединиться со мной через секретарей. Они охраняют меня не хуже мастифов. Звони на прямой номер. Задавай любые вопросы: о деньгах, помощниках, кабинетах – о чем угодно.

– Рекомендации понадобятся?

– Я знаю о тебе все, что нужно, – улыбнулся Майкл. – Куда ты теперь? Еще одна встреча?

Она смотрела на розовую ленточку, силясь вспомнить, что именно она символизирует.

– Вроде того. – Наташа поставила чашку и блюдо на стол. – Майкл, я позвоню. Спасибо. Я тщательно обдумаю ваше предложение.

Дом ничем не выделялся среди других современных малопримечательных домов из некрасивого красно-коричневого кирпича. Только дверные звонки говорили о том, что и без того маленькие жилые ячейки были поделены на еще более крошечные закуты. На тротуаре под изгородью из бирючины развевалась на ветру никому не нужная помятая и грязная лента ограждения, рассказывая свою печальную повесть. Яркие цвета ленты подчеркивали мрачность истории, развернувшейся за этой дверью.

Наташа стояла на тротуаре, всматриваясь в пустые окна, закрытые тюлем. Где теперь двадцатилетняя продавщица? Выглядывает на улицу из-за края занавески или все еще в больнице? Может, боится возвращаться домой? Думала ли она о том, что могло привести молодого парня к ней?

Почему Али Ахмади выбрал именно этот адрес? Почему его эпическое путешествие с другого конца света закончилось на этих шести ступенях именно к этой двери? Как ее или чей-то еще недосмотр привел к такому катастрофическому исходу?

Мимо прошла пожилая женщина с клетчатой сумкой-тележкой. Наташа уступила дорогу, улыбнулась, но женщина только посмотрела на нее слезящимися глазами и решительно продолжила свой одинокий путь.

Наташа почувствовала ком в горле. Наверное, она пришла сюда не за ответами. Наверное, ей нужно было извиниться. Я должна была проверить его показания, беззвучно сказала она молодой женщине. Если бы я проверила название города и расстояние, которое, по его утверждению, он прошел, я бы могла тебя спасти. Не пытаюсь спасти его, я могла бы спасти тебя.

Зазвонил телефон.

– Вы не забыли о встрече в четыре пятнадцать? – Это был Бен. – Я думал, вы уже должны были вернуться.

– Отмени ее.

Наташа стояла у машины и смотрела на двух девушек с колясками на противоположной стороне улицы. Обе разговаривали по телефону, не

обращая внимания ни на детей, ни друг на друга.

– Что вы сказали?

– Отмени ее. Меня сегодня не будет.

Последовала долгая пауза.

– А что я скажу Линде? С вами все в порядке?

– Да. На самом деле нет. Я еду домой. Скажи, что мне очень жаль. Перенесите встречу на любой другой день на этой неделе. Это Стефан Харт. Он поймет.

Только повесив трубку, она вспомнила, что дома у нее больше нет.

У Джессики Арнольд имелось двадцать три ухажера. Четырнадцать из ее класса, четыре из класса старше и остальные просто из школы, из Сандауна и соседних жилых массивов. Ее нынешние кавалеры были мужчины постарше, которые поджидали ее у школьных ворот в низких автомобилях с форсированными двигателями. Как только она забиралась внутрь, они с ревом уносились прочь по улице, содрогаясь от громкой музыки. С большинством она спала. Это не было простое бахвальство, как у других девчонок из класса, которые претендовали на «опытность». Об ее опыте свидетельствовали надписи в туалете и пустые упаковки из-под противозачаточных таблеток, выпавшие из ее сумки, и еще выражение лица мужчин в автомобилях. Они не были похожи на парней, которые удовольствуются долгим поцелуем на скамейке в парке. Джессика гордилась лиловыми пятнами на шее. Она была вынуждена вести себя так, будто это был ее выбор, будто она сама этого хотела, иначе она была бы просто потаскухой.

Если Джессика находилась на одном конце спектра сексуальной активности десятого класса, то Сара – на противоположном. Вместе с Дебби Дермот, которая носила очки с толстыми линзами и брекеты, и Салимой, которую вне школы заставляли ходить в парандже и которая ни разу даже не разговаривала с мальчиками, не то чтобы целовалась. Сара не была некрасивой, просто мальчики ее не занимали.

Знакомым парням было бы неинтересно слушать о Бо и его успехах в переходе от *basse école*^[42] к более сложной *haute école*^[43]. Никто из них не захотел бы пойти с ней в конюшню и потом возвращаться домой на автобусе. Они отпускали бы глупые шутки по поводу запаха на конном дворе, кричали бы и пугали лошадей и курили бы возле соломы. Они бы не поняли ее жизни.

Она никогда не говорила об этом Папá, но иногда по ночам ее переполняло какое-то странное чувство, тело пронизывало ощущение

утраты чего-то, чего она не могла понять. Тогда она представляла себя в Кадр-Нуар. Она была бы самой лучшей наездницей, каких они не видывали. Там был бы симпатичный молодой капитан, в черной униформе с золотыми эполетами. Он был бы прекрасным наездником и понимал все ее желания. Он бы не ездил по округе в незастрахованной машине с наклейками, не хвастался бы, сколько раз его привлекали к ответственности за антиобщественное поведение и угон автомобиля, и не лез бы со слюнявыми поцелуями, пахнущими кебабом и соусом чили. Это был бы целомудренный роман, где были бы лошади и только намеки на содержимое сумки Джессики и граффити в туалете.

Будущее всегда представлялось ей именно таким. Она знала это, как знала будущее Бо. Но на руках у нее было семь фунтов пятнадцать пенсов, вырученные от продажи компакт-дисков и украшений, десять фунтов Мака и облигация выигрышного займа, которую можно будет погасить только через три недели, и то только при наличии подписи Папá. У нее было ощущение, что пробелам в ее познаниях суждено восполниться скорее, чем она думала.

– Мне нужно с вами поговорить.

– Принесла деньги?

– Об этом я и хотела поговорить.

– Так говори.

Она кивнула в сторону мужчин:

– Не здесь.

Он собирал щетки, все как одна сияли, будто никогда не счищали грязь с лошади. Убрал последнюю щетку на место и посмотрел на нее внимательно:

– Что тебе надо, Циркачка?

Она понизила голос, сжала ремешок школьной сумки в левой руке.

– Я хотела узнать, – сказала она тихо, – сколько... сколько вы мне скостите... если...

Он молчал. Не улыбался. На лице не было ни удивления, ни удовольствия. Не рассмеялся, как она надеялась в глубине души, не сказал, что шутил, что не такой он человек.

Он кивнул, будто разговаривал сам с собой, глянул на нее и отвернулся. Подошел к мужчинам, собравшимся у жаровни. На холодном воздухе у них изо рта валил пар, смешиваясь с сигаретным дымом. Он что-то им показывал, что-то говорил – она не слышала что. Они пожимали плечами, хлопали по карманам в поисках ключей и сигарет, бросали ненужные бумажки в огонь. Ральф ободряюще смотрел на нее с

противоположного конца двора. Может, завидовал, что Саль обратил на нее внимание. Она понимала, что стала другим человеком в его глазах. Не внучкой Капитана, не приятельницей по сомнительным приключениям, не человеком, лишенным собственной ценности. Он ушел, не глядя на нее.

В стойле Бо она забылась, поправляя его попону, прижимаясь головой к его теплой шкуре в поисках успокоения. Он повернул свою большую голову, проверяя, что она делает. Она гладила его морду, ощупывая кости под теплой кожей.

Через дверной проем она видела, как Саль ходит с беспечным видом, зажав сигарету между большим и указательным пальцем. Помахал рукой, крикнул что-то на мальтийском выходящим из ворот мужчинам. Когда отъехала последняя машина, запер ворота на тяжелую цепь. Стемнело, Шеба беспокойно металась у них под ногами, наверное ожидая, когда вернется Ковбой Джон.

Потом он пошел в сторону стойла Бо, насвистывая как ни в чем не бывало.

– Ну? – стараясь говорить грубо, спросила она, когда он появился на пороге.

Она копировала девчонок из Сандауна, то, как они обращались к парням на велосипедах. Девчонки старались выглядеть невозмутимо. Как будто ничто не могло их ранить.

– Так как это будет выглядеть?

Он словно ее не слышал. Затянулся сигаретным дымом, вошел в стойло и закрыл за собой дверь. Бо потерял к ней интерес и принялся жевать сено. Стойло освещалось только неоновым светом снаружи. Его лица не было видно, хотя свет озарял ее, делая похожей на оранжевое привидение.

– Сними свитер. – Он сказал это так обыденно, будто попросил закрыть ворота.

– Что?

– Сними свитер. Хочу на тебя посмотреть. – Он затянулся сигаретой, в упор глядя на нее.

Она смотрела на него во все глаза. Только не сейчас, думала она. Сейчас я не готова. Я просто хотела уточнить, что ты предлагал.

– Но...

– Если не хочешь, не надо... – Он сделал вид, что уходит. – Играешь в детские игры. Дала понять, что к тебе можно относиться серьезно.

Двумя пальцами он вынул сигарету изо рта и бросил на бетон. Она вспыхнула и потухла на мокром полу. При виде его холодного, сурового

лица Сара запаниковала.

Не понимая, что делает, она сняла свитер. Без него ей стало холодно. Сквозняк проник сквозь дверь и лишил ее тепла и защиты.

Он повернулся к ней. Она не видела его глаз, но чувствовала, как он смотрит на нее, исследуя и оценивая каждую мелочь. Понятно, что не ей было решать. Его взгляд пронизывал, будто проникал сквозь кожу, доставал до плоти, скрывавшейся под ней. Это скоро закончится, говорила она себе, стараясь держаться прямо, с вызовом. А потом я не буду должна ему ничего. Все будет хорошо.

– А теперь лифчик, – медленно произнес он, но это была команда. Так говорит человек, который всегда получает то, что хочет.

Ей показалось, она ослышалась.

– Но что вы хотите? – возразила она. – Вы ничего не сказали...

– Ты мне указываешь, что делать? – Его голос стал сердитым. – Диктуешь условия?

Она дрожала. Руки покрылись гусиной кожей.

Сара закрыла глаза. Сердце так громко стучало, что она почти не слышала его слов.

– Снимай.

Она тяжело сглотнула, подняла подбородок, стиснула зубы, чтобы они не стучали то ли от холода, то ли от страха, она сама не понимала от чего. Не открывая глаз, расстегнула и сняла лифчик. Дешевый, некрасивый, немного великоватый. Папá покупал себе носки, и она так застеснялась, что даже его не примерила. Он взял его и бросил на землю. Она стояла с обнаженной грудью. Ей было холодно. Соски затвердели. Она слышала его вздох, приближающиеся шаги и поняла, что падает в бездну, о существовании которой и не подозревала.

Она не могла открыть глаза, не могла дышать. Стояла мертвая, униженная, вычлняя себя, Сару, из собственного тела. Стояла обнаженная в стойле. Новая лошадь Саля заржала под соседней аркой, снаружи лаяла собака, кто-то разговаривал на улице. Это была не она. Горячие сухие мужские руки скользили по ее холодной коже, его горячее дыхание приблизилось к лицу. Он шептал грязные, ненужные слова ей в ухо. Чужой, резкий запах, его жесткий ремень прижался к ее бедру, ей стало больно, и она вжалась в холодную стену. Реальный мир исчез, остался только он, его слова и его настойчивые безжалостные прикосновения, которые она была не в силах остановить. Это была не она. Это происходило не с ней. Что случилось с Сарой? Это была уже не ее жизнь, не ее семья, не ее будущее. Она уже ничего не решала. Какое имеет значение, что этот мужчина хотел

овладеть ее телом, неопытным, бессильным, тяжело дышащим. Она впала в забытие, перестала что-либо чувствовать, перестала существовать.

Это была не она. Он взял ее бесчувственную руку и притянул к себе. Она стиснула зубы, чтобы не стучали от страха. Ерунда, повторяла она сама себе. Ерунда, потом все кончится. Она слышала, как он расстегивает молнию, он тяжело дышал, со стоном, хрипло. Слышала слова и удивлялась, смутно: неужели это я? Почувствовала грубую джинсовую ткань, а потом что-то мягкое и теплое, но упругое. Инстинкт подсказывал ей, что к этому не стоит прикасаться.

Она ничего не могла сделать. Он нашел ее руку, сжал в своей сильной ладони, и она вновь почувствовала что-то теплое в руке. Он настаивал, даже не убеждал. Она закричала, стала его отталкивать, бить:

– Убирайся! Оставь меня!

Бо встрепенулся и шарахнулся в сторону, задев копытами стену. Схватив сумку, она вырвалась от него, выбежала из промозглого стойла, бросилась к воротам, открыла их, выбежала на освещенную улицу, заполненную транспортом в час пик, натянула через голову свитер.

– Не был уверен, что застану тебя здесь. – Конор стоял перед ней с кружкой пива. – Ричард хотел с тобой поговорить сегодня. Мне пришлось за тебя извиниться. – Наташа промолчала. Тогда он добавил: – Линда за тебя волнуется.

– Линда слишком интересуется чужими делами. – Она откинулась на спинку кресла. – Сам видишь – я в порядке.

Конор окинул взглядом пустые бокалы перед ней. Он снял пальто и сел напротив нее в кабинку. Был конец рабочего дня, и паб наполнялся людьми. Он отпил из бокала.

– Звонил тебе домой. Твоя юная гостья сказала, что не знает, где ты.

Наташа сделала глоток. Если выпить много белого вина, оно становится похоже по вкусу на кислый виноградный сок.

– Я здесь не останусь.

Он удивленно посмотрел на нее:

– Слушай, Наташа, что происходит?

– Тебя это интересует?

– Но я же вижу, с тобой что-то происходит. Ты не пропустила ни одной встречи за пять лет и вдруг не приходишь на работу без видимой на то причины.

Он не сказал: «И ты пьяна». Это было не нужно.

– Отлично, Холмс. – Голос Наташи звучал тихо и спокойно. Она вдруг

поняла, что ей нравится шардоне, несмотря на то что это могло показаться старомодным. Почему она так поздно это поняла? – Видела дом, где жила женщина, на которую напал Али Ахмади.

– Какого черта тебя туда понесло?

– Не знаю.

– Я думал, ты давно успокоилась. С чего это снова тебя тревожит?

– Потому что это меня по-прежнему тревожит. – Она заморгала. – Думаю о ней. Думаю о нем.

Тонкие смуглые руки, сложенные в мольбе. Эти же руки, сжимающие шею женщины.

– Наташа, это нелепо. Ты ведешь себя... неразумно.

– Это потому, что я напилась.

– Хорошо. Я вызову такси, и ты поедешь домой. Ну, Дока. – Он взял ее за руку, но она высвободилась.

– Домой я не поеду.

– Почему?

– Я живу в гостинице.

– Ты живешь в гостинице? – Он посмотрел на нее как на неразорвавшуюся бомбу.

– В «Холидей-Инн».

– Можно спросить почему?

Ей хотелось крикнуть «нет». Нет, потому что ты давно ушел из моей жизни – при первом признаке беды. Нет, потому что ты избегал меня неделями и заставлял чувствовать себя дерьмом. Нет, потому что ты вел себя так, будто тебе было наплевать, как я себя чувствую.

– Все намного проще.

Она слышала его немой вопрос. Понимала, о чем он думает, сидя напротив: «Почему он не ушел?»

– Все намного проще, согласна. Ты был прав. У меня дома все слишком запуталось. Было ошибкой даже предполагать, что я смогу справиться со всем этим. Доволен?

Он промолчал. Она с трудом сглотнула и попыталась сосредоточиться на бокалах перед собой. Но они расплывались. Она нахмурилась, и они послушно выстроились в относительном порядке.

В конце концов она сдалась и подняла глаза. У него был добрый взгляд, печальный.

– Прости меня, Дока. – Конор встал, обошел столик, сел рядом и вздохнул. – Прости.

– Не за что. Глупая затея. Наверное, я сошла с ума.

– Тут ты права. – Конор обнял ее за плечи. Она нехотя прижалась к нему, расслабилась в его объятиях. – Прости, – шептал он, целуя ее волосы. – Я ревнивый дурак. Не хотел, чтобы ты мучилась.

– Врешь.

– Ладно. Не хотел, чтобы ты была счастлива с ним. Но этого я не хотел.

– Я в порядке.

– А я нет. Сам виноват. – Он наклонился, притянул к себе ее лицо. – Переезжай ко мне.

– Что?

– Что слышала.

– Конор! – Она высвободилась из его объятий. – Я ничего не понимаю. Все смешалось. Я загнала себя в тупик и не знаю, как из него выбраться.

– Я знаю. – Он откинул волосы с ее глаз. – Переезжай ко мне.

– Я тебе говорила, у меня...

– Хочешь – на время. Хочешь – навсегда. Как захочешь.

Она замерла, думая, что ослышалась.

– Пусть Мак разбирается, – продолжал он. – Это он втянул тебя во все это. А ты будешь... будешь жить со мной.

– Ты мне ничего не должен.

– Я знаю. Но поверь, я ни о чем другом думать не мог все это время. Представлял, как вы ужинаете вместе, болтаете непринужденно, занимаетесь... – он потер лицо, – черт знает чем. Не вздумай говорить, если это правда. Не хочу знать. Но не думать не мог. Давай забудем все это.

– Давай, – повторила она. – Старый романтик.

Он сказал это. Она ждала этого несколько месяцев, не признаваясь самой себе. Может быть, из-за переживаний прошлого вечера или всех этих недель она не знала, что сказать.

– Конор, это серьезный шаг. Мы оба...

– Запутались. Оба.

– Твое предложение такое заманчивое.

– Я не шучу, Наташа. Я люблю тебя.

Она допила вино.

– Не знаю, что сказать. Все слишком неожиданно.

– Хочешь ночевать в «Холидей-Инн»? Я знал, что ты давно равнодушна к этому заведению. – Он рассмеялся, пожалуй немного неестественно.

Она внезапно почувствовала нежность к нему и потянулась к его руке.

– Я приду сегодня. – Наташа прижалась к нему, дала себя обнять.

Закрыла глаза, а он уткнулся подбородком ей в плечо, не обращая внимания на косые взгляды людей за соседним столиком. – Но давай не будем торопить события.

Глава 16

Оказавшись вблизи противника, необходимо хорошо контролировать лошадь. Это... поможет причинить наибольший урон неприятелю и уберечь от беды себя.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Начиная с вечера понедельника и до сегодняшнего утра Мак в пятнадцатый раз пытался дозвониться до нее и всякий раз попадал на автоответчик. В офисе говорили, что она в суде. Так как секретарь перестала спрашивать, кто звонит, он подозревал, что Наташа велела не соединять его с ней. Он перестал оставлять сообщения. Называл только ее имя и свое имя. Успел уже забыть, что собирался сказать.

Он налил себе еще чашку кофе, кляня Наташин кофейник: как ни старайся, кофе все равно лился мимо. Вдруг вспомнил роскошную блестящую итальянскую кофеварку фирмы «Гаджия», которую им подарили на свадьбу и которая пылилась теперь на каком-то складе в Западном Лондоне. Теперь ему казалось глупостью, что он так решительно хотел забрать то, что считал своим, даже если пользоваться этим не мог. Он обходился без кофеварки целый год, даже не вспоминал о ней. И это было не первое такое открытие за последние несколько дней.

Наверху спала Сара. Вернувшись в понедельник вечером, она сразу ушла в свою комнату, отказалась от ужина и не хотела разговаривать. Старалась не попадаться на глаза, не встречалась с ним взглядом, пряталась у себя в комнате, и он решил, что она его не простила. Было странно, что она вдруг встала на Наташину сторону. Ему хотелось постучаться в дверь, разбудить ее и объяснить, что на самом деле, по сути, Наташа изменила ему первая. Подумав, понял, насколько было бы нелепо разглагольствовать перед четырнадцатилетней девчонкой, пытаясь оправдать собственное поведение.

Вчера она сказала, что больная и провела весь день, запершись в комнате. Осунулась и выглядела бледной. И ей не пришлось долго его уговаривать разрешить не ходить в школу.

В шесть двадцать, через тридцать шесть часов после того, как Наташа ушла из дома, он услышал, как входную дверь отперли ключом. Она бесшумно закрыла за собой дверь, сняла туфли и прошла по прихожей в

чулках. На ней был костюм, в котором она ушла, но теперь под ним была футболка. Наверное, его футболка, подумал Мак.

Они смотрели друг на друга.

– У меня важное дело в суде, – сказала она. – Пришла переодеться и взять зарядку для телефона.

Она была бледна, без макияжа, волосы слегка примяты, как после сна. Выглядела очень усталой.

– Я пытался до тебя дозвониться. Много раз.

Она помахала телефоном:

– Разрядился. Как я сказала, нужно зарядное устройство, – и стала подниматься по ступеням.

– Наташа, пожалуйста, подожди минутку. Нам надо поговорить.

– Не сегодня. У меня нет времени. Должна быть в офисе через час.

– Но нам нужно поговорить. Ты вернешься вечером?

– Буду поздно. – Она остановилась на полпути. – А когда вернусь, мне нужно будет поработать с документами.

– Ты еще сердишься на меня? Из-за Марии?

Она покачала головой. Неубедительно.

Он взбежал вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступени. Обогнал ее. Остановился, глядя на нее сверху вниз.

– Послушай, можно подумать, у тебя нет бойфренда.

– Но я не привожу его сюда, и он не пытается тебя унижить, – парировала она. – Послушай, у меня сейчас нет времени.

– У тебя никогда нет времени. Как тебя могла унижить Мария? Мы с тобой больше не пара. Ты никогда не скрывала, что у тебя есть бойфренд. Что, собственно, произошло? Ты просто с ней встретилась. Согласен, это было не слишком дипломатично, но я это сделал не нарочно. Просчитался. Не ожидал, что ты придешь. Я бы никогда ее не пригласил, если бы знал... – (Она отвела глаза.) – Таш?

Когда она встретилась с ним взглядом, глаза у нее были холодные, а вид побежденный.

– Мак, я больше так не могу. Понятно? Ты выиграл. Живи в доме, пока он не продан. Приводи кого хочешь. Мне уже все равно.

– Что тебе все равно?

– Всем было бы лучше, если бы мы покончили с этим сейчас.

– Эй, эй, ты что, уходишь? – Мак расставил руки, не давая ей пройти. – А мне что делать? А Сара? Ты же знаешь, мне одному не справиться.

– Я уйду, как только ей найдут новую семью. В любом случае ей пришлось бы переехать через пару недель. Просто это случится чуть

раньше.

– Подождать немного не можешь? Хоть эту пару недель?

Когда она заговорила, ее слова звучали так, будто она долго репетировала.

– Ты хорошо знаешь, так же как и я, что ее дедушка поправляется медленно. Ей нужна нормальная семья, которая будет заботиться о ней подобающе. Где ее не будут использовать в качестве буфера между двумя взрослыми людьми, которые явно не способны общаться друг с другом как взрослые люди.

– Ты так это видишь?

– А ты иначе?

Она поднялась на одну ступеньку, и ему пришлось отступить назад, чтобы они не касались друг друга. Осознавая свое преимущество, она поднялась еще на ступеньку.

– А лошадь?

– Хочешь верь, хочешь нет, Мак, но меньше всего меня сейчас интересует лошадь.

– Ты можешь вот так ее бросить?

– Не смей! Не смей использовать ее! Речь идет о тебе и обо мне. Не важно, как мы ведем себя перед ней или кем-то еще, мы никогда не станем счастливой семьей, Мак, и ты это знаешь. – Она так сильно сжала перила, что у нее побелели костяшки пальцев. – Я думала об этом последние тридцать шесть часов. Нам не следовало брать ее в дом, когда дома как такового у нас не было. Мы виноваты перед ней за то, что делали вид, будто все хорошо.

– Ты так думаешь.

– Не думаю, а знаю. Пришло время быть честными. С ней и друг с другом. А теперь извини, но мне и правда нужно переодеться. – Она протиснулась мимо него и начала подниматься.

– Таш... – (Она не оборачивалась.) – Таш, давай не будем так заканчивать. – Он потянулся к ней. – Прости. Я совершил ошибку.

Она повернулась. На лице буря эмоций – гнев, обида, печаль.

– А ты как хотел бы это закончить?

– Не знаю. Все это так неприятно. Неприятно... видеть тебя такой. Я думал, мы...

– Что думал? Что мы нежно помашем друг другу рукой и уплывем под парусом в сторону заката?

– Я не...

– Мак, развод – неприятное дело. Знаешь что? Ты не сможешь

нравиться всем подряд. Иногда твое неотразимое обаяние не будет действовать. И...

– Таш...

Она тяжело вздохнула и содрогнулась:

– И я тебя не выношу.

Внизу подъехала машина. Из нее доносилась слишком громкая музыка для столь раннего часа. Они стояли на лестнице почти вплотную друг к другу и не могли сдвинуться с места. Мак понимал, что должен спуститься, но ноги не слушались. Он чувствовал запах духов и не узнавал их. Видел ее руку, по-прежнему сжимавшую перила, – ей была необходима опора.

– Знаешь, что хуже всего? – (Он ждал очередного словесного удара.) – Знаешь, что невыносимо? – (Он молчал.) – Я чувствую себя так, как когда-то, до того как ты стал для меня главным. – У нее дрогнул голос.

Тяжело ступая, она прошла в свою комнату.

Наверху Сара бросилась с лестничной площадки к себе в комнату. В ушах звучали слова Наташи. Все рушилось. Наташа уходит, и ей тоже придется уйти. «Нам не следовало брать ее в дом». Она не все разобрала из того, что они говорили, но услышала достаточно. Посмотрела на свое отражение в зеркале. На ней был ее самый теплый, самый толстый свитер, под джинсами шерстяные колготки. Но ей все равно было холодно. Неужели ее встретит после школы Рут, а на заднем сиденье будут лежать черные сумки с вещами? Неужели ее снова куда-то повезут? У них даже не хватило смелости сказать ей.

Сара сидела на полу у кровати и терла глаза, чтобы не расплакаться. Весь предыдущий день и всю ночь она чувствовала руки Саля на своей коже, в ушах звучали его отвратительные слова. Она натерла себя Наташиными дорогими кремами и лосьонами, пытаясь избавиться от его запаха, от невидимого следа, который оставил его рот. Она содрогалась от мысли, что кто-нибудь может наткнуться на ее лифчик, который остался в стойле Бо. Отчего-то больше всего ее огорчала мысль, что он лежит там на соломе.

Она слышала, как в соседней комнате Наташа выдвигала и задвигала ящики в гардеробной.

Придется сказать Папá. Она не пойдет в школу, а после конюшни скажет: ей необходимо, чтобы он вернулся домой, что он *должен* вернуться домой. Она будет за ним ухаживать, что бы они там ни говорили. Это единственный выход. Если Саль узнает, что Папá вернулся, он оставит ее в покое.

Наташа постучала в дверь:

– Сара?

Она села на кровать, напустила равнодушный вид:

– Привет.

Лицо Наташи было в пятнах, кожа бледная от недостатка сна.

– Просто хотела сказать, что очень занята и могу прийти поздно.

Поболтаем позже, ладно?

Сара кивнула. Поболтаем. Перемолвимся парой слов, а потом я выброшу тебя на помойку.

Наташа посмотрела на нее внимательно:

– Все в порядке?

– Да.

– Хорошо. Как я сказала, сегодня вечером. Мы втроем. И звони мне, если что. Ты знаешь номер моего мобильного. – И ушла.

Сара слышала, как что-то ударилось о входную дверь. Через десять минут, бесшумно спустившись по лестнице, она нашла ботинок Мака.

Перед конным двором красовался внедорожник Саля – сияющий, с широким капотом. При виде его у Сары скрутило живот, и она скрестила руки на груди, словно это могло ее защитить. Она тяжело вздохнула и подняла воротник, потом прошла в ворота.

Он был в дальнем конце двора, разговаривал с Ральфом и парочкой своих дружков. Они грели руки у жаровни и пили кофе из пластиковых стаканчиков. Увидев ее, Ральф стал оглаживать лошадь Саля. Она надеялась, это не означает, что он не покормил вчера Бо. Сара не пришла в конюшню, решив, что, может быть, Саль остынет за сутки.

Это была не единственная причина, но, возможно, она зря волновалась. Саль даже не взглянул на нее, хотя наверняка слышал, как она закрывала за собой ворота. Она молила Бога, чтобы он ее не заметил. Может быть, он решил, что лучше сделать вид, будто в тот вечер ничего не было. Возможно, ему было неловко. Хотя в глубине души она понимала, что неловкость – это не про Саля.

Сара прошла в кладовую, сняла школьные туфли и надела сапоги для верховой езды, прислушиваясь к разговору на другом конце двора. Пожалуйста, только не приходи сюда. Она возилась с пуговицами пальто. Надо переодеться и выйти до того, как он придет. Она приготовила корм для Бо, наполнила сетку сеном, перекинула ее через плечо и быстрым шагом направилась к стойлу, опустив голову и ни на кого не глядя.

Сара не сразу заметила, что дверь стойла открыта. Опустила сетку с

сеном.

Бо в стойле не было.

Дверь открыта настежь, на соломенной подстилке помет. Она огляделась. Почему его перевели в другое стойло?

Пошла проверять другие стойла. Лошади высовывали головы: пегие, гнедые. Бо не было. У нее сжалось горло, и ее охватила паника. Почти бегом она бросилась к мужчинам. Беспокойство пересилило страх перед Салем.

– Где Бо? – Она пыталась говорить спокойным голосом.

– Какой Бо? – Саль даже не повернулся.

– Бо-бо, – пробормотал какой-то мужчина и противно засмеялся.

– Где он? Вы его куда-то перевели?

– Кошка, что ли, где-то застряла? Слышу какой-то противный звук. – Саль приложил руку к уху. – Вроде мяуканья.

Она обошла группу мужчин и встала перед ним. Она учащенно дышала, ею все больше овладевала паника, выступил холодный пот.

– Где он? Куда вы его дели? Это не смешно, Саль.

– А я что – смеюсь?

Она схватила его за рукав. Он стряхнул ее руку.

– Где моя лошадь?

– Твоя лошадь?

– Ну да, моя лошадь.

– Я продал свою лошадь, если ты это имеешь в виду.

Она покачала головой, нахмурилась.

– Я продал свою лошадь. У тебя нет лошади.

– О чем вы говорите?

Он полез в карман и достал книжку в кожаном переплете, открыл ее, перелистал страницы и показал ей:

– Аренда за восемь недель, которую ты мне задолжала. Восемь недель. Плюс сено и корм. По условиям контракта, если ты не платишь восемь недель, лошадь переходит ко мне. Я ее продал, чтобы компенсировать долг.

У нее зазвенело в ушах, и она перестала слышать другие звуки. Земля закачалась у нее под ногами, будто она стояла на палубе корабля. Она ждала, что он скажет, будто пошутил. Но его лицо говорило об обратном.

– Я продал твою лошадь, Сара, если ты еще этого не поняла.

– Вы не могли его продать! У вас нет права! Какой контракт? О чем вы?

Он склонил голову набок:

– У всех есть копия договора. Твоя – у тебя в кладовой. Ты ее,

вероятно, не заметила. Я осуществляю свои законные права как собственник двора.

Глаза у него были холодные, как стоячая черная вода. Они смотрели сквозь нее, будто ее не существовало. Она взглянула на Ральфа. Тот пинал бульжник. Все было правдой. Она поняла это по тому, как он прятал глаза.

Она повернулась к Салю. Мысли путались.

– Послушайте. Простите меня за долг. Простите за все. Я найду деньги. Найду завтра. Только верните его. Я сделаю все что угодно.

Ей было все равно, что они слышат. Она сделает то, что хочет Саль. Она украдет деньги у Макколи. Она пойдет на все.

– Ты что, не поняла? – Тон стал грубым и неприятным. – Я его продал, Сара. Даже если бы захотел его вернуть, это невозможно.

– Кому? Кому вы его продали? Где он? – Она вцепилась в него обеими руками.

Он оторвал ее от себя:

– Это не моя проблема. Надеюсь, в другой раз ты будешь аккуратнее выполнять свои финансовые обязательства. – Саль полез в карман. – Знаешь, много за него не дали. Плохой нрав. Как у хозяйки. – Он повернулся к друзьям, ожидая, что они одобрительно засмеются. – Вот что осталось за вычетом долга.

Она стояла, отказываясь верить в то, что происходит. Он отсчитал пять двадцатифунтовых купюр и протянул ей:

– В расчете, Циркачка. Ищи себе нового пони для трюков.

По ухмылкам на лицах мужчин она поняла: он никогда не скажет, кому продал Бо. Она его разозлила, и он ей отомстил.

У нее подкосились ноги. Она доплелась до своей кладовой и села на тюк сена. Посмотрела на свои дрожащие руки. Потом застонала. В углу на стене в слабом свете за дверью белел лист бумаги с машинописным текстом – так называемый контракт с условиями. Наверное, он повесил его вчера.

Она уронила голову на колени, обхватила их руками, представляя своего Бо, напуганного, на грузовике, едущим над каким-нибудь мостом, глаза широко открыты, голова задрана от страха. У Сары стучали зубы. Она подняла голову и через щель в двери увидела разговаривающих мужчин, которые время от времени прыскали со смеху.

– Бо-бо! – визжал какой-то из них.

Другой бросил сигарету и загасил ее каблуком. Ральф бросал взгляды в сторону кладовой. Наверное, он видел, как она сидела там, скорчившись. Потом и он отвернулся.

– Хорошая работа, – сказал Харрингтон, когда они выходили из зала суда номер четыре. – Как ты здорово разгромила этого свидетеля! Легко. Хорошее начало.

Наташа протянула Бену бумаги и сняла парик. Она все еще чувствовала прилив адреналина, и у нее зачесалась голова. Вынула шпильки и положила в карман.

– Завтра будет труднее.

Бен порылся в папках и протянул ей одну:

– Отчеты другого бухгалтера, которые мы ждали. Боюсь, ничего нового там нет, но кто его знает.

– Посмотрю вечером.

По коридору шел Конор. Он подмигнул ей. Она подождала, пока Бен полностью не погрузится в разговор с Харрингтоном, и пошла ему навстречу.

– Как прошло? – Он поцеловал ее в щеку.

– Неплохо. Харрингтон разбил бо́льшую часть их финансовых претензий.

– За это ему и платят. Хочешь сначала заехать в офис?

– Нет, у меня есть все, что нужно. – Она взглянула на Бена. – Пойдем.

Он взял ее под руку жестом собственника, что было для него необычно.

– Планы на вечер в силе?

Она вспомнила Мака на лестнице. «У тебя есть бойфренд. С чего тебя должна беспокоить Мария?»

– Не смогу остаться. – Наташа накинула пальто. – Сказала Саре, нам надо обсудить будущее. Но ванна и бокал вина мне не повредят. Потом займусь неприятным.

Он остановился:

– Вино обещаю, ванну нет. – (Она была ошарашена.) – Я мальчиков пригласил. Подумал, надо вас познакомить.

– Сегодня? – Наташа с трудом смогла скрыть смятение.

– Мы долго этого ждали. Объяснился с их матерью. Я думал, ты обрадуешься.

– Конор... – вздохнула Наташа, – у меня сложный процесс в разгаре. Лучше бы нам познакомиться, когда я... буду не так занята.

– Дока, тебе ничего не надо делать. – Конор не сдавался. – Просто улыбайся. Будь собой. Будет достаточно одного твоего присутствия. Черт, принимай свою ванну. Мы будем валять дурака в гостиной. Ты у нас

будешь вроде мебели. – (Она улыбнулась.) – Мы дадим тебе немного отдохнуть, а потом поставим на четвереньки, и ты будешь изображать лошадь.

Слово «лошадь» ее задело, но он продолжал улыбаться, видимо представляя, как они вчетвером возятся в гостиной. Она подумала о Саре, о предстоящем разговоре, о том, что он для нее будет означать.

– Готовлю я. Тебе очень, очень повезло. – Конор вел ее к выходу. – Как тебе рыбные палочки на белом хлебе с кетчупом?

Сара даже не видела маршрута, обозначенного над лобовым стеклом автобуса. Она сидела на остановке около часа, глядя на проезжающие автобусы, слушая, как они тормозят, чтобы выплунуть одну группу пассажиров и проглотить другую. В темноте вспыхивали их стоп-сигналы. Глаза были мокрыми от слез, руки и ноги одеревенели от холода. Как будто ее парализовало. Не могла решить, в какой автобус сесть, даже если бы видела маршрут.

Все потеряно. Папá не вернется. Бо не вернется. У нее не было ни дома, ни семьи. Закутавшись в пальто, она сидела на холодной лавке из пластика, не обращая внимания на равнодушные взгляды тех, кто приходил, ждал и уезжал, чтобы продолжить свою жизнь.

Ее позвали по имени дважды, прежде чем она услышала: боль ее оглушила.

– Сара? – Перед ней стоял Ральф, с сигаретой в углу рта. – Ты в порядке?

Она была не в силах ответить. Удивилась, что он вообще с ней заговорил.

Он прошел в угол, чтобы спрятаться под навесом и загородиться стоящими в очереди людьми.

– Мне жаль. Я тут ни при чем.

Она молчала. Она вообще не знала, сможет ли когда-нибудь говорить.

– Это было вчера. Он сказал, ты должна ему кучу денег. Я попытался его отговорить, но ты сама знаешь, какой он... Не знаю, что ты ему сделала, но он страшно разозлился.

Сара слышала, что лошадей отправляют за границу. В переполненных грузовиках, без еды и воды. Некоторые так ослабевают, что только бока соседей не дают им упасть. По ее щеке скатилась слеза.

– Ладно. – Он сплюнул на тротуар, и чернокожая женщина бросила на него гневный взгляд. – Если я тебе кое-что скажу, ты ведь меня не выдашь? – (Она медленно подняла голову.) – Он ведь догадается, что это я

тебе сказал. Поэтому на дворе или на улице я с тобой разговаривать не буду. Буду вести себя так, точно тебя не знаю. Договорились?

Она кивнула. В душе зажглась надежда.

Он посмотрел на нее, оглянулся, затянулся сигаретой. Когда он выдохнул, было трудно сказать, дым это или пар от его дыхания.

– Он в Степни. За парковкой. Его получили Пайки. Саль собирается устроить бега. Серая кобыла против его. Послезавтра. Он и гнедой рысак.

– Но Бо не может везти двуколку! Его никогда в жизни не запрягали!

Ральф смутился:

– Теперь придется. Саль запряг его в двуколку и гонял до завтрака. – Он пожал плечами. – У него неплохо получалось. Ехал не так быстро, как гнедая кобылка, но не брыкался, ничего такого.

Все эти тренировки на длинных поводьях, рассеянно подумала Сара. Он будет делать все, что велит ему Саль.

– Где будет заезд?

– Как обычно. Под эстакадой. В шесть тридцать.

– Что я могу сделать? Как мне его вернуть?

– Ничем не могу тебе помочь. Я и так сказал слишком много. – Он собрался уходить.

– Ральф, пожалуйста, помоги мне! – Она схватила его за рукав, мысли лихорадочно проносились у нее в мозгу. – Пожалуйста! – (Он покачал головой.) – Мне одной не справиться.

Сара по-прежнему напряженно думала, засунув руку в карман. Ральф курил, делая вид, что она к нему не прикасалась.

– Мне пора, – сказал он наконец. – Должен быть в одном месте.

– Послушай, давай встретимся где-нибудь. Не на месте гонок, там, где Саль тебя не увидит. Позади мебельной фабрики. Захвати седло и уздечку Бо. – Она достала ключи от двора и вложила в его руку. – Вот. Ты можешь их принести задолго до приезда Саля.

– Зачем они тебе?

– Чтобы ехать верхом.

– Что? Ты собираешься его похитить? Ускакать на нем? Пожалуйста, мистер, отдайте мне мою лошадку?

– Не важно. Просто приди туда.

– Не-а. Мне-то какая выгода? Если Саль узнает, что я тебе помог, он меня побьет.

Она не выпускала его руку. Понижила голос, чтобы пассажиры ее не слышали:

– Золотая кредитка.

Он засмеялся:

– Да ладно!

– И пин-код. Обещаю, Ральф. Поверь мне. Там полно денег. Сможешь снять кучу, пока карту не заблокируют. Может, тысячи.

Он всмотрелся в ее лицо, потом выдернул руку:

– Смотри без обмана.

– Обещай, что будешь там. Иначе сделка не состоится.

Он снова оглянулся. Поплевал себе на ладонь и протянул ей руку:

– В пятницу утром у мебельной фабрики. Если не придешь до семи, выхожу из игры.

– Похоже на козявки. – Лиам поковырял пасту вилок и наморщил нос.

– Вовсе нет, – спокойно сказал Конор. – Джозеф, дорогой, перестань пинать ножку стола. У нас так все напитки расплещутся.

– И на вкус как козявки, – настаивал Лиам, бросив взгляд на Наташу.

– Это из-за соуса песто. Ваша мама говорит, вы его любите.

– *Этот* соус песто мне не нравится. – Джозеф решительно оттолкнул тарелку.

Наташа вовремя подхватила стакан, не дав его содержимому вылиться в ее тарелку с пастой.

Мальчики не захотели есть папины рыбные палочки. Они хотели пойти в пиццерию. За неполный час, проведенный там, Наташа и Конор едва обменялись парой слов, только заказали напитки.

– Джозеф, сядь прямо, пожалуйста. Я знаю, дома ты так не сидишь.

– Но это же не дом.

– Это ресторан, поэтому еще важнее, чтобы ты сидел прямо.

– Мне эти стулья не нравятся. Я съезжаю.

Наташа наблюдала, как Конор в четырнадцатый раз пытается выпрямить своего младшего сына на стуле, и поражалась его терпению. Ужинать с его сыновьями было все равно что управлять косяком рыб и одновременно вести переговоры с предводителями двух враждующих балканских фракций. Как только был урегулирован один вопрос, начиналась новая война. По поводу чесночного хлеба, или салфеток, или слишком скользкого стула. Все это было направлено против отца. Ее они не замечали и не вовлекали в общий разговор.

Мать настроила их? Велела собрать информацию о подруге папы? Или Наташа стала объектом ненависти задолго до того, как они встретились?

Она почувствовала взгляд Лиамы и натужно улыбнулась, пытаясь не думать, сколько времени у нее займет работа над документами, которые

будут нужны на завтрашнем слушании. Она вытерла рот салфеткой.

– Вам нравится паровозик Томас? Моему племяннику нравится.

– Не нравится, – презрительно сказал Лиам. – Это для малышей.

– Но есть прекрасные наборы с Томасом и его друзьями, для взрослых.

Я такие видела. – (Они смотрели на нее пустыми глазами.) – А что вам тогда нравится? – весело спросила она. – Чем вы увлекаетесь?

– Гонять на велосипедах, да? – помог Конор. – И играть в компьютерные игры.

– Джозеф сломал мою игровую приставку, – заявил Лиам, – а мама говорит, у нас нет денег на починку.

– Ничего я не ломал! – возмутился Джозеф и добавил мрачно, еле слышно: – Идиот.

– Мама говорит, у нас нет денег. На развлечения.

– Это неправда, – сказал Конор. – Я даю маме кучу денег. А если вам что-то нужно, скажите мне. Вы же знаете, я всегда сделаю все, что в моих силах.

– Мама говорит, ты отделяешься минимумом.

– Я хочу «нинтендо», – заявил Лиам. – У всех в школе есть.

– Уверен, это не так, – строго возразил Конор.

– Нет, так.

– А моим племянникам и племянницам вообще не разрешают играть в компьютерные игры, – вставила Наташа. – И ничего.

– Они дураки.

Она вздохнула и подцепила на вилку пасту.

– Хватит, мальчики. Расскажем Наташе, как мы веселимся. Иногда катаемся на велосипедах в Ричмонд-парке, да? Мы ведь любим кататься на велосипедах.

– Нет, – заявил Джозеф. – Ты кричал на меня, когда я ехал недостаточно быстро.

– Джо, я не кричал на тебя. Просто мне нужно было тебя видеть.

– У тебя большие колеса, а у меня маленькие.

– Еще нам нравится кататься на коньках, – продолжал Конор.

– Ты же говорил, это была обдираловка, – сказал Лиам.

– Согласен, это было дороговато. – Конор бросил на нее взгляд. – Но мы все равно хорошо провели время.

– Вы с мамой только и ссоритесь из-за денег, – печально сказал Джозеф.

У Наташи окончательно пропал аппетит. Она свернула салфетку и положила ее рядом с тарелкой.

– Мальчики... – она надела жакет, – рада была с вами познакомиться, но, боюсь, мне пора.

– Уже? – Конор взял ее за руку.

– Почти восемь, ты знаешь, у меня завтра трудный день.

– Я думал, ты еще побудешь. Раз выдалась такая возможность.

– Конор...

– Через полчаса я отвезу их домой. Не так уж долго осталось.

– Послушай, – понизила она голос, – поставь себя на место Сары. Она ребенок. И ее собираются перевести в четвертую семью за несколько месяцев. У нас с твоими мальчиками впереди еще куча возможностей. – Она украдкой взяла его за руку, зная, что мальчики смотрят. – Может быть, не стоит затягивать первую встречу. У меня будет еще время лучше узнать твоих мальчиков. Сперва я должна решить свои проблемы. Я ее взяла. Не могу же я ее так бросить.

– Конечно, – резко ответил он и вернулся к еде, пока она снимала сумку со спинки стула. – Мак тоже будет?

– Понятия не имею.

– Конечно. Само собой.

Задолго до того, как он стал фотографом, Мак разработал жизненную стратегию, которая если не предвещала его карьеру, то хотя бы намекала на склонность к ней. Когда он попадал в неприятные или слишком волнительные положения, если ему не хотелось решать стоящую перед ним проблему, он мысленно уменьшал громкость и смотрел на картину как бы издали, как художник. Реальные эмоции обрабатывались его внутренними линзами и превращались в красивую композицию, игру света и линий. Когда ему было двадцать три, он так видел тело своего отца в гробу. Знакомое лицо, застывшее и холодное, будто давно забытое. Он поместил его в рамку, наблюдая со стороны, как смерть расслабила мышцы и сняла напряжение, сделав лицо бессмертным. После второго выкидыша Наташа лежала на кровати, свернувшись под одеялом, бессознательно приняв позу зародыша, которого потеряла. Она уже отвернулась от него, закрылась. Он ощущал ее потерю, пока это не стало невыносимым. Тогда он сосредоточился на игре света на покрывале, на прядях ее волос, на туманности раннего утра.

Он делал то же самое теперь, глядя на двух женщин перед ним. Старшая, в деловом костюме, сидела на краешке дивана и объясняла младшей, почему завтра утром она должна уйти из дома навсегда и почему девочка должна отправиться в другую, более подходящую семью.

Сара не кричала, ни о чем не просила, не умоляла, как он боялся. Просто слушала Наташу и кивала. Не задавала вопросов. Возможно, ждала этого с самого начала, когда только приехала. Возможно, он ошибался, думая, что у них все получится.

Он смотрел на Наташу. На фоне светлых подушек она сидела неестественно прямо. Казалось, над ней пронеслась гроза и небо еще не очистилось до конца, но было синим, открывая горизонт. Она освободилась, подумал он. Несмотря на то что я сделал тогда ночью, я освободил ее. Ему вдруг стало больно от этой мысли. И он понял, что из всех троих он воспринимал положение наиболее остро. И с трудом сдерживал слезы.

– Сара, мы что-нибудь придумаем, – сказал он, когда в комнате воцарилась тишина. – Я заплачу за содержание лошади, если надо. Мы тебя не бросим.

– Хорошо. – Наконец Наташа встала и взглянула ему в лицо. – Мы все прояснили. Все понимают, что происходит. Не возражаете, если я пойду и соберу вещи?

Женщина чуть ниже среднего роста, тридцатипятилетняя, практически без макияжа, волосы не причесаны с утра. Не модель, не стилист, не образец классической красоты. Мак смотрел, как она уходит. Сара дипломатично сосредоточила взгляд на Наташиной сумочке.

– Ты в порядке? – спросил он.

Наверху слышались Наташины шаги.

– Нормально, – спокойно сказала Сара. – Знаете, я проголодалась немного.

– Ужин. – Он натужно улыбнулся. – А я-то гадал, что такое я забыл? Пойду что-нибудь приготовлю. Подождешь?

– Я сейчас приду.

Сара будто догадалась, что ему надо побыть одному. По крайней мере, ему так тогда показалось. Позже он понял, что все было иначе.

Глава 17

В моменты опасности хозяин жертвует своей жизнью, чтобы спасти жизнь своей лошади.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Сара стояла за припаркованным фургоном в ста ярдах от пересечения двух эстакад. От ее дыхания в воздухе висели клубы пара, но она этого не замечала. Она стояла так уже полчаса, у нее замерзли ноги, под моросящим дождем куртка совсем промокла. На безлюдной дороге горел фонарь; здесь кончались болота и начинался город под сетью пилонов, отмечающих неотвратимое наступление цивилизации.

Надежда почти покинула ее, когда наконец показались грузовики. Она переступала с ноги на ногу, тяжелый рюкзак давил на плечи. Вот пассажиры начали выгружаться на подъездную дорогу. Ей было хорошо видно, как приятели Мальтийца Саля хлопали в ладоши на холоде, смеялись и угощали друг друга сигаретами, как зрители заполняли пространство. Это был большой заезд, самый большой из всех на ее памяти. Боковая дорога быстро заполнялась автомашинами, из них выходили новые зрители. Несмотря на ранний час и унылый пейзаж, атмосфера наполнялась радостным ожиданием. Здесь будет финиш общей гонки и начало ее собственной. Она смотрела на всех этих людей, на машины и дрожала. Сунула руку в карман и сжала пластиковую карту, свою спасительницу.

Было без двадцати пяти семь.

Она попыталась пошевелить пальцами на ногах, гадая, можно ли бежать, если не чувствуешь ног. Мужчины стояли небольшими группами, некоторые раскрыли яркие зонтики. Непринужденно болтали, будто собрались в столь ранний час, чтобы обменяться новостями. Она три раза спрашивала Ральфа, уверен ли он, и каждый раз тот божился, что уверен. Но можно ли ему верить? Может ли его дружеское расположение к ней пересилить преклонение перед Мальтийцем Салем? А вдруг это ловушка? Сара вспомнила, как он отвернулся от нее на дворе. Ральф жил по собственным правилам, странным и своекорыстным. Ненадежный он человек. Но ей приходилось ему верить, другого выхода не было.

Заурчало в животе. Было почти без двадцати семь. Они давно уже

должны были появиться. Наверное, поменялся план. Это был другой заезд. Бо не приедет, подумала она, и у нее упало сердце. Она не знала, что делать, если он не появится, запасного плана у нее не было. Уйдя из дома Макколи, она сожгла за собой мосты. Она подумала о Маке и Наташе. Наверное, они уже проснулись. Как быстро они поймут, что она натворила?

Мимо медленно проехала машина; водитель с удивлением посмотрел на нее через ветровое стекло, по которому медленно ползали щетки дворников. Сара прикинулась, будто ищет что-то в кармане, стараясь выглядеть как обычный человек, который направляется по своим обычным делам.

Без девятнадцати минут семь.

– На этих болотах больше зелени, чем у вас, ребята. – Ветер донес до нее знакомый голос. – Кладите свои деньжата туда, где у вас рты.

Ковбой Джон неторопливо шел вдоль автомобилей в своей старой шляпе, блестящей от дождя. Протягивал руку, здороваясь. Ей был виден огонек его горящей сигареты.

– Ты сюда прямо из аэропорта? Разница во времени помутила тебе разум, Ковбой?

– Не беспокойся за мой разум. Лучше подумай о ногах этой лошади. Я видал собак на трех лапах, которые бегали быстрее, чем твоя кляча. – (Послышался смех.) – Они еще не начали? Саль прислал мне сообщение. Там сказано, вы, парни, начинаете в шесть тридцать. Надо было бы остаться в постели, но эта чертова разница во времени совсем расшатала мой организм.

– Старт у Олд-Экс. Вот-вот будут здесь.

Сара резко подняла голову: долетел гудок автомобиля и чей-то крик.

Как по сигналу, наверху стих шум транспорта. Все как будто замерло. Мужчины стояли не шевелясь, потом бросились к мокрой подъездной дороге, чтобы лучше видеть. Вначале появилась точка, потом фигура обрела очертания – вот он бежит рысью по эстакаде над их головами, зажатый между оглоблями голубой двуколки. Задрал в беспокойстве голову, когда седой мужчина с толстой шеей, сидящий в повозке, резко дернул поводья. Серая кобылка Мальтийца Салья бежала на некотором расстоянии. Проезжая мимо, Саль нагнул вперед, выкрикивая ругательства.

Она не могла отвести глаз от своей лошади, от ее могучего мускулистого тела, зажатого между оглоблями. Ноги едва касались твердого асфальта. На Бо надели шоры, и он казался слепым и беззащитным, будто его держат в заложниках. Двуколки съехали с шоссе и на миг исчезли из виду, потом, сделав петлю, вернулись и подкатили к

собравшимся. На эстакаде снова слышался гул автомобилей. Мужчины устремились к подъездной дороге им навстречу. Сара спряталась за белым грузовиком и замерла. Она наблюдала, как обе лошади бежали по боковой дороге под огромными бетонными колоннами. Слышались приветственные крики, хлопанье дверцами, возмущенные возгласы. Бо мчался, не зная, останавливаться ему или нет. Возница резко дернул поводья, и конь чуть не завалился назад.

– Святой угодник! – слышался голос Ковбоя Джона. – А он-то что здесь делает?

Вдруг у нее ничего не получится? Вдруг все пойдет не так? Воздух из легких поднялся к горлу и остановился. Она выдохнула, и ее охватила дрожь. Думай. Оценивай. Сара провела бессонную ночь, читая наставления Ксенофонта кавалеристам. Вспомнила одну фразу: «Полезно заранее оценить положение неприятеля, лучше всего на возможно далеком расстоянии».

Она переступала с ноги на ногу, скрываясь за белым фургоном, не сводя глаз с лошади. Бо, я здесь, сказала она ему и приготовилась действовать.

Мак слышал, как Наташа включила душ, и посмотрел на часы. Не поверил, что еще так рано. Полежал немного, силясь сообразить, что должен сделать. Потом вспомнил, что это было особое утро. Она уходила. Вот в чем дело. Все заканчивалось.

Он сел. Бежала вода в душе, еле слышно работала вытяжка. Она хотела уйти как можно незаметнее.

– Когда нужно будет съезжать, я приду разобраться с вещами, – сказала она накануне вечером, когда Сара ушла спать. – Что-то можно перевезти, что-то выставить на продажу. Как ты решишь, мне все равно. И если хочешь, я могу сама поговорить с социальным работником. Но жить здесь я больше не стану. – Не глядя на него, она снимала какие-то книги с полки.

– Таш, ты не обязана это делать, – тихо сказал он.

Она пропустила его слова мимо ушей.

– Мак, у меня большой процесс. Самый серьезный за всю мою карьеру. Мне нужно сосредоточиться.

В ее голосе не было ни злобы, ни гнева. Такую Наташу он ненавидел: закрытую, неприступную версию своей жены. Эта холодная напускная вежливость говорила обо всех его ошибках, которые он допустил за время их брака.

Раздался звонок в дверь, резкий и настойчивый. Почтальон? В такой

ранний час? Наташа не услышит его из-за шума воды. Вздыхнув, Мак натянул футболку и пошел вниз.

Перед ним на пороге стоял Конор, в дорогом костюме, с чисто выбритым подбородком. Не в первый раз Мак почувствовал к нему неприязнь.

– Мак, – спокойно произнес Конор.

– Конор. – Он не собирался ему подыгрывать, стоял и ждал.

– Я приехал забрать Наташу.

Забрать ее. Словно она была чем-то, что он давал взаймы. Мак помедлил, потом отступил, пропуская его, с горькой обидой ощущая каждый свой шаг. Конор уверенно прошел в дом, будто имел право. Повернул в гостиную и уселся на диван, словно это было привычным для него делом. Раскрыл газету.

– Прости, что не останусь поболтать. – Мак кусал губу. – Скажу жене, что ты пришел.

Поднялся по лестнице, испытывая жгучий гнев. Конор уселся на диване, выбранном и оплаченном Маком, и ждал, когда можно будет увести его жену. Но, испытывая возмущение пещерного человека, Мак вдруг вспомнил Марию – полуодетую, с двумя бокалами вина. Ее плохо скрываемое торжество и Наташину боль.

Воду в душе выключили. Мак постучал в дверь, подождал. Тишина. Постучал еще раз и заглянул внутрь:

– Таш?

Он увидел ее отражение. Она стояла перед зеркалом, завернувшись в полотенце. На плечах капли воды от мокрых волос. Она вздрогнула, когда он вошел, и прижала руку к шее, как бы защищаясь. Еще один укор.

– Я стучался.

По комнате были разбросаны полусобранные чемоданы. Еще немного, и свобода, подумал он.

– Прости, не слышала. Все думаю о деле...

– Конор внизу.

– Я его не ждала. – Наташа удивилась.

– Тем не менее он внизу, ждет, когда тебя можно будет забрать. – Вышло немного саркастически.

– Ох! – Она взяла халат с кровати и надела. Нагнулась, вытерла волосы полотенцем. – Скажи ему... Впрочем, ничего не говори.

Мак провел пальцами по краю открытого чемодана. Многие ее вещи он видел впервые.

– Ну вот и все. Ты уходишь.

– Ага. Как ты когда-то, – сказала она весело. – Сара встала?
– Не проверял еще.
– Забыла сказать вчера, ей надо подписать какую-то анкету. Какая-то школьная экскурсия.

– Я ей скажу.

Наташа разложила костюм на кровати. Примерила к темно-синему жакету одну блузку, потом другую. Когда они были женаты, она всегда спрашивала его совета по поводу сочетаемости, а потом выбирала что-то другое. Только поженившись, они шутили над этим.

Он сложил руки на груди:

– Куда переправлять твою почту?

– Не нужно, я буду заходить. Просто позвони, если что-нибудь срочное. Что ты решил насчет социальных органов? Хочешь, позвоню им, когда освобожусь после суда?

– Нет. Сначала поговорю с Сарой. Надо определиться, когда будет... – Он хотел сказать «лучше», но вспомнил, что лучше Саре уже не будет. – Таш...

– Что? – Она стояла к нему спиной.

– Не нравится мне все это. Понимаю, ситуация слишком усложнилась, но я не вижу причин, почему все должно кончиться именно так.

– Мак, мы уже говорили об этом.

– Нет. Мы прожили под одной крышей почти два месяца, но так ни о чем и не поговорили. О том, что произошло между нами, или о том, что... черт...

Он резко обернулся. На пороге стоял Конор:

– Подумал, тебе нужно помочь с чемоданами.

Он еще и лосьоном после бритья пользуется, отметил Мак. Кто пользуется лосьоном после бритья в такое время суток?

– Наташа, взять чемоданы, что на кровати?

Она хотела ответить, но Мак перебил ее:

– Если не трудно, было бы лучше, если бы ты подождал внизу. – Он встал перед Конором.

Повисла долгая тяжелая пауза.

– Я хочу взять Наташины чемоданы.

– Это моя спальня, – сказал Мак медленно, – и я прошу тебя выйти.

– Строго говоря, не думаю...

– Слушай, приятель! – обратился к нему Мак, испытывая плохо скрываемое возмущение. – Наполовину это мой дом. Я вежливо прошу тебя удалиться из моей спальни – нашей спальни – и ждать внизу. Я хочу

закончить личный разговор с женщиной, которая, по крайней мере теоретически, остается моей женой. Не возражаешь?

Наташа перестала расчесывать волосы. Перевела взгляд с одного на другого. Незаметно кивнула Конору.

– Сложу сиденья в машине. – Конор вышел, нарочито крутя на пальце ключи.

В комнате стало очень тихо. В ванной со щелчком отключилась вытяжка.

Сердце стало биться ровнее.

– Ну вот и все. – Мак попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

Он чувствовал себя глупо.

Ее лицо было непроницаемо.

– Да. – Она стиснула зубы, продолжая собираться. – Мак, если не возражаешь, мне надо закончить сборы. Позвони вечером, когда вы с Сарой договоритесь о времени.

Потом взяла костюм и исчезла в ванной.

В этом заезде участвовали две лошади: кобыла Саля и Бо. Ральф сказал, что победы Бо никто не ожидал. Несмотря на его внешность, против него поставили большие деньги. Мало кто верил, что он придет первым.

Сара видела, как жокей спрыгнул с двуколки, сжал в руках поводья и с силой пнул коня в бок. Бо отпрыгнул в сторону, задрал голову от боли. Сара замычала от возмущения и побежала к нему, не отдавая себе отчета, что делает. Потом овладела собой, закрыла глаза, чтобы сосредоточиться и не дать себе действовать необдуманно. В ста ярдах приятель Саля держал взмыленную кобылу на поводу, одновременно пытаясь прикурить сигарету, закрывая зажигалку ладонями от ветра.

– Клянусь, Саль, это все из-за странных витаминов, которыми ты пичкал эту лошадь. – Он убрал зажигалку в карман.

– Не моя лошадь рванула.

– Испугалась ветра. Здесь так дуло.

– Как я уже сказал тебе, Терри, гонка окончилась.

Бо перебирал копытами, тяготясь весом двуколки и страшаясь очередного удара ногой. Жокей привязал его к боковому зеркалу своего грузовика. Рыкнул на него и занес руку как для удара. Потом отошел. Сара мысленно послала пули в его толстую шею и пнула его, как он пнул Бо. Казалось, она никогда не испытывала такого гнева. Заставила себя дышать

ровно. Заметила Ковбоя Джона, который что-то горячо обсуждал с Салем. Он смотрел на Бо, мотал головой, со шляпы стекала вода. Саль пожал плечами, закурил еще сигарету. Джон положил руку ему на плечо, пытаясь увести подальше от толпы, но Саля позвали мужчины, считавшие деньги.

Сара успокоилась. Ждала с терпением охотника, со стратегическим расчетом Ксенофонта. Готовая к броску, пряталась за припаркованными машинами и огромными грубыми колоннами, на которых держалась эстакада. Она была в нескольких шагах от Бо, могла видеть пот на его шее, мокрую от дождя шкуру, могла сосчитать, сколько ремней его привязывали к маленькой двуколке. «Не зови меня», – предупредила она его. Мужчины спорили, сгрудившись у серой кобылы. Саль с апломбом утверждал, что он победил, поскольку Бо принадлежит ему. Другой мужчина это оспаривал. Два или три раза лошадь Саля сбивалась с рыси. Ее следует дисквалифицировать. Раздался ропот недовольства. И равный ему по силе возглас одобрения.

– Надо убираться! – крикнул кто-то с ирландским акцентом. – По домам. Полицейские скоро нагрянут.

Сара проскользнула поближе к Бо. Он склонил голову, пытаясь определить, кто к нему приблизился. Ему мешала упряжь и шоры.

– Ш-ш-ш! – Она погладила ходивший ходуном бок.

Его уши дернулись – он ее узнал. Она взглянула на мужчин и стала отстегивать оглобли, умело справляясь с пряжками.

Вдруг голоса затихли, и она спряталась за колонной. Сердце бешено заколотилось. Потом спор продолжился на повышенных тонах. Сара выглянула: делили деньги, бранились, били друг друга по ладоням. Ее время пришло. Пока они заняты деньгами, ничто не сможет их отвлечь.

У нее в запасе было несколько секунд. Пальцы дрожали, когда она расстегивала ремни, адреналин оглушал, она почти не слышала шум транспорта наверху. Я освобожу тебя, Бо. Три ремня, два ремня. Один, последний, бормотала она себе под нос. Давай же!

Она расстегивала последний ремень, пальцы скользили на мокрой коже. И в этот момент услышала то, чего боялась больше всего.

– Эй! Ты, там!

К ней приближался крупный мужчина с шеей шире головы. Он источал угрозу.

– Эй, ты что там делаешь?

Бо отпрыгнул в сторону. Ему передалась ее тревога. Она зашикала на него.

– Давай же! – прошептала она, расстегивая последнюю пряжку.

Мужчины оглянулись, заметили рядом чужую девочку и поняли: что-то не так. Сара увидела растерянность на лице Джона и удивление Саля. Он все понял. Давай же!

Мужчина побежал. Последняя пряжка не поддавалась. Сара боролась с ней, тяжело, отрывисто дыша. Когда ему оставалось несколько метров, оглобли двуколки со стуком упали. Бо был освобожден. Ухватив его за гриву, Сара вырвала веревку из удил и вскочила верхом. Страх помог.

– Вперед! – крикнула она, сжав ногами его бока.

И огромный конь бросился вперед по боковой дороге, будто только того и ждал. Его мышцы напряглись с такой силой, что ей пришлось вцепиться в его гриву, чтобы не свалиться.

Начался хаос. Она слышала крики, шум заводящихся двигателей. Она припала к шее коня, голос срывался от страха.

– Вперед! – повторила она, неловко орудуя правым поводом, слишком длинным, который путался у него между ног.

Она направила его к подъездной дороге, ведущей на эстакаду. Два-три прыжка, и они уже были наверху. Перемахнули через две полосы шоссе, сопровождаемые визгом тормозом и гудками клаксонов.

Они неслись галопом по эстакаде, высоко над городом, лавируя между машинами, не обращая внимания на водителей, которые выкручивали руль, пытаясь избежать столкновения. Она видела только болота впереди. Слышала только шум крови в ушах. Знала только, что за ней погоня. Она знала, куда едет, ибо не раз репетировала в уме бессонной ночью, повторяя шаг за шагом путь к свободе. Теперь она была близка. Сара уже видела впереди съезд налево. До него оставалось несколько сот метров. Там скопились машины. Она будет недосыгаема, едва доберется до съезда и свернет в сторону промышленной зоны.

Маленькая синяя малолитражка резко выехала на обочину. Ее водитель слишком поздно принял решение перестроиться в другой ряд и не видел лошадь, галопом догоняющую его. Сара тяжело дышала, пытаясь контролировать скорость Бо. Машина на обочине и заторы на обеих полосах заблокировали их. Сара взглянула на другую сторону шоссе. Если перепрыгнуть через ограждение, столкновение с идущим навстречу транспортом будет неминуемым. Выхода не осталось. Она оглянулась и увидела красный внедорожник Саля. Он жал на клаксон, пробивая путь между машинами. Если она останется на эстакаде, он ее поймает. Она сглотнула, чувствуя металлический привкус страха.

Глянула на приближающуюся машину, знаком заставляя водителя уступить дорогу. Выбор у нее был невелик. Прости меня, Папá, сказала она

про себя и, вцепившись в гриву Бо, направила его прямо на капот.

Бо не сразу понял, чего от него хотят, и заколебался. Почувствовал, как она сжимает его ногами, услышал ободряющие слова и вдруг взмыл в воздух. Его мощная мускулистая спина растянулась под ней, когда он перепрыгивал через машину. Она была Ксенофонтom, слышала шум сражения внизу, а ее тело и вся она доверились мужеству животного, на котором сидела. И стала могущественной, защищенной, талантливой. Стала воплощением гнева и славы. Просила об одном – уцелеть. Мир замер. Она хотела вскрикнуть, но не смогла. Зажмурилась, потом открыла глаза, но увидела только небо и автомобили, которые пытались уйти от столкновения. Потом они тяжело приземлились, Бо споткнулся на скользкой дороге, и она едва не свалилась, повисла, яростно хватаясь за слишком длинные поводья, гриву, за все, что попадалось под руки, чтобы удержаться.

Едва касаясь ногами земли, он скакал галопом по дороге. Кряхтя, Сара ухватила левой рукой за сбрую, подтянулась и взгромоздилась на спину коня. Теперь они были уже далеко, свернули в боковую улицу, ведущую к каналу, и шум транспортного затора и истерических автомобильных гудков стал постепенно стихать.

– Кто твой первый свидетель?

Наташа послала еще одно сообщение Бену: просила проверить, все ли документы для утреннего слушания на месте, и уточняла, будет ли он у здания суда через тридцать минут. Они с Конором сидели в кафетерии.

– Детский психолог. Один из наших. Собираемся напугать мужа, показывая, что можем выдвинуть обвинение в жестоком обращении с ребенком. Харрингтон тем временем вместе с солиситором по-тихому обрабатывают миссис П., склоняя ее разрешить мужу доступ в обмен на лучшую финансовую компенсацию.

Я не полный идиот, написал в ответ Бен.

Это мне решать, ответила она.

– Жена получит что хочет, – с горечью сказал Конор. – Ей больше не придется и пальцем шевелить, а имя идеального отца будут обливать грязью. Никогда бы не подумал, что вы будете вести нечестную игру.

Она слегка подтолкнула его локтем:

– Это единственный способ оставить ребенка с матерью. Послушай, Конор, это развод. Ты бы сделал то же самое на моем месте. – Она бросила взгляд на зеркало на стене. – Как у меня волосы? В порядке? Харрингтон говорит, будет пресса.

– Все хорошо.

Она не могла допустить ни малейшей ошибки. Было жизненно важно не только выиграть это дело, но и сделать его образцовым для Майкла Харрингтона. Его предложение не выходило у нее из головы, она вспоминала о нем, как о подарке, когда все другие обстоятельства ее жизни становились нестерпимыми. Что ее ждет по другую сторону? Безусловно, было бы неплохо не иметь каждодневно дела с клиентами. Она вспомнила Али Ахмади. Если она перейдет в «Харрингтон и Левинсон», подобной ошибки она уже не сделает никогда.

Она не сказала Конору о предложении. Не хотела признаваться себе, почему этого не сделала.

Он дотронулся ногой до ее ноги:

– У меня относительно свободное утро, поэтому довезу тебя, а потом доставлю твои вещи домой.

– Уверен? – удивилась она.

– Вполне. Заметь, я не обещаю, что распакую их. Не ожидай, что я готов играть роль домохозяина. Еще рано.

– Спасибо, Конор.

– Нет проблем, Дока. У меня правда ничего не назначено на это время. Я свободен как минимум еще час.

– Спасибо за то, что предложил пожить у тебя.

Он смотрел на свои ботинки, а когда поднял голову, вид у него был удивленный.

– Почему ты это говоришь? Ты ведь не гостя. – Он нахмурился. – Хочешь сказать, это временно? Что я временная база?

– Не говори глупости. Я правда не знаю, сколько это продлится. У меня не было времени подумать об этом. Даже не знаю, стоит ли бросаться...

– Из огня да в полымя.

– Я этого не говорила. Но ты как-то выразился, что мы оба запутались.

– Я сказал, что мы в одинаковой степени оба запутались. Госпожа адвокат, не искажайте факты.

Подошла Наташина очередь заказывать кофе.

– Простите. Мне, пожалуйста, без кофеина, с обезжиренным молоком.

– Другое название «Зачем его вообще пить», – подхватил Конор. Девушка за прилавком грустно улыбнулась, будто слышала шутку всего несколько сот раз за день. – А мне двойной макиато.

– Конор, дай мне закончить это дело. Сейчас не могу больше ни о чем думать.

Она ждала, что он что-нибудь скажет, но он промолчал.

– Я буду платить, – решительно и весело сказала Наташа и полезла в сумочку. – Самое меньшее, что я могу сделать. Ты ведь из-за меня пропустил завтрак. Кекса хочешь?

Наташа заглянула в бумажник.

Ральфа нигде не было видно. Сара въехала во двор мебельной фабрики и повернула за угол. Там фургоны для доставки грузов загораживали автостоянку от посторонних глаз. Она прерывисто дышала, лицо было мокрое от дождя, ей пришлось вытереть глаза, чтобы лучше видеть. Сара спешила. Бо был весь в поту. События последних двух дней его потрясли. Ему было холодно под дождем, который превратился в ливень. Ей пришлось натянуть поводья, чтобы заставить его идти за ней.

– Ральф? – позвала она.

Никто не отозвался. На нее лишь равнодушно взирали пустые глазницы окон административного корпуса. Шум дождя заглушал ее голос. Рабочие начнут собираться не раньше чем через полчаса.

– Ральф? – Сара прошла вперед и заглянула за припаркованный фургон.

Тишина.

Она утерла лицо. Уверенность покидала ее, адреналин, накопившийся за последние полчаса, улетучивался. Она была обычной девочкой, которая стояла на автостоянке в ожидании беды.

Он не придет. Конечно не придет. Было наивно с ее стороны надеяться на это. И он мог сказать Салю, где ее искать. Она задумалась, осмотрелась. Если люди Саля придут сзади, она спрячется в тупике.

Она пыталась не впадать в панику и размышлять логично. Можно ли обойтись без седла? Можно ли обойтись этой нелепой уздечкой с шорами? Ответ был простой: а что еще ей остается? Дольше медлить здесь нельзя – слишком большой риск, что ее поймают. Она собрала поводья в левой руке, готовая снова запрыгнуть на спину Бо.

– Кричать не обязательно, Циркачка. – Ральф вышел из дверного проема и направился к ней. Натянул на голову капюшон. – Вот черт! – Он взглянул на лошадь.

Она побежала к нему, таща за собой упирающегося Бо.

– Ты принес? – нетерпеливо спросила она.

– Сначала карточка. – Он протянул руку.

– Не собираюсь тебя обманывать. – Она сунула руку в карман и достала пачку банкнот.

- А где карта?
- Не смогла достать, но здесь двадцать фунтов.
- Не принимай меня за дурака.
- Пятьдесят.
- Я могу выручить за седло больше. Сто пятьдесят.
- Сто. Больше у меня нет.

Он протянул ладонь. Она отсчитала деньги – деньги Саля. Она была рада избавиться от них.

- Где седло?

Он показал на дверной проем и стал пересчитывать деньги. Сара попросила его поддержать Бо, пока она надевает седло. Сара отрывисто дышала, закрепляя подпругу. Потом сняла уздечку с шорами, перебросила через стену на пустырь и надела на Бо его собственную.

– Знаешь, что я тебе скажу, девочка? – Ральф засунул деньги в карман джинсов. – Ты вляпалась в большие неприятности.

Она вдела ногу в стремя и вспрыгнула на спину лошади. Бо попятился, готовый к новой гонке.

– Куда ты его денешь? Саль тебя найдет, ты же знаешь. Бесполезно искать приюта в Степни или на дворах Уайтчепела. Попробуй на южном берегу.

- Здесь его не будет. Слушай, Ральф, сделай мне еще одно одолжение.

– Вот уж нет. – Он покачал головой. – Я и так достаточно для тебя сделал, Циркачка.

– Сходи в больницу Святой Терезы. Скажи моему дедушке... скажи, что мы с Бо поехали в отпуск. Он поймет. Скажи, я ему позвоню.

– С чего я буду тебе снова помогать? Черт, ты меня подняла без четверти шесть. Это вообще незаконно.

- Ральф, прошу тебя! Это очень важно.

Он похлопал по карману и пошел прочь.

– Может быть, – сказал он. Его кроссовки были слишком велики для двенадцатилетнего мальчика. – Но я человек занятой.

– Наташа, я сейчас не могу говорить. – Мак опустил сумку с фотооборудованием на пол. – Я убегаю.

– Посмотри, пожалуйста, моя кредитка на кофейном столике, там, где я вчера оставила сумку?

Маку хотелось сказать: ты ушла и не можешь ожидать, что я буду бегать по дому и разыскивать твои вещи.

- Нет. – Все же он глянул через дверной проем. – Там ничего нет.

Последовала короткая пауза. Он слышал разговоры и позвякивание чашек.

– Твою мать! – воскликнула она.

Он поднял бровь. Наташа редко ругалась.

– А в чем дело-то?

– Сара там?

– Нет. Я проверил. Должно быть, ушла раньше нас.

– Она взяла мою кредитку.

– Что?

– Что слышал.

– Ты снова на нее наговариваешь. – Он закатил глаза. – Ты сама ее куда-нибудь засунула.

– Нет, Мак. Я открыла бумажник и обнаружила, что кредитка пропала.

– И ты уверена, что ее взяла Сара.

– Но не ты же. Говорю тебе, Мак, она взяла эту чертову карточку.

– Но она ведь не знает пин-кода.

Он слышал приглушенные голоса, потом снова заговорила Наташа:

– Черт, мне пора в суд. Опаздывать нельзя. Мак, ты можешь...

– Я поговорю с ней, когда буду встречать после школы.

– Не знаю, блокировать ее или нет.

– Подожди пока. Не будет же она ею расплачиваться в школьной столовой. Сначала поговорю с ней. Уверен, найдется какое-то невинное объяснение.

– Невинное объяснение? Кражи моей карточки?

– Послушай, мы не знаем, она это или не она. Поговорим с ней, хорошо? Ты говорила, она хотела что-то купить для бабушки?

Длинная пауза.

– Говорила, но это не оправдывает кражу. – Он снова хотел возразить, но Наташа перебила его: – Знаешь, Мак, у этих детей может быть тяжелая жизнь, но не всегда они жертвы.

Повесив трубку, Мак застыл посреди прихожей. Наташины слова его задели. Он с трудом удержался, чтобы не наругать. Раньше она не отзывалась столь цинично о своих клиентах. Ему это не понравилось.

Он уже поднял сумку с фотоаппаратом и вдруг вспомнил, что Сара вела себя странно накануне вечером. Решила остаться в гостинице, пока он готовил ей ужин. Он подумал, это из деликатности. Он и теперь так думал.

Мак постоял еще немного, потом медленно поднялся по лестнице и открыл дверь в комнату Сары.

Нельзя входить в комнату девочки-подростка и не чувствовать себя

грязным подонком. Бессознательно Мак засунул руки в карманы, чтобы ни к чему не прикасаться. Он сам не знал, чего ищет, просто хотел убедиться, что все в порядке. Возможно, хотел проверить, хорошо ли ее знает. Он открыл шкаф и облегченно вздохнул. Одежда была на месте, ее джинсы и обувь. Постель аккуратно заправлена. Он собрался уходить, но обернулся.

Не было фотографии ее дедушки. И греческой книги по верховой езде, которую она читала. Он смотрел на опустевшую тумбочку, где они раньше находились. Потом прошел в ванную. Исчезла зубная щетка. И щетка для волос. Мыло. На радиаторе висела ее школьная форма – единственный комплект.

Мак бросился вниз по лестнице и схватил телефон.

– Таш? – сказал он, потом выругался еле слышно. – Да, я знаю, что она в суде. Можете с ней связаться? Это срочно. Скажите ей... Скажите, у нас проблема.

Глава 18

Мне кажется, если я стану наездником, то буду человеком с крыльями.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Дождь закончился. Быстрой рысью Сара ехала по бесконечной зеленой обочине к Королевским докам, в сторону городского аэропорта. Шкура Бо высыхала и светлела. Он успокоился, почувствовав знакомого наездника у себя на спине, слыша знакомый голос. Но ее сердце по-прежнему колотилось в груди, и болела шея оттого, что она постоянно оглядывалась.

Вокруг было свободное пространство, силуэты зданий не заслоняли бескрайнего серого купола неба. Они с Бо могли бы двигаться быстрее, но на открытой местности были слишком заметны. Поэтому она ехала вдоль обочины, чтобы в случае чего иметь возможность сменить курс. Проверив наличие транспорта, Сара пересекла гудронную дорогу. Был слышен только стук копыт Бо. Выехав на траву, она снова перешла на легкий галоп, перепрыгивая через дренажные каналы.

Серые тучи раздвинулись, и вдруг прямо перед ней возник аэропорт. Сначала она хотела поехать по лондонским мостам, но решила, что там будет слишком много транспорта и девочка верхом на лошади привлечет внимание. Поэтому она направилась на восток, через бесконечные жилые массивы в советском духе Ньюхем и Бектона, через равнины Северного Вулвича, оставляя сияющие башни Кэнэри-Уорф позади.

Час пик заканчивался, и бесконечный поток автомобилей, непрерывно атакующий Сити, стал ослабевать. Мимо проезжали редкие машины, возможно, срезали углы по дороге к тоннелю Блэкуол или к Собачьему острову, но водители не обращали на нее внимания. Кто ел сэндвич, кто был оглушен громкой музыкой. Сара накинула капюшон ветровки, чтобы скрыть лицо. Здесь редко кто останавливался, если только по делу. Между эстакадами шоссе затерялись склады и дешевые гостиницы из железобетона. В таких местах останавливались лишь менеджеры среднего звена и торговые агенты.

Бо устал. Она перешла на шаг, давая ему отдышаться, и осмотрелась. В окружении нескольких обшарпанных домов на пустыре с посеревшей травой одиноко стоял закопченный паб. За ними на некотором отдалении

выстроился ряд новых жилых домов с апартаментами, как теперь принято называть квартиры. Там, где солнечные лучи пробивались сквозь тучи, ртутного цветы полосы воды тускло блестели. Потом начиналась разбитая асфальтированная дорога, а по сторонам – здания из железобетона. Паромный терминал. Она замедлила ход, оглянулась и направила туда своего коня.

– Мистер Элсворт, назовите, пожалуйста, суду ваше полное имя.

– Питер Грэхем Элсворт.

– Спасибо. Скажите суду, кто вы по профессии.

– Я оказываю консультации как психотерапевт и психолог. Специализируюсь на помощи детям, в частности тем, кто пережил травму.

– У вас опыт работы в этой области более тридцати лет, и вы считаетесь одним из ведущих специалистов. Это так?

Элсворт выпрямил спину:

– Да, я опубликовал статьи в нескольких профессиональных журналах, которые оценили мои коллеги.

Наташа заглянула в свои записи. За ней миссис Перси нервно постукивала ногой в изящной туфельке, едва заметно выражая свое раздражение и недовольство.

– Мистер Элсворт, дети, на ваш взгляд, переживают травму одинаково?

– Нет. Каждый переживает ее по-своему. В этом они не отличаются от взрослых.

– Иными словами, стандартной реакции на травматическое событие нет.

– Правильно.

– Можно ли тогда сказать, что некоторые дети могут реагировать на травматическое событие открыто, например будут плакать, конфликтовать с друзьями и взрослыми. Тогда как другие, пережившие столь же печальный опыт, могут внешне никак этого не проявлять?

Элсворт задумался.

– Это будет зависеть от развития ребенка и от его взаимоотношений с окружающими. И разумеется, от характера травматического события.

– Например, если они решат, что родитель огорчится, если ему рассказать о чем-то нехорошем, они могут замкнуться?

Наташа еще не привыкла к парикю, и у нее зачесалась голова. Она боролась с желанием поскрести затылок.

– Да, такое часто встречается в моей практике.

Миссис Перси выразительно посмотрела на нее. У высокого солидного

мужчины, с круглыми щеками и цветом лица, говорившим о трех хороших отпусках в год, был пронизывающий взгляд, от которого Наташа в других обстоятельствах почувствовала бы себя неловко. Она понимала, почему миссис Перси так нервничает.

– Можете ли вы из своего опыта заключить, что, если речь идет о родителях, которые находятся, скажем, в конфликте, ребенок может скрывать, что травмирован, если это будет способствовать развитию конфликта?

– Это хорошо известный психологический феномен. Ребенок пытается защитить родителя, когда считает, что если он расскажет о своей проблеме, то это может тому навредить.

– Даже если этот родитель может быть злоумышленником?

– Возражаю! – Барристер мистера Перси вскочил с места. – Ваша честь, мы уже установили, что нет свидетельств, будто мистер Перси когда-либо жестоко обращался со своим ребенком. Продолжение допроса с подобным эмоциональным языком глубоко неправильно.

Наташа обернулась к судье:

– Ваша честь, хочу только уточнить, что в подобных случаях отсутствие очевидного материала, или физических улик, или даже свидетельство самого ребенка не означает, что травмы не было.

Барристер мистера Перси, тяжеловес по фамилии Симпсон, громко фыркнул:

– Всем известно, что женщина, заявляющая о жестоком обращении с ней, обязана показать следы побоев. Но только в данном случае даже сам ребенок не заявляет о жестоком обращении.

Он был из барристеров, которые считали ниже своего достоинства сражаться с солиситором-адвокатом. Удивительно, но существовало много предрассудков против таких юристов, как она.

– Ваша честь, если позволите продолжить, я бы хотела показать, что именно по этой причине дети ведут себя совсем иначе. Они, скорее всего, будут скрывать травму, пытаясь защитить близких.

Судья не поднял головы:

– Продолжайте, миссис Макколи.

Она снова склонилась над записями, и Бен протянул ей записку под скамьей. В ней говорилось: «Срочно позвоните Маку». Она с удивлением посмотрела на него.

– Что ему надо? – прошептала она.

– Не знаю. Только сказал, чтобы вы срочно ему позвонили.

В данную минуту сделать это она уж точно не могла.

- Миссис Макколи, так вы будете продолжать?
- Да, ваша честь. – Она украдкой отмахнулась от Бена.
- Мистер Элсворт, возможно ли, по вашему мнению, что ребенок, который испытывает страх перед одним родителем, может скрывать проблемы от другого родителя?
- Ваша честь...
- Я приму это во внимание, мистер Симпсон. Миссис Макколи, говорите по существу.
- Это зависит от возраста ребенка и обстоятельств, разумеется. – Элсворт бросил взгляд на судью. – Но да, это возможно.
- От возраста и обстоятельств. Что вы имеете в виду?
- По опыту работы с юными клиентами знаю, что чем меньше ребенок, тем труднее ему скрыть травматическое событие. Даже если ребенок не говорит, что страдает, это будет все равно проявляться в таких нарушениях поведения, как ночное недержание мочи, обсессивно-компульсивные расстройства, даже нехарактерная агрессивность.
- А в каком возрасте, по вашему мнению, ребенок способен скрывать душевное страдание? Если нет проявлений, о которых вы сказали?
- Это зависит от ребенка, но я встречал детей семи-восемью лет, которые умело скрывали то, что с ними произошло.
- Речь идет о серьезных травматических событиях?
- В некоторых случаях – да.
- Таким образом, можно допустить, что десятилетний ребенок вполне на это способен.
- Безусловно.
- Мистер Элсворт, вы слышали о синдроме отчуждения от родителя?
- Слышал.
- Я процитирую: «Это расстройство, при котором дети резко отдаляются от родителя или критикуют его. Иными словами, это неоправданная или преувеличенная диффамация». Вам это определение кажется справедливым?
- Я не эксперт, но да, оно мне кажется справедливым.
- Мистер Элсворт, вы сказали, что являетесь признанным коллегами специалистом, чьи работы печатаются в ведущих психологических журналах многие годы. Вы верите в клиническое существование синдрома отчуждения от родителя?
- Нет, но мне кажется, вопрос сформулирован не совсем правильно.
- Хорошо, я сформулирую иначе. Можете нам сказать, скольких детей вы лечили?

– Вообще? За всю практику? За все эти годы наберется несколько тысяч. Больше двух тысяч, вероятно.

– И вы ни разу не имели дела с ребенком, у которого бы наблюдался так называемый синдромом отчуждения от родителя?

– Я лечил многих детей, которых настроили против одного из родителей. Некоторые из них испытывали враждебность к родителю, которая продолжалась несколько лет. Я лечил многих детей, которые были глубоко травмированы разводом родителей. Но не могу сказать, что такие психологические состояния являются проявлением синдрома. Это было бы преувеличением.

Она выдержала паузу.

– Мистер Элсворт, вам известно об уровне ложных заявлений о жестоком обращении или сексуальном насилии в отношении детей во время бракоразводных процессов или делах об опеке?

– Да, в последнее время появился ряд статей, посвященных этому явлению.

– Одобренных научным сообществом? Написанных уважаемыми авторами? Скажите, пожалуйста, к каким заключениям пришли специалисты. Какое количество таких заявлений оказалось ложным?

– Насколько я помню, в последней статье от две тысячи пятого года говорилось, что процент ложных заявлений в подобных делах был очень низок. Мне кажется, исследования, предпринятые в тот год, показывали, что число ложных обвинений в делах об опеке было между одним процентом и нулем целых семьюдесятью процента.

– Между одним процентом и нулем целых семьюдесятью процента, – повторила Наташа, кивая. – Таким образом, более девяноста процентов обвинений в жестоком обращении будут правдивыми. Это соответствует вашему собственному опыту?

Он ответил не сразу.

– По моему собственному опыту, миссис Макколи, существует тенденция не сообщать о жестоком обращении с детьми как во время бракоразводных процессов и процессах об опеке, так и за их рамками.

Она заметила, как Майкл Харрингтон довольно ухмыльнулся. Она сама едва удержалась, чтобы не улыбнуться.

– У меня нет больше вопросов, ваша честь.

Вулвичский паром, направлявшийся с севера на юг, был пуст. Ряд скамеек на пароме «Эрнст Бевин» были покинуты и пусты, поскольку его пассажиры в деловых костюмах высадились с другой стороны и

отправились на станцию Доклендского легкого метро. Она поколебалась, потом повела Бо по длинному посадочному трапу на транспортную палубу, держась подальше от кокпита. Когда завели мотор и палуба задрожала, Бо стал озиаться по сторонам и перебирать ногами на маслянистой поверхности, но, похоже, этот странный транспорт его не напугал. На пароме не было ни грузовиков, ни легковушек. Только она и Бо на пустой палубе. Сара снова оглянулась, желая одного: чтобы паром скорее тронулся, пока не появился проклятый внедорожник. Рассудок говорил, что они вряд ли пустились в погоню, но страх пронизывал ее до костей. Этот внедорожник виделся ей повсюду. Его призрак выезжал из-за угла, останавливался перед ней. Вечная угроза.

Она стояла на палубе, зажав в руке поводья. Из кокпита появился кондуктор, высокий, слегка сутулый мужчина с полуседой бородкой. Он встал как вкопанный, будто не верил своим глазам. Потом медленно приблизился. Сара крепче сжала поводья и приготовилась к скандалу. Но мужчина улыбался, подходя к ней.

– Это первая лошадь, которую я вижу на борту за тридцать лет. – Он остановился в паре шагов от Бо и покачал головой. – Мой отец работал на пароме в тридцатые и сороковые годы. Он рассказывал, что почти весь транспорт тогда был гужевой. Можно мне его погладить?

Сара кивнула, почувствовав несказанное облегчение.

– Красавец, да? – Мужчина провел рукой по шее Бо. – Красивое животное. Раньше было так: там стояли лошади, там люди. Конечно, паромы были другие. – Он указал на огромную желто-белую балку, опоясывающую паром. – Он в порядке? Хорошо будет себя вести?

– Да, – пробормотала Сара. – Да.

– Как его зовут?

Она помедлила.

– Бошер, – все же ответила она и прибавила, сама не зная зачем: – Его называли в честь знаменитого французского наездника.

– Благородное имя, да? – Кондуктор погладил коня по лбу. – Благородное имя для благородного животного. У меня сохранилась открытка со старых времен – упряжные лошади на борту. Я тебе покажу, когда паром тронется.

– Сколько? – спросила она. – За него, я имею в виду. Сколько с нас?

– Нисколько, дорогая. – Он удивился. – Никто не платит за паромную переправу с тысяча восемьсот восемьдесят девятого года. – Он тихо засмеялся. – Примерно с того времени, когда я начал... – Он пошел назад на нестигаемых ногах и исчез в кокпите.

Паром задрожал, потом плавно отошел от северного берега Темзы и направился в темные бурлящие воды. Сара стояла в одиночестве на открытой палубе рядом со своей лошадью и смотрела на безлюдную реку, на строительные краны, на блестящие купола плотины через Темзу, на сине-серебристые ангараы рафинадного завода Тейт и вдыхала сырой воздух.

Сара почувствовала, что проголодалась, хотя и представить не могла, как после всего произошедшего сможет есть. Она сняла рюкзак, открыла его и нашла печенье. Отломил кусочек и протянула Бо. Конь тыкался ей в рукав бархатистыми губами, пока она не сдалась и не скормила ему еще один.

Они с лошадью были посередине реки, мимо проплывали незнакомые прибрежные районы, будто она спала и видела все это во сне. Ей мерещилась другая лошадь, которая жила более ста лет назад. Расстояние от берега увеличивалось, дыхание Сары выравнилось, голова прочистилась, словно она выходила из какой-то огромной тени. Внедорожник остался на северном берегу, а с ним хаос, тревога и страх, которые душили ее несколько месяцев. Все вдруг стало просто. С удивлением Сара поняла, что улыбается, мышцы, которые, как ей казалось, атрофировались за последние недели, снова работали.

– Держи. – Она дала Бо еще кусочек печенья. – Наше время пришло.

Бен протянул еще одну записку: *Он звонил Линде четыре раза.*

Наташа прочитала, поправляя парик и пытаясь просунуть шпильку через сетку. Солиситорам-адвокатам только недавно стала доступна привилегия носить парик. Она не хотела его надевать, но коллеги настояли. Говорили, что оппоненты будут относиться к ней серьезнее. Она подозревала, что они просто хотели воспользоваться возможностью увеличить счета клиентов, которую давал парик.

– Позвони ему, – прошептала она, протягивая выключенный телефон. – Номер в списке. Скажи, я смогу с ним поговорить только в перерыв.

– Линда сказала, у него голос дрожал от гнева. Что-то с Сарой.

В другом конце зала Симпсон пытался разнести в щепки показания Элсворта. Посмотрим, подумала Наташа. Он считался одним из лучших в своей области, и деньги, которые брал как эксперт по свидетельским показаниям, подтверждали это.

– Скажи ему, мы обсудим дату его отъезда после того, как он поговорит с ней о моей карточке. И скажи, поскольку я не могу отвечать на

звонки, никакого толку звонить нет.

Она начала делать записи, пытаясь собраться с мыслями.

– Вы его достали. – Миссис Перси обхватила тонкими пальцами ее запястье. – Все, что вы сказали, доказывает, что он жестоко с ней обращался.

Глаза клиентки были широко раскрыты, в них угадывалось напряжение, несмотря на тщательно наложенную косметику.

Наташа заметила, как на них смотрит судья. У него было серьезное лицо.

– Мы поговорим об этом позже. Но вы правы, все прошло хорошо, – прошептала она и наклонилась вперед, чтобы лучше слышать Симпсона.

Через несколько минут вернулся Бен. «Она сбежала. Исчезла», – говорилось в записке.

Наташа написала: «??? Куда?»

«Он не знает. Это кто-то из родственников?»

Наташа уронила голову на руки.

– Миссис Макколи, вы в порядке?

– Я в порядке, ваша честь. – Она поправила парик.

– Вам не нужен короткий перерыв?

Она быстро приняла решение:

– Если ваша честь позволит. Неожиданно возникло обстоятельство, которое требует моего срочного вмешательства.

Судья повернулся к Симпсону, который смотрел на нее с почти нескрываемым гневом, будто она специально все подстроила.

– Хорошо. Мы соберемся вновь через десять минут.

Он ответил после первого гудка:

– Она сбежала. Взяла с собой кое-какие вещи.

– Ты звонил в школу?

– Я стараюсь выиграть время. Позвонил, сказал, что она заболела. Решил, если окажется, что она в школе, объясню, что ошибся.

– Но в школе ее не было.

– Она сбежала, Таш. Забрала фотографии, зубную щетку и все такое.

– Может, она в конюшне. Или у дедушки.

– Я звонил в больницу. Они сказали, что сегодня посетителей у него не было. В конюшню сейчас еду.

– Лошадь она не бросит, это точно. Подумай, Мак. Она не бросит лошадь и не оставит дедушку. Он ей очень дорог.

– Надеюсь, ты права. – Мак явно нервничал, что было для него

необычно. – Не нравится мне все это.

Наташа вспомнила, что накануне вечером Сара была молчалива и со всем соглашалась. Было видно: что-то случилось. Но Наташа была так благодарна, что девочка приняла перемену в своей судьбе спокойно, не устроила сцену, не стала задавать никаких вопросов.

– Мне нужно возвращаться в зал суда. Позвони, когда доберешься до конюшни. Не забывай, у нее моя карточка. Но, как ты говоришь, она, возможно, пошла по магазинам, купить дедушке эту чертову новую пижаму за мой счет.

Облокотившись о ржавую машину, Ковбой разговаривал с каким-то мальчишкой. Мак возился с воротами, стараясь не обращать внимания на немецкую овчарку, которая злобно зарычала, когда он вошел. Бросил взгляд в сторону стойла под аркой – дверь открыта, стойло пусто.

– Э-э... мистер... э-э... Джон? Я Мак, помните меня? Друг Сары.

Ковбой сунул самокрутку в рот и пожал руку Мака. Скривил рот:

– Я вас отлично помню.

– Я ищу Сару.

– Все ищут Сару, отсюда и до доков Тилбери. Хотелось бы, черт возьми, понимать, что здесь произошло, пока меня не было!

Мальчишка переводил взгляд с Джона на Мака и обратно:

– Джон, я здесь редко бывал.

– Тем лучше для тебя.

– Я, в общем-то, не в курсе. Сами знаете.

– Она была здесь? – спросил Мак.

– Видел ее мельком. Она ничего не сказала. Знаю только, что здесь пахнет большим дерьмом. – Ковбой Джон угрюмо покачал головой.

– Пойдите, так вы ее видели? Сегодня?

– Ну да, в семь утра. Видел, как она перемахнула через эстакаду, будто у этого проклятого циркового коня выросли крылья. Один Бог знает, как она не разбилась.

– Она ехала верхом?

– Ехала верхом? – Ковбой Джон посмотрел на него как на дебила. – Так вы не знаете?

– Не знаю – что?

– Я все утро ее ищу. Она удрала. Взяла лошадь, никто и глазом не успел моргнуть, и только ее и видели.

– И куда она подевалась?

– Будто я знаю! – Ковбой Джон раздраженно цыкнул зубом.

Мак прошел в кладовую Сары:

– У вас есть от нее ключ?

– Я больше здесь не хозяин. Я передал...

– У меня есть, – сказал парень. – Она дала мне ключ, чтобы я мог кормить ее лошадь в ее отсутствие.

– А ты...

– Дин.

– Ральф, – поправил Ковбой Джон, отталкивая мальчишку. – Ральф его зовут.

Ральф порылся в кармане, достал большую связку ключей и принялся медленно их перебирать. Наконец нашел нужный и отпер навесной замок. Мак отворил дверь. Кладовая была пуста: ни седла, ни уздечки. Только недоуздок и какие-то кисти в коробке.

– Джон, вы говорите, она могла сбежать вместе с лошадью?

Ковбой Джон закатил глаза и толкнул Ральфа локтем:

– Вот тормоз-то! Ну да, она взяла проклятую лошадь и оставила мне большую кучу дерьма. Многие тут рвут и мечут. И у меня такое чувство, что, пока меня не было, здесь происходило что-то очень скверное. – Он внимательно посмотрел на Ральфа. – Для начала нужно придумать, что я скажу Капитану в больнице. Что не имею ни малейшего представления, куда делась его драгоценная внучка.

Мак закрыл глаза и долго не открывал. Тяжело вздохнул:

– У меня такая же проблема.

Солнце было в зените. Учитывая время года, оно стояло совсем низко. Теперь оно светило ей в лицо, и она щурилась, пытаясь сообразить, сколько они еще смогут проехать до темноты. Пока Бо не выбьется из сил.

Выносливая лошадь может преодолеть пятьдесят или даже шестьдесят миль в день. Сара читала об этом. Но для этого лошадь необходимо тренировать, подниматься с ней в гору и спускаться с горы, чтобы ее мышцы окрепли. Надо проверить подковы и защищать ноги.

С Бо ничего такого не делали. Сара разговаривала с ним, пока они ехали быстрой рысью через окраины Дартфорда. Она чувствовала, как его шаг теряет упругость, аллюр замедлялся, видела по его ушам, что он ждал, когда она попросит его сбавить скорость. Потерпи, сказала она мысленно, слегка сжав ноги, давая ему понять, что еще не время. Еще немножко.

Улицы стали оживленнее. Было время обеда. Девочка верхом на лошади привлекала внимание. Ей кричали что-то водители проезжающих мимо пикапов и дети в очереди за жареной картошкой. Она не поднимала

головы, общаясь только с лошадью. Обычно ей удавалось проехать мимо, прежде чем они успевали понять, что видели.

Она смогла найти тихую улицу с банкоматом. Сара спешила, провела по тротуару, достала из кармана Наташину карточку и набрала пин-код, который выучила наизусть. Он отпечатался в ее сознании жгучим темным пятном. Банкомат зажужжал, обдумывая запрос. Время застыло. Сердце колотилось. Возможно, они уже все знают. Наташа уже могла обнаружить, что сделала Сара, понять степень ее предательства. Сара хотела оставить им записку, объяснить, но не смогла найти слов. От страха, потрясения и чувства утраты голова плохо соображала. И она не могла позволить, чтобы хоть кто-нибудь знал, куда она направляется. Это был слишком большой риск.

Наконец на экране появился текст. Сколько она хочет снять? Десять, двадцать, пятьдесят, сто или сто пятьдесят фунтов? После нескольких недель жесточайшей экономии, когда ей был дорог каждый фунт, цифры ошеломили. Она не хотела красть, но знала: как только Макколи поймут, что карточка у нее, они ее заблокируют. И больше денег не будет.

Возможно, это ее единственный шанс.

Сара глубоко вдохнула и нажала несколько кнопок.

Мак ждал Наташу в полдень у выхода из зала суда. Стоял к ней спиной и резко повернулся, услышав ее голос:

– Какие новости?

– Она взяла лошадь.

Наташа переменялась в лице: вначале на нем отразилось недоумение, будто она не поняла, что он сказал, затем изумление, какое испытал он сам. Идея была такой нелепой, что вызывала чуть ли не растерянный смех.

– Что значит – она взяла лошадь?

– Это значит, она сбежала с лошадью.

– Да, но куда она могла сбежать с лошадью?

Наташа перевела взгляд с Мака на Ковбоя Джона за его спиной. Джон медленно шел по коридору, бормоча что-то себе под нос. Он с трудом преодолел ступени.

– Не пойму, почему было просто не позвонить, – хрипло выдохнул он и опустил руку Маку на плечо.

От него пахло старой кожей и мокрой собачьей шерстью.

Мак сделал шаг назад и подтолкнул старика вперед:

– Наташа, это... Ковбой Джон. Он хозяин конюшни, в которой Сара держит свою лошадь.

– Бывший хозяин. Что за черт! Если бы я был хозяином, всего этого безобразия не случилось бы. – Ковбой Джон слегка пожал ей руку, потом согнул колени и прокашлялся в носовой платок.

Наташа поморщилась, ее рука повисла в воздухе. На них украдкой бросали любопытные взгляды. Стройная, дорого одетая блондинка замолкла от удивления.

– Так что будем делать?

– Сперва искать. Предлагаю разделить и спрашивать у людей. Девочка на такой лошади не может не привлечь внимание.

– Но вы сказали, что уже искали ее утром, но это ничего не дало. Джон видел ее на болотах, – объяснил Мак.

Джон дотронулся до полей шляпы, его слезящиеся глаза смотрели вдаль.

– Она знала, куда направляется, единственное, что могу сказать. С рюкзаком за спиной. Ехала очень быстро.

– Она все спланировала. Таш, надо заявлять в полицию.

Джон неистово затряс головой:

– Вы ведь не хотите привлекать к делу этих назойливых ищеек? Они-то и принесли ей беду. Только не полиция. Девочка не сделала ничего дурного. Заварила кашу, да, но ничего плохого она не сделала...

Мак взглянул на Наташу. Оба молчали. Он ждал, ее молчание его раздражало.

– Ты же говорила, что наш долг по закону – сообщить о ее исчезновении, – напомнил он; Наташа смотрела в пространство и хлопала глазами. – Таш?

– Послушайте, я не хочу сообщать о ней сейчас. В прошлый раз она ведь вернулась, – обратилась Наташа к Джону. – Вы ее знаете. Куда она могла отправиться?

– Единственное, куда она могла отправиться, – это к дедушке.

– Тогда едем к нему, – решил Мак. – Поговорим с ним. Может, он что-нибудь подскажет. Таш? – (Она молча смотрела на него.) – Скажи что-нибудь.

– Мак, я не могу уехать в середине слушания дела.

– Таш, Сара пропала!

– Знаю. Но это не в первый раз. Я не могу все бросать всякий раз, когда ей захочется погулять.

– Непохоже, скажу я вам, чтобы она вернулась в ближайшее время, поверьте. – Ковбой Джон снял шляпу и почесал макушку.

– Я не могу бросить процесс. – Наташа кивнула в сторону стройной

блондинки, которая стояла в коридоре. Та закуталась в кашемировую шаль и стала похожа на жертву несчастного случая. – Это самое серьезное дело за всю мою карьеру. Ты это знаешь.

Она не выдержала его взгляда и покраснела. В нем закипел гнев.

– Мак, я не могу взять и все бросить.

– Тогда прости за беспокойство, – мрачно сказал он. – Позвоню тебе на телефон Конора, когда она найдется.

– Мак! – вскрикнула она, но он уже повернулся к ней спиной. Казалось, ни разу еще ей не удалось разочаровать его так сильно. – Мак!

Он слышал, как Ковбой Джон, пыхтя, ковыляет за ним.

– Опять эти проклятые ступени...

«Чем шире грудь, тем он красивее и сильнее... Тогда шея защитит наездника, а глаз будет видеть дорогу».

Сара не помнила, чтобы Папá ее обнимал. Не то что Нанá, для которой это было так же естественно, как дышать. Вернувшись из школы, Сара подходила к креслу Нанá, и та обнимала ее и притягивала к себе. Сара утыкалась в ее нейлоновый домашний халат, и ее ноздри наполнялись теплым, сладковатым ароматом пудры. Прижималась к мягкой, как пуховое одеяло, груди, находя в ней неиссякаемый источник любви и защищенности. Нередко бабушка, желая Саре спокойной ночи, долго держала ее в своих объятиях, и Саре это не слишком нравилось. А теперь она ругала себя за это.

После смерти Нанá, когда тоска делалась нестерпимой, Сара иногда прижималась к Папá, и он обнимал ее за плечи. Но это давалось ему нелегко, Саре всегда казалось, он вздыхал с облегчением, когда она отодвигалась. Девочка болезненно ощущала недостаток объятий, даже не осознавая этого.

Однажды, около года назад, дедушка сидел за кухонным столом. Сара вернулась из конюшни чуть раньше, вошла и спросила, что он читает. Книга была хорошо ей знакома, настолько, что ей ни разу не пришлось в голову поинтересоваться, о чем она. И дедушка, бережно положив книгу на пластиковую столешницу, начал ей рассказывать о человеке с талантом поэта и военачальника, который одним из первых заговорил о сотрудничестве человека и лошади, основанном не на жестокости или силе. Он прочитал ей несколько абзацев. Если бы не слегка непривычный стиль, подобные вещи можно было бы найти в любом современном пособии по верховой езде: «По этой причине всякий раз, когда вы побуждаете ее вести себя естественно, следовать своим инстинктам, когда ей не терпится

показать свою красоту, вы делаете так, что со стороны кажется, будто она получает удовольствие оттого, что на ней едут, вы наделяете ее благородством, силой и красотой».

Сара придвинулась поближе.

– Поэтому я постоянно повторяю, что никогда нельзя сердиться на лошадь. К лошади надо относиться по-доброму, с уважением. Все это написано здесь. Ксенофонт – родоначальник выездки. – Дедушка похлопал по книге.

– Должно быть, он очень любил лошадей.

– Нет. – Папá резко покачал головой.

– Но он сказал...

– Дело не в любви. Здесь ничего не написано о любви. Он лишен сентиментальности. Все, что он делает, вся его доброта, которую он проявляет, идет от понимания, что только так можно побудить животное раскрыть все свои способности. Только так человек и лошадь могут добиться успеха вместе. А эти поцелуйчики и сюсюканье ни при чем. – Он скорчил рожу, и Сара засмеялась. – И никаких эмоций. Он знает, что самое главное для человека и лошади – это понимать и уважать друг друга.

– Но как это?

– Лошадь не хочет быть комнатной собачкой, дорогая. Она не хочет, чтобы ее украшали ленточками, пели ей песенки, как делают глупые девчонки на конюшне. Лошадь – это *dangereux*^[44] и сильное животное. Но может быть послушным. Ты объясняешь лошади, почему она должна что-то для тебя делать, защищать тебя. Когда она понимает, то хочет это сделать сама. И вы достигаете чего-то прекрасного.

Он смотрел на Сару, желая убедиться, что она поняла. Но девочка была разочарована. Ей бы хотелось, чтобы Бо любил ее. Ходил бы за ней по двору не в надежде получить что-то вкусное, а из желания быть рядом. Ей не хотелось думать о нем как о средстве достижения цели.

Дедушка погладил ее руку:

– То, о чем говорит Ксенофонт, лучше. Он говорит о необходимости уважения, самого лучшего ухода, последовательности, справедливости, доброте. Лошади было бы лучше, если бы он говорил о любви? *Non*.

Она решительно не могла с ним согласиться.

– Конечно, во всем, что он делает, видна любовь. – Капитан слегка улыбнулся. – Во всем, что он делает, присутствует любовь, во всем, что он... предлагает. Пусть он не говорит об этом, но это чувствуется в каждом слове. Любовь там есть, Сара. В. Каждом. Даже. Самом. Незначительном. Поступке. – Он стукнул кулаком по столу.

Теперь до нее дошло то, чего она не поняла тогда. Дед хотел ей сказать, как сильно ее любит.

Они устроили привал неподалеку от Ситтингборна. Сара отпустила Бо на длинном поводу, и он щипал сочную травку. Она тоже достаточно проголодалась, чтобы съесть припасенную булочку. Подстелив пластиковый пакет – трава была мокрая, – она сидела на безлюдной тропинке и наблюдала, как ее лошадь поднимает голову, если ее отвлекает от еды пролетающая ворона или олень в поросли.

На открытой местности Сара ехала быстро, пустив лошадь галопом, по кромкам вспаханных полей, где было можно, по узким тропинкам, держась обочин и щадя ноги Бо. Шоссе оставалось справа, оттуда доносился гул транспорта. Так она знала, что не собьется с пути. Зеленые луга взбодрили Бо; когда она дала ему волю на довольно длинном равнинном участке, он даже подпрыгнул несколько раз, затряс от возбуждения головой, задрал хвост. Сара не удержалась от смеха и подогнала его, хотя знала, что впереди долгий путь и надо беречь его силы.

Когда еще он был так свободен? Когда еще перед его глазами до самого горизонта была зеленая трава, а копыта касались мягкой земли? Когда она была свободна? На короткий, но прекрасный миг она позволила себе забыть обо всем и сосредоточиться только на абсолютном наслаждении, которое она получала оттого, что связана с этим великолепным животным, разделяет его удовольствие, что эта мощная сила добровольно подчиняется ей. Они летели вдоль кромок полей, перепрыгивали через невысокие изгороди и канавы, наполненные темной водой. Бо передалось ее настроение, и он пошел быстрее, отказываясь сбавить скорость, когда они пересекали тропинки, и перепрыгивал через них. Он подергивал ушами, отталкиваясь от земли длинными ногами.

«Мне кажется, если я стану наездником, то буду человеком с крыльями».

У нее выросли крылья, как у Ксенофонта. Она пустила Бо еще быстрее, хватая воздух ртом. Она смеялась, хотя по щекам текли слезы. Он понял ее, потянулся и побежал. Так бегали лошади со времен Сотворения мира – от страха, для удовольствия, ради славы. Она не сдерживала его. Ему было все равно, куда его направляли. У нее разрывалось сердце. Так вот что Папá имел в виду. Не бесконечное оттачивание движений его ног. Не круги, не пассаж, не тщательное взвешивание того, что можно достигнуть. У нее в голове крутилась одна фраза Папá. Она повторяла ее под ритмичный стук копыт.

«Это путь к твоему спасению», – сказал ей Папá.
Это путь к твоему спасению...

– Второй посетитель за день. Он обрадуется. – Медсестра закрыла за собой дверь, когда они входили в палату Капитана, и замешкалась. – Признаюсь, в последние два дня его состояние ухудшилось. Сегодня ждем специалиста для консультации. Мы подозреваем, у него случился еще один инсульт. Боюсь, вам трудно будет его понять.

Мак увидел смятение на лице Джона. Тому же потребовался долгий перекур на автостоянке больницы, чтобы набраться мужества перед суровым испытанием.

– Второй посетитель? – спросил Мак. – Внучка приходила?

– Внучка? – весело повторила медсестра. – Нет. Мальчик. Похоже, они хорошо знакомы. Милый мальчик.

Казалось, Ковбой Джон не слышал ее слов. Он покачал головой, собираясь с духом. Потом они вошли.

Голова Капитана свесилась с подушки, рот был приоткрыт. Всего за несколько дней он постарел еще лет на десять.

Они сели по обе стороны от него, осторожно двигая стулья, чтобы не разбудить больного. Мак постукивал пальцами по коленям, задаваясь вопросом, стоило ли им вообще сюда приходить. Джон взглянул на старика, потом долго рассматривал фотографии Сары с Бо. На стенах висели старенькие рождественские гирлянды.

– Красивые снимки. Хорошо, что он может на них смотреть.

Они сидели молча, не желая будить старика, чтобы сообщить катастрофическую новость: они оба подвели его самым ужасным образом. Дыхание Капитана было неглубоким, будто каждый вдох требовал усилия. Словно был запоздалой реакцией тела, которое так устало, что едва могло поддерживать жизнь. Левая рука, некогда сильная, теперь лежала на груди иссохшая и безжизненная, едва прикрытая простыней. Щеки были бледными, как у мертвеца, кожа сухая и полупрозрачная, сквозь нее просвечивали розовато-лиловые вены. Рядом на тумбочке стояла прозрачная чашка с острым носиком и крышкой, в ней был чай с молоком.

Мак прервал молчание.

– Нельзя ему говорить, Джон, – прошептал он.

– Мы не имеем права смолчать. Она его самый близкий человек. Раз она пропала, он имеет право помочь нам ее найти.

Каким, интересно, образом, хотел спросить Мак. К чему еще может привести это сообщение, так это убить старика. Он поставил локти на

колени и опустил голову. Как тяжело здесь находиться. Было бы легче прочесывать улицы, задавать вопросы людям. Даже сидеть в полицейском участке и признаться, что не справился с ролью родителя и напрасно выдал себя за друга Сары. Девочка и лошадь не могли просто провалиться сквозь землю. Кто-то должен был их видеть.

– Эй... эй, Капитан...

Мак поднял голову. Ковбой Джон улыбался:

– Как поживаешь, лежебока? Не надоело еще валяться в постели?

Капитан медленно повернул к нему голову. Это потребовало от него невероятных усилий.

– Хочешь чего-нибудь? – Джон наклонился к нему. – Водички? Чего-нибудь покрепче? У меня в кармане бутылочка «Джимми Бима». – Он ухмыльнулся.

Капитан моргнул. Возможно, хотел показать, что оценил шутку. А может, просто моргнул.

– Говорят, ты чувствуешь себя неважно.

Старик смотрел прямо ему в глаза.

Мак видел, что даже Джон не может решиться. Он взглянул на Мака, потом снова обернулся к старику:

– Капитан, мне нужно вам сказать. – Он сглотнул. – Вынужден сказать, Сара кое-что выкинула.

Старик смотрел на него. Его голубые глаза теперь не мигали.

– Она исчезла вместе с лошадью. Может, когда мы уйдем отсюда, она будет ждать нас в конюшне. Но, мне кажется, она... – Он сделал глубокий вдох. – Мне кажется, она взяла лошадь и сбежала.

За его спиной Сара улыбалась на черно-белом снимке, прижимаясь к шее своей лошади, прядь волос попала в рот от ветра.

– Мы не хотели вас беспокоить, – начал Мак. – Мы с ней ладили, поверьте. Она была счастлива, если это возможно без вас. У нас не было никаких серьезных причин о ней беспокоиться. Но этим утром я вошел в ее комнату и увидел, что пропала ваша книга и рюкзак, а в ванной...

– Мак! – перебил его Джон.

– Не было ее зубной щетки. Возможно, Джон прав. Возможно, она уже там и смеется над нами. Но может быть, вы знаете, где она могла бы быть...

– Мак, заткнись, черт тебя побери!

Тот замолчал.

Джон кивнул в сторону старика:

– Он пытается что-то сказать. – Ковбой наклонился над кроватью, снял

шляпу и приложил ухо к губам старика. Посмотрел на Мака. – Нет?

Мак тоже склонился, чтобы услышать прерывистый шепот. Гудели медицинские аппараты, из коридора доносились голоса медсестер. Он выпрямился.

– Я знаю, – повторил он.

Он понял, что новость не удивила старика. На его лице не было ни тени тревоги.

Мак посмотрел на Джона:

– Он говорит, что знает...

Глава 19

Непослушная лошадь не только бесполезна, зачастую она выступает в роли предателя.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

После обеда зачастил дождь. Началось все с нескольких капель, но приближающиеся черные тучи не предвещали ничего хорошего. Будто световой день резко закончился, без постепенного наступления вечера, без мягкого заката. Минуту назад было светло, и вот уже темно. Моросил дождь.

Водитель резко затормозил. Сара в страхе натянула поводья.

– Идиотка! – Мужчина высунулся из окна. – Надо надевать светоотражающую ленту! Я чуть вас не сбил.

– Простите. – Она охрипла от страха. – Я... я ее забыла.

– Тогда держись главной дороги. – Стоп-сигнал мигал красным светом. – Там тебя, по крайней мере, будет видно.

Совсем стемнело. Ливень шел почти час, и Бо двигался медленной рысью, повесив голову, грива прилипла к шее. Вся его резвость улетучилась. Сара пыталась воодушевить его, но сама тоже устала. Рюкзак, набитый, как ей казалось, ценными вещами, последние десять миль тяжело оттягивал плечи. Ягодицы болели, она ерзала, тщетно пытаясь найти удобное положение. Седло пропиталось водой, джинсы намокли. Она знала, что, если проедет еще чуть дальше, грубая мокрая ткань натрет ей кожу. Она замерзла. Впереди она видела неоновые огни города. Мы скоро отдохнем, говорила она ему.

Когда они выехали на шоссе, движение было оглушающим. Не обращая внимания на мигающие фары и одуряющий рев, Сара держалась обочины, вдоль длинного ряда грузовиков, которые были припаркованы в специальных карманах. Она проезжала мимо кабин с задернутыми шторками, говорившими о том, что их водители спят. В других переносные телевизоры отбрасывали движущие тени на убогий, но по-домашнему уютный интерьер, украшенный мишурой. Чешские грузовики, польские грузовики, семейные фотографии, плакаты с голыми девицами, рукописные объявления, гласившие: «Этот грузовик регулярно проверяется» и «Нелегальные иммигранты будут преследоваться». Кто-то из водителей

заметил ее, когда она проезжала мимо. Один что-то крикнул, но она не расслышала.

Бо слишком устал, чтобы обращать на что-то внимание. Он начал терять равновесие, у него подгибались ноги. И тут Сара увидела огромный указатель, нависший над главной дорогой. Она выпрямила спину и сжала поводья. Обогнув холм, она увидела паромы в бухте со сверкающими окнами. К ним по изящно сплетенным эстакадам стекался транспорт.

Еще две мили. Ее охватило волнение. Она погладила шею своего обессиленного коня, умоляя его потерпеть еще немного.

– Ты можешь, – шептала она. – Только довези меня туда, и, обещаю, мы всегда будем вместе.

– Назовите, пожалуйста, суду свое имя.

– Констанс Девлин.

– Назовите свою профессию, пожалуйста.

– Учительница в школе Норбридж. Я завуч четвертых классов и занимаю эту должность последние одиннадцать лет. – Она сделала паузу, чтобы выпить воды. Подняла глаза на световой люк, по которому барабанил дождь.

– Мисс Девлин, как давно вы знаете Люси Перси?

– Школа у нас маленькая. Я знаю ее с момента, когда она поступила в школу, а весь прошлый год я была ее учителем. Я также даю частные уроки иностранных языков, и около двух лет Люси посещает их.

– Не могли бы вы говорить немного громче? – сказал судья. – Я вас плохо слышу.

Женщина покраснела. Наташа улыбнулась ей, чтобы приободрить. Констанс Девлин была чрезвычайно нервным свидетелем. Несколько раз она говорила Наташе, что не желает впутываться в это дело. Что это не входит в ее обязанности. Что она никогда не была в суде. Что в школе тоже не в восторге от ее участия в бракоразводном процессе. Наташа сразу поняла, с кем имеет дело: старая дева, которая чувствует себя комфортно только в знакомой обстановке, в мире хорошо воспитанных девочек, в утонченной атмосфере старинной элитной школы. Предана своей работе. Может расплакаться, если не обнаружит знакомого средства для улучшения пищеварения в аптечке в учительской.

– Я была бы вам признательна, если бы вы задали мне как можно меньше вопросов. – Дрожь ее рук не вязалась с вежливым, но непреклонным тоном.

– Мисс Девлин, вы можете сказать, что хорошо знаете своих

учеников? – спросила Наташа по возможности мягким голосом.

– Да. Возможно, лучше большинства учителей. – Она посмотрела на судью, нервно комкая носовой платок пухлыми пальцами. – У нас очень маленькие классы. Это хорошая маленькая школа.

– Как вы могли бы охарактеризовать Люси Перси?

Констанс Девлин задумалась.

– Ну, ее нельзя назвать открытым ребенком. Даже в первом классе она была застенчивой. Но она всегда казалась счастливой маленькой девочкой. Очень умная. Сильна в математике. Скорость ее чтения намного превышает средний уровень. – При мысли о ребенке учительница улыбнулась, но улыбка тотчас исчезла. – Но в прошлом году... она немного скатилась.

– Скатилась?

– Оценки стали хуже. Ей стало тяжело учиться.

– А характер у нее не изменился?

– На мой взгляд, она стала еще более замкнутой.

В зал вошел Бен и тихонько сел позади Наташи. Она ждала, что он протянет ей очередную записку, но вместо этого он подал папку со школьными отчетами. Ее мысли рассеялись. Мак, должно быть, уже в больнице. Если бы Сара была там, он бы позвонил?

– Здесь сказано, мисс Девлин, что Люси часто пропускала школу.

– Да, это так.

– В среднем пятнадцать дней за четверть. Ее родители знали об этом?

– Полагаю, да. Мы имели дело с миссис Перси.

– Имели дело с миссис Перси, – повторила Наташа. Она видела, как мистер Перси шептал что-то на ухо своему адвокату. – И как миссис Перси объясняла пропуски дочери?

– Ничего особенного. Как правило, она говорила, что Люси нездорова. Иногда – что у нее болит голова. Пару раз никак не объясняла.

– А что в школе думали по поводу пропусков?

– Мы были обеспокоены их большим количеством. И изменением в поведении Люси.

– Тем, что она стала замкнутой и отставала в учебе?

– Да.

– Мисс Девлин, как давно вы работаете учителем?

Женщина дышала более ровно, голос стал громче.

– Двадцать четыре года. – Она обвела глазами зал суда.

Наташа ободряюще улыбнулась:

– По вашему опыту, если поведение ребенка изменилось, он начал отставать в учебе и пропускает уроки, какой можно сделать вывод?

– Возражаю! – Симпсон вскочил. – Вы просите свидетеля экстраполировать.

– Я полагаю, ваша честь, опыт миссис Девлин в этой области ценен.

– Переформулируйте ваш вопрос, миссис Макколи.

– Мисс Девлин, по вашему опыту, может изменение поведения означать, что дома не все в порядке?

– Возражаю, ваша честь.

– Сядьте, мистер Симпсон. Миссис Макколи, сформулируйте вопрос иначе.

– В случаях, когда дома не все в порядке, на ваш взгляд, мисс Девлин, какие изменения в поведении ребенка, которые заметны в школе, наиболее характерны?

– Ну... – Мисс Девлин бросила смущенный взгляд на мистера Перси. – Вероятно, плохая успеваемость... возможно, замкнутость или плохое поведение. Может быть, и то и другое.

– За годы преподавательской работы приходилось ли вам учить детей, у которых, как вы знали, были проблемы дома?

– Да, конечно, – сказала она устало. – Боюсь, частная школа не может защитить детей от распада семьи.

– Мисс Девлин, если бы дома у Люси произошло нечто серьезное, даже серьезнее, чем травма из-за развода родителей, вы бы это поняли?

Повисла долгая пауза, такая долгая, что судья перестал писать и нетерпеливо постукивал ручкой. Наташа ждала, пока свидетель соберется с мыслями, и тем временем набросала Бену записку: *Мак звонил?*

Бен покачал головой.

– Мисс Девлин? – не вытерпел судья. – Вы слышали вопрос?

– Да, – отозвалась она тихим спокойным голосом. – Я слышала вопрос. Могу только ответить, что я не знаю.

Мать твою, сказала про себя Наташа.

Мисс Девлин положила руки на трибуну:

– Знаю только, что, если ребенок уходит в себя, он страдает. Все в поведении Люси – ее молчаливость, равнодушие к тому, что ей раньше нравилось, отдаление от подруг – говорит мне, что она страдает. – Она сделала глубокий вдох. – Но не знаю, отчего такие дети, как Люси, страдают, поскольку они недостаточно доверяют нам, чтобы поделиться. Они ничего не рассказывают учителям и родителям, потому что не уверены, что те не разозлятся, если услышат неприятное. Поэтому я скажу «нет», миссис Макколи. Они не рассказывают нам, потому что в половине случаев никто их все равно не слушает. – В зале суда сделалось очень тихо.

Мисс Девлин теперь обращалась к родителям. У нее зарделись щеки, а голос стал громким и настойчивым. – Видите ли, я наблюдаю это неделю за неделей, год за годом. Я вижу, как мир этих детей разбивается вдребезги, их привычная жизнь распадается, а их даже не спросили. У них нет права выбирать, где жить, с кем проводить время, кто будет их новой мамой или новым папой. Да что там, иногда даже какая у них будет новая фамилия. А мы, учителя, так называемые образцы для подражания, должны говорить им: все нормально, это жизнь, им просто придется привыкнуть к этому. И конечно, чтобы они не запускали учебу.

– Мисс Девлин... – начал судья.

Словно плотину прорвало.

– Но это не так. Это предательство. Это предательство, а мы все молчим. Молчим, потому что жизнь тяжела, и иногда детям приходится этому учиться, так? Это просто жизнь! Но если бы вы были на моем месте, вы бы увидели этих потерянных детей, таких одиноких, что и представить нельзя... опустошенных... Знаете, честно говоря, какая разница, били этого ребенка или нет... – Она утерла лицо пухлой рукой. – Да, я понимаю, миссис Макколи, о чем вы меня спрашиваете. И, как я уже сказала, для меня это не имеет значения. Тот факт, что я стою здесь, что меня спрашивают, какую именно боль причинили этому ребенку и кого в этом винить, и все это для того, чтобы определить, кто больше получит в этом отвратительном брачном балагане, делает меня соучастницей.

Миссис Перси будто окаменела. Ее муж возмущенно сказал своему барристеру: «Я не собираюсь это выслушивать! Она истеричка».

– Мисс Девлин... – начала Наташа, но учительница остановила ее, подняв руку.

– Нет, – твердо сказала она. – Вы попросили меня принять в этом участие, поэтому вот что я вам скажу. С ними все будет в порядке. – Она кивнула саркастически. – Как, не сомневаюсь, вы и сами знаете, они повзрослеют чуть быстрее, станут чуть мудрее. Но знаете, что еще? Они перестанут доверять. Они станут циничнее. Всю оставшуюся жизнь они станут ждать, что все будет разваливаться на куски снова и снова. Потому что мало кому удастся, очень мало кому, испытывать собственную боль и давать ребенку поддержку и понимание, которое ему необходимо. На собственном опыте знаю, что у большинства родителей не хватает для этого ни времени, ни сил. Возможно, они слишком эгоистичны. Но откуда мне знать? У меня нет детей. Я даже не замужем. Я одна из тех несчастных, кому платят за то, чтобы они собирали осколки. – Она замолчала.

В зале суда воцарилась полная тишина. Все ждали. Секретарь, быстро

печатавший на компьютере, остановился в ожидании. Мисс Девлин сделала глубокий вдох. Потом, видимо, взяла себя в руки и обратилась к судье:

– Позвольте, пожалуйста, мне уйти. С меня довольно.

Судья был явно ошарашен. Глянул на Наташу. Она кивнула, заметив, что Симпсон сделал то же самое.

Мисс Девлин взяла свою сумочку и решительно направилась к выходу. Дойдя до скамьи, где сидели супруги Перси, она остановилась. У нее покраснели уши и задрожал голос, когда она заговорила.

– Не поверите, но Люси очень легко может сбиться с пути, – тихо сказала она. – Для этого вам достаточно перестать ее слушать.

Наташа стояла и смотрела, как низенькая, аккуратно одетая женщина скрывается за массивной деревянной дверью. Справа раздался неодобрительный гул. Она вдруг увидела сцену будто чужими глазами, будто в рамке, как сказал бы Мак: родители, взбешенные общим врагом в большей степени, чем друг другом; ее помощник, тайно радующийся неожиданному повороту событий; судья, что-то шепчущий секретарю. Она начала вынимать шпильки из парика:

– Ваша честь, я бы хотела прервать заседание.

– Чего ты хочешь?

Сара стояла у окошка касс, где продавали билеты для пассажиров без автомобилей. Куртка соскользнула на пол огромного разборного ангара. Она сняла шапку, но девочка в сапогах и мокрых джинсах все равно привлекала внимание. Взгляды других пассажиров прожигали ее насквозь.

– Билет, – сказала она тихо. – На одного человека и одну лошадь.

– Ты что, издеваешься? – Толстяк смотрел мимо нее на людей в очереди, ища поддержки.

«Ты видишь, сколько людей!» – было написано у него на лице.

– Я знаю, вы берете лошадей. Они все время пересекают Ла-Манш. – Сара достала паспорт Бо. – Моя лошадь даже родом из Франции.

– И как, по-твоему, она попала сюда?

– На лодке.

– Она умеет грести?

Позади послышался взрыв смеха.

– На пароме. Я знаю, они все время пересекают пролив. Послушайте, у меня есть деньги. И у нас обоих есть паспорта. Мне только нужен...

Он подал знак кому-то, кто сидел неподалеку за стеклянной перегородкой. Его коллега, женщина в таком же форменном пиджаке, встала и подошла к окошку. Оглядела Сару – в замызганной одежде, с

паспортом в руке.

– Нельзя провозить лошадь вместе с пассажирами, – сказала женщина, выслушав объяснения мужчины.

– Я знаю. – От волнения Сара говорила резко. – Я не дура. Скажите, как я могу его перевезти.

– Он должен находиться на транспортере. Тебе нужно обратиться в компанию, которая специализируется на таких перевозках. Нужны справки от ветеринарной службы. Существуют правила перевозки домашнего скота Министерства экологии, продовольствия и сельского хозяйства.

– Он не домашний скот. Он Selle Français.

– По мне, хоть пекинес. Существуют строгие правила перевозки животных через Ла-Манш, и, если ты не убедишь меня, что две ноги у него искусственные, они распространяются и на него.

– Помогите мне. Где найти компанию, о которой вы говорили? Я очень спешу.

Сара стояла в сыром, ярко освещенном зале, и пол стал уходить у нее из-под ног. Она привязала Бо к поручню снаружи ангара и в окно видела, как он послушно ждет, не обращая внимания на небольшую группу людей, собравшихся вокруг. Дети тянули руки, чтобы погладить его.

– Мне нужно сегодня, – сказала она упавшим голосом.

– Об этом и речи не может быть. Нужны справки. Мы не можем посадить лошадь на пассажирский паром.

Люди в очереди начали проявлять недовольство. Сара вдруг почувствовала себя вымотанной, и на глаза от отчаяния навернулись слезы. Их уверенный тон ясно давал понять, что спорить с ними бесполезно. Она молча повернулась и пошла к выходу.

– Что она себе вообразила? Это с лошадью-то!

За спиной раздавался смех. Сара вышла, и ее чуть не сбил с ног порыв холодного ветра.

Она отвязала Бо. Транспортер? Справки? Откуда ей было все это знать? Она взглянула на паром. Трап был спущен, по нему друг за другом двигались автомобили, медленно сокращая расстояние между берегом и паромом, направляемые людьми в светящихся куртках. Ей ни за что не удастся провести Бо мимо них. Ни малейшего шанса. Из груди вырвалось давно сдерживаемое рыдание. Как можно было быть такой глупой?

К ней подошел мужчина. С видом знатока оценивающе и доброжелательно оглядел Бо:

– Участвуешь в каких-то благотворительных скачках?

– Нет. Да. – Сара утерла глаза. – Да, я участвую в благотворительных

скачках. Мне нужно во Францию.

– Я слышал, что ты там говорила. Тебе понадобится *lairage*.

– *Lairage*?

– Это что-то вроде гостиницы для лошадей. В четырех милях по шоссе есть такое заведение. Там тебе помогут. Вот. – Он написал что-то на визитке и протянул ей. – Поезжай назад к участку дороги с круговым движением, тебе нужен третий съезд. Через три-четыре мили будешь на месте. Там все скромно, зато чисто и не очень дорого. В любом случае твоему коню, похоже, нужен отдых.

Она посмотрела на визитку. На ней было написано: «Ферма Уиллетт».

– Спасибо! – крикнула она, но он был уже далеко, а ее крик унес морской ветер.

Наташа откинулась на спинку кресла, перекладывая серебряную лошадку из руки в руку. Она немного потускнела, Наташа потеряла ее слегка, и на пальцах остался серый след.

Ричард, старший партнер, разговаривал с клиентом. Из-за его громкого голоса и акустики старого, ветхого здания было впечатление, что он находится в соседней комнате, а не в другом конце коридора. Теперь он громко, отрывисто смеялся. На миг она задумалась о том, что Линда могла слышать из ее телефонных разговоров: запись на техосмотр, пропущенные мазки ПАП, бессвязные препирания по поводу трещащего по швам брака. Она и не представляла, какая здесь слышимость.

Было без четверти четыре.

Перед Наташей аккуратной стопкой лежали папки с ярлыками. Она положила маленькую лошадку на стопку. По сути, Сара не отличалась от Али Ахмади. Появилась возможность, и она ею воспользовалась. Путь всех детей, которым с малых лет приходилось рассчитывать только на себя. Однако ее поведение, хотя оно и было непредсказуемым, можно было объяснить.

Наташа была сердита, но винить девочку она не могла. Она винила себя за то, что полагала, будто сможет включить Сару в свою жизнь без издержек, без волнений, способных расстроить ее так тщательно организованную жизнь. Как и в случае с Али Ахмади, она заплатила сполна.

Ей понадобилось почти сорок минут, чтобы убедить миссис Перси, что лучше всего будет, если ее заменит Ричард.

– Но я хочу вас, – возражала та. – Вы знаете, что собой представляет мой муж. Вы обещали.

– Мы все объяснили Майклу Харрингтону. Он самый лучший, самый сильный адвокат в этой области. Поверьте, миссис Перси, мое отсутствие никоим образом не повлияет на процесс. При благоприятных обстоятельствах я могу вернуться через день-два. Ричард полностью в курсе дела и готов с вами работать.

Она была вынуждена предложить уступку в оплате за «неудобства». Ричард лаконично сказал, что вычет будет сделан из ее гонорара. Наташа подозревала, что в конечном счете миссис Перси едва заметит скидку, но она была человеком, которому было важно чувствовать, что она в любой сделке что-то выиграла. Ричард сказал: если так можно удержать клиента, то так и следует сделать. Он недовольно хмыкнул, когда Наташа произнесла «чрезвычайная ситуация в семье», и внезапно ощутила сочувствие к своим коллегам с детьми.

– Наташа? Это шутка?

Конор вошел без стука. Она подозревала, что он может прийти.

– Нет, не шутка. – Она встала и достала ключи из ящика. – Да, я передаю дело Перси. Да, все прекрасно обойдутся без меня несколько дней. Если повезет, я могу вернуться уже завтра.

– Ты не можешь взять и бросить это чертово дело. Это грандиозное дело, Наташа. О нем пишут в газетах.

– Ричард меня заменит. По финансовым вопросам выступит Харрингтон, а после сегодняшнего я не сомневаюсь, что им удастся договориться об опеке. Наша мышка мисс Девлин невольно оказала нам услугу.

Конор стоял по другую сторону стола, опираясь на него руками.

– Миссис Перси хочет именно тебя. Ты утирала ей слюни на стадии подготовки и не можешь бросить посередине пути.

– Мы это уже с ней обсудили. Я не собираюсь вызывать других свидетелей. Остальное может сделать Харрингтон. – Он покачал головой, но она продолжила: – Конор, ни того ни другого не волнует благополучие Люси. Дело лишь в деньгах и сведении счетов. Как в любом другом разводе, ты это и сам прекрасно знаешь.

– Но куда ты едешь?

– Пока не знаю.

– Не знаешь?

Вошла Линда с чашкой чая, за ней Бен.

– Интересно, – пробормотала она.

– Чрезвычайная ситуация в семье. – Наташа закрыла портфель.

– Это из-за той девочки? – Конор смотрел на нее во все глаза. – Я

думал, ты отдала ее на попечение социальных органов. Думал, уже кто-то другой решает ее проблемы.

Она сделала ему знак придержать язык. Бен с Линдой смотрели с любопытством.

– Пусть Мак с этим разбирается.

– Я не могу этого позволить.

– Мак? – повторила Линда, перестав делать вид, что не слушает. – Твой бывший? Он-то здесь с какого бока?

Наташа ничего не ответила Линде.

– Мак не знает, с чего начать. Одному ему не справиться.

– Ну конечно! Мы бросаем все и мчимся ему на помощь.

– Это не так.

– Тогда пусть этим занимается полиция. Это ведь кража.

Линда поставила чай на стол.

– Я могу чем-нибудь помочь?

Наташа промолчала.

Конор стиснул зубы.

– Наташа, послушай, если ты сейчас бросишь дело Перси, можешь забыть о карьере в этой фирме.

– У меня нет другого выхода.

– Не сгущай краски.

– Забыть о карьере? Кто из нас сгущает краски?

– Наташа, речь идет о разводе Перси. Ты передала дело в руки Майкла Харрингтона. От результата этого процесса будет зависеть, станешь ты партнером или нет. От него зависит репутация этой фирмы. Ты не можешь все бросить и ринуться на поиски изворотливого ребенка, который, возможно, подстроил все так, чтобы вынудить тебя взять его под опеку.

Наташа встала и подошла к окну:

– Лин, Бен, оставьте нас на минутку, пожалуйста.

Она подождала, пока они не выйдут. У нее было сильное подозрение, что они подслушивают под дверью, и она понизила голос:

– Конор, я...

– Разве ты не уличила ее в краже? И потом, ты никогда ей не доверяла. С первого дня.

– Ты всего не знаешь.

– Интересно почему?

– Хорошо. Скажи тогда, что бы ты сделал, если бы речь шла о ком-то из твоих детей?

– Но она не твой ребенок! В этом вся чертова разница.

– Я несу за нее юридическую ответственность. Ей четырнадцать лет.
– Еще утром ты кляла ее за то, что она украла твою карточку.
– То, что она воровка, не снимает с меня ответственности.
– А стоит ли маленькая воровка твоей карьеры? Бог мой, Наташа, еще несколько недель назад ты волновалась, что этот ребенок с кучей проблем может разрушить твою карьеру. Теперь ты жертвуешь ею ради подонка, которого ты даже не представляешь в суде.

Она представила себя на месте одного из этих детей, которых называют такими словами, как «подонки», «воровки», и отмахнулась от них. Взяла свое пальто.

– Послушай, – сказал он, – прости. Я не хотел тебя обидеть. Я пытаюсь тебя защитить.

– Конор, ты пытаешься защитить не меня, а мою карьеру.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Это из-за Мака. Ты не можешь вынести того, что я взяла ее вместе с Маком, и теперь, когда она сбежала, должна иметь дело с ним.

– Не придумывай.

– Тогда в чем дело?

– Наташа, я партнер в этой фирме. Если ты отстраняешься от дела в середине процесса, мы не только несем финансовые потери, но и наша репутация страдает. Как легко, ты думаешь, нам будет подцепить выгодного клиента в другой раз, если люди будут бояться, что их бросят в шторм на полпути?

– Откуда они об этом узнают? Я могу вернуться завтра. Объясню все Харрингтону. Он поймет.

– В отличие от меня. Ты бросаешь все, – он сделал ударение на этом слове, – ради ребенка, который тебе даже не симпатичен, и ради бывшего мужа, который превратил твою жизнь в сущее наказание. Что ж, желаю удачи, – произнес он ледяным тоном. – Надеюсь, жертва не будет напрасной.

Здание никогда не отличалось крепостью. Но на этот раз дверь хлопнула с такой силой, что с полок свалилось несколько книг.

Бо первый услышал этот звук. Он настолько устал, что последние полмили Сара плакала от стыда, что заставляет его двигаться дальше. Он еле переставлял ноги, свесил голову, каждый его утомленный мускул умолял разрешить ему остановиться. Но у нее не было другого выхода. У нее самой все болело, от усталости суставы не сгибались, но она понуждала его идти вперед. Наконец она увидела на указателе, что ферма

Уиллетт находится в полумиле направо, слезла и пошла пешком, чтобы хоть так облегчить ему жизнь. Она совершенно выбилась из сил. Слезы текли по лицу и смешивались с дождем.

Вдруг они услышали это. Звуки принес порыв ветра: удар, хрип, визг, громкие мужские голоса. Потом все стихло: ветер изменил направление. Бо тотчас преобразился. Вскинул голову, забыв об усталости, и остановился, повернувшись всем телом в сторону странных звуков. Папá как-то сказал, что лошади – циничные создания. Они всегда ожидают худшего. Храбрый Бо задрожал. Сара напрягала слух, пытаясь понять, что происходит, и ее тоже охватила дрожь. Звуки были едва различимы, но было ясно: случилось что-то ужасное.

Они двинулись дальше. Бо пустился легким пугливым аллюром. Он страшился того, что может увидеть, но любопытство пересиливало. Как женщина в ночной рубашке из фильма ужасов.

Они остановились в воротах, глядя на происходящее перед ними. Посередине двора стояла огромная фура. Задние дверцы открыты. Внутри свет. В темноте ярким пятном выделялось что-то красное. Женщина в стеганой куртке согнулась на краю пандуса, закрыв руками лицо. Внутри двое мужчин удерживали лошадь. Она как-то странно изогнулась. Круп опущен, головы и шеи не видно. Похоже, на нее свалилась перегородка, и мужчины пытались ее освободить, громко крича и жестикулируя.

Повсюду была кровь. Она покрыла пол, забрызгала металлические борта трейлера, пропитала воздух, и Сара почувствовала привкус железа на губах. Бо захрапел и попятился в страхе.

– Не останавливается. Боб, дай еще один бинт.

Какой-то мужчина стоял перед лошадьёю на коленях, делая укол. Отбросил шприц. Руки и лицо были в крови. Ноги лошади дернулись в конвульсии. Другой мужчина, более плотный, чертыхнулся: копыто ударило его в колено.

– Ветеринар в пути! – крикнула женщина. – Будет здесь через несколько минут. Он у Джейка.

Она влезла в фургон и попыталась поднять перегородку.

– У нас нет в запасе ни минуты.

– Могу я чем-нибудь помочь?

Женщина обернулась, увидела Бо, Сарину шапку для верховой езды и поняла, что Сара могла бы пригодиться.

– Поставь его там, милая, и помоги мне поднять эту штуку.

– Джеки, она не застрахована, – проворчал старший из мужчин, откручивая болт в полу.

– Иначе нам его не освободить, – сказал мужчина с сильным ирландским акцентом. – Боже правый, как тебя угораздило, старина, попасть в такую катавасию? – Его голова исчезла за перегородкой. – Это успокоительное ни черта не действует. Джеки, у тебя есть еще один шприц?

Сара поставила Бо в стойло и кинулась обратно к грузовику.

– В офисе есть шкафчик! – крикнула ей женщина. – Он открыт. Найди бутылку, на которой написано... черт, забыла название... ромифидин. И шприц. И принеси сюда, ладно?

Сара бросилась бежать со всех ног, возбужденная этой вселяющей ужас обстановкой и возней в грузовике. Отыскала в шкафчике нужную бутылочку и шприц в пластиковой упаковке. Когда она примчалась обратно, женщина уже протягивала руку.

– Бог мой, Джеки, мне кажется, он отщелкнул ее, – сказал мужчина внутри грузовика.

В его голосе слышалась безысходность. Кровь стекала с резиновых ковриков на вымощенный булыжником двор. Сара смотрела, как маслянистые овалы растекались вокруг каждого камня.

– Дай ему успокоительное, не повредит. А если он на грани, поможет продержаться. Где этот чертов ветеринар?

– Сюда. – Джеки показала Саре. – Попытайся удержать ее.

Сара запрыгнула в грузовик и ухватила за низ перегородки, которая была плохо закреплена. Руки скользили, мокрые от крови. Она смотрела на двор, стараясь не глядеть на лежащую рядом лошадь.

Джеки зубами разорвала упаковку шприца. Сняла с бутылочки крышку и проткнула иглой, набрала лекарство и протянула в фургон. Сара дернулась: задняя нога чуть не ударила ее.

– Милая, ты в порядке?

Она молча кивнула. Мужчины были в крови с головы до ног. Вокруг крупы лошади образовалось тошнотворное липкое болото. Оно двигалось медленно, зловеще, пульсируя. Сара увидела кровь и на своей одежде.

– Ну, ну, старина. Будет, – успокаивал лошадь ирландец. – Будет. Джеки, у него глаза закрываются. Похоже, последний укол подействовал. Но мне не дотянуться до ноги, пока мы не поднимем эту перегородку.

У Сары заболела спина, но она молчала. Двор осветили слепящие фары, и она подняла голову. Хлопнула дверца, послышались шаги. По пандусу взбежал рыжий мужчина, открывая на ходу чемоданчик.

– О черт! Ну и картина!

– Тим, похоже, он повредил ногу.

– Сколько крови! Как долго она идет?

– Несколько минут. Я наложил кровоостанавливающий жгут на переднюю ногу, но он грохнулся.

Ноги лошади почти перестали двигаться. Она слабо взбрыкнула несколько раз. Ветеринар согнулся, повернувшись к Саре спиной, и начал осмотр. Его заслонял ирландец и уцелевшая часть перегородки.

– Не знаю, как он это сделал. Запаниковал, когда мы загружали годовалого жеребенка, подпрыгнул и каким-то образом задел верх перегородки. Подался вперед, и вся конструкция рухнула на него. Все случилось так молниеносно, что я и глазом не успел моргнуть.

– Не перестаю удивляться, сколько бед могут навлечь на себя лошади. Ладно, давайте избавимся от этой штуки, чтобы я мог осмотреть его получше. Вы, девочки, толкайте круп, а мы потянем его вперед и освободим переднюю часть.

Сара напрягла все свои силы и быстро вспотела. Рядом работала кудрявая женщина, покрасневшая от напряжения. От ее куртки пахло кровью и сигаретным дымом. Наконец огромная центральная перегородка была снята. Они аккуратно вынули ее, снесли вниз и поставили у борта.

Джеки отерла руки о джинсы, не обращая внимания на оставленные следы.

– Ты в порядке?

Сара кивнула. Ее собственные джинсы были красными от крови.

– Уходи, – сказала женщина. – Больше помощь не нужна. Пойдем в офис. Поставлю чайник. Хочешь чая?

Мысль о чашке горячего чая была такой соблазнительной, что Сара потеряла дар речи. Она прошла за Джеки в маленький офис и села, куда ей указали. Стул из серого пластика сразу же оказался залепан кровью с ее одежды.

– Чертова кровавая работа. – Джеки налила воду в чайник. – В год не больше двух потерь, но каждый раз переживаю. Том не виноват. Он один из самых аккуратных. – Она оглянулась. – Сахар? Помогает от стресса.

– Да, спасибо.

Сару трясло. Она взглянула на лошадь, когда убрали перегородку: она была похожа на Бо.

– Положу два. И себе два. Эта лошадь, сколько крови...

На одной стене висела белая доска, на ней четырнадцать кличек лошадей. Документация. Правила Министерства экологии, продовольствия и сельского хозяйства. Список телефонов экстренной помощи. Визитные карточки перевозчиков, рождественские открытки и фотографии безымянных лошадей. На одном снимке Сара узнала Джеки.

– Держи.

Она взяла чашку окоченевшими руками, наслаждаясь ее теплом.

– Подожду с другими. Если его спасут, остальные могут подождать.

– Думаете, он выживет?

– Боюсь, нет. – Джеки покачала головой. – Не видела еще, чтобы лошадь навлекла на себя такую беду. Он должен был сильно ударить ногой, чтобы отщелкнуть перегородку. А у этих породистых лошадей слабые ноги... – Она тяжело опустилась за стол и взглянула на часы, потом на Сару, будто увидела ее в первый раз. – А ты припозднилась. Не местная?

– Мне... мне вас порекомендовали. Нужно стойло на ночь.

– Куда-то направляешься? – Джеки ее внимательно рассматривала.

Сара отхлебнула из чашки. Кивнула. Если последние месяцы и научили ее чему-то, то это говорить как можно меньше.

– Ты маленькая совсем.

– Все так говорят. – Сара встретила с ней взглядом и выдавила улыбку.

– Мы можем дать тебе стойло. – Джеки открыла большую канцелярскую книгу. – Похоже, одно останется незанятым. Как зовут твою лошадь?

– Бошер.

– Паспорт?

Сара порылась в рюкзаке и протянула ей паспорт:

– Все прививки в порядке.

Джеки полистала страницы, выписала номер и вернула документ.

– Мы берем двадцать пять за ночь, включая сено и корм. Твердый корм за дополнительную плату. Скажешь, что ему нужно, и я распоряжусь.

– Мы сможем остаться на пару дней? Мне нужно спланировать дальнейший маршрут.

– Оставайся, сколько тебе надо, милая. – Джеки вертела шариковую ручку в руке. – Только плати. Оставь мне контактный номер.

– А я могу здесь остановиться?

– Только если хочешь спать на соломе. – Джеки вздохнула. – Ты не забронировала себе номер в гостинице?

– Я думала, это место для людей тоже.

– Нет, людей мы не принимаем. Смысла нет. Водители спят у себя в грузовиках, другие останавливаются в мини-отелях. Могу дать телефоны, если хочешь. Вот. – Она указала на список на стене. – В «Краун» обычно не нужно бронировать заранее. Сорок фунтов в сутки, с ванной. Кейт о тебе позаботится. У нее в это время года мало постояльцев. Могу ей позвонить.

– Это далеко?

– Мили четыре по шоссе.

Сара съежилась. Несколько минут молчала, пытаясь справиться с волнением.

– Я приехала сюда верхом, – наконец сказала она. Воротник заглушал ее голос. – Мне туда не добраться.

Она так устала, что не могла двигаться. Она была готова умолять женщину разрешить ей спать на полу в офисе.

Раздался приглушенный выстрел. Джеки достала пачку сигарет из ящика, вынула сигарету и постучала ею о столешницу. Помолчала немного.

– Говоришь, приехала сюда верхом? Откуда?

Сара еще не пришла в себя после выстрела.

– Все сложно.

Джеки прикурила, откинулась на спинку стула и глубоко затаилась.

– У тебя неприятности? – Голос зазвучал более жестко.

Сара знала этот тон. Тон человека, который предполагал самое худшее.

– Нет.

– Лошадь твоя?

– Вы видели паспорт.

Женщина смотрела на нее.

– Там мое имя. Посмотрите. Он меня знает. Могу его позвать, если хотите. Он мой с четырех лет.

Из грузовика вышел ветеринар. Его саквояж был закрыт.

– У нас есть комната. Двадцать пять фунтов. Соображу какой-нибудь ужин. Вижу, ты к нам привязалась. Обещала Тому покормить его сегодня, лишний человек за столом погоды не сделает. Но, – она наклонилась вперед, – в книгах я тебя регистрировать не буду. Что-то здесь не так. Я дам тебе приют, но ввязываться ни во что не хочу.

Открылась дверь. Вошли двое мужчин, заполнив собой маленькое помещение. Ирландец покачал головой.

– Очень жаль, – пробормотала Джеки. – Том, садись сюда. Я налью тебе чая. И ты тоже, Боб. Садись рядом с...

– Я Сара. – Девочка обхватила чашку.

Она боялась, что, если она скажет или сделает что-нибудь не то, ей не разрешат остаться.

– Перелом и разорванная артерия. У бедняги не осталось шансов. – Лицо ирландца было бледное, с кровавыми пятнами там, где он случайно прикоснулся. – Тиму даже не хватило времени подписать бумаги – принимает жеребенка у кобылы. Один плюс, один минус.

– Забудьте про чай. – Джеки хлопнула крышкой чайника. – Нам нужно лекарство. – Она выдвинула другой ящик и достала бутылку с янтарной жидкостью. – Но это не для тебя, Сара.

Ее глаза блеснули предупреждающе.

Сара подумала, что Джеки угадала ее возраст. Ей не нужны были еще большие неприятности.

Сара сидела с опущенной головой:

– Я лучше чай.

Глава 20

Никогда не подходите к лошади, когда вас обуревают чувства. Гнев, нетерпение, страх... любая другая человеческая эмоция мешает эффективно общаться с лошадью.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Лил дождь. Наташа вышла из офиса и, чувствуя себя неловко в шикарном костюме и на каблуках, в нетерпении зашагала по тротуару взад-вперед. Увидев машину Мака, побежала, зажав под мышкой портфель и сумочку. Он облегченно вздохнул: все-таки что-то близкое в ней еще осталось. Улыбаясь, он потянулся, чтобы открыть для нее дверцу, и она села на пассажирское место, не обращая внимания на гудки автомобилей за ними.

– Я думал, ты...

– Ничего не говори, – перебила она; челюсти сжаты, волосы намокли. – Как только мы ее найдем, нам не надо будет больше общаться. Договорились?

Улыбка исчезла с лица Мака. Он хотел влиться в поток транспорта, но повременил.

– «Спасибо, что приехал за мной на другой конец города», – подсказал он.

– Желаешь благодарности? Хорошо. Спасибо, Мак. Не представляешь, с каким нетерпением я ждала этой встречи. Так лучше? – Наташа покраснела от гнева, на щеках выступили пятна.

– Могла бы и не приходить. Ты ведь все так ясно объяснила. Я за нее тоже отвечаю. *Это* ты мне тоже ясно объяснила, – сказал он раздраженно. – Знаешь что? И без тебя все достаточно сложно. Если хочешь ехать со мной – хорошо, но, если ты будешь продолжать в том же духе, я высажу тебя у дома. Поедем в разных машинах.

– Из-за меня? Да ты не имеешь ни малейшего представления, на что мне пришлось пойти, чтобы отправиться ее искать. И как это скажется на моей репутации.

– Рад снова вас видеть. – Ковбой Джон просунул голову между сиденьями, и Наташа подпрыгнула от неожиданности. – Просто решил вам

напомнить, ребята, что вы не одни.

Он продолжил прикуривать сигарету. Открыв рот, Наташа повернулась к Маку.

– Он знает все о лошадях, – объяснил тот, – и знает Сару с детства. – Наташа промолчала, и Мак продолжил: – Когда мы их найдем, надо будет что-то делать с лошадыю. Таш?

– Так где же она? – Наташа стала рыться в сумочке. – Узнали что-нибудь новое? Мне нужно вернуться на работу как можно скорее.

– Да, – пробормотал Мак, вливаясь наконец в поток транспорта. – Строго говоря, ты единственная из нас, у кого есть настоящая работа.

– Я в середине большого судебного процесса.

– Да, ты говорила.

– И что это значит? – Она резко повернулась к нему.

– Это значит, что ты в очередной раз дала понять, насколько все это для тебя трудно. Как это нарушает твою жизнь. Как я нарушил твою жизнь.

– Это несправедливо.

– Зато точно. Тебе не приходило в голову, что в какой-то степени ты сама виновата?

Ковбой Джон откинулся на спинку сиденья и прикрыл лицо шляпой:

– О боже правый!

– Я виновата?

Транспорт двигался очень медленно. Мак высунул в окно правую руку и втиснулся в другой ряд, впрочем такой же медленный.

– Да, ты.

Возможно, он был недоволен потому, что весь день колесил по городу. Или из-за страха за девочку. Или потому, что Наташа сидела с мрачной физиономией в своем шикарном костюме и разговаривала с ним как с врагом, как с виновным, как с мальчиком для битья.

– Наташа, это ты нас бросила. Это ты взялась о ней заботиться, а потом решила, что это слишком трудно. – Мак понимал, что в ней кипит гнев, но продолжил: – Полагаешь, ты единственная, кто испытывает неудобства? Мне пришлось отменить несколько проектов. Джону тоже есть чем заняться. – Он крутанул руль и быстро перестроился в средний ряд. У него было чувство, будто машина на глазах уменьшается в размерах. – Может быть, если бы ты осталась, поставила бы Сару выше своей гордыни, нам не пришлось бы все это расхлебывать.

– Так ты меня в этом обвиняешь?

– Ты сыграла известную роль.

– А кто, интересно, привел в дом подружку и выставил ее, как на

параде, в нижнем белье перед Сарой?! – Наташа перешла на крик.

– Я не выставял ее как на параде!

– Она была полуголая. Я вошла в свой дом – в наш дом, – а там разгуливает эта чертова сексапильная гламурная модель в трусах и самодовольно мне улыбается!

– Интересный у вас дом, – заметил Джон.

– Полагаешь, Саре стоило это видеть? Когда мы разыгрывали перед ней счастливую семью?

– Слушай, только не делай вида, будто это как-то повлияло на ее бегство.

– Но вряд ли способствовало гармоничной обстановке.

– Я уже извинился. – Мак стукнул кулаком по рулю. – Сказал, что это не повторится. Можно подумать, твой дружок не приходил в наш дом, да? В мою спальню.

– Это не твоя спальня!

– Была когда-то нашей.

– Становится все интереснее и интереснее. – Джон затянулся сигаретным дымом.

– Он ни разу не оставался на ночь, пока ты жил в доме. Поэтому не...

– Только потому, что вам есть где встречаться.

– А-а... – Она выпрямилась и сложила руки на груди. – Я ждала, когда ты заговоришь об этом.

– О чем заговорю?

– О моем втором доме. Меня предупреждали. – Она покачала головой. – Зря не слушала.

– Что все это значит, черт возьми? – Мак глянул на нее.

– Что ты используешь это против меня, когда придет время делить имущество.

– Ради бога, не делай из себя посмешище. Думаешь, мне есть дело до твоего чертова съемного коттеджа? Да мне плевать, если бы ты проводила выходные на проклятом QE2!^[45]

– Простите, что вмешиваюсь. – Джон нагнулся и выпустил длинную струйку дыма. – Поверьте, я мог бы слушать вас часами. Но мне кажется, мы теряем нить.

У Мака колотилось сердце.

Она отодвинулась от него как можно дальше, словно от заразного, что было непросто в салоне маленького автомобиля. Будто жалела, что согласилась поехать.

– Не могли бы вы, голубки, заключить перемирие? – спросил Джон. –

Пока мы не найдем ее? Было бы... неплохо.

Они сидели молча. Сжав зубы, Мак ехал через город на восток.

– Я не возражаю, – тихо сказала Наташа и потянулась за потрепанным атласом. – Куда мы, вообще-то, едем?

– О, она будет в восторге! – захихикал Джон.

Мак смотрел прямо перед собой:

– Во Францию. – Он бросил ей на колени паспорт. – Она отправилась во Францию.

На рассказ об их визите в больницу ушло все время пути по тоннелю Блэкуол, забитому автомобилями. Наташа несколько раз спросила, не ослышались ли они, был ли старик вообще в здравом уме, но в конце концов у Ковбоя Джона лопнуло терпение.

– Он болен, но ум у него такой же острый, как у вас, леди, – проворчал он.

Было видно, Наташа ему не нравилась. Он смотрел на нее, как на шипящих гусей у себя на дворе, – с явным подозрением.

– Даже если вы не ослышались, с трудом верится, что Сара могла проделать весь этот путь до... Где это?

– Посмотри на карте. – Мак показал пальцем, не отрывая глаз от дороги. – Полпути до Франции.

Наташа зажмурилась:

– Но она ведь не попадет туда?

– Самое большее доберется до побережья. Если только эта лошадь не переплывет Ла-Манш.

– Джон, я думаю, она и до Дувра не доберется.

Они выехали из тоннеля. Темнело. У Мака упало сердце: и по другую сторону была медленно ползущая пробка. Он повернул направо, на шоссе с двусторонним движением.

– Он говорит, лошади понадобится отдых задолго до этого.

Наташа демонстративно откашлялась и открыла окно со своей стороны. Принюхалась и резко повернулась. Повисла зловещая пауза.

– Это то, что я думаю?

– Откуда мне знать? – сказал Джон. – Я читать чужие мысли не умею.

– Это травка?

Он вынул самокрутку изо рта и внимательно ее осмотрел:

– Надеюсь, учитывая цену, которую я за нее заплатил.

– Курить это в машине нельзя. Мак, скажи ему.

– Могут выйти, если хотите, леди.

Наташа уронила голову на руки. Мак встретился взглядом с Джоном в зеркале. Они едва заметно подмигнули друг другу.

Наташа подняла голову и сделала глубокий вдох:

– Послушайте, мистер Ковбой или как вас там, я была бы вам очень признательна, если бы вы не курили наркотики в автомобиле. По крайней мере, когда мы стоим в пробке.

Она сползла на сиденье и посмотрела на машины с обеих сторон.

– Я курю, чтобы меня не укачивало. Кроме того, я расстраиваюсь, когда вы ругаетесь. А это плохо для нас, пожилых. Сами видели, до чего стресс довел Капитана.

Наташа сглотнула. Она была похожа на человека, который держит в руке горящий лист бумаги.

– Хочу уточнить. Если мы не позволим вам курить запрещенные вещества в машине Мака, вас или вытошнит, или вы умрете от стресса?

– Что-то вроде того.

Мак наблюдал, как она пытается выровнять дыхание. Ей удалось это не сразу. Впервые за последние дни ему захотелось улыбнуться.

Ковбой Джон помнил время, когда час пик в Лондоне действительно длился один час. Теперь пробки начинались сразу после окончания уроков в школе и не рассасывались по крайней мере еще четыре часа. Как посторонний наблюдатель, а возможно, сказалось то, что он выкурил немалую долю запаса травки, он безучастно отметил, что они выбрали для путешествия самое неблагоприятное время. К тому же он хотел в туалет. Снова.

Чтобы еще больше усилить драматизм ситуации, начался ливень. Машина Мака торчала в длинной пробке на шоссе А2. Между движущимися со скрипом стеклоочистителями виднелась вереница багровых стоп-огней, похожая на хвост огромного красного дракона.

Последние полчаса Наташа молчала, посылала сообщения по телефону, просматривала документы, делала записи. Приглушенным голосом возбужденно обсуждала детали судебного процесса и шепотом говорила с кем-то, вероятно с Конором. Когда она с треском захлопнула крышку телефона, Мак втайне обрадовался. В пятнадцатый раз переключил волну, тщетно пытаясь найти последние известия об обстановке на дорогах.

– Не понимаю, зачем ты это делаешь, – резко сказала она. – И так ясно, что мы застряли в пробке.

Мак пропустил ее замечание мимо ушей. Было видно, что телефонные

разговоры взвинтили ее. Если бы он сказал, что слушает новости об авариях, в которых задействованы лошади, это не исправило бы положения.

– Мне кажется, она уже выехала из Лондона. – Мак постучал пальцами по рулю. – Предлагаю съехать с А2 на следующем перекрестке и повернуть на шоссе В. Должно быть, она успела задолго до того, как начался этот затор. Если повезет, мы можем даже ее обогнать.

Он высунул руку в окно поприветствовать водителя, который позволил им перестроиться в соседний ряд.

– Предлагаю следовать ее предполагаемым маршрутом, а если до восьми не найдем ее, звоним в полицию.

На заднем сиденье была видна только шляпа.

– Похоже на план. – Шляпа кивнула. – Хотя идея с полицией мне по-прежнему не нравится.

– Потому что придется выбросить эту вашу дурь в окно?

– Милая, когда я помру, вам придется вырывать эту дурь из моих окоченевших рук.

– Можем организовать, – сказала она с напускной любезностью.

– Мне вот что пришло в голову. – Мак посмотрел на Наташу. – Если мы заблокируем твою кредитку, она останется без денег. А ей нужны деньги, чтобы добраться туда и вернуться назад.

Наташа задумалась.

– Но если мы оставим ее без денег, то подвергнем еще большему риску.

– Я считаю, что отсутствие денег ее не остановит. Она девочка решительная, – сказал Ковбой Джон.

– Это зависит от того, сколько она уже сняла, но, если позволить продолжать ею пользоваться, никто не знает, куда она может уехать. Так мы только помогаем ей сбежать.

– Вы точно уверены, что она взяла вашу карту? – спросил Джон. – Могу сказать, я давно знаю эту девочку, она не из тех, кто способен на кражу.

Мак ждал, что Наташа расскажет о рыбных палочках в супермаркете, о том, что из дому исчезали деньги. Но она о чем-то сильно задумалась.

– Если она будет пользоваться карточкой, – произнесла Наташа, будто размышляла вслух, – мы можем узнать, где она была. Есть такая услуга: можно позвонить и узнать детали последней транзакции. – Она повернулась к Маку, и впервые на ее лице не отражалось желания обвинить. – Иногда эти детали можно узнать уже через пару часов после транзакции. Мы можем ее выследить без полиции. А если она

остановилась в отеле – отлично. Поедем прямо туда. – Она улыбнулась. – Вполне возможно, мы найдем ее уже сегодня вечером.

Ковбой Джон глубоко затынулся.

– Она не так глупа, как вам кажется, миссис.

– Я не его миссис, – огрызнулась Наташа и набрала номер. – Откройте окно, Ковбой. В машине воняет.

– Дартфорд, – победно провозгласила она через пятнадцать минут. – Сняла сто фунтов в Дартфорде около полудня. Мы движемся в правильном направлении.

На карте все выглядело так просто, думала Наташа, ведя пальцем по красной линии. Шоссе А2 шло относительно прямо через Ситтингборн, Джиллингем и дальше до Кентербери. Они ехали в темноте, вереницы машин то продвигались, то замирали, шел дождь, стекла от дыхания запотели, но нигде не было видно следов девочки и ее лошади. И тем более признаков, что они проезжали здесь.

Наташа молчала. Чем больше они удалялись от Лондона, тем тяжелее у нее становилось на душе. С каждой милей она все больше осознавала масштаб того, что им предстояло сделать. Сара могла быть где угодно в радиусе пятидесяти миль. Она могла уехать на восток от Дартфорда. Она могла предвидеть, что ее будут искать в Дувре, и решила поехать в какой-то порт поменьше. Хуже всего, если они неправильно поняли и она вовсе не направляется во Францию.

Когда добрались до Кентербери, Наташа была уверена, что они заехали слишком далеко. Сюда девочка не смогла бы попасть, убеждала она мужчин. Только посмотрите на погоду. От напряжения у нее болели глаза, когда она высматривала беглецов в тусклом свете уличных фонарей среди прохожих и проезжающих машин.

– Думаю, нам надо поворачивать назад.

Но Мак настаивал, что Сара должна следовать этим маршрутом и, если ее здесь нет, надо двигаться дальше.

– Она выехала из города в семь утра! Сейчас она может быть черт знает где. – Он склонился над рулем, всматриваясь в темный горизонт.

Джон колебался:

– Лошадь сильная и сделает все, о чем попросит девочка...

– Что? – обернулась к нему Наташа. – Что вы хотели сказать?

Темнота в машине скрывала лицо Джона.

– Я хотел сказать, если только они не попали в аварию.

К семи часам транспорта стало чуть меньше, все чаще попадались

указатели на Дувр. Они останавливались четыре раза по настоянию Джона, когда ему снова нужно было в туалет или когда попадались отели или мини-гостиницы. Когда Наташа интересовалась, не появлялась ли у них девочка с лошадью, все без исключения администраторы смотрели на нее как на умалишенную. Она не могла их винить: ей и самой вопрос казался безумным.

Вернувшись к машине, она всякий раз снова спрашивала, действительно ли дедушка сказал, что Сара собралась во Францию, пока Мак не попросил ее перестать относиться к ним как к слабоумным. Все это время верный Бен посылал ей эсэмэски, сообщая о совещании партнеров, проходившем без нее.

Линда говорит, не стоит волноваться, написал он в конце, и Наташа подумала, что это верный знак: причины для волнения есть. За последние полчаса они растеряли уверенность. Мак решал математические уравнения, пытаясь сосчитать, как далеко могла уехать девочка на лошади при средней скорости пятнадцать миль в час, учитывая ужасные погодные условия и отсутствие еды.

– Мне кажется, она остановилась где-нибудь под Кентербери, – заключил он. – Или стоит вернуться в Ситтингборн.

– Они наверняка промокли до нитки, – печально произнес Джон, протирая стекло со своей стороны рукавом.

– Думаю, надо где-нибудь остановиться и обзвонить гостиницы, – заметила Наташа, – но мне понадобится чей-нибудь телефон: мой скоро разрядится.

Мак достал из кармана свой и протянул ей. Она вспомнила последний год их брака, когда они прятали друг от друга телефоны: игривая эсэмэска могла послужить уликой или стать симптомом приближающегося разрыва.

– Спасибо.

Наташе не хотелось его открывать, она боялась увидеть сообщения от той женщины, пропущенные звонки от нее, которые могли рассказать о другой стороне его жизни.

– Мне нужно в туалет, – в очередной раз провозгласил Джон.

– Нам надо заправиться, – подхватил Мак. – Предлагаю ехать в Дувр. Если она направляется туда, не важно, если мы ее обгоним.

– Но если она остановилась в Кентербери, то до Дувра доберется только утром.

– Не знаю, что еще предложить. Ничего не видно. Можно ездить всю ночь без толку. Поедем в Дувр, остановимся где-нибудь, где есть стационарный телефон, и обзвоним гостиницы, как ты предложила. Заодно

перекусим. Мы все устали.

– А потом что? – Наташа осторожно положила телефон Мака на приборную панель.

– Ну, если повезет, узнаем, где она, по твоей кредитке. Других идей нет.

Они остановились в безликом отеле средней руки, принадлежащем международной сети, – это были два приземистых краснокирпичных корпуса, соединенные стеклянной галереей. Наташа стояла в неуютном вестибюле – в помятом костюме, разгоряченная. Ей страшно захотелось присесть, съесть и выпить чего-нибудь. Мак разговаривал с женщиной-администратором. Наташа с горечью заметила, что та улыбается ему совсем не профессиональной улыбкой, и отвернулась. Ковбой Джон устроился в кресле у стены, вытянув ноги и свесив голову. Наташа заметила, что проходившие мимо постояльцы старались держаться от него подальше. Когда он приподнял шляпу и игриво подмигнул молоденькой женщине, ее сочувствие моментально испарилось.

– Ну вот. – Мак убрал бумажник в карман. – У нас двухместный с одной кроватью и двухместный с двумя.

– Нам нужны три номера.

– Это последние свободные номера. Хочешь в другую гостиницу – пожалуйста, а я останусь здесь: с ног валюсь от усталости.

Ей хотелось спросить: и в каком номере ты собираешься спать? Но лицо у него было такое усталое, что она ничего не сказала и молча пошла за ним к лифтам.

Выбор за него сделал Джон. Когда двери лифта открылись на втором этаже, он взял ключ у Мака.

– Приму ванну и съем чего-нибудь. Позвоните мне, ребята, когда определитесь с планами.

Он вышел из лифта, и Наташа с Маком остались одни, испытывая неловкость.

Номер оказался в дальнем конце коридора. Отчего-то Наташе доставались только такие. Они молча подошли к двери, Наташа хотела что-то сказать, но Мак протянул ей ключ:

– Займись телефоном. Я схожу в паромный терминал: вдруг она там.

– Тебе надо поесть.

– Куплю что-нибудь по дороге.

Она смотрела, как он уходит, слегка ссутулившись, и поняла, какой груз ответственности за Сару он испытывает.

Ей передалось его отчаяние. Она прошла в номер и присела на минутку, пытаясь не думать о том, что́ станется с ее карьерой, о том, что бывший муж ходит под дождем по улицам Дувра, и о том, что, к своему стыду, не испытывает никаких других чувств, кроме негодования. Наташа Макколи сделала то, что делала всегда, когда сталкивалась с жизненными трудностями. Поставила чайник, взяла блокнот и ручку и принялась за работу: начала обзванивать гостиницы.

Мак вернулся почти в половине одиннадцатого. К тому времени Наташа, взяв у администратора телефонный справочник, обзвонила все гостиницы Дувра и окрестностей в радиусе десяти миль. Никто ничего не знал о Саре Лашапел и не видел девочку с лошадьё. Хотела позвонить Маку, но решила, что в этом нет смысла. Он бы сам дал знать, если бы были новости.

Полчаса назад вышел на связь Ковбой Джон: раз никаких планов нет, он пока вздремнет. Наташа пожелала ему спокойной ночи, моля Бога, чтобы он не поджег номер. Выбившись из сил, мучась от боли в шее, она заказала ужин и бутылку вина. Размяла ноги, подняла руки над головой. В дверь постучали.

В коридоре стоял Мак. Он молча прошел мимо нее и устало сел на кровать. Упал на спину, заслонившись рукой от яркого света.

– Ничего нового. Они будто сквозь землю провалились.

Наташа налила вино в бокал и протянула ему. Он сел и взял бокал. На подбородке щетина, от одежды несет соленым ветром и холодом.

– Обошел весь Дувр. Даже пляжи.

– С персоналом разговаривал?

– Говорил с ребятами, которые загружают машины. Подумал, они бы ее заметили. Они сказали, что животных перевозят только на грузовиках. Таш, она должна быть где-то поблизости. Дальше уехать она не могла.

Они сидели молча, пили вино.

– А если она поехала в другой порт? Я решил, что Дувр, а если она в Харидже? Или в Ситтингборне?

– Харидж в другом направлении.

– Не знаю, что еще можно сделать, – вздохнул Мак. – Думаю, надо звонить в полицию.

– Ты ее недооцениваешь. Она все спланировала. У нее моя карточка. Она где-то в безопасном месте.

– Но ты же обзвонила все гостиницы.

– Значит, она сюда еще не добралась. – Наташа пожала плечами. – Все гостиницы юга Англии я обзвонить не могу. Черт, может, она остановилась

на какой-нибудь ферме. Или в конюшне. Может, у нее есть здесь друг. Да существует миллион разных мест, где она может быть.

– Именно поэтому надо звонить в полицию.

– Ох, Сара, Сара. – Наташа села в дальнем углу второй кровати и застонала от досады. – Какую игру ты затеяла?

– Думаю, Таш, это не игра.

– Считаешь, она украла мою карточку случайно?

– Скорее, от отчаяния.

– Почему? Мы давали ей все, о чем она просила. Заботились о ее лошади. Я собиралась повести ее по магазинам, чтобы она могла купить для своего дедушки все необходимое. – Наташа покачала головой. Страх и усталость сделали ее суровой. – Нет. Просто свободы захотелось. Ей не нравились наши правила. Не нравилось, что она не может видаться с лошастью когда захочет. Мы заставляли ее посещать школу, не разрешали уходить из дому и возвращаться когда пожелает. Насаждали порядок вместо хаоса. И она нам так отплатила.

– Отплатила?

– Ты думаешь, она рассуждает, как мы. Что она – как мы. Но признай, она с самого начала была загадкой. Мы не имеем ни малейшего представления, что за человек Сара Лашапель.

Мак с удивлением смотрел на нее.

– Что? – не выдержав, спросила она.

– Бог мой, ты стала жестокой.

Это было равносильно удару.

– Я стала жестокой, – повторила она медленно.

Почувствовала комок в горле, но взяла себя в руки. И почему, как ты думаешь? – хотелось сказать. И кто меня, как ты думаешь, сделал такой?

– Ладно, Мак. Почему ты думаешь, что Сара – невинная жертва?

– Потому что ей четырнадцать. Потому что у нее никого нет.

Наташе вспомнился Али Ахмади.

– Это не делает ее ангелом. Она крала у нас деньги, взяла мою карточку, скрывала все от нас. А теперь сбежала.

– Ты всегда видела в ней худшее.

– Неправда! Я просто смотрю на нее без твоих розовых очков.

– Что ты тогда здесь делаешь? Зачем пытаешься ее найти?

– Потому что беспокоюсь за ее благополучие.

– Так ли? А может быть, не хочешь признать, что не справилась?

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе это не нравится, да? Чемпионка по оказанию помощи

потерянным детям не способна справиться с одной девочкой, за которую взяла ответственность. Думаю, поэтому ты и не хочешь звонить в полицию.

– Да как ты смеешь?! – Ей хотелось плеснуть вино ему в лицо. – Я вижу таких детей каждый день. Вижу, как они сидят на скамье, беспомощные и трогательные. Через сорок минут я выпускаю их на свободу или нахожу новый дом и слушаю, как они радостно божатся, что больше этого не повторится. А я знаю, что в половине случаев они снова угонят машину или украдут шмотку из магазина. Я знаю этих детей. Бывала игрушкой в их руках. Они вовсе не глупы и не всегда беспомощны. – Она сняла туфли и сбросила их на ковер. – В каком-то смысле Сара – порядочный ребенок, но она не лучше и не хуже других. И то, что я вижу это, не делает меня плохим человеком, несмотря на то что ты обо мне думаешь.

Она прошла в ванную, хлопнула дверью и села на стульчак. Вытянула руки и увидела, что они дрожат. Потом в бессильной ярости бросила в дверь коврик и два полотенца.

В спальне было тихо.

Она сидела в ванной, прислушиваясь, ожидая, что Мак встанет и выйдет из номера. Он не захочет остаться с ней в одной комнате, как и она с ним. Она скажет, что лучше ему ночевать в номере Ковбоя Джона.

Самое ужасное, в его словах была правда. Она не хотела обращаться в полицию. Не хотела объяснять, при каких обстоятельствах взяла Сару, как не смогла о ней позаботиться и даже обеспечить ее безопасность. Если они найдут Сару сами, девочка может спокойно отправиться в более подходящую семью.

Наташа горестно вздохнула. Маку легко негодовать, снова изображать хорошего полицейского. Легко быть милым, когда это ничего ему не стоит. Это история их брака. Наташа уронила голову на руки, в нос ударил запах дешевого чистящего средства. Ей нужно прояснить голову. Она не хотела, чтобы он видел, насколько был прав. Чтобы вообще увидел какие-либо ее чувства.

Когда она с непроницаемым лицом вышла из ванной, репетируя в уме, что ему скажет, в комнате было тихо. Мак спал, прикрыв глаза рукой. Она бесшумно прошла к другой кровати и посмотрела на него – мужчину, который когда-то был ее мужем. Она была сражена его близостью и его ненавистью к ней.

Она не могла отвести от него взгляд. Ведь последние два месяца она почти не смотрела на него. Его руки, грудь под полинявшей футболкой... Сколько раз она прижималась к нему, стискивая в объятиях? А сколько раз,

напомнила она себе, поворачивалась спиной, замуривая глаза и сдерживая слезы? Как он может так ее ненавидеть? А ведь когда-то любил.

Наташа вылила остатки вина в бокал и с горечью выпила залпом. Потом помимо воли взяла сложенное покрывало в ногах Мака и накрыла его.

Выключила свет. Села у окна, глядя на обдуваемую ветром автостоянку, на чернильно-черное море вдалеке, все еще надеясь, вопреки рассудку, увидеть на темной улице девочку верхом на лошади.

Когда она проснулась, свернувшись комочком в кресле, с задеревеневшей шеей, комнату освещал голубоватый свет зари. Мака не было.

Глава 21

Если желаете, чтобы лошадь научилась выполнять свою работу, самое лучшее, что вы можете сделать, – это проявлять к ней доброту всякий раз, когда она выполняет то, что вы хотите.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Сара заканчивала уборку последнего стойла Джеки. Вдруг раздался голос Тома, и она подпрыгнула от неожиданности.

– Не хотел тебя напугать. – Он стоял по другую сторону двери.

– Я просто не слышала, как вы подошли. – Она обмоталась шарфом по самый нос, и от теплого дыхания кожа стала влажной.

– Пришел спросить – будешь завтракать? Джеки готовит. Она сияет от счастья, что кто-то другой убрал за нее все стойла.

– Я проснулась рано. – Сара сощурилась от низко стоящего солнца. – А потом она выстирала мою одежду.

– А-а. Хорошие манеры и деловая этика. Родители неплохо воспитали тебя.

Том улыбнулся. Целый час до этого он отмывал грузовик. Сара слышала, как за стойлами работал шланг высокого давления, как вода стекала с металлических поверхностей, как он время от времени что-то скреб, непрерывно при этом весело насвистывая. За столом вчера вечером он был подавлен, потрясен смертью лошади. Ковырял вилкой в тарелке, и Джеки никак не удавалось его развеселить. Сара тоже была молчалива, изнуренная до полубеспамятства событиями того дня. Она закончила ужин практически в тишине. Глаза слипались, и она с благодарностью ускользнула в комнату для гостей. Джеки с мужем явно этому обрадовались: даже сквозь сон Сара слышала, как они смеялись и разговаривали.

Она проснулась в седьмом часу и не сразу поняла, где находится. Потом, когда память вернулась, почти инстинктивно выскочила из постели и в одной футболке помчалась к Бо.

Когда он высунул голову из-за двери стойла и заржал, она успокоилась. Прошла в стойло, дрожа от утреннего холода. Он стоял спокойно, накрытый взятой напрокат попоной, и по нему нельзя было

догадаться, что днем ранее он проделал такой долгий путь. Сара осмотрела его ноги, подняла по очереди копыта. Все было в порядке. Прижалась лицом к его шее, потом вернулась в дом, но спать не могла. Оделась и пошла чистить его стойло.

Уборка в других стойлах не была благотворительной акцией, хотя именно так это воспринял Том: в отсутствие четкого плана ей необходимо было обеспечить себя местом для ночевки. Существовала система гостиниц для лошадей, о которой она ничего не знала. Там оставляли пони, когда семья эмигрировала; беговых и скаковых лошадей, чья стоимость выражалась пятью или шестью цифрами, когда их хозяева переезжали. Всех их, как и ее, ждала новая, неизведанная жизнь. Менее ценные лошади, обессиленные и ослабевшие, те, кого отправляли на континент в грузовиках для скота, были лишены такого отдыха. По другую сторону пролива их отвезут на бойню.

– Вчера ты насмотрелась. Надеюсь, кошмары ночью не мучили.

У Тома вокруг глаз были морщинки. Либо он часто улыбался, либо щурился на солнце. Было сразу видно, что он ирландец, даже без его акцента.

Сара оперлась на вилы, представила раненую лошадь.

– Как вы думаете, она не очень мучилась?

– Нет. У них болевой шок. Как у людей. И ветеринар пристрелил ее быстро.

– Хозяин расстроится?

– Не принимай близко к сердцу, дочка. Скорее всего, не очень. Эта была всего лишь неудачливой беговой лошадкой с ловкими ногами. Хозяин продал ее французскому торговцу в составе целой партии. Если честно, когда я позвонил ему утром, его больше беспокоила страховка.

Сара носком сапога сбила засохшую грязь с двери стойла.

– Как ее звали?

– Лошадь? Черт, не помню.

Он запрокинул голову. Только тогда Сара осмелилась рассмотреть его и заметила, к своему ужасу, что левая его рука была ненастоящая, сделана из резины телесного цвета.

– Дьябло. – Том посмотрел на нее, и она покраснела от смущения, что ее застали врасплох. – Нет, Дьябло Блу. Ну да. Так я скажу Джеки, что ты скоро придешь? Мне надо съездить в Дувр починить перегородку.

Сара задумалась. Возможно, из-за того, что события вчерашнего вечера потрясли его больше, чем Джеки и ее мужа. Или из-за того, как он поглаживал лошадей по носу, проходя мимо каждого стойла, даже не

замечая, что делает. Возможно, из-за его искусственной руки. Но что-то в Томе говорило, что он не представляет угрозы.

– Можно с вами поехать? – Она надела куртку. – Мне нужен банкомат.

Теоретически Том Кеннели жил в Ирландии, но бо́льшую часть недели перевозил лошадей между Англией, Ирландией и Францией. Он сказал, что когда-то был жокеем, пока не потерял руку в результате несчастного случая. Потом сменил несколько профессий, пока не занялся перевозкой.

Работа была не для каждого, сказал он. Многие лошади не желали заходить в фургон. И одного терпения и выдержки было недостаточно, чтобы загрузить и выгрузить их, не нанеся вреда. Нужно было уметь «читать» их, видеть раньше, чем лошадь ступала на пандус, попятится ли она назад, будет ли лягаться или вставать на дыбы наверху. Иногда даже раньше, чем это понимала сама лошадь. Он перевозил старых пони, опытных участников различных мероприятий, иногда спортивных лошадей с изящными ногами, от стоимости которых обливался холодным потом, крутя баранку. За шесть лет до вчерашнего вечера он потерял только одну лошадь. Но нет, он не бросит из-за этого свою работу.

– Она мне подходит, – объяснял он. Они оставили перегородку у сварщика, который обещал починить ее к полудню. После обеда Том планировал перевезти оставшийся груз. – Я люблю лошадей. К тому же моя подруга – девушка самостоятельная. Ей нужна свобода.

– Она любит лошадей?

– Не очень. – Он ухмыльнулся. – Мне кажется, она знала: либо так, либо я перееду на какую-нибудь беговую конюшню. По крайней мере, ей теперь не нужно ухаживать за животными с утра до ночи.

– Мне бы это понравилось. – Сара покраснела.

– Вот твой банкомат.

Он притормозил и остановился напротив мини-маркета. Сара выпрыгнула из кабины и побежала на другую сторону улицы. Вынула из кармана карточку, вставила в автомат и набрала цифры. Обернувшись проверить, не смотрит ли он, и затаила дыхание.

Она была готова к тому, что последует отказ или даже завоет сирена, – ей это снилось в кошмарном сне. Но автомат вел себя на удивление послушно. Она сняла еще сто фунтов и засунула деньги поглубже в карман, прося про себя прощения у Папá, Мака и Наташи. Она уже собиралась бежать назад, когда заметила телефонную будку, красную, старомодную, со стеклянной дверцей. Том читал газету, и она вошла в будку, морща нос от запаха мочи. Аппарат принял карточку, и она набрала номер.

Послышались далекие гудки. Когда она уже собиралась повесить трубку, раздался щелчок.

– Неврологическое отделение.

– Могу я поговорить с мистером Лашапелем? – Ей пришлось кричать, так как мимо прогрохотал грузовик.

– С кем?

– С мистером Лашапелем. – Сара заткнула пальцем другое ухо. – Это Сара, его внучка. Вы можете меня соединить с ним? Он в четвертой палате.

Последовала пауза.

– Не кладите трубку.

– Алло? – послышался другой голос.

– Это Сара. Можно мне поговорить с мистером Лашапелем?

– Здравствуй, Сара. Это сестра Доусон. Сейчас принесу ему телефон. Но предупреждаю: его состояние ухудшилось. Если у тебя там шумно, ты можешь не расслышать, что он говорит.

– Он в порядке?

Сестра замешкалась, и у Сары упало сердце.

– Во сколько ты придешь? Хочешь, я организую встречу с врачом для тебя и твоей приемной семьи?

– Сегодня я не смогу.

– Хорошо. Он в порядке, но с речью плохо. Говори громче. Связь не очень хорошая. Я тебя с ним соединяю.

Шаги, скрип двери. Приглушенный голос: «Мистер Лашапель, это ваша внучка. Я приложу трубку вам к уху, хорошо?»

Сара затаила дыхание.

– Папá?

Тишина. Какой-то звук. Или ей показалось, мешал шум проезжающего транспорта. Она зажала рукой другое ухо. Снова голос медсестры:

– Сара, он тебя слышит. Говори, что хотела ему сказать, но не жди ответа.

Сара сглотнула.

– Папá? – повторила она. – Это Сара. Я... я не смогу прийти сегодня.

Какой-то звук, потом приглушенный голос медсестры:

– Он тебя слышит, Сара.

– Папá, я в Дувре. Мне пришлось взять Бо. У нас возникли кое-какие сложности. Я тебе звоню, чтобы сказать... – У нее сорвался голос. Она зажмурилась, приказала себе взять себя в руки, чтобы он не догадался по голосу, какие чувства ее обуревают. – Мы с Бо направляемся в Сомюр. Я не могла сказать тебе раньше.

Подождала, вслушиваясь, пыталась угадать его реакцию. Тишина, до боли гнетущая. Она перебрала в уме миллион вариантов, и чем дольше длилась пауза, тем меньше решимости у нее оставалось.

– Прости, Папá! – крикнула она в трубку. – Я бы этого не сделала, если бы не пришлось. Ты знаешь. Ты ведь знаешь! – Она заплакала, соленые слезы капали на бетонный пол. – Только так он в безопасности. Я в безопасности. Не сердись, пожалуйста, – прошептала она, зная, что он не услышит.

По-прежнему тишина.

Сара беззвучно плакала, пока трубку снова не взяла медсестра.

– Ты все сказала, что хотела? – бодрым голосом спросила она.

Сара утерла нос рукавом. Она отчетливо видела, как дед лежит в постели: на лице застыло беспокойство, едва скрываемый гнев. Она чувствовала его осуждение, несмотря на его беспомощность и большое расстояние. Разве он мог ее понять?

– Сара? Ты еще здесь?

Она шмыгнула носом.

– Да, – сказала она неестественно высоким голосом. – Да, я вас слышу. Грузовик проехал. Я в телефонной будке.

– Не знаю, что ты ему сказала, но он просит передать... – (Сара зажмурилась, чтобы удержать слезы.) – Он говорит «хорошо».

Пауза.

– Что?

– Да. Это точно. Он говорит «хорошо». Он кивает. Все в порядке? До скорого.

Возвратившись в кабину грузовика, Сара отвернулась к окну, чтобы скрыть покрасневшие глаза. Распустила волосы, спрятала лицо. Ждала, когда Том заведет мотор.

Хорошо. Папá сказал «хорошо».

Том выжидал. Когда наконец она взглянула на него, он посмотрел на нее очень внимательно:

– Ну, дочка, ничего не хочешь мне сказать?

В благотворительные скачки он не поверит. Ровным голосом она рассказывала ему историю, которую про себя репетировала все утро. Глаза чистые, выражение нейтральное.

– Во Францию, – повторил он. – Ты едешь во Францию участвовать в благотворительных скачках, чтобы собрать средства для людей,

перенесших инсульт. И у тебя нет никаких документов.

– Я думала, я оформлю документы в Дувре. Хотела попросить вас помочь.

Они сидели в придорожном кафе. Он взял ей кекс к чаю. Кекс лежал перед ней на тарелке в упаковке из пластика, влажный и твердый.

– И ты путешествуешь одна.

– Я очень самостоятельная.

– Да, я заметил.

– Вы мне можете?

Том откинулся на спинку стула и с минуту изучал ее. Потом улыбнулся:

– Знаешь что, Сара? Хочу стать твоим спонсором. Дай твои подписные листы.

У нее расширились глаза, и она отвернулась, но он успел заметить.

– Мне кажется... я оставила их в рюкзаке.

– Понятно.

– Но вы можете мне оформить нужные документы для Бо, чтобы мы могли продолжить путь?

Он хотел что-то сказать, но передумал. Отвернулся к окну. За окном поток автомобилей с загруженными багажниками на крышах устремился к паромному терминалу. Она теребила упаковку кекса. На ней не было срока годности. На вид, его могли изготовить три года назад.

– У меня есть падчерица, на тебя похожа, – тихо сказал он. – Когда ей было столько же, сколько тебе, она постоянно влипала в разные неприятные истории. И все по большей части потому, что никому ничего не рассказывала и надеялась справиться со всем сама. Со временем, именно со временем... – он грустно улыбнулся, вспомнив о чем-то, – нам удалось ее убедить, что нет на свете ничего настолько ужасного, о чем нельзя было бы рассказать. Слышишь? Ничего.

Но Сара не была с ним согласна. Все ее неприятности начались с того, что она сказала правду. Если бы она не сказала Наташе правду о Папá в первый вечер...

– Сара, у тебя неприятности?

Она напустила на себя непроницаемый вид. Странно, но ей хотелось извиниться за это. Ничего личного, хотелось ей сказать. Но разве не ясно? Может оказаться, что вы такой же, как остальные. У вас благие намерения, но вы не понимаете, какой наносите вред.

– Я ведь уже сказала, – повторила она ровным голосом. – Участвую в благотворительных скачках.

Он поджал губы, не столько неприязненно, сколько устало. Отпил кофе.

– Джеки вчера не хотела тебя оставлять, сама знаешь. Она носом чувствует неприятности.

– Я ей заплатила.

– Заплатила.

– Не хуже других.

– Конечно. Обычная девочка-подросток, которая пытается перевезти лошадь через пролив.

– Послушайте, я могу вам тоже заплатить, если проблема в этом.

– Конечно можешь.

– В чем тогда дело?

Она ждала, когда он оторвет взгляд от своей чашки. Ситуация его забавляла.

– Не хочешь дать мне свою кредитку?

– Что?

– Карточку, по которой ты сняла деньги.

– Я заплачу вам наличными. – У нее похолодело в животе.

– Предпочитаю карточку. Какая-то проблема? – (Их взгляды встретились.) – Конечно, если на ней указано твое имя...

Сара отодвинула тарелку и вскочила с места:

– Знаете что? Мне просто нужно было, чтобы меня подвезли. И все. И перестаньте мне докучать. Не хотите помочь, оставьте меня в покое!

Она вышла и направилась через автостоянку в сторону главной дороги.

– Эй! – позвал он. – Эй! – (Она не обернулась.) – Без ветеринара документы не оформить! – закричал он ей вслед. – На это уйдет несколько дней, может, даже недель. И чтобы их подписать, тебе должно быть восемнадцать. Уверен, Сара, тебе нет восемнадцати. И еще уверен, что Джеки не оставит тебя у себя надолго, сколько бы стойл ты ни вычистила. Подумай хорошенько. – (Она остановилась.) – Мне кажется, дочка, тебе надо подумать, не пора ли вернуться домой. – У него было добродушное лицо. – Тебе и твоей лошади.

– Я не могу. Просто не могу. – К ее ужасу, из глаз покатались слезы. Она яростно заморгала, чтобы остановить их. – Поверьте, я не сделала ничего плохого. Я не плохая. Просто обратно мне нельзя.

Том продолжал смотреть на нее. Она опустила глаза, боясь встретиться с ним взглядом. Будто он видел ее насквозь, ее вранье, ее незащищенность, но не так, как Мальтиец Саль, который раздевал ее своим взглядом. Том

смотрел на нее с сочувствием, и это было еще хуже.

– Послушайте, мне правда нужно попасть туда.

Мимо по шоссе проносились машины. Как несправедливо, что эти железные кони могут попасть на другую сторону пролива так легко!

– Я не могу вам больше ничего сказать. Но мне нужно во Францию.

Сара оставила куртку в кабине и теперь стояла на автостоянке на холодном морском ветру. Ветер спутал ей волосы, она сложила руки на груди. Какое-то время Том продолжал на нее смотреть, потом отвернулся. Она думала, он пойдет в сторону грузовика, но он сделал несколько шагов и остановился. Потом повернулся к ней:

– Если я тебе не помогу, что ты будешь делать?

– Найду кого-нибудь другого, – сказала она вызывающе. – Кто-нибудь мне обязательно поможет.

– Вот это-то меня и тревожит, – пробормотал он устало. Задумался. – Ладно. Может быть, я смогу помочь тебе попасть во Францию. Да-да, тебе и твоей лошади. Но ты должна рассказать мне, что происходит. Это мое условие.

Конь, обозначенный в документах как Дьябло Блу, не хотел подниматься по пандусу. Он фырчал, поджимал передние ноги, закатывал глаза. Мускулистая шея напряглась и изогнулась. Уши дергались взад-вперед. Он неловко перебирал копытами – мешала защитная повязка, наложенная Томом.

Тома все это ничуть не смущало. Он стоял рядом, мягко уговаривая коня, когда тот упирался, уменьшал натяжение на длинных веревках, если животное переставало тянуть назад. Он попросил Сару надеть на него уздечку. Она наблюдала, как он продел длинную веревку через удила над головой, возле ушей, потом вниз и через другой конец удила.

– Он почувствует давление, когда потянет назад, – объяснил Том. – Это как наказание за плохое поведение, но это мягкая мера, многие перевозчики используют более жесткие приспособления. Эй, все хорошо. Не нервничай ты так. Время у нас есть.

– Джеки сказала, вернется к часу тридцати.

– К тому времени мы уже будем далеко.

Сидя на пандусе, Том протянул руку и погладил лошадь по носу. У него был такой вид, будто он никуда не спешил.

Чего нельзя было сказать о Саре. Джеки будет задавать вопросы, требовать объяснений. Хуже того: она могла убедить Тома, что он совершает ошибку.

– Она только покормит торговцев. Давайте я попробую.

– Нет. Ты слишком напряжена. Даже твое присутствие мешает. Иди посиди в кабине.

– Не хочу.

– Посиди в кабине. Так дело пойдет быстрее.

Его тон не допускал возражений. Лошади, которых уже завели в грузовик, беспокойно ржали. Какой-то конь потянулся за сеном, потом поднял голову над перегородкой посмотреть, что происходит. Сара с тревогой глянула на большого гнедого, которого Том держал на длинной веревке, и сделала так, как он велел.

Она забралась на пассажирское место, нащупала в кармане кредитку.

– Сколько ты готова заплатить за переезд? – спросил Том, и она отпрянула в страхе, что поняла его неправильно. – Зайдем в кафе на минутку.

Она его презирала, видя в нем очередного мошенника, очередного жулика. Но тут он достал из кармана телефон. Они сели за тот же столик. Ее кекс по-прежнему лежал в пластиковой обертке.

– Клайв? Это Том Кеннели. Насчет лошадей.

Сара молча сидела напротив него за пластиковым столом. Том, видимо, хорошо знал собеседника, даже справился о его детях, а потом стал объяснять, что у него беда с грузовиком.

– Скажу, приятель, у меня могут возникнуть проблемы со старой страховкой. Сварщики сказали, в перегородке выпал болт. Я этого знать не мог, ну а вдруг они к этому привяжутся? Понимаешь, о чем я? А если так случится, твои шансы получить какие-нибудь деньги улетучатся, а моя страховка вылетит в трубу. Да... Да, и не говори. Этот твой Дьябло Блу, судя по документам, не был в лиге «Десерт окит». Ты понимаешь, что я имею в виду? – Том засмеялся. – Говоришь, был? Я его недооценивал. Дружище, сделай мне одолжение. Давай я не буду записывать его в книги, а ты получишь денежную компенсацию. Что скажешь? И хлопот меньше.

Он поболтал с невидимым Клайвом еще минут пять, уверил его, что ремонт был выполнен качественно, что готов взять двух лошадей в пятницу. Сказал, что они достаточно давно работают вместе, и тому подобное. Когда он наконец повесил трубку, улыбка долго не сходила с его лица.

– Ладно, дочка. – Том убрал телефон. – Ты должна мистеру Клайву триста пятьдесят фунтов за его мертвую лошадь. Если вернемся к банкомату, думаешь, он примет карточку?

– Я не понимаю...

– Столько стоят новые документы для твоей лошади. Господи, прости, но это цена твоего билета.

Еще десять минут ожидания, показавшиеся вечностью. За это время она обкусала два оставшихся ногтя до мяса. Потом услышала приглушенный стук копыт и удар, свидетельствующий, что пандус наконец поднят. Было слышно, как закрутили болты, заперли предохранительные защелки. Вторая дверца открылась, в кабину ворвался холодный воздух, и Том сел на водительское место.

– Все не так уж и плохо, да? Две другие лошади – опытные путешественники. Они ему помогут. – Он улыбнулся. – Теперь можешь расслабиться.

Том включил зажигание. Грузовик задрожал, когда мощный двигатель, рыча, начал возвращаться к жизни. Сара застегнула ремень безопасности.

– Ты оставила Джеки записку? – Он поправил зеркало.

– И деньги. Написала ей, что поменяла маршрут и сначала еду в Дил.

– Молодец. Слушай, дочка, не тревожься ты так. У нас пневматическая подвеска – для лошадей супергладко. Они там шикарно едут, лучше, чем мы. Спорю, он будет хрустеть сеном прежде, чем мы доедем до конца дороги.

Сара не стала ему говорить, что ее испугало не поведение Дьябло Блу, а мысль о том, что пограничники могут слишком внимательно прочитать его описание. Человек, который хоть немного разбирается в лошадях, сразу поймет, что после оформления документов Дьябло Блу внезапно подрос на целых два дюйма.

– Ты не передумала? Еще не поздно вернуться. Уверен, если бы я поговорил с твоей приемной семьей, мы бы что-нибудь придумали.

Хорошо, сказал Папá. Хорошо. Медсестра была уверена.

– Я хочу поехать. Прямо сейчас.

Она глянула в боковое зеркало. Ей не было видно, но за стойлами под брезентом лежала лошадь, которую теперь звали Бо, в ожидании, когда ее увезут на местную скотобойню. Паспорта и дорожные документы были в потрепанной папке на приборной панели перед ней.

– Хорошо. – Том крутанул огромную баранку, и грузовик поехал на главную дорогу. – Тогда нас, тебя, меня и мистера Дьябло Блу, ждет большая bateau^[46].

Глава 22

Ретивой лошади нельзя позволять ехать на полной скорости, нельзя давать участвовать в гонке с другой лошастью, потому что, как правило, самые амбициозные лошади – самые ретивые.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Ковбой Джон принес четвертую тарелку яиц с беконом и жареным хлебом и потер руки.

– Неплохо! – Он подоткнул салфетку под воротник. – Совсем неплохо для придорожной ночлежки.

Мак пил кофе.

– Не представляю, как можно позавтракать четыре раза подряд! – Он взглянул на разоренный шведский стол.

– Я заплатил за постой! Не выбрасывать же деньги на ветер.

Мак отметил про себя, что, вообще-то, это он за все платил. Но промолчал, поскольку ему было приятно проводить время с человеком, который пребывал в таком приподнятом настроении. Вокруг них в зале для завтраков отеля «Темпест интернешнл» стоял гул. Торговые агенты разговаривали по телефону, усталые матери с маленькими детьми изучали стойку с хлопьями, папаши отгородились газетами. Время от времени появлялась круглолицая девушка, явно из Восточной Европы, и предлагала подлить кофе в чашки. Всякий раз Джон оживлялся: «Да, конечно! Спасибо!»

Похоже, он отлично выспался. Улыбка под поношенной шляпой была шире, воротничок и манжеты тщательно отутюжены. Мак, чья одежда всегда выглядела так, будто он не менял ее несколько дней, в его обществе чувствовал себя потрепанным. Он проснулся до зари и, поскольку спать не хотелось, а ничего другого не приходило на ум, снова отправился на пустынную набережную. Светало. Он смотрел, как подходят и отходят утренние паромы, слушал, как кричат в небе одинокие чайки. У него болела голова, и он не представлял, где могла бы быть Сара.

Он вернулся около восьми. Наташи уже не было в кресле у окна, где она спала, когда он уходил. Теперь она свернулась калачиком на кровати. Тишину нарушали только приглушенные голоса из коридора. Наташа

свернулась как ребенок, поджав колени, волосы почти закрывали лицо. Она хмурилась и во сне. На столе лежал телефон. Даже в этот ранний час на экране светилось оповещение о пропущенных звонках. Мак подумал, не проверить ли их – вдруг Сара звонила, но представил, что будет, если Наташа проснется и увидит, как он роется в ее телефоне. Мак принял душ, попытался освежиться с помощью гостиничного мыла, которое не мылилось. Потом спустился вниз, где нашел Ковбоя Джона: тот, по-видимому, уже какое-то время наслаждался завтраком.

– Какой на сегодня план, шеф? – Джон подобрал яичную лужицу краем жареного хлеба.

– Понятия не имею.

– Да... Я вот все думал и бьюсь об заклад, Сара где-то здесь. Насколько я знаю, она нигде никогда не была. Переплыть с этой чертовой лошадью во Францию она не может. Поэтому, как мне кажется, она либо найдет где можно лошадь оставить и отправится через пролив одна. На этот случай кто-то должен дежурить у касс. Или она поймет, что застряла, и будет искать место, где можно остановиться, пока не сообразит, что делать дальше.

– Она не может оставить лошадь. – Мак вспомнил их короткое пребывание в Кенте.

– И я точно так же думаю, дружище, – ухмыльнулся Джон. – Итак, она должна добраться сюда и где-то остановиться. Предлагаю пока не звонить копам. Что нам надо сделать, так это проверить все базы. Обзвонить конюшни, выяснить в отелях, не расплачивалась ли девочка Наташиной кредиткой.

Мак откинулся на спинку стула:

– Вас послушать, все просто.

– Лучшие планы обычно просты, если, конечно, у вас нет идеи получше...

Появилась Наташа. У нее были влажные волосы, и держалась она неуверенно, будто боялась, что ее станут критиковать за то, что она пришла последней.

– Садись. – Мак подвинул стул. – Хочешь кофе?

– Не думала, что так долго просплю. Надо было меня разбудить.

– Тебе нужен был отдых.

Он заметил, как по ее лицу пробежала тень. Как невинная фраза может быть неправильно истолкована, когда в каждом слове есть подтекст.

– Твой телефон. – Наташа протянула Маку аппарат. – Ты забыл в номере. Звонила твоя подружка.

– Наверное, насчет работы, которая была назначена на утро... – начал он, но она уже вышла из-за стола и отправилась за едой.

– У меня появилась одна идея. – Джон наклонился к нему.

Но Мак его не слушал. Наташа стояла у стойки с выпечкой и что-то быстро говорила в телефон, качая головой.

– Может, мы напрасно волнуемся. – (Мак повернулся к Джону.) – Ее старик. Он натренировал эту лошадь очень хорошо. Я другой такой не видел, хотя занимаюсь лошадьми всю жизнь.

– И что?

– А то, что она с ним в безопасности.

– С кем в безопасности? – Наташа села, зажав тост между зубами.

– С лошадью. Джон считает, она с ним в безопасности.

– Вроде Чемпиона Чудо-Коня из сериала? – Наташа положила тост на тарелку. – Будет сражаться с нападающими змеями? Предупреждать о приближении индейцев?

Ковбой Джон сдвинул назад шляпу и бросил на нее гневный взгляд. Демонстративно повернулся к Маку:

– Я имел в виду, что лошадь может помочь ей избежать неприятностей. Кроме того, многие боятся лошадей. Люди, которые были бы рады подойти к маленькой одинокой девочке, не решатся на это, увидев коня. – Он допил кофе. – Мне кажется, она в большей безопасности на лошади, чем без нее.

Наташа выпила сока.

– Или ее могут сбросить с седла, или она может упасть. Или на нее может напасть кто-то, кто хочет украсть коня.

– Бог мой, а вы оптимистка. – Джон посмотрел на нее с подозрением. – Теперь понимаю, почему вы стали юристом.

Молоденькая официантка проходила мимо. Мак улыбнулся и поднял кружку. Когда она отошла, он поймал на себе Наташин взгляд. Он не был дружелюбным.

– Маку, наверное, больше понравилось бы, если бы я была официанткой.

– И что это, черт побери, значит?

– Он утверждал, что ему нравятся умные женщины. Но когда понял, что «умная» также означает «сложная» и «умудренная», решил, что ему больше нравятся двадцатидвухлетние официантки и манекенщицы.

– Вы хотите сказать, что это ненормально? – захихикал Джон.

Мак пил кофе.

– Возможно, мне просто приятнее окружать себя людьми, которые не сердятся на меня все время.

Его слова глубоко ее задели. Он увидел, как она покраснела, и ему стало стыдно.

– Вы, голубки, напомнили мне, почему я так и не женился. – Джон, кряхтя, встал из-за стола. – Вы пока обсудите план действий, а я зубы почищу. Через пять минут вернусь.

Они смотрели, как он шел через зал ресторана. Наташа жевала тост.

– Извини, – сказала она, глядя в тарелку. – Не надо было...

– Таш? – (Она подняла глаза.) – Объявим перемирие? Пока ее не найдем. Устал я от всего этого.

Ее глаза сверкнули от гнева. Он почти слышал ее немой вопрос: «Устал? Считаешь, это я виновата?»

– Ты прав. Еще раз извини.

На другом конце зала Джон снял шляпу перед официанткой. Мак видел, как он вежливо ей поклонился.

– Ладно. Какой у тебя план? Потому что у меня плана нет.

– Она где-то поблизости. Дадим ей время... до четырех? Если не найдем ее за это время, звоним в полицию.

Наташа и Ковбой Джон сидели на скамейке напротив билетной кассы, кутаясь в куртки от ветра. Над ними пронзительно кричали чайки. Они обзвонили почти весь юг Англии, потом, не находя себе места от беспокойства, вышли встретиться с Маком. Время летело, Сары нигде не было, и их охватывало все большее отчаяние. Они сидели и смотрели, как пассажиры нескончаемым потоком выходили из автобусов, покупали билеты или просто заходили в туалет. Время от времени звонил Бен, часто по просьбе Ричарда. Ей приходилось отвечать, перекрикивая шум морского ветра. Периодически Ковбой Джон вставал и ходил взад-вперед по гудроновой дорожке, курил с невозмутимым видом, придерживая шляпу худой рукой.

– Не нравится мне это, – заявил он, глядя на море. – Не похоже на Сару.

Наташа его не слушала. Она думала о том, что ей сказала Линда, когда она спросила, встал ли Конор вчера на ее защиту на совещании партнеров. «Он пытался, – ответила помощница таким тоном, что можно было заключить: пытался, но не очень. – Смешно, но на вашу сторону встал Харрингтон. Звонил по громкой связи, и я случайно услышала. Он сказал, что у вас неординарный подход и что ваше отсутствие не скажется на процессе». К удивлению Линды, Наташа не слишком обрадовалась новостям.

Утреннее заседание прошло хорошо. Ричард опросил семейного доктора, Харрингтон – судебного бухгалтера, опровергнув утверждения мистера Перси о финансовых потерях. Бен был потрясен словами Харрингтона, что, вполне вероятно, договоренности можно будет достигнуть уже на следующий день. Наташа сказала, что рада, прогоняя чувство зависти и потери.

К ним шел Мак, похлопывая себя руками. Волосы от ветра встали дыбом. Глядя на него, она вспомнила о своем помявшемся костюме и несвежей блузке. Ноги болели от ходьбы по городу на высоких каблуках. Если они не найдут Сару в ближайшее время, ей придется купить новую одежду, чтобы переодеться.

– Ничего?

Наташа покачала головой:

– Никто не видел лошади. Но они сказали, вчера вечером работала другая смена. И нам не разрешат посмотреть списки пассажиров – закон об охране информации.

Мак беззвучно выругался.

– И никаких новых известий о кредитной карточке?

– Это ничего не значит. Иногда на обработку данных уходят часы.

У них истощились идеи. При отсутствии четкого плана лихорадка вчерашнего дня сменилась странной меланхолией.

Время тянулось как резина. Они разделились. По очереди ходили или ездили по улицам Дувра или возвращались в номер, продолжая обзванивать гостиницы. Хозяин кондитерской на Касл-стрит божился, что видел девочку на лошади, но больше ничего сказать не мог. Мак впадал во все большее уныние. Останавливал людей на улицах, задавал вопросы владельцам магазинов, работникам на паромах. Ковбой Джон удалился в свой номер, еще раз обзвонил на всякий случай гостиницы, в которые они звонили накануне вечером, и уснул. Наташа связалась с коллегами и объяснила, что сегодня не вернется, потом ходила по сырым улицам Дувра, борясь с отчаянием.

Они договорились встретиться в шесть в пабе на набережной. Наташа хотела поесть в отеле, но Джон сказал, что если он останется еще хоть минуту в этой стерильной чертовой дыре, то сойдет с ума. Паб избежал причуд моды, пах пивом и застоявшимся сигаретным дымом. Джон сел и расслабился.

– Так-то лучше, – повторял он, похлопывая истертые велюровые сиденья, словно наконец оказался дома.

Когда мужчины отправились к барной стойке, Наташа набрала номер.

Села, прикрыла ладонью другое ухо, чтобы не мешал телевизор над головой, объявлявший спортивные результаты.

Он ответил только после восьмого гудка. Возможно, видел, кто звонит, и не мог решить, брать трубку или нет.

– Конор?

– Да.

– Просто хотела узнать, как ты.

– Ты нашла ее?

– Нет.

– Где ты?

– В Дувре. Она точно где-то здесь, но найти ее не можем.

Наташа тут же пожалела, что сказала «мы».

– Понятно.

Долгая пауза. Краем глаза Наташа видела, как за ее спиной Мак болтал с барменшей – возможно, объяснял, что они с Джоном здесь делают. Девушка подняла брови и покачала головой. Наташа так часто видела этот жест за последние двадцать четыре часа, что и без слов было все понятно.

– Конор?

– Да.

– Послушай... – Наташа запустила пальцы в волосы. – Я просто хотела убедиться, что между нами все в порядке. Прости, что мне пришлось так срочно уехать.

– Хотела убедиться, что между нами все в порядке? – не сразу ответил он.

– Прости, что я бросила свои дела, но пойми, я не могла взвалить все на Мака.

Она слышала, как он дышит, даже несмотря на телевизор.

– Ты ничего не поняла, Дока, да?

– Я объяснила тебе, что касается работы. Слышала, Харрингтон сегодня в суде был великолепен. Мое отсутствие...

– Не в этом дело. Ты не понимаешь. – Его голос смягчился.

– Чего не понимаю?

– Ни разу, Наташа, ты не попросила. Ни разу тебе не пришло в голову попросить меня о помощи, когда ты была готова ради нее бросить всю свою жизнь псу под хвост.

– Что?

– Тебе даже в голову не пришло попросить меня помочь. О чем это говорит?

Мак и девушка за стойкой теперь смеялись.

– Думала, ты не... Учитывая то, что...

– Нет. Тебе в голову не пришло попросить. Не знаю, что между тобой и Маком происходит, но я не хочу иметь дело с человеком, который не способен честно признаться даже себе в своих чувствах.

– Это несправедливо. Я...

Но он уже повесил трубку.

Сара крутила кусок хлеба над головой, не обращая внимания на то, что ее громкий голос и английский язык привлекли внимание французов, ужинавших за соседними столиками.

– Это как братство, знаете. У них черные фуражки и черная униформа...

– Так и знал, модные штучки, – подшучивал Том, но Сара пропустила шутку мимо ушей.

– Они могут заставить лошадь сделать все что угодно. Перепрыгнуть через стул в фут шириной. Вы представляете, как трудно перепрыгнуть через стул?

– Могу представить.

– Папá всегда говорил, что, когда попал в Кадр-Нуар, он впервые в жизни почувствовал, что его понимают. Словно лишь несколько человек в мире говорили на одном с ним языке, и все они жили в этом месте.

– Мне знакомо это чувство.

– Но они много работали. Он начинал выездку в шесть утра и работал весь день с разными лошадьми над разными фигурами. Некоторые были на уровне *basse école*, то есть базовом, некоторые на высоком уровне, *haute école*. Все лошади специализировались на разных фигурах. У него был любимый конь, который специализировался на каприоли. Вы знаете, что это такое?

– Нет.

Она фыркнула:

– Это одна из самых трудных фигур, которую может выполнить лошадь, если ее попросить. Она зародилась как боевой прием несколько тысяч лет назад. Лошадь подпрыгивает, отталкиваясь задними ногами, и зависает в воздухе, выпрямив ноги. Я часто думала, каково это – быть на поле битвы; собираешься поразить соперника, и вдруг его лошадь – раз, прыгает и улетает! – Сара показала, как лошадь отталкивается копытами задних ног.

– Страшновато.

– Должно быть, работало, если они сохраняют эту фигуру столько лет.

Сара настояла, что заплатит сама. Ему было неловко, что за ужин платят украденной кредитной карточкой, но Сара уверила его, что вернет все до копейки, когда Папá поправится, и он ей поверил. Саре нельзя было не поверить.

Когда они прибыли во Францию и поехали по autoroute^[47], Сара становилась все более и более оживленной. В этой разговорчивой, уверенной в себе девочке было не узнать молчаливого подозрительного подростка, каким она была накануне вечером.

– Друг Папá, Джон, смеется над нами, говорит, мы делаем цирковые трюки, но он не прав. Это можно понять, только когда видишь. Лошади делают это, потому что им нравится. Вы их учите этому, тренируете. Тогда исчезает утомление, напряжение. Вот почему учат их постепенно, шаг за шагом, чтобы они поняли, как делать свою работу легко, и не сопротивлялись. – Она засунула в рот ложку шоколадного мусса. – А скаковых лошадей так же тренируют?

Том чуть не поперхнулся кофе:

– Нет. Не думаю. Нет.

Дверь кафе при заправочной станции открылась и закрылась, впустив внутрь еще одну французскую семью. Они ели и наблюдали, как мама объясняла двум своим детям, что они могут взять со стойки.

– Как давно вы с дедушкой живете одни?

– Четыре года.

– И с мамой никаких контактов?

– Она умерла раньше Нанá.

– Прости.

– Ничего. Не хочу, чтобы вы неправильно меня поняли, но... она приносила одни неприятности. Я была совсем маленькой, когда она меня бросила. А вот по Нанá я очень скучаю. – Сара поджала под себя ноги и отломил кусок шоколадки. – Мы – я, Папá и Нанá – жили очень счастливо. Мне не верят, когда я говорю, что не скучаю по матери и никогда не скучала. Никогда. О времени, когда жила с ней, помню только плохое. Помню мало, но мне было страшно. Когда меня забрали бабушка с дедушкой, мне никогда не было страшно. Когда-нибудь я привезу сюда Папá. – Сара показала на пейзаж за окном. – Мы планировали поездку в ноябре. Он так этого хотел. Но случился инсульт, и все... – Она замолчала, потом взяла себя в руки. – Когда он услышит, что я здесь, думаю, это ему поможет. Когда поправится, сможет сюда приехать. Он будет счастлив.

– Уверена, что справишься?

– Мой дед был из лучших наездников во Франции. Мог заставить

лошадь летать по воздуху, делать невозможное. – Сара отправила шоколадку в рот. – Я собираюсь лишь проехать несколько миль верхом.

Том взглянул на нее, малышку, на ее безбилетную лошадь. Ее слова звучали убедительно.

Наташа захлопнула телефон и выругалась. Возвратившись от банкомата в безлюдном промышленном районе города, с мастерскими и невыразительными офисными зданиями, они бесцельно колесили по темным улицам Дувра. Здесь, если верить компании, выдавшей кредитную карту, были в последний раз сняты деньги. Быть так близко и не найти ее. В маленькой машине нарастало напряжение. Никто не напоминал, что они договорились позвонить в полицию. Они знали: она где-то рядом. Это доказывала пластиковая карточка. Но как девочка на лошади оказалась в подобном месте?

– Скажите мне, – Наташа повернулась к Ковбою Джону, – как дедушка Сары оказался там, где они жили? Скажем, не в самом уважаемом месте?

– Вы считаете, он к этому стремился?

Мак пожал плечами:

– Мы ничего о нем не знаем, кроме того, что он вырастил ребенка, которому неведома сила притяжения.

– Ладно, я вам расскажу об Анри. – Джон с довольным видом откинулся на сиденье. – Он из простой семьи. Фермерской, кажется, с юга Франции. Были проблемы с отцом, и когда Анри вырос, чтобы начать самостоятельную жизнь, пошел в армию.

Наташа поняла, что Джону приятно рассказывать, и была рада его слушать. Так она могла не думать. И Мак не возражал: ему нравились истории жизни. Он много их слышал, снимая портреты.

– Там он занялся верховой ездой, поступил в кавалерию или как там ее, в пятидесятых постепенно рос, пока его не приняли в Кадр-Нуар, когда началось восстановление после войны. – Джон глянул на слушателей. – Это, я вам скажу, немалое достижение. Там избранные. Это элитная академия. Как ему там нравилось! Когда он о ней рассказывал, становился выше ростом. Вы понимаете, о чем я?

– Тогда как он оказался в Сандауне?

– Женщины. – Джон бросил сердитый взгляд на Наташу, будто она тоже была виновата. – Влюбился.

В 1960 году, когда Кадр-Нуар совершала одно из первых международных турне, Анри Лашапель обратил внимание на невысокую

темноволосую девушку среди зрителей. Она не пропускала ни одного представления. Самое забавное, ее не интересовали лошади, она пришла с подругой. Ее поразил молодой человек в жестком черном воротничке – он так держался в седле, что это выглядело божественно.

Однажды вечером он подошел к ней после выступления, и, как он описал это Джону впоследствии, ему показалось, что началась его настоящая жизнь.

– Он был неопытен в любви и влюбился по-настоящему. – Джон закурил очередную сигарету. – Они провели три вечера вместе, а потом переписывались полгода, изредка навещая друг друга. Самое ужасное, Анри не мог без нее жить. Сами знаете, как это бывает у молодежи. Анри не умел ничего делать наполовину. Он стал лениться, страдала учеба. Начал оспаривать то, что говорили ему в школе. В конце концов его поставили перед выбором: либо академия, либо скатертью дорожка. Он психанул и ушел. Приехал в Англию, женился и...

– Они жили долго и счастливо, – закончила Наташа, вспомнив фотографию.

Фото женщины, которую любили.

– Шутите? – Джон бросил на нее испепеляющий взгляд. – Кто, к чертям, живет долго и счастливо?

Глава 23

Непослушная лошадь не только бесполезна – она часто играет роль предателя.

Ксенофонт. Об искусстве верховой игры

Впервые же год Анри Лашапель понял, что совершил страшную ошибку. Вины Флоренс в этом не было: она любила его, следила за собой и старалась быть хорошей женой. Она была не виновата, что ее беспокойство о его счастье не вызывало в нем ничего, кроме чувства вины, часто выражающегося в раздражительности.

Он предложил Флоренс пожениться в тот же вечер, после Карусели, тяжело дыша, весь в крови и песке. Зрители встали со своих мест и аплодировали. Анри и Флоренс всю ночь бродили по улицам Сомюра, обходя пьяных и мотоциклистов, планируя будущее, изнывая от страсти, опьяненные мечтами. На следующее утро он не пошел на тренировку, упаковал скудный скарб в вещмешок и попросил разрешения поговорить с Le Grand Dieu. Сообщил ему о своем желании уволиться.

Le Grand Dieu взглянул на синяк под глазом Анри и его распухшую щеку. Отложил ручку. Повисла долгая пауза.

– Вы знаете, Лашапель, почему мы снимаем подковы с задних ног лошади? – спросил он.

Анри моргнул:

– Чтобы они не могли поранить других лошадей?

– И чтобы не причинили вред себе. Во время учебы они молотят ногами, мечутся и брыкаются. – Он положил руки на стол. – Если вы сделаете это, Анри, вы так навредите себе, что даже не можете представить.

– При всем моем уважении, месье, не думаю, что могу быть здесь счастлив.

– Счастье? Думаете, если дам вам свободу, вы станете счастливы?

– Да, месье.

– Нет другого счастья, кроме того, которое дает любимое дело. Это ваш мир, Анри. Только глупец этого не увидит. Нельзя лишить человека его мира и ждать, что он будет счастлив.

– При всем уважении, месье, я принял решение. Прошу меня уволить.

Он был так полон решимости, видел будущее так ясно. Заколебался, только когда пришел попрощаться с Геронтием. Огромный конь заржал, обнюхал карманы и положил голову ему на плечо. Сдерживая слезы, Анри пощекотал ему нос. Он еще никогда не расставался с теми, кто был ему дорог. До Флоренс он никого никогда не любил. Кроме этого чудесного, доброго коня.

Он закрыл глаза, вдохнул знакомый запах теплой кожи, погладил нежные, как бархат, ноздри, ощутил грацию, исходившую от животного. Потом Анри Лашапель стиснул зубы, перекинул вещмешок через плечо и направился к воротам L'École du Cavalerie.

Первые месяцы в Англии были сносными. Трудности скрашивало тихое удовлетворение, которое испытывал новобранный. Флоренс расцветала от его внимания. Миллионы мелочей оправдывали его решение. Ее родители, несколько обескураженные тем, как молодой француз умыкнул их дочь, проявляли вежливость. Его отец восстал бы против любой женщины, которую он привел бы в дом. Флоренс мудро попросила его для первого знакомства надеть форму. Память о войне была еще сильна, и поколение ее родителей видело только достоинства в человеке в форме.

– Вы ведь не собираетесь поселиться во Франции? Нет? – несколько раз спросил отец. – Флоренс такая домашняя девочка. Она не будет счастлива вдали от дома.

– Мой дом здесь, – сказал Анри, веря в свои слова.

Флоренс, сидевшая рядом, вспыхнула от удовольствия.

Он снял жилье, и через несколько недель после его приезда в Англию они зарегистрировали брак в регистрационном бюро в Мэрилебоне. Всякий раз, когда они проходили мимо, соседи с подозрением поглядывали на талию Флоренс. Анри искал работу в качестве инструктора по верховой езде, изъездил весь Лондон и окрестности, но верховая езда оставалась прерогативой состоятельных классов. Несколько раз его нанимали на испытательный срок, но плохое знание языка, ужасный акцент и строгость не принесли ему поклонников. В свою очередь, он не понимал отношения англичан к лошадям. Оно определялось охотой, было лишено точности и, что еще хуже, сочувствия. Англичане стремились лишь взять власть над лошастью, а не работать с ней вместе, раскрывая все ее возможности.

Англия его разочаровала. Еда была хуже, чем в армии. Люди ели из банок и радовались. Свежие дешевые продукты можно было купить только на нескольких рынках. Хлеб был рыхлый и безвкусный. Мясо превращалось в коричневое месиво и подавалось под странными

названиями: рулет, тефтели, пастуший пирог. Иногда он покупал свежие продукты и сам готовил еду: салат из помидоров, рыбу с сушеными травами, которые ему удавалось отыскать. Родители Флоренс делали большие глаза, пробуя его стряпню, будто он был революционером.

– Для меня островато, – говорила ее мать, – но спасибо, Анри. Очень мило с вашей стороны.

– Боюсь, это не по мне. – Ее отец отодвигал тарелку подальше от себя.

Анри душило вечно серое небо, и он часто возвращался в маленький домик в Клеркенвелле, сообщая, что «в его услугах не нуждаются». Зачастую ему даже не платили то, что причиталось. Как он мог спорить на языке, которого даже не понимал? Семейные обеды проходили в напряженной атмосфере. Отец Флоренс, Мартин, спрашивал за чашкой чая, не нашел ли он работу, и намекал, что ради достойного места надо налечь на английский. Которое, естественно, предполагало сидение за столом.

– Папа, Анри такой талантливый! – Флоренс сжимала руку мужа. – Знаю, он скоро найдет место.

Анри был рад, что языковой барьер не допускал более развернутых дискуссий.

По ночам ему снился Геронтий. Он въезжал верхом на плац Шардоне легким галопом, заставляя старого бравого коня менять ведущую ногу. Он гарцевал, делал пируэты, поднимался на спине коня в совершенной леваде и видел мир у себя под ногами. А потом просыпался и оказывался в обшарпанной комнате, в которой выросла Флоренс, с безликой коричневой мебелью, с окнами на главную улицу. Рядом мирно посапывала жена в бигуди.

Год спустя он уже не мог скрывать масштаб допущенной ошибки. Англичане оказались хуже парижан. Смотрели на него с подозрением, едва услышав его речь. Старшие вспоминали о войне, которую он, по их мнению, не был способен понять. Те, кто его окружал, не хотели учиться или совершенствоваться. Они стремились только заработать побольше денег, чтобы с непреклонной решимостью пропить их в пятницу вечером. Или запирались в домах, даже в хорошую погоду, опускали шторы, загипнотизированные своими новыми телевизорами.

Флоренс поняла, что муж несчастлив, и пыталась скрасить ему жизнь. Любила его еще больше, хвалила, уговаривала, что все наладится. Но он видел отчаяние в ее глазах, чувствовал, как ее восхищение постепенно тает. Он говорил, что на следующей неделе снова будет искать работу, зная, что не найдет. Она старалась скрыть разочарование, это только усиливало чувство вины и обиды.

Был апрель, прошло почти пятнадцать месяцев после его отъезда, когда он набрался мужества и написал Варжюсу. Он не был силен в письме и выразился коротко:

Мой дорогой друг!

Примут ли меня обратно? Тяжело жить только с силой притяжения.

Он протянул письмо на почте, ощущая чувство вины, но и надежды тоже. Флоренс его поймет. Ей не нужен муж, который не способен зарабатывать, который не может даже обеспечить ее жильем. Со временем она приживется во Франции. А если нет? Ее не может устраивать текущее положение дел. Конечно, она понимает, что нельзя отлучать мужчину от дела, которое он любит.

Он знал, что письмо летело на континент, переживая очередной нескончаемый ужин. Ели курицу. Миссис Джекобс умудрилась довести ее до состояния подошвы и подала с сырным соусом. Рядом лежала горка овощей, нарезанных мелкими кубиками и совершенно безвкусных.

Анри сидел молча и усердно отправлял еду в рот. Мистер Джекобс мрачно бурчал о русском парне, который полетел в космос. Складывалось впечатление, что он воспринял достижение мистера Гагарина как личное оскорбление.

– Не понимаю, зачем посылать людей на небо, – сказал он в третий раз. – Это против всех законов природы.

Анри быстро понял, что мистер Джекобс не любит перемен. Сам факт, что его дочь вышла замуж за француза, он относил к категории «нежелательное».

– А я думаю, это здорово, – отважилась сказать Флоренс.

Анри удивился: она редко высказывала мнение, которое отличалось от точки зрения отца.

– Это романтично, – добавила она, аккуратно отрезая кусочек курицы. – Приятно думать, что кто-то там наверху, среди мерцающих звезд, смотрит на нас.

Она улыбнулась загадочно. Ее мать смотрела на них и тоже улыбалась.

– Анри, Флоренс хотела вам кое-что сообщить, – произнесла она, видя его растерянность.

– Что?

– Я не хотела раскрывать секрет, но не удержалась. Сказала маме. Скоро у нас за столом появится прибавление.

– Почему? – спросил мистер Джекобс, отрываясь от газеты. – Кто придет?

Флоренс с матерью прыснули со смеху.

– Никто не придет, папа. Я... я... в положении... – Она сжала руку Анри под столом. – У нас будет ребенок.

Кто поймет этих французов, сказала миссис Джекобс впоследствии мужу, когда молодые ушли в свою комнату. Она слышала, конечно, что французы тонкие натуры, но никогда не видела столь потрясенного человека.

Анри встретил почтальона на лестничной площадке, когда выходил из квартиры. Варжюс, верный своему характеру, ответил на той же неделе. Анри разорвал конверт и с невозмутимым видом прочитал написанные в спешке строки.

Le Grand Dieu – хороший человек, понимающий. Думаю, если ты повинись, он может тебя простить. Самое главное, он знает, что ты наездник! С нетерпением жду твоего возвращения, мой друг.

– Хорошие новости, приятель? – Почтальон засунул сложенный журнал в почтовый ящик с цифрой сорок семь.

Анри скатал записку в шарик и сунул в карман:

– Простите. Я не говорю по-английски.

«Два пути», – сказал Le Grand Dieu. Почему он не предупредил его, что очень скоро они превратятся в один?

Анри открыл входную дверь и вошел в узкую прихожую. В квартире стоял одуряющий запах переваренной капусты. Он закрыл глаза, представляя, какая гадость его ждет на ужин. Услышал какой-то странный звук и остановился. Из гостиной, обклеенной обоями с выпуклым рисунком, раздавались громкие рыдания.

Дверь открылась, и из кухни появилась Флоренс. Она миновала коридор, подошла к нему и поцеловала.

– В чем дело? – спросил он, надеясь, что она не почувствует запаха алкоголя.

– Я им сказала, что после рождения ребенка мы уедем во Францию.

У нее был спокойный голос, руки аккуратно сложены на животе. При слове «Франция» рыдания усилились.

Анри непонимающе смотрел на жену.

– Я давно об этом думала. – Она взяла его за руки. – Ты дал мне все – все! – Она посмотрела на свой живот. – Но сам ты несчастлив здесь. Тебе слишком тяжело среди узколобых людей, и к лошадям в Англии другое отношение, и все такое. Поэтому я сказала маме с папой, что, как только мы оправимся после родов, ты увезешь меня туда. Как видишь, мама приняла

все это слишком близко к сердцу. – Она всматривалась в его лицо. – В Кадр-Нуар тебя возьмут обратно, дорогой? Уверена, как только я освоюсь, смогу создать уют для тебя в маленьком домике. Выучу французский. Буду воспитывать ребенка. Что скажешь? – Обескураженная его молчанием, она начала теревать манжет. – Я хотела сказать им, что мы уедем сейчас. Но не уверена, что могу благополучно родить, не имея возможности даже разговаривать с врачами... Да и мама сойдет с ума, если не сможет быть со мной рядом. Но я им сказала, что уедем, как только родится ребенок. Я правильно сделала, Анри?

Смелая, красивая англичанка. Анри был тронут до глубины души. Он ее недостоин. Она даже не представляет, как близок он был... Он подошел к ней и спрятал лицо в ее волосах.

– Спасибо, – прошептал он. – Ты не представляешь, что это для меня значит. Я обеспечу нам лучшее будущее... нам и нашему ребенку.

– Я знаю, – сказала она тихо. – Анри, я хочу, чтобы ты снова летал.

Уже на подходе к домику Анри услышал детский плач. Пронзительный вопль заполнил тихую улицу. Он знал, что увидит, даже не входя в комнату.

Она склонилась над кроваткой, шептала успокаивающие слова, поглаживала младенца. Анри подошел ближе, она обернулась. Бледное лицо и усталые глаза выдавали долгие часы, проведенные в тревоге.

– Давно она плачет?

– Нет, не очень. – Флоренс выпрямилась и посторонилась. – После того, как мама ушла.

– Почему тогда?..

– Знаешь, я боюсь брать ее на руки, когда тебя нет. Руки совсем не действуют. Чашку уронила сегодня днем и...

Он стиснул зубы:

– Дорогая, с руками у тебя все в порядке. Так доктор сказал. Тебе не хватает уверенности в себе.

Он взял Симон из кроватки и прижал к груди. Она сразу успокоилась. Маленький ротик открывался и закрывался – она искала грудь. Флоренс села на стул в углу, протянула руки и сомкнула их вокруг ребенка, только когда он был в безопасности у нее на коленях.

Пока она кормила дочку, Анри стянул сапоги и аккуратно поставил у порога. Снял куртку и водрузил чайник на плиту. Он наконец нашел работу на железной дороге. Не самую плохую. Теперь, когда он знал, что это временно, все казалось не таким уж плохим. Они молчали. Тишину в комнате нарушало только жадное чмокание младенца и шум редких машин

за окном.

– Выходила сегодня?

– Хотела... Но, как я уже сказала, боюсь брать ее на руки.

– Родители купили нам коляску. Могла бы положить ее туда.

– Прости.

– Не за что извиняться.

– Но мне правда жаль.

– И напрасно. Если бы ты все не усложняла. Если бы меньше тревожилась о ребенке, прекратила бы нелепые жалобы на то, что у тебя якобы не действуют руки, на воображаемые головокружения.

– Нервы, – сказал врач, когда через несколько недель после рождения Симон Флоренс начала жаловаться, что ее тело работает не так, как положено.

Иногда такое случается с только что родившими женщинами, объяснил врач Анри и матери Флоренс после осмотра, когда они стояли в узком коридоре. Им видятся ужасы и опасности там, где их нет. У некоторых случаются даже галлюцинации.

– По крайней мере, она привязалась к ребенку, – заметил он. – Какое-то время нужна помощь бабушки. Пока она не привыкнет к материнству.

Что мог сказать Анри? Он только согласно кивнул, поражаясь тому, что они не видят, как каждый атом его души и тела стремится в сторону Ла-Манша.

Флоренс снова плакала. Он видел, как она склонила голову, пыталась стереть предательские слезы с распашонки Симон, и его придавила непосильная ноша. Сколько еще ждать? – хотелось ему крикнуть. Представил, как ждет его Геронтий, склонив голову над дверью стойла.

– Прости. Знаю, ты считаешь, Франция была бы выходом для нас, – сказала она тихо.

Наконец. Это тяготило их несколько недель, но они ничего не говорили друг другу. Одной ей было не справиться, а он не мог допустить, чтобы что-то случилось с ребенком. Он не мог вернуться в Кадр-Нуар и там обеспечить ей заботу. Родных у него не было, как и денег на няню.

Им придется остаться здесь, поблизости от ее родителей.

Он встал и подошел к стулу, на котором она сидела:

– Я напишу месье Варжюсу.

Она подняла голову:

– Ты имеешь в виду...

– Останемся в Англии еще какое-то время. – Он пожал плечами, стиснул зубы. – Все в порядке. Правда.

Кто-то другой будет ездить на его лошади.

Малышка требовательно и нетерпеливо сжимала кулачки.

– Может быть, когда я буду чувствовать себя немного лучше, – сказала Флоренс тихим голосом.

На следующий год появятся новые берейторы, écuycrs, готовые занять его место.

Когда она обняла его за шею, шепча слова благодарности, уткнувшись ему в натруженное плечо, он понял, к своему стыду, что не испытывает ничего, кроме отчаяния. А потом подумал: как женщина, у которой не действуют руки, может обнимать так крепко?

– Мы познакомились примерно через год после этих событий. Он работал на путях над моим двором. В первый раз после отъезда из Франции он увидел лошадей, по крайней мере таких, которых не запрягают в телегу. – Ковбой Джон сдвинул назад шляпу. – Однажды я заметил, как он в изумлении смотрит на мою старую кобылу, будто она была миражом. Мы оба приехали сюда недавно, оба были иностранцами. Я позвал его, и он стал есть свои сэндвичи у стойла, все время поглаживая нос моей старой кобылы. Многие считали его сухарем, но мне он нравился. Мы отлично ладили. Часто сидели у меня в офисе и пили чай. Он говорил, что когда-нибудь у него будет маленькая ферма во Франции, что откроет школу верховой езды, как только заработает денег.

– И Флоренс это устраивало? – спросила Наташа.

Ее так увлек рассказ, что на какое-то время она забыла, почему они вообще оказались в этой машине.

– О, Флоренс устраивало все, что ей говорил муж. Думаю, она чувствовала себя виноватой за то, как сложилась его судьба. Она знала, как и он, что ей одной было бы не справиться во Франции с ее болезнью. Она делала все, что могла, чтобы обеспечить его счастье.

– С болезнью? С какой болезнью?

– Вы не в курсе? – Джон посмотрел на них, хмурясь.

– В курсе чего?

– Сара вам не сказала? У ее Нанá был – как там его? – рассеянный склероз. Она многие годы была прикована к инвалидному креслу. Сара помогала дедушке ухаживать за старушкой чуть ли не с момента, когда научилась ходить.

Они бросили поиски в Дувре и решили пуститься по прибрежной дороге в сторону Дила. Мак ехал в темноте, читая названия отелей, на

случай если Наташа еще туда не звонила или позвонила только раз. Наташа разговаривала с Джоном. Ее поразила тяжелая судьба Анри Лашапеля.

– По тому, как Сара говорит о бабушке с дедушкой, они были очень близки.

Джон фыркнул:

– Конечно, они были близки, но вся его жизнь была чередой разочарований.

– Вы о матери Сары?

– Бог мой, Симон была та еще штучка. Вспыльчивая, непослушная – полная его противоположность. Все, что он ценил, она отвергала. Флоренс с ней не справлялась – не было сил, а он держал ее на коротком поводке, как Сару. Он был старомоден, требовал соблюдения дисциплины – не всем такое по вкусу. Не разрешал ей общаться с мальчиками, поздно возвращаться домой. Возможно, из-за Флоренс он немного перегибал палку. И Симон противилась. Еще как! Чем больше он на нее давил, тем больше она сопротивлялась. – Джон закурил еще одну сигарету. – И самое грустное, он знает, что был не прав. Надо было немного ослабить поводья. Они были больше похожи друг на друга, чем им казалось. Но все это сложно. Если тебе кажется, будто теряешь что-то, трудно вести себя по-умному.

Наташа взглянула на Мака, он внимательно слушал Джона.

– Когда Капитан понял, что ведет себя неправильно, было уже поздно. Она подсела на наркотики, и вернуть ее было нельзя. Потом, лет через пять, она сбежала в Париж, и они о ней больше ничего не слышали. Кроме тех случаев, когда ей были нужны деньги, конечно. Черт, она чуть не разбила им сердце. Потом, лет через десять-одиннадцать, Симон однажды появляется у них на пороге с ребенком и говорит, что не справляется. Она родила во Франции, и они ничего об этом не знали. Естественно, это стало для них настоящим шоком. Она говорит, что ей нужно устроить свою жизнь, и начинает оставлять ребенка у них. Каждый раз все на больший и больший срок. Потом пропадает, и они в конце концов подают заявление об опеке и получают ее. Симон даже на суд не явилась. Поначалу он пришел в ярость – беспокоился за Флоренс, что ей придется взвалить на себя заботу о маленьком ребенке. Но, по правде сказать, оба были счастливы, что у них есть Сара. – Джон улыбнулся. – В день, когда они получили право опеки, их жизнь началась заново. Старик снова стал думать о лошадях, и они были счастливы. Во всяком случае, такими счастливыми я их никогда не видел. Когда они узнали, что Симон умерла, это был для них удар. Но, думаю, и избавление тоже. Он годами ее разыскивал, давал деньги, выручал из

неприятностей, в которые она попадала, пытался наставить на путь истинный. Сара об этом, как вы понимаете, ничего не знает. Он оберегал девочку. Есть вещи, о которых ни одна девочка не должна знать о своей матери. – Джон пожал плечами. – Флоренс не стало – сколько же прошло? – четыре года назад. После похорон они получили предложение от муниципального совета освободить квартиру на первом этаже за материальную компенсацию, так как она была нужна для инвалида. Он взял деньги, переехал в Сандаун и потратил их на Бошера. Этот их конь – нечто вроде «роллс-ройса» среди лошадей. И с этого времени Капитан снова стал самим собой. Все теперь было подчинено тренировкам Сары.

– Он хотел, чтобы Сара была как он?

Ковбой Джон покачал головой:

– Знаете, что я вам скажу, мисс Леди Юрист? Он хотел противоположного. Вы можете думать про нее что хотите, но он считал, воспитание Сары – это единственное, что он сделал верно.

Девочка заснула. Наступила ночь, но Том продолжал путь, время от времени поглядывая на нее. Сара свернулась калачиком на переднем сиденье, прислонившись головой к окну. Почти автоматически Том взглянул на монитор системы видеонаблюдения. Ее лошадь, отделенная перегородкой от двух других, бодрствовала, словно не разрешала себе расслабиться, готовясь вынести следующий отрезок пути.

Он не сказал Кейт о своем плане – знал, как она к нему отнеслась бы. Она сказала бы, что он сошел с ума, обвинила бы его в безответственности, в том, что он подвергает опасности жизнь ребенка. Если бы его падчерица Сабина вот так сбежала из дома и уехала на попутке за границу, они с Кейт сходили бы с ума от страха и тревоги.

Как бы он объяснил, почему отпустил девочку? Он слушал ее, пока она не уснула, и немного завидовал. Сколько людей получают возможность исполнить свою мечту? Сколько людей вообще знают, чего хотят? Когда она рассказывала о путешествии, о том, как любит свою лошадь, о безоблачной жизни, которая ждет ее и дедушку, он думал, как легко попасть в ловушку, погрязнуть в рутине и бытовых проблемах.

Но это не мешало ему тревожиться. Несколько раз он был готов остановиться на обочине и позвонить в полицию. Он снова взглянул на монитор. Лошадь подняла голову и на мгновение посмотрела прямо в камеру.

– Не давай ее в обиду, старина, – тихо сказал Том. – Возможно, ей понадобится помощь.

В четверть девятого они остановились у ресторана быстрого питания, чтобы сходить в туалет. Наташа считала, что Джон слишком часто ходит в туалет, однако тот заказал большой кофе с двумя кусочками сахара и пошел к автомату позвонить в больницу. Привычка, весело сказал он. Он звонил или навещал Капитана каждый день. Старик захочет узнать новости.

– Что вы ему скажете?

– Правду. Что мы знаем, она где-то рядом, просто еще не нашли ее. Но он упрямый старик. Может, это он сказал ей, куда податься, чтобы мы не нашли ее.

Мысль показалась Джону забавной, и он хихикал всю дорогу, пока шел к автомату.

Наташа подошла к столу и поставила пластмассовый поднос перед Маком, делая вид, что не заметила, как он захлопнул крышку телефона, проверив сообщения.

– Если я скажу «темная лошадка», ты стукнешь меня по голове? – спросил он.

– Она ничего не говорила.

– Мы не спрашивали.

– Но она вообще ничего не говорила. Я спрашивала ее о бабушке с дедушкой. Единственное, что она сказала, – это то, что они были счастливы.

– Наверное, – заметил Мак, размешивая сливки, – она считала это самым важным.

Когда Джон вернулся, она протянула ему черный кофе, но он покачал головой. Лицо у него было мрачное.

– Ребята, мне придется вернуться. Анри плох. Если не Сара, кто-то должен быть с ним рядом.

– Насколько плохи дела?

– Они попросили меня срочно приехать. Хотели, чтобы приехала Сара, но я объяснил, что в данное время это невозможно.

Джон достал мелочь из кармана и стал пересчитывать. Вдруг сделался усталым и хрупким.

Наташа встала и потянулась за сумочкой, позабыв о кофе.

– Мы отвезем вас на вокзал. Вот. – Она подала ему деньги. – Купите себе билет.

– Мне не нужны ваши деньги, леди, – раздраженно сказал Джон.

– Это не вам, а ему. Чтобы он не остался один. И прошу вас, возьмите такси от вокзала. Вы это заслужили.

Он посмотрел на банкноты, которые она протягивала, и впервые на его морщинистом лице не было хитрого, насмешливого выражения. Он взял деньги, приподнял шляпу:

– Ну ладно, спасибо. Я вам позвоню, когда узнаю, как он.

Они сели в машину, и Наташа не сразу осознала, что отсутствие его едкого юмора обескуражило ее больше, чем все случившееся.

Когда они приехали на стоянку у вокзала, зазвонил ее телефон. Наташа поспешно его открыла.

– Да, правильно. – Она взглянула на Джона, который собрался выходить. – Извините, повторите, пожалуйста. – Связь была плохая, и она жестом попросила Мака выключить мотор. – Вы уверены? Большое спасибо, что сообщили... Конечно, до связи.

– Все в порядке? – Джон стоял у открытой задней дверцы.

Он явно торопился, но что-то в ее лице заставило его остановиться.

Наташа закрыла телефон.

– Что? – сказал Мак. – Что ты молчишь?

– Это из кредитной компании. Вы не поверите. Она во Франции!

Глава 24

Лучшая гарантия против поражения... лежит в полной уверенности в способностях твоей лошади.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Саре снились лошади, кровь и шоссе. Она проснулась от порыва холодного ветра и увидела, что в водительскую дверцу заглядывает Том. Она села. Часы на приборной панели показывали без четверти восемь.

– Доброе утро. – Он был одет и гладко выбрит, видимо, давно проснулся.

– Где мы?

Все вокруг было удивительно ярким, будто мир посветлел на несколько тонов по сравнению с Англией. Неподалеку она увидела красивую конюшню янтарного цвета под низкой красной черепичной крышей. Ее окружал высокий прочный забор. У ворот красовались тщательно подстриженные тисовые деревья. Мужчина чистил стойло, с легкостью забрасывая грязную солому вилами в тачку.

– Неподалеку от Блуа. Ты хорошо поспала.

– Где Бо? – с тревогой спросила она.

– Ты имеешь в виду мистера Дьябло? На дворе. – Том указал пальцем на конюшню. – Мы приехали поздно ночью, ты спала, и мне было жалко тебя будить. Он в третьем стойле налево. С ним все в порядке. Вчера, когда мы приехали, немного поерепенился, но сейчас молодцом.

Она моргнула, представив, как Бо тянется к сену.

– Можешь записать расходы за постой сегодня на меня. Но мне пора возвращаться в Кале, мисс Сара. Боюсь, здесь нам придется расстаться.

Сара пыталась собраться с мыслями. Том протянул ей два круассана, которые выпросил у хозяина *l'airage*. Он развернул небольшую карту, на которой отметил ее маршрут.

– Это в шестидесяти-семидесяти милях отсюда на юго-запад. – Он указал на красную линию. – Я бы тебя подвез, но не могу терять еще четыре часа. Прекрасная погода для прогулки верхом. И дороги тихие. Думаю, проблем не будет. Скачи себе не спеша, да?

Вдруг Сара почувствовала волнение – конец пути был так близок! Увидела название на карте. На карте Франции до цели оставалось

несколько сантиметров.

– Здесь еще одна lairage. – Он обвел название деревни шариковой ручкой. – Вот номер телефона, на всякий пожарный. Я им уже позвонил, и они тебя ждут. Вечером тебя там покормят, но на всякий случай я бы прихватил что-нибудь из еды. И не забудь, они ждут лошадь по кличке...

– Дьябло Блу.

– Все будет в порядке? – Лицо у Тома было серьезное, он тревожился.

– Конечно.

Сара была в этом уверена. Канал-то она пересекла. Она путешествовала с лучшей лошастью во Франции и с благословением Папá.

– Вот мой номер. Пожалуйста, позвони мне, если возникнут проблемы. И черт, позвони мне, когда доберешься. – Он свернул карту и передал ей. – Просто позвони. Мне будет приятно знать, что у тебя все хорошо.

Она кивнула и положила карту поглубже в карман.

– И ни с кем не разговаривай. В особенности с такими, как я. Опустит голову и скажи, пока туда не доберешься.

Она снова кивнула и улыбнулась.

– Евро, которые мы обменяли, у тебя?

Она полезла в рюкзак и нащупала конверт.

– Помоги мне, Боженька. – Том вздохнул. – Ты самый странный попутный пассажир, которого я встречал. Желаю тебе удачи, тебе и твоей лошади. – Он замешкался, словно не был уверен, что поступает правильно.

– Том, все будет хорошо, – бодро сказала Сара.

Ей не хотелось расставаться – с ним она чувствовала себя в безопасности. Когда Том рядом, с ней и Бо не могло случиться ничего плохого. На миг она почувствовала острую зависть к его падчерице, чьи проблемы он считал своими, потом добавила:

– Спасибо за все.

– Да ладно!

Том шагнул вперед и протянул здоровую руку. Она пожала ее, смутившись. Они оба улыбнулись, будто им в голову пришла одна и та же мысль.

– Ты была отличным компаньоном, маленькая Сара. – Он подождал, пока она не сядет в седло, потом пошел к своему грузовику. – Похоже, твой старик – хороший человек! – прокричал он, обернувшись. – Бьюсь об заклад, он обрадуется, когда узнает, что ты добралась туда.

Поля во Франции были шире, чем по дороге в Дувр. Они простирались до самого горизонта, ничем не огражденные. А земля была похожа на

английскую: жирная, липкая, коричневая, еще не засеянная, в комьях, будто покрытое рябью море. Отдохнувший Бо бодро ступал по зеленым обочинам, наострив уши. Он был явно рад, что оказался на твердой земле. У лошадей его породы зимняя шерсть ненамного гуще летней. Должно быть, Том расчесал Бо щеткой, пока Сара спала, и он выглядел безупречно. Они находились в чужой стране, но не совсем: это была земля из рассказов Папá, где говорили на языке, который она слышала с детства. Сара читала надписи на рекламных щитах и дорожные указатели, и ей казалось, что страна разговаривает с ней. Словно знает, что девочка понимает ее язык.

Сара проезжала через тихие деревушки с аккуратными рядами домиков из серого камня, похожих друг на друга и различающихся только цветами в ящиках на подоконниках и яркими красками ставень. Мимо прошел мужчина с двумя багетами и газетой под мышкой. Он кивнул ей с таким видом, будто нет ничего удивительного, что девочка едет верхом.

– Bonjour^[48], – сказал он.

– Bonjour, – с радостью ответила она.

Это было первое французское слово, которое она произнесла во Франции. Она остановилась у поилки для животных на площади. Бо жадно пил воду, и его уши смешно ходили взад-вперед. Она спешила и отдохнула с полчаса. Умыла лицо холодной водой, съела круассаны. Подошла женщина с двумя маленькими серьезными детьми, Сара разрешила им погладить лошадь. Женщина сказала, что Бо очень красивый, и Сара сказала ей по-французски, что французские сели отличаются красотой. Она росла, слыша, как Папá говорил по-французски, но звучание французской речи из собственных уст смутило ее.

– А-а, – поняла женщина, – comme le Cadre Noir^[49].

Сару поразила непринужденность, с какой та произнесла это название, как если бы речь шла о местном спортивном центре или жилом микрорайоне.

Она снова села в седло, и они доехали до указателя на Тур. Покинули деревню, миновали ветряную мельницу, пересекли мост и через несколько минут снова оказались среди полей. Они проезжали под эстакадами, через огромное поле с турбинами. Те вращались с глухим стуком, похожим на стук ее собственного сердца. С каждой милей на душе у Сары становилось все легче, и она запела детскую песенку, которую пел ей Папá, когда она была маленькой. Она сдвинула шарф с лица, чувствуя, как ее охватывает все большее волнение: «Ah, ah, Monsieur Chocolat! Oh, oh, Monsieur Cacao...»^[50] Ее голос звенел над пустыми, покрытыми изморозью полями.

Бо закусил удила и тряс головой, прося разрешения прибавить скорость. Ей не терпелось скорее добраться до цели, и, зная, что остаются считанные часы, она сжала ноги, ощущая холодный ветер и заражаясь его энергией. Чувства обострились, она впитывала новый ландшафт каждой клеткой своего тела. Остались только она и ее лошадь, невидимые и свободные. Подобное чувство свободы тысячи лет испытывали все путешествующие верхом.

Я во Франции, Папá, сказала Сара про себя, здесь красиво. Она представила дедушку в постели, как он мечтает о дорогах, по которым она сейчас ехала, и почувствовала удовлетворение оттого, что собралась сделать. Она слышала его голос, отдающий команды, и выпрямила спину, проверила, точен ли угол согнутых ног, натянула поводья и пустила лошадь легким галопом. Бо ритмично и элегантно выбрасывал ноги, мчась по зеленой кромке. Если бы дедушка их видел, он бы одобрительно кивнул.

Даже в детстве Наташе не нравились продолжительные путешествия. В отличие от своих сестер, она не помнила ни веселых палаточных лагерей, ни трейлеров на морском берегу, ни аттракционов и мороженого, ни радостных родственников. Когда ее просили вспомнить свои детские путешествия, Наташа вспоминала только бесконечные шоссе, мили между съездами, возгласы: «Долго еще?» Как родители перебранивались на передних сиденьях, как сестры украдкой пихали и щипали ее, зажатую между ними позади. Помнила запах рвоты, когда кого-то неизбежно укачивало.

Теперь, почти тридцать лет спустя, вместо радости дороги и волнения от новых мест она по-прежнему испытывала ужас. Когда они с Маком путешествовали, ему нравилось ездить на машине. Он останавливался, где ему заблагорассудится, мог провести за рулем всю ночь, если считал, что это того стоит. Она же тайно мечтала о запланированном маршруте. Ее мучила неизвестность: когда и где удастся поесть, найдется ли приют на ночь? Мак считал, что она ведет себя как типичный представитель среднего класса, от этого она ощущала себя не в своей тарелке и испытывала чувство вины за то, что портила ему удовольствие. В последние два года своего брака они предпочитали организованный отдых. Ни тому ни другому он не приносил радости. Наташа сидела у бассейна и читала, пытаясь незаметно работать над документами, которые тайком привезла с собой. Он обходил территорию комплекса с видом человека, который ищет забытую где-то вещь, и потом выпивал в баре с новыми друзьями.

Наташиной карточкой пользовались накануне вечером во Франции, на

заправочной станции. Оператор кредитной карты сказал, что транзакция была совершена в «La Bonne Route, Paris», а это подходит для семи подобных заведений на севере Франции.

– Мне кажется, мы должны ехать в то место, где лошади, – заметил Мак накануне вечером на пароме.

Они успели погрузиться на поздний паром. Наташа сидела молча и смотрела через запотевшее окно на темную вспенившуюся воду внизу, пытаясь построить логичную картину произошедшего. Как Саре удалось пересечь Ла-Манш с лошастью? Как она умудрилась попасть во Францию? Наташа не находила ответов на эти вопросы.

– А если это не она?

Мак протянул ей бутылку с водой. Он положил ноги на сиденье рядом с ней, и она пододвинулась.

– Что ты имеешь в виду? – Он снял свитер и стал пить. – Черт, у меня жажда.

Он не побрился, на подбородке появилась щетина.

– Если она продала карточку или ее украли? Если мы охотимся не за тем человеком?

– Возможно. Но слишком много совпадений. Кто еще так стремился попасть во Францию? К тому же других версий у нас нет, так?

– Мак, глянь, какие расстояния. – Наташа указала на карту перед ними на столе. – Джон сказал, лошадь может пройти тридцать-сорок миль в день, максимум. До Дувра и то не добраться за это время. Как она смогла переплыть Ла-Манш с лошастью и проехать половину Франции? Смотри, от Кале до Сомюра больше трехсот миль. Как она может туда добраться?

– И что теперь?

Наташа откинулась на спинку кресла и неуверенно предположила:

– Может, вернуться? Или позвонить в полицию.

– Мы же решили, что делать. – Мак покачал головой. – Едем в Сомюр.

– А если мы ошибаемся?

– А если нет? Похоже, она стремится именно туда. Так считает ее дед. Твоя карточка говорит об этом.

– Мне кажется, мы все сделали неправильно. – Наташа посмотрела в окно. – Надо было вчера утром позвонить в полицию. Ты был прав. Я не хотела обращаться к властям, поскольку не хотела огласки. Признаю. Но все вышло из-под контроля. Мак, мы отвечаем за четырнадцатилетнюю девочку, которая пропала, возможно, за границей. Думаю, сойдя с парома, нам следует позвонить в полицию. Мы обязаны это сделать.

– Нет, – твердо сказал он. – Как только мы позвоним в полицию, она

потеряет лошадь. Потеряет все. Она пропала только в том смысле, что мы не знаем, где она. Она-то точно знает, куда едет. Думаю, с ней все будет в порядке.

– Откуда тебе знать?

– Просто знаю. Если не так, готов нести ответственность.

– Я тоже ее приемный родитель.

Мак смотрел прямо ей в глаза, и это ее смутило.

– Знаешь что? Если бы ты на самом деле хотела позвонить в полицию, ты бы это сделала вчера. Мы оба знаем, Таш, что не хотим вмешательства властей, хотя по разным причинам.

Когда они были мужем и женой, она ни разу не видала у него такого решительного настроения.

– В любом случае мы на пароме. И знаем, куда едем. Предлагаю найти это место, где лошади, и ждать ее там.

– А если мы ошибаемся? – От душевной боли Наташа говорила более резким тоном, чем хотела. – Если она в опасности? Если не доберется туда, куда мы думаем? Ты сможешь с этим жить?

После этого они почти не разговаривали. В Кале Мак съехал с парома и гнал всю ночь, выбирая второстепенные дороги, подходящие для передвижения верхом, и все вглядывался в темноту.

Наташа задремала и проснулась от звука его голоса. Он говорил по телефону, тихо, но настойчиво.

– Дело не в этом, – сказал он и позже добавил: – Нет, милая. Мне эта идея не нравится. Знаю. Знаю.

Наташа проснулась, но делала вид, что спит, не двигалась и не открывала глаза, стараясь дышать ровно, пока он не повесил трубку. Выждала еще десять минут и зевнула. Он предложил остановиться, чтобы поспать немного. Был час ночи, и перспектива найти отель представлялась слабой.

– Долго спать не будем. Отдохнем пару часов и поедем дальше.

Наташа обрадовалась: напряженное молчание последнего часа угнетало ее. Они завернули на парковку перед автозаправкой, освещенную фонарями. Других машин не было. За низкой клочковатой изгородью простиралась долина реки Соммы, погруженная в темноту и овеванная историей. Мотор заглох.

Они сидели рядом, испытывая неловкость, словно на свидании перед первым поцелуем. Какая-то пародия, подумала она.

Мак, вероятно, тоже это почувствовал, был сдержан и вежлив. Он предложил ей заднее сиденье, она поблагодарила и перебралась туда,

сделала из пальто подушку и склонила голову, зная, что к утру ее костюм помнется еще больше.

– Хочешь мою куртку? Мне не холодно.

– Спасибо. Мне хорошо.

Он заснул так же быстро, как делал это, когда они были женаты: словно упал в пропасть. Откинул назад кресло. В полутьме она видела его профиль. Лицо расслабленное, рука застыла на лбу. Дыхание ровное, спокойное.

Наташа не могла заснуть. Она лежала в чужой машине, в чужой стране. Мысли проносились в ее голове с такой же скоростью, как транспорт вдалеке. Она думала о рухнувшей карьере, о человеке в Лондоне, который ее больше не любит, о девочке, которая была где-то рядом, об отсутствии счастья и об одиночестве. В центре всего этого была она. Ей стало холодно, и она пожалела, что отказалась от куртки Мака. Ей вспомнился мальчик, которого она как-то представляла в суде. Он месяцами ночевал на парковках. Она выиграла дело, настроена была решительно, но не потрудилась представить, каково это было для него.

Время тянулось медленно. Мужчина, с которым она когда-то надеялась провести всю жизнь, которого поклялась любить, с которым в параллельном мире должна была лежать в супружеской постели, слушая, как дышат во сне их дети, пошевелился на переднем сиденье, но на расстоянии миллиона миль, и что-то пробормотал. Возможно, ему снилась длинноногая любовница. Наташа лежала в темноте и вдруг, к своему удивлению, поняла, что развод – это еще не самое болезненное.

– Линда, это Наташа.

– Как ты? Разрушила свои семейные проблемы?

Они знали. Конор все им рассказал. Наташа осмотрела свою помятую юбку, чулки, на которых при ярком утреннем свете обнаружились спущенные петли.

– Нет. Еще нет.

– Где ты? Когда вернешься?

Они проспали несколько часов и проснулись на рассвете. Мак перегнулся и потряс ее за плечо. Она открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Потом они в молчании пару часов ехали по шоссе, пока не остановились на автозаправке, чтобы освежиться.

– Не знаю. Похоже, это займет больше времени, чем я думала. Можно поговорить с Беном?

– Его нет. Он с Ричардом ушел.

– С Ричардом? Почему с Ричардом?

– Тебе никто не позвонил?

– Нет, а что?

– Перси. Они договорились. Его представитель обратился сегодня утром с новым предложением. Более щедрым, чем она ожидала. И согласилась на график посещений. Один Бог знает, как говорит Ричард, будет она его соблюдать или нет, но на данный момент они достигли договоренности.

– Слава богу!

– Сейчас они празднуют. Ричард взял с собой Харрингтона и Бена. Отправились в «Уолсли» на завтрак с шампанским. Ее теперь не узнать. Я Бену велела проявлять осторожность – она на него смотрела как голодная львица на пробегающую антилопу.

Ричард не удосужился позвонить. Радость оттого, что дело закончилось благополучно, улетучилась, омраченная пониманием, что благодарности она не дождется. В глазах Ричарда она больше в нем не участвовала.

И еще она поняла, что не станет партнером. Во всяком случае, не в этом году. Возможно, даже не через несколько лет.

– Лин? Э-э... – Наташа вздохнула. – Нет, ничего.

Тупая боль в висках. Она стояла на парковке автозаправки во Франции, в одежде, которую не меняла два дня, и смотрела на проезжающие машины. Как она здесь оказалась? Почему не сделала то, чему учит всех стажеров: держать клиента на коротком поводке? Почему не предвидела, что хаос жизни этих детей мог быть заразен?

– Так как ты?

– Нормально, – солгала она.

– Никто не знает, что делать, – осторожно сказала Линда. – Ты свои карты не раскрывала.

– И теперь плачú за это?

– Есть мнение, что ты могла бы справиться лучше.

Наташа закрыла глаза:

– Лин, мне пора. Позвоню позже.

Через парковку шел Мак. Настоящая пытка, подумала она: карьера разрушена, личная жизнь разбита вдребезги, им с бывшим мужем уготовано сидеть в тесной машине до конца дней и препираться, пытаясь оправдать неправильно принятые решения.

– Ой, Наташа! Чуть не забыла. У нас утром был посетитель. Никогда не догадаешься кто.

Мак остановился и что-то сказал двум пожилым женщинам, которые вышли из автомобиля. Женщины засмеялись, а он широко улыбнулся. Ей он давно так не улыбался. Перестал еще задолго до того, как ушел из дома. У нее сжалось сердце.

– И кто же?

– Али Ахмади.

Наташа оторвала взгляд от Мака:

– Что ты сказала?

– Я так и знала, что ты удивишься. Али Ахмади.

– Этого не может быть! Он ведь под стражей. Почему его отпустили до суда?

Линда засмеялась:

– Парень, про которого мы читали, другой Али Ахмади. Оказывается, в Иране это очень распространенное имя. Очевидно, тамошний аналог нашего Джона Смита. В любом случае твой пришел сказать, что поступил в колледж и в сентябре начнутся занятия. Милый мальчик. Принес букет цветов. Я их поставила у тебя в кабинете.

Наташа присела на низкую стену и прижала телефон к уху:

– Но...

– Знаю. Мы должны были проверить. Откуда было знать, что их двое? Но все равно приятно, правда? Восстанавливает веру в человечество. Мне никогда не казалось, что он способен на насилие. Да, я отдала ему маленькую лошадку, которую собирались ему послать. Думаю, ты ничего не имеешь против. Он обрадовался.

– Да, но он наврал насчет расстояния, которое проделал. Из-за этого я неверно представила его дело.

– Я так и сказала Бену. Поскольку он пришел с переводчицей, мы достали дело и попросили ее посмотреть еще раз на перевод записей. И она нашла кое-что интересное. – (Наташа молчала.) – Али Ахмади в самом деле сказал, что преодолел девятьсот миль за тринадцать дней, но он не говорил, что прошел пешком весь этот путь. А мы, включая переводчицу, думали именно так. Бен спросил у него... Не представляешь, как он хорошо теперь говорит по-английски! Потрясающе! Так вот, Бен спросил его, как ему удалось покрыть такое расстояние. Он объяснил, что часть пути прошел пешком, иногда его подвозили на грузовике, а часть – он показал маленькую лошадку – проехал верхом. На муле или что-то в этом роде. Так что он тебе не врал.

Наташа почти не слушала Линду. Та говорила, куда поставила цветы, спрашивала, когда она снова позвонит. Наташа устало уронила голову на

руки и вспомнила мальчика, который сжал ее ладони в знак благодарности. Мальчика, который проделал девятьсот миль за тринадцать дней. Мальчика, который сказал ей правду.

Она подняла голову и увидела Мака в нескольких шагах. В руках он держал два пластиковых стаканчика. Он отвел глаза, словно смотрел на нее давно. Она закрыла телефон.

– Хорошо. – Наташа взяла стаканчик с кофе. – Ты победил. Едем в Сомюр.

Сара где-то свернула не туда. Смотрела на карту, которая начала рваться на местах сгиба от частого использования, и не понимала, почему маршрут, который должен был привести ее через Тур к *lairage*, где Том для нее забронировал место, привел в нескончаемую промышленную зону. Какое-то время она ехала вдоль железнодорожной ветки, которой на карте не было, и не могла понять, движется в правильном направлении или нет. Она верила в свою интуицию и надеялась, что в любую минуту появится указатель – на Тур или еще какой-нибудь. Но напрасно. Сельский пейзаж постепенно превращался в урбанистический, напоминавший окраину Лондона. Бетонная пустыня с огромными ангарами и парковками, огромные постеры «Моноприкса» с отклеившимися углами. Время от времени мимо с грохотом прокатывал поезд. Бо испуганно вздрагивал. Потом наступала тишина, которую прерывала изредка проезжающая мимо машина.

Солнце садилось, холодало. Сомнения в правильности выбранной дороги росли. Сара остановилась, снова сверилась с картой, посмотрела на небо, пытаясь определить, что едет на юго-запад, а не на юго-восток. Она проголодалась и теперь жалела, что не остановилась у какого-нибудь из симпатичных рынков по пути. Ей не терпелось скорее добраться до цели. Она была так уверена, что к этому времени уже будет в конюшне.

Пейзаж становился все более и более унылым. Кругом заброшенные здания с пустыми глазницами окон. Она явно попала на запасной путь: железнодорожная ветка разделялась на несколько. Повсюду стояли грузовые вагоны, запертые и испещренные граффити. Над головой столбы и паутина проводов. Сара забеспокоилась и решила повернуть назад. Она тяжело вздохнула и начала разворачиваться.

– Que fais-tu ici?^[51]

Она обернулась и увидела пять мотоциклов и мопедов, два с задними пассажирскими сиденьями. Двое парней были в шлемах, остальные без. Курили, смотрели зло. Она знала таких парней по своему микрорайону.

– Eh? Que fais-tu ici?

Она не хотела отвечать, понимая, что ее выдаст английский акцент. Отвернувшись и продолжила медленно ехать, направляя Бо налево. Что-то ей говорило, что сквозь этот строй не проехать. Оставалось надеяться, что они потеряют интерес и уедут.

– Tu as perdu les vaches, cowboy?^[52]

Она инстинктивно сжала ноги. Хорошо натренированная лошадь почувствует малейшее напряжение седока. Это движение и едва заметное натяжение поводьев привлекли внимание Бо.

– Hé!

Один с ревом пронесся мимо. Она слышала, как остальные свистели и переговаривались у нее за спиной. С каменным лицом Сара продолжала ехать, понимая, что может оказаться в тупике. Промышленная зона была огромной – склады и пустые парковки. Черно-красные граффити на стенах говорили об отсутствии деятельности, а возможно, и надежды.

– Hé! J’ai parlé à toi!^[53]

Она слышала, как взревел мотор мотоцикла, и у нее сильно заколотилось сердце.

– Eh! J’ai parlé à toi! Putain!^[54]

– Allez-vous en^[55], – сказала она, стараясь казаться более уверенной, чем была на самом деле. – Убирайтесь!

Они засмеялись.

– Allez-vous en! – передразнил ее парень.

Быстро темнело, Сара перешла на рысь. Она сидела очень прямо и слышала, как у нее за спиной заносило ревущие мотоциклы. Впереди не было огней. Если бы она смогла вернуться на главную дорогу, они бы от нее отстали.

– Putain! Pourquoi tu te prends?^[56]

Один мопед поравнялся с ней, потом отстал. Сара почувствовала, как напряглась лошадь, подергивала ушами, ожидая не поданного еще сигнала. Она положила руку на шею Бо, стараясь успокоиться и скрыть от него нарастающую панику. Они скоро уедут, мысленно сказала она ему. Им надоест, и они от нас отстанут. Но мотоцикл резко свернул и оказался перед ней. Бо остановился. Его круп расслабился, голова дернулась вверх. Еще два мотоцикла обогнали ее. Теперь их было трое. Шарф закрывал ее лицо, шапка надвинута на глаза.

Кто-то швырнул на землю сигарету. Сара сидела неподвижно, бессознательно поглаживая Бо по плечу.

– Putain! Tu ne sais pas qu’il impoli d’ignorer quelqu’un? – сказал парень с африканской внешностью и склонил голову набок.

– Je... je dois aller au Tours, – сказала она, стараясь, чтобы у нее не дрожал голос.

– Tu veux aller au Tours. – Парень издевательски рассмеялся. – Je te prendrai au Tours. Montes a bord. – Он похлопал по сиденью, и все засмеялись.

– Il y a quoi dans ce sac?

Она перевела взгляд с одного на другого.

– Rien, – ответила она. Похоже, им нужен ее рюкзак.

– Il est trop plein pour rien^[57]. – Белый парень с бритой головой в бейсболке сошел с мотоцикла.

Она старалась дышать ровно. Они такие же парни, как у нее дома, уговаривала она себя. Красуются друг перед другом. Надо просто показать им, что она их не боится.

Парень медленно двинулся в ее сторону. На нем была грязная куртка цвета хаки, из кармана торчала пачка сигарет. Он остановился в нескольких футах, осмотрел ее и без всякого предупреждения прыгнул вперед, крикнув «Хей!».

Бо фыркнул и отшатнулся. Парни засмеялись.

– Не бойся, – прошептала она, снова сжимая ноги. – Не бойся.

Парень в бейсболке затянулся сигаретой и снова двинулся вперед. Они не отстанут, сказала она сама себе. Они нашли новую игру, новую пытку. Она незаметно огляделась, прикидывая расстояние, пытаясь определить, как лучше всего их объехать. Они наверняка хорошо знают окрестности. Часами гоняли на мотоциклах от нечего делать, выискивая, что можно украсть или разбить от злости и скуки.

– Хей!

На этот раз она была готова. Бо вздрогнул, но не отпрыгнул. Она крепко держала его ногами и рукой, подавая сигнал не двигаться. Он не должен чувствовать страх. Но он был в растерянности. Она видела, что он оглядывается назад, выгибает напрягшуюся шею. Она чувствовала, как он нервно покусывает удила. Когда мотоциклы заревели снова, она знала, что будет делать.

– S’il vous plaît, – сказала она, – laissez-moi la paix.

– Renvois-moi et je te laisserai la paix. – Он показал на рюкзак.

– Hé! Putain! Renvois-le, ou j’en fais du pâté pour chien!^[58]

Парень с североафриканской внешностью что-то сказал о конине, и это

слово ее подстегнуло. Сжав ноги, Сара привлекла внимание Бо. Охваченный тревогой, он не сразу ее услышал, но потом выучка взяла вверх, и он послушно пустился рысью на месте. Он осторожно и ритмично поднимал ноги, две ноги одновременно – преувеличенный вариант пиаффе.

– Regardez! Un cheval dansant!^[59]

Парни начали улюлюкать, моторы зарычали, они подъезжали все ближе и ближе, почти не обращая внимания на то, что она делает. Сара поборола страх и попыталась сосредоточиться, отгородиться от шума. Она собирала энергию Бо в центре его тела. Его голова упала на грудь, ноги поднимались все выше. Она чувствовала его волнение, сердце сжималось оттого, что он ей доверял, что был готов сделать то, о чем она просит, несмотря на свой страх. Она слышала, как один из парней что-то ей крикнул, но кровь стучала у нее в ушах, и она не расслышала.

– Alors, comme ça on se fait valser, hein?^[60]

Парень шел к ней со злой и насмешливой улыбкой. Он напомнил ей Мальтийца Саля. Правой ногой она незаметно направила Бо от него. Бо, подогреваемый ее усиливающимся побуждением, тоже чувствовал, что атмосфера напряглась, и она еле его сдерживала. Парни представляли собой реальную угрозу. Она физически ощущала их тягу к разрушению. Она почти читала их мысли, как они взвешивали возможности. Пожалуйста, сказала она Бо. Только разок. Ты должен сделать это для меня.

– Faites-la descendre!^[61] – крикнул один из парней, показывая остальным, что надо стащить ее из седла.

Она почувствовала, как чья-то рука потянулась к ее ноге. Дальше ждать было нельзя. Она ударила Бо каблуками по бокам, веля ему своей посадкой подниматься, а потом крикнула: «Но!» – и он прыгнул и взлетел в воздух, горизонтально вытянув задние ноги. Каприоль! Мир замер на несколько секунд. Все остановилось. Она видела перед собой то, что должны были видеть всадники во время битвы две тысячи лет назад: лица противников, искаженные от ужаса, когда огромные кони, преодолевая силу притяжения, взмывали в воздух, а их ноги и они сами превращались в грозное оружие.

Внизу слышались крики ужаса, ярости. Два мотоцикла перевернулись. Парень, который слез со своего, упал на задницу. Когда передние копыта Бо коснулись земли, Сара подалась вперед и впилась каблуками в его бока.

– Вперед! – крикнула она. – Вперед!

Огромный конь перемахнул через мотоциклы, свернул за угол и помчался по асфальтированной дороге туда, откуда они приехали.

За несколько сот миль оттуда Анри Лашапель проснулся в затемненной больничной палате. Его голова, заботливо поправленная медсестрой из вечерней смены, склонилась набок. Он смотрел на расплывающееся изображение лошади, ждал, когда оно обретет более четкие очертания. Казалось, фотография стала к нему ближе, пока он спал, и теперь конь смотрел прямо на него. Радужный глаз глядел в его глаза, сухие и болезненные, словно подбадривая. Казалось, его терпение было бесконечным. Анри опустил и поднял веки. Его замешательство росло. Потом... «Геронтий!» – воскликнул он с благодарностью. В ответ конь моргнул и опустил нос. Анри силился вспомнить, как они оказались здесь. Все теперь перепуталось, и было проще отдаться на волю этим новым течениям, не сопротивляясь, принимать помощь и незнакомые лица.

Он ощущал жесткую кожу сапог на икрах, мягкую саржу черного воротничка на шее. Слышал где-то в отдалении приглушенный смех своих товарищей *ёсуэрс*, которые готовились к выступлению. Ноздри щекотал запах дыма костра, карамели и теплой кожи. Ласковый бриз из долины Луары обдувал лицо. Он сидел в седле, выезжая из-за красного занавеса, руки в перчатках слегка сжимали поводья. Глаза спокойно смотрели вперед между стоящими торчком ушами лошади. Он чувствовал, как длинные сильные ноги Геронтия двигались под ним. Отчетливый элегантный шаг, знакомый ему, как собственная походка. И его охватила бурная радость, подобная эйфории. Геронтий его не подведет, на этот раз Анри покажет себя. Станет «человеком с крыльями».

На этот раз было по-другому: ему практически не надо было посылать сигналы лошади. Между ними установилась телепатическая связь, понимание, о котором не говорил ему ни один *Grand Dieu*. Он не успевал прищипорить коня, сместить вес или сказать хоть слово: Геронтий опережал его. Какое благородное создание, думал восхищенный Анри. Как я мог бросить его так надолго?

Лошадь выгнула шею в центре арены, собралась. Шелковистая шерсть блестела под светом софитов, попарно поднимались копыта. А затем, рассекая воздух, конь встал на задние ноги, невероятно высоко, не качаясь и не сопротивляясь. Держит гордую голову неподвижно и прямо, посматривает на зрителей, будто это он дал им право восхищаться его достижением. И Анри возвышался над ним, ноги сжаты, безупречно прямая спина. Он ликующе ахнул, когда понял, что произошло, – они взмыли в воздух, и возвращаться на землю было не надо.

И тогда он увидел ее – девушку в желтом платье. Она встала со своего

места и подняла тонкие руки над головой. Она аплодировала, в глазах слезы радости, на лице широкая улыбка.

– Флоренс! – крикнул он. – Флоренс!

Шум аплодисментов влился в уши, наполнил сердце, оглушил. Свет софитов слепил. Флоренс. Она стала всем. Он взлетал все выше, и шум аппаратов, возбужденные голоса и стук открывающейся двери в палату отдалились.

– Ты готова? – Мак стучал в дверь комнаты. – Мадам сказала, ужин в восемь, не забыла?

Наташа надела плохо скроенные брюки и тонкую трикотажную кофту красного цвета – единственные предметы одежды из местного гипермаркета, которые подошли ей по размеру.

– Дай мне пять минут, – устало откликнулась она. – Я сейчас спущусь.

Его шаги стали удаляться по коридору, отражаясь от деревянных панелей. Наташа нашла в сумочке тушь. Это чуть оживит ее бледное лицо.

Они приехали в город около пяти. Первую остановку сделали у École Nationale d'Équitation, альма-матер Кадр-Нуар, но ворота были закрыты. Мак позвонил несколько раз, и раздраженный голос сообщил, что академия будет открыта для публики только через две недели после Рождества. На следующий вопрос Мака голос ответил, что никто ничего не знает об английской девочке, которая приехала на лошади. Ни Мак, ни Наташа не говорили по-французски свободно, но они не могли не почувствовать издевку в голосе сторожа.

– В любом случае она не могла приехать сюда раньше нас, – сказала Наташа. – Найдем базу и будем действовать оттуда.

Она еще раз позвонила в компанию, выдавшую кредитную карту, но новых транзакций не совершалось. Сара не снимала деньги со вчерашнего вечера. Наташа не знала, радоваться или тревожиться.

«Шато Верьер» располагался в центре средневекового города, по соседству с кавалерийской школой. Сам замок был огромный, с богатой отделкой, очень красивый. Они останавливались в подобных местах, когда только познакомились и хотели покрасоваться друг перед другом. Мак тогда пользовался лосьоном после бритья и делал ей комплименты, что бы она ни надела. В то время это было забавно и ей нравилось, а два года спустя стало раздражать.

– Можно было и в сетевом отеле остановиться. – Мак держался бодро, но Наташа знала, что, как только они попали во Францию, его страхи, так же как и ее, усилились.

В последние часы они щадили друг друга. Ситуация настолько обострилась, что не оставляла места для других чувств. Теперь они оба не были уверены в благополучном исходе.

Когда она спустилась вниз, Мак у громадного горящего камина объяснял ситуацию владелице замка. Француженка слушала с вежливым скептицизмом.

– Вы полагаете, ребенок приехал сюда из Кале? – повторила она.

– Мы знаем, девочка направлялась в Кадр-Нуар, – объяснял Мак. – Нам необходимо поговорить с кем-нибудь оттуда, выяснить, не появлялась ли она.

– Месье, если четырнадцатилетняя английская девочка приедет сюда одна, без сопровождения, верхом, весь Сомюр будет знать об этом. Вы уверены, что она может сюда добраться?

– Мы знаем, что вчера вечером она сняла деньги где-то за пределами Парижа.

– Да, но это больше пятисот километров...

– Это возможно. – Наташа подумала об Али Ахмади. – Мы знаем, это возможно.

Они с Маком переглянулись.

– Никто сюда не приезжал, – заверила женщина. – Если хотите, я могу позвонить джентльменам и узнать, известно ли им что-нибудь об этом.

– Мы будем очень признательны, – сказал Мак. – Спасибо. Мы с радостью примем любую помощь.

Владелица замка вышла проверить, как готовится ужин.

– Не возражаете?

– Разумеется.

Наташа смотрела в окно, мечтая, чтобы девочка появилась из-за деревьев в дальнем конце двора. Сара мерещилась ей повсюду: за припаркованными автомобилями, в конце узких улиц. Она приедет сюда. Когда Наташа думала об Али Ахмади, она не вспоминала о силе его воли или о букете цветов, что ждал ее в кабинете. Она размышляла о своих ошибках. Понимала, к своему ужасу, что совершила чудовищный промах.

Сидя напротив Мака за ужином, в такой романтической обстановке, она осознала, что не голодна, и стала пить. Выпила три-четыре бокала, не заметив. По негласной договоренности они решили не говорить о Саре, но Наташа не могла придумать, что сказать, и не знала, куда смотреть. Она смотрела на Мака, на его руки, на его кожу, на растрепанные каштановые волосы. Он на удивление тоже говорил мало. Увлечся ужином и время от времени довольно причмокивал.

– Превосходно, да? – сказал он, а потом заметил, что она ковыряет вилкой в тарелке.

– Вкусно.

Он насторожился, будто не знал, что еще сказать. И его нерешительность передалась ей. Он отказался от десерта, заявив, что собирается понежиться в ванне, и они вздохнули с облегчением.

– Я, может быть, пройдусь, – предупредила Наташа.

– Там холодно.

– Хочу подышать.

Она попыталась улыбнуться, но у нее не вышло.

Втянув холодный воздух, Наташа задохнулась и плотнее запахнула пальто. Пахло дымом от дров. Справа виднелся огромный классический фасад академии, вдали – широкие, покрытые светлым камнем улицы Сомюра.

Она подошла к каштану, остановилась и стала смотреть сквозь ветви на небо: огромное, чернильно-черное, не испорченное городским освещением, украшенное мириадами звезд. Она не думала о работе, о проигранном деле, оборвавшемся романе. Не могла думать о Саре и о том, где та сейчас находится. Она думала об Ахмади, который ей не солгал. Ей стало стыдно, что она так быстро изменила свое мнение о нем.

Она не знала, как долго стояла там, когда услышала шаги по гравии. Это был Мак, и у нее екнуло сердце.

– Что? Полиция? – спросила она, когда поняла, что он держит телефон. – Они ее нашли?

У него были сухие волосы, так что вряд ли он успел принять ванну.

– Ковбой Джон звонил. – Лицо у Мака было серьезное. – Дедушка Сары умер сегодня вечером.

Наташа потеряла дар речи. Ждала, что заговорит Мак, извинится, скажет, что это была плохая шутка. Но он ничего этого не сделал.

– Бог мой, Таш, – наконец выговорил он. – Черт, что нам теперь делать?

Поскрипывали ветки на ветру, в лицо веяло холодом.

– Мы найдем ее. – Собственный голос отозвался эхом у Наташи в ушах. – Должны найти. Не знаю, что еще мы можем...

В груди возникло странное чувство: неизведанное и удушающее. Подавляя панику, Наташа обошла Мака, прибавила шагу, потом побежала в сторону дома. Миновала элегантную сводчатую прихожую, взлетела по лестнице красного дерева и ворвалась в свою комнату. Из глаз брызнули слезы. Она бросилась на кровать вниз лицом, сжала голову руками.

Уткнулась в тяжелое покрывало и зарыдала. Она не знала, из-за чего плачет. Из-за девочки, одинокой в чужой стране, чья последняя связь с любимой семьей только что оборвалась? Из-за мальчика-сироты, чью жизнь она неправильно истолковала? Или из-за того, что превратила собственную жизнь в хаос? Под воздействием алкоголя, в незнакомой обстановке, в чужой стране, уже два дня как вырванная из обычной жизни, Наташа плакала не сдерживаясь. Рыдания сотрясали ее, вырываясь из глубины души. Она плакала беззвучно и не знала, сможет ли остановиться.

За спиной раздавался рев мотоциклов. Сара перешла на галоп, отрывисто дышала, охваченная страхом. Бо бежал, выпрямив шею, его копыта выбивали искры в сгущающейся темноте. Она направила его направо, где, казалось, проходила дорога. Позади визжали покрывки, кто-то снова угрожающе выкрикнул: «Putain!» Перед ней открылась парковка супермаркета.

Сара неслась галопом через парковочные места, не обращая внимания на испуганные семейные пары с тележками, на водителя, который дал задний ход и застыл на месте. Мотоциклисты теперь рассредоточились, она видела их краем глаза. Она пыталась сдержать Бо. Если они подъедут поближе к супермаркету, там будет слишком много народу и парни ничего не смогут ей сделать. Но Сара чувствовала, что шея Бо слишком напряжена: от испуга он перестал воспринимать окружающее.

Она откинулась назад. Мелькали дорожные знаки.

– Бо! Тпру! – крикнула она, но поняла, к своему ужасу, что остановить его не удастся.

Оставалось ехать вперед. Они перепрыгнули железнодорожную ветку, рытвину, перемахнули пустую парковку и оказались на краю промышленной зоны. Далее за низкой оградой чернела пустынная сельская местность. Сара встала в стремянах, потянула один повод – старый прием, чтобы заставить коня ходить по кругу и сбавить скорость.

Но она не рассчитала близость ограды и размер угла. Ни лошадь, ни всадница не видели понижения по другую сторону ограды. Слепой от страха, Бо взвился в воздух, и только когда его передние ноги оторвались от земли, оба поняли, какую совершили ошибку.

Шум мотоциклов стих. Сара взмыла в темное небо, не услышав собственного крика. Потом Бо запнулся, наклонил голову, и Сара упала. Она увидела освещенную поверхность дороги, услышала ужасный хруст, а потом все исчезло в темноте.

На его стук никто не отвечал, и Мак повернул дверную ручку. Он боялся, что между ними возникли новые осложнения, но вернуться в свою комнату не мог: Наташа казалась такой потерянной. Лицо бледное в лунном свете, от бывшего самообладания не осталось и следа.

– Таш? – позвал он.

Снова позвал, потом открыл дверь.

Она лежала на кровати под балдахин, сжав руками голову. Казалось, спит. Мак уже хотел тихонько закрыть дверь, но увидел, что у нее шевелятся плечи, и услышал приглушенное всхлипывание. Он стоял не шевелясь. Мак давно не видел, чтобы Наташа плакала. Уйдя в конце концов из дома, он еще года полтора помнил выражение ее лица, когда она стояла в прихожей, одетая в деловой костюм, с непроницаемым лицом. И смотрела, стиснув зубы, как он грузит свои пожитки в машину.

Это было сто лет назад.

Мак осторожно прошел по паркету. Дотронулся до ее плеча, и она вздрогнула.

– Таш?

Она промолчала. То ли не может ответить, то ли просто ждет, чтобы он ушел.

– Что такое? Что случилось?

Она подняла лицо, бледное и мокрое от слез. Остатки туши растеклись, и ему захотелось утереть ей щеки. Ее глаза сверкали.

– А если мы не найдем ее?

Глубина ее боли поразила его. Он не узнавал Наташу и не мог отвести взгляд.

– Найдем. – Это было все, что он мог сказать. – Не понимаю, Таш...

Она села, подтянула колени и зарылась в них лицом. Ему не сразу удалось расслышать, что она говорит.

– Он нам доверял.

– Да, но... – Мак сел рядом на кровати.

– Ты был прав, это моя вина.

– Нет... Нет... – прошептал он. – Я сказал глупость, которую не должен был говорить. Ты не виновата.

– Нет, виновата, – сквозь слезы твердила она. – Я его подвела. Ее подвела. Никогда не заботилась о ней как надо. Но...

– Ты все делала хорошо. Сама же сказала, что прилагала все усилия. Мы оба делали что могли. Мы не знали, что так выйдет.

Он был ошеломлен воздействием прежних своих слов: казалось, Наташа давно перестала на него реагировать.

– Эй, ладно. Мало ли кто что брякнул. Я злился...

– Да нет. Ты был прав. Не стоило мне уходить. Если бы я осталась... может, она бы открылась мне немного... Но я не могла оставаться рядом с тобой. И рядом с ней.

Тонкие руки, на рукавах красной рубашки – мокрые пятна от растекшейся туши. Мак хотел прикоснуться к ней, но боялся, что она снова замкнется.

– Ты не могла оставаться рядом с Сарой? – осторожно спросил он тихим голосом.

Наташа успокоилась, перестала всхлипывать.

– Она дала мне понять, что у меня ничего не получится. Когда Сара была рядом... я поняла, что, видимо, неспроста у меня нет детей. – Наташа с трудом сглотнула. – И то, что с ней случилось, говорит, что я права.

У нее сорвался голос, и она снова заплакала, вся дрожа. Она сама сейчас казалась маленькой, как девочка.

Мак был сражен ее горем.

– Нет, Таш. – Он взял ее за руку. Пальцы были мокрыми от слез. – Нет... Нет, Таш. Это не так... Ну что ты... – неуверенно говорил он. Потом притянул ее к себе, обнял и стал раскачивать, сам не понимая, что делает. – Нет... Ты была бы прекрасной матерью, не сомневаюсь.

Он вдохнул знакомый аромат ее волос и понял, что сам плачет. И почувствовал, как жена обняла его и прижалась к нему. Это был беззвучный сигнал, что он, вероятно, еще дорог, желанен, еще способен ей что-то предложить. Они сидели в темноте, прильнув друг к другу, слишком поздно оплакивая детей, которых потеряли, совместную жизнь, от которой отказались.

– Таш... – шептал он. – Таш...

Ее рыдания стихли, в воздухе повис немой вопрос. Он давал о себе знать там, где соприкасалась их кожа. Он взял в ладони ее лицо с распухшими веками, мокрое от слез, пытаясь прочесть его выражение, и увидел нечто, что развеяло все его сомнения.

Мак прижался к Наташиному лицу и стал что-то нашептывать, целуя ее нижнюю губу. Он гладил ее лицо, чужое, но такое знакомое. На миг почувствовал, что она колеблется, и он тоже засомневался. Что происходит? Надо остановиться? Потом ее тонкие пальцы переплелись с его, и она тихо застонала, ища его губы.

Мак придавил ее своим телом, испустив вздох облегчения и желания. Он целовал ее шею, ее волосы, расстегнул пуговицы на мятой блузке, вдохнул мускусный запах ее кожи, и его охватило влечение. Ногами она

обвила его спину, и Мак успел про себя отметить, что раньше она не была такой. На протяжении многих лет. Это была новая Наташа, и его отношение к этому было слишком сложным, чтобы он мог думать об этом в данную минуту.

Он открыл глаза и посмотрел на нее в слабом свете из окна – размазанная тушь, невымытые волосы, пульсирующая жилка на выгнутой бледной шее. Возникшую нежность подавляло нечто темное, мужское. Что-то внутри его. То, в чем он не мог признаться ей, когда они состояли в браке. И дело было не в том, что он входил в ту же реку дважды. Он не узнавал ее!

– Я хочу тебя, – шепнула она ему на ухо, будто удивляясь сама себе, охрипшим от едва сдерживаемого желания голосом. – Хочу тебя.

Стаскивая рубашку через голову, Мак понял, что хоть это не был вопрос, ответ на него мог быть только один.

Глава 25

Если что-то происходит с лошадыю, сам всадник находится в огромной опасности.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Наверху кружила белая птица. Она медленно делала большие круги и издавала гул, который становился все громче. Потом, когда шум делался невыносимым, она удалялась. Сара моргала, не могла рассмотреть ее из-за яркого света и про себя молила, чтобы гул прекратился.

Она лежала неподвижно. Шум усилился, и на этот раз земля под ней задрожала. Она поморщилась, почувствовав боль в голове и в правом плече. Пожалуйста, перестаньте, взмолилась она. Слишком громко. Она снова зажмурилась, пытаясь защититься от боли. Шум стал невыносимым и вдруг стих. Она облегченно вздохнула, но услышала другой звук. Хлопнула дверь. Кто-то вскрикнул.

Ой, подумала она. Плечо. Потом: холодно. Я не чувствую ног. Свет потускнел, и она приоткрыла глаза. Темная тень склонилась над ней.

– Ça va?^[62]

Ее охватила непонятная паника. Что-то случилось, что-то плохое. Она моргнула, позабыв о боли. Тень обрела облик мужчины. Сара обнаружила, что лежит в канаве. С трудом села, оперлась о бетонный столб, чтобы не упасть.

Мужчины. Мотоциклы. Ужас.

Фермер стоял в нескольких ярдах от нее. На лице тревога. На некотором отдалении виднелся большой желтый трактор. Дверца осталась открытой, когда он выпрыгнул из кабины.

– Que faire?^[63]

Сара не могла сфокусировать взгляд. Она осмотрелась и увидела большое вспаханное поле, вдали ангары промышленной зоны. Промышленная зона. Прыжок в темноту.

– Моя лошадь! – Она вскочила на ноги и застонала от боли. – Где моя лошадь?

Фермер попятился, жестом прося ее не двигаться.

– Je téléphonerai aux gendarmes. D'accord?^[64]

Но она уже шла, спотыкаясь, по дороге, пытаясь прочистить голову и

прояснить зрение.

– Бо! – закричала она. – Бо!

Фермер с подозрением наблюдал за ней, держа толстые пальцы на кнопках мобильного телефона. Сара не замечала этого, иначе легко прочитала бы его мысли. Наркотики? Сумасшествие? Один бок весь в грязи. На лице синяк. Попала в беду?

– Tu as besoin d’aide?^[65] – осторожно спросил он.

Она не слышала его.

– Бо! – кричала она, схватившись за бетонный столб, чтобы не упасть.

Все тело болело. В глазах туман. Но даже она видела, что поля были пусты. Только вороны вдали и пар ее дыхания. Ее крик потерялся в неподвижном утреннем воздухе.

Она повернулась к мужчине.

– Un cheval? – взмолилась она, повернувшись к фермеру. – Un cheval brun? Un Selle Français?^[66]

Сара дрожала от холода и от страха. Этого не может быть. Только не теперь, после всего. Ее охватил страх. Она отказывалась осознавать масштаб случившегося, слишком огромный и ужасный. Он не мог убежать. Конечно, он не мог убежать.

Фермер стоял теперь у дверцы трактора.

– Tu as besoin de mon aide?^[67] – снова спросил он, но на этот раз с меньшей уверенностью, будто надеялся, что иностранка скажет, что помощь ей не нужна и все в порядке.

Но Сара уже хромала по дороге, сама не зная куда, выкрикивая имя своей лошади, и не слышала фермера. Шок от исчезновения Бо пересилил боль в плече и непрекращающийся гул в голове.

Она прошла почти вдоль всего вспаханного поля, когда поняла: исчезла не только лошадь, но кое-что еще.

Почти в тридцати милях оттуда Наташа проснулась от внезапного ощущения потери. Она еще не поняла по звуку, что Мак пошел в ванную, но почувствовала, что его уже нет рядом. Она помнила его руку на своем теле, его ногу на своей ноге, его теплое дыхание на шее. Без него она лишилась веса, будто парила в воздухе, а не лежала в уютной широкой двуспальной кровати. Мак...

Она слышала, как он поднял сиденье унитаза, и невольно улыбнулась этому проявлению совместной жизни. Закуталась в одеяло, вдыхая запах, говорящий о часах наслаждения, о взаимно удовлетворенной страсти.

Думала о нем: о его губах на своих губах, о его руках, о том, как он смотрел на нее, словно весь прошлый год не был забыт, но стал незначительным из-за силы их чувств. О себе: своей раскованности, страсти, желании, которое возникло так неожиданно, что ей казалось, будто это была не она, а кто-то другой. Будто все ссоры и колкости, которые мешали им быть самими собой, только обострили чувства. Она знала, что удивила его, как и саму себя. Как давно она не чувствовала лучшей версией себя в его глазах?

Наташа передвинулась на другую сторону кровати и вдохнула еще теплый аромат его кожи. Услышала, как в туалете спустили воду, потом открыли кран и мыли руки. Что, если она снова прижмется к нему, перед тем как им придется встать и продолжить поиски? Что, если она воспользуется его губами, руками и кожей, чтобы укрепить силы перед новым днем? Что, если искупается в этой исполинской ванне на ножках в виде лап и вернет себе его мускулистое тело дюйм за дюймом в мыльной пене? Я его люблю, подумала она и почувствовала облегчение, будто это признание означало конец борьбы.

Наташа удовлетворенно вздохнула. Потом прозаически потерла глаза, вспомнив о размазанной туши, попыталась пригладить свалявшиеся на затылке волосы. Ее тело пылало, изнывало от предвкушения, и она мысленно попросила Мака поторопиться. Она хотела, чтобы он прижался к ней, обнял ее, вошел внутрь. Она жаждала его физически, хотя думала, что этого уже никогда не будет. С Конором она никогда такого не испытывала. Физическое влечение – да, но это было скорее сродни удовлетворению аппетита, который оба испытывали, но не головокружительное животное ощущение половинки одного целого, когда даже временное отсутствие казалось ампутацией.

В эту минуту она услышала голос. Сначала ей показалось, что говорят в коридоре. Потом Наташа прислушалась и поняла, что это голос Мака. Она выбралась из постели, завернулась в простыню и прошла босиком к двери ванной. Поколебалась, потом приложила ухо к старинной дубовой панели.

– Дорогая, поговорим об этом в другой раз. Ты невозможна. – Он засмеялся. – Нет... Мария, сейчас мы не будем это обсуждать. Я уже тебе сказал, поиски затянулись. Да, увидимся пятнадцатого... Я тебя тоже. – Снова засмеялся. – Мария, мне пора. Поговорим, когда я вернусь.

Долгие годы после этого Наташа будет пытаться разорвать связь между запахом воска и предчувствием беды. Она отпрянула от двери. Улыбка исчезла с ее лица. Жар в ее крови, как в алхимической реакции, превратился в лед. Она успела добраться до кровати, пока он не вышел из

ванной. Успокоила дыхание, потерла лицо, не решив, как его встретить.

– Ты проснулась.

Она чувствовала, что он на нее смотрит. Голос чуть охрип от недосыпа.

– Сколько времени?

– Четверть девятого.

Сердце учащенно билось в груди.

– Пора. – Наташа взглянула на разбросанную по полу одежду.

На Мака она старалась не смотреть.

– Ты хочешь встать? – удивился он.

– Думаю, да. Нам нужно поговорить с полицейскими, не забыл? Мадам... обещала позвонить в полицию.

Трусики Наташи лежали под огромным комодом орехового дерева. Она покраснела, вспомнив, как они там оказались.

– Таш?

– Что? – Она достала трусики, повернувшись к нему спиной.

Простыня скрывала ее обнаженное тело от его глаз.

– Ты в порядке?

– Все отлично. – Она натянула трусики и повернулась к нему, глядя спокойным и ясным взглядом, но в душе желая ему медленной мучительной смерти. – А что?

Мак улыбнулся, пожал плечами, слегка озадаченный и не понимающий ее настроения.

– Мне кажется, пора начинать день, – продолжала она. – Помнишь, зачем мы здесь?

Он не успел ответить, как она собрала одежду и прошла в ванную.

До визита в замок жандарм поговорил с администрацией Кадр-Нуар.

– Они ничего не знают о такой девочке. – Они сидели в гостиной и пили кофе, приготовленный мадам, которая тактично удалилась. – Но заверили меня, что сразу вам сообщат, если она появится. Вы еще здесь побудете?

Наташа с Маком переглянулись.

– Думаю, да, – сказал Мак. – Это единственное место, куда Сара могла направиться. Мы останемся здесь, пока она не придет.

Их рассказ произвел на полицейского такое же впечатление, как и на мадам: на его лице было недоверие и немой вопрос. Как можно было позволить ребенку отправиться в такой далекий путь одному?

– Могу я у вас спросить, почему вы думаете, что она отправилась в

Кадр-Нуар? Вы знаете, что это элитная академия?

– Всему причиной ее дедушка. Когда-то давно он был членом академии – или как вы это называете? Это он считал, что она приедет сюда.

Похоже, инспектора удовлетворил ответ. Он записал что-то в блокноте.

– И у нее моя кредитная карточка. Мы знаем, что ею пользовались во Франции, – прибавила Наташа. – Все указывает на то, что она едет сюда.

Лицо полицейского было непроницаемым.

– Мы расставим жандармов в радиусе пятидесяти миль. – Он пожал плечами. – Но будет нелегко отличить одну девушку на лошади от других. Здесь, в Сомюре, многие ездят верхом.

– Мы понимаем.

После ухода полицейского они сидели молча. Наташа осматривала комнату: тяжелые портьеры, чучела птиц в стеклянных витринах.

– Можем поехать по окрестностям, – предложил Мак. – Все лучше, чем сидеть здесь весь день. Мадам сказала, что позвонит, если будут новости.

Он хотел дотронуться до ее руки, но Наташа отодвинулась, для виду роясь в сумочке.

– Думаю, нет смысла ехать обоим. – На его лице появилась обида, и Наташе захотелось его ударить. – Я поброжу вокруг академии. Ты поезжай. Будем на связи.

– Что за чушь! Зачем нам разделяться? Наташа, мы поедем вместе.

Недолгая пауза. Она собрала вещи, не глядя на него.

– Хорошо, – наконец сказала она и вышла.

В дальнем конце вспаханного поля отпечатались следы копыт. Сара попыталась бегом идти по следу, но ее сапоги тотчас увязли в липкой жиже. Передвигаться можно было только очень медленно. Наконец она добралась до кромки поля. На асфальтовой дороге осталось несколько комков грязи, а потом след Бо исчез.

Еще целый час она шла по полям, через молодую поросль. Охрипла от крика. Потом оказалась в следующей деревне. Ее трясло. Тело окоченело и казалось пустым. Болело плечо, желудок сжимали судороги от голода. Мимо проезжали машины. Сару либо не замечали, либо не обращали внимания. Иногда сигналили, если она слишком приближалась к проезжей части.

Подходя к деревне, она увидела выстроившиеся в ряд магазинчики. Из boulangerie^[68] пахло свежим хлебом. Он был для нее недоступен. Она сунула окоченевшую руку в карман и достала несколько монет. Евро. Она

не могла вспомнить, как они там оказались. Том положил деньги в конверте в рюкзак, которого теперь не было. Сдача. Она покупала что-то вчера. Посмотрела на монеты, на boulangerie, потом на телефонную будку на другой стороне площади. Все пропало: ее паспорт, документы Бо, деньги, Наташина кредитная карточка.

Только один человек мог ей помочь. Она достала из кармана фотографию Папá. Снимок помялся, и Сара попыталась разгладить его большими пальцами.

Она пересекла площадь, вошла в bar tabac^[69] и попросила телефон.

– Tu as tombé?^[70] – участливо спросила женщина за стойкой.

Сара кивнула, вспомнив, что вся ее одежда в грязи.

– Pardonnez moi^[71]. – Она оглянулась, проверила, не наследила ли.

Женщина нахмурилась и с тревогой посмотрела на ее лицо:

– Alors, essaies-toi, chérie. Tu voudrai une boisson?^[72]

Сара покачала головой.

– Я англичанка, – прошептала она. – Мне нужно позвонить домой.

Женщина посмотрела на три монеты в ладони Сары. Она погладила ее по щеке:

– Mais tu as mal à la tête, eh? Gérard!^[73]

Через несколько секунд из-за барной стойки появился усатый мужчина с двумя бутылками вишневого сиропа, которые поставил на стойку. Женщина что-то ему шепнула, показывая на Сару.

– Телефон, – произнес он. Сара встала и направилась в сторону общественного телефона, но он погрозил пальцем. – Non, non, non. Pas là. Ici^[74].

Она заколебалась, не зная, насколько это безопасно, но решила, что выбора у нее нет. Он поднял крышку стойки и провел ее по темному коридору. Телефон стоял на небольшом комодке.

– Pour téléphoner. – Сара протянула монеты, но он покачал головой. – Ce n'est pas nécessaire^[75].

Сара силилась вспомнить код Англии. Потом набрала номер.

– Неврологическое отделение.

Услышав английский язык, Сара вдруг ощутила тоску по дому.

– Это Сара Лашапель, – сказала она твердым голосом. – Мне нужно поговорить с дедушкой.

Наступила тишина.

– Сара, можешь немного подождать?

Она слышала приглушенный голос, как будто трубку прикрыли рукой,

и с беспокойством посмотрела на часы. Не хотелось, чтобы разговор обошелся французам слишком дорого. Через дверной проем она видела, как женщина наливала кофе, оживленно что-то рассказывая. Возможно, они обсуждали английскую девочку, которая упала с лошади.

– Сара?

– Джон? – Она растерялась, поскольку ожидала услышать медсестру.

– Где ты, девочка?

Сара окаменела. Она не знала, что сказать. Одобрил бы Папá, если бы она выдала Джону, где находится? Или он хотел бы, чтобы она держала это в тайне? Когда она говорила правду, это оборачивалось против нее.

– Мне нужно поговорить с Папá. Соедините меня с ним, пожалуйста.

– Сара, ты должна мне сказать, где находишься. Тебя ищут.

– Нет. Я не хочу с вами разговаривать. Мне нужно поговорить с Папá.

– Сара...

– Джон, это важно. Очень важно. Пожалуйста, сделайте то, о чем я прошу. Пожалуйста, не усложняйте... – Она едва сдерживала слезы.

– Я не могу, милая.

– Нет, можете. Я с ним разговаривала позавчера. Если приложить трубку к его уху, он меня услышит.

– Сара, детка, твоего дедушки больше нет.

Она смотрела на стену. Кто-то включил в баре телевизор, и до нее доносился рокот и возбужденный голос футбольного комментатора.

– Где он?

Долгая пауза.

– Сара, детка, он скончался.

Ее охватил холод с головы до ног.

Она замотала головой.

– Нет, – сказала она.

– Детка, тебе нужно вернуться домой. Пора.

– Вы лжете.

У нее стучали зубы.

– Милая, мне очень жаль.

Сара бросила трубку. Ее трясло, захотелось присесть. Она медленно сползла по стене на линолеумный пол и села. Комната закружилась у нее перед глазами.

– Alors!^[76]

Она не знала, сколько времени прошло. Смутно слышала, как женщина позвала мужа, и две пары рук поставили ее на ноги, вывели в зал и осторожно усадили на красную кожаную банкетку. Потом женщина

поставила перед ней дымящуюся чашку горячего шоколада, положила в чашку несколько кубиков сахара и размешала.

– Regardez! – сказал какой-то посетитель. – Elle est si pâle!^[77]

Кто-то еще сказал что-то о шоке. Она слышала их будто издалека. Лица, сочувствующие улыбки. Кто-то снял с ее головы шапку для верховой езды, и ей стало стыдно за грязные волосы и грязь под ногтями. Не осталось ничего. Papá нет. И Бо тоже нет.

Женщина гладила ее руку, уговаривая выпить шоколада. Она вежливо сделала глоток, опасаясь, что ее может вырвать.

– Tu as perdu ton cheval?^[78] – спросил кто-то.

Ее мозг работал как-то странно, и ей не сразу удалось кивнуть.

– De quelle couleur est il?^[79]

– Brun^[80], – с трудом выговорила Сара.

Она чувствовала себя невесомой, все звуки доходили будто издалека. Она подумала, что, если бы ее не держали за руки, она бы, наверное, поднялась в воздух и улетела. А почему нет? Не осталось никого, кто бы привязывал ее к земле, никого, кому было бы до нее дело. Некуда стремиться, некуда возвращаться. Бо, вероятно, лежал мертвый в канаве, как она, когда ее нашли. Парни могли угнать его за несколько миль. Его могли украсть, сбить машиной. Он мог потеряться в этой огромной стране навсегда. А Papá... Papá умер, когда ее не было рядом. Она никогда больше не увидит его рук, никогда не увидит его сильную старую спину, когда он орудует щетками, сжав от усилия зубы. Никогда больше он не будет сидеть перед телевизором и комментировать новости. Все потеряло смысл.

Она увидела себя крошечной точкой, совершенно одинокой во вселенной. Ей было некуда и не к кому идти. Не было дома. Она осознала это так остро, что чуть не упала в обморок. Потом поняла, что на нее смотрят, и ей захотелось, чтобы все ушли. Мелькнула мысль, что она могла бы прилечь на банкетку и заснуть на сто лет.

Люди обеспокоенно шушукались. У нее слипались глаза, и женщина снова поднесла чашку к ее губам.

– C'est le secousse^[81], – сказал кто-то и поднял ей веки, чтобы проверить.

– Я в порядке, – произнесла она, удивляясь, как можно сказать чистую правду, которая в то же самое время была ложью.

– Мадемуазель... – Перед ней стоял худой мужчина с сигаретой. – Le cheval est brun? – (Сара подняла голову.) – Il est de quelle taille? Comme ça?

[82] – Он высоко поднял руку, до плеча. – (Она вдруг сосредоточилась и кивнула.) – Пойдем, пойдем, – позвал он. – Пойдем, пожалуйста.

Женщина помогла Саре встать, и она внезапно почувствовала к ней благодарность. Ноги не слушались. Они были слабыми, как ершики для чистки трубок, которые гнулись, если на них слегка нажать. Она зажмурилась. После полутьмы в баре утренний свет был слишком ярким. Женщина села на заднее сиденье, худой мужчина – на переднее. Они могли увезти ее куда угодно. Она делала все, что Папá запрещал ей делать. Но вдруг ей стало все безразлично. Потому что Папá больше нет. Она повторила эти слова про себя, но ничего не произошло. Я перестала чувствовать, подумала она.

Через милю или две они свернули на ферму и поехали по дорожке, вдоль которой стояла заржавевшая сельскохозяйственная техника. Высились огромные скирды соломы, обернутые в блестящий черный пластик. Когда они выходили из машины, на них зашипел рассерженный гусь, и худой мужчина отогнал его.

Обогнув громадный сарай, она увидела его: он стоял в коровнике, седло и уздечка были аккуратно развешены на воротах.

– Бо! – позвала она, не веря своим глазам.

Боль в плече была забыта.

– Il est le vôtre? – спросил мужчина; как бы в ответ Бо заржал. – Le fermier l'a trouvé ce matin, en haut par le verger. En tremblant comme une feuille, il a dit [83].

Сара его не слышала. Она вырвалась от них и бросилась к нему. Перебралась через ворота, чуть не свалившись в сарай, обвила руками его шею, прижалась мокрым от слез лицом к его коже.

Кто бы мог подумать, что девочка может так плакать из-за лошади? – удивлялись они позже в bar tabac, после того как Сара была отправлена в путь, напоенная горячим шоколадом и накормленная багетом. Она проплакала полчаса кряду, пока бинтовала разбитые до крови колени Бо, гладила и шептала ласковые слова, отказываясь от него отходить. Чтобы девочка так переживала из-за лошади – это ненормально.

– Ох уж эти девочки! – сказала женщина из бара, обтирая тряпкой бутылки. – В этом возрасте они все обожают животных. Я сама была такая. – Она помолчала и кивнула в сторону мужа, который на миг оторвался от газеты. – Такой и осталась, – добавила она, фыркнув.

Посетители прыснули со смеха, а она ушла обратно на кухню.

Мак ждал, когда Наташа сядет в машину, потом включил зажигание. Все утро она почти с ним не разговаривала. Каждый раз, когда он пытался заговорить, когда хотел сказать что-то о произошедшем, она надевала маску, которую он про себя называл «маской жены», выражавшую сдерживаемое неодобрение и молчаливое осуждение. Он не знал, что подумать. Она хотела его вчера ночью, он не навязывался. Почему же она так ведет себя с ним сегодня, черт возьми?

Мак знал, что поступил правильно, но вчерашняя Наташа, пылающая страстью, не имела ничего общего с холодной, замкнутой женщиной, которая сидела рядом сегодня. Он проснулся, держа ее в объятиях. Его губы касались во сне ее затылка, и его охватила радость. Что-то еще возможно, что-то вскрылось между ними и вырвалось наружу. Может, не все потеряно. Дело было не только в сексе, хотя секс, честно говоря, его ошеломил. Словно она снимала с себя кожу слой за слоем, позволив только ему одному увидеть то, что так тщательно скрывала. Потом она снова плакала, на этот раз от облегчения. Он ее обнимал, шептал ласковые слова и чувствовал, что она его чем-то одарила. Удивительно, как они могли потерять столько времени друг без друга.

«Я тебя хочу...»

И как тогда понимать сегодняшнее утро? Мак знал, что любит свою умную сложную жену, но не знал, хватит ли у него сил продолжать разрушать преграды, которые она так решительно воздвигала между ними. Ты права, сказал он про себя. Мужчины устают от «трудных» женщин, и поэтому ты отравляешь то, что могло бы быть прекрасным.

– Ты слышала, как я говорил утром по телефону? – неожиданно спросил он.

– Нет. – Она никогда не умела лгать и покраснела.

– Мы с Марией не вместе, если ты из-за этого. Мы друзья. Сегодня у нас планировалась работа, пришлось отменить.

– Смотри. – Она махнула рукой. – Мы приехали.

– У нее новый дружок, – сказал Мак, но Наташа уже вышла из машины.

Они остановились у École National d'Équitation. Мак шел следом за Наташей к офисам; им пожала руки молодая женщина с волосами, собранными в конский хвост, и сияющей кожей, говорившей, что она много времени проводит на свежем воздухе. Извинилась за вчерашнее недоразумение: они не разобрались в ситуации и не поняли, как приезжие связаны с Кадр-Нуар.

Пока Наташа объясняла, Мак рассматривал фотографии, покрытые

сепией. Лошади, застывшие в воздухе под немыслимым углом. Мужчины в фуражках и форме с галунами сидели верхом с таким видом, будто нет ничего необычного в том, что животное стоит на двух ногах, согнутых под углом в сорок пять градусов. Далее следовала черно-белая серия фотографий – доска почета: все écuycrs Кадр-Нуар с 1800-х годов, имена выбиты золотом, один или два в год. Одно имя бросилось ему в глаза: Лашапель, 1956–1960. Он подумал о старике, который, возможно, даже не знал, что его имя увековечено, что ему отдали дань уважения таким образом. Было грустно, что человек, который мог бы прожить жизнь в стремлении к красоте и совершенству, окончил свои дни в таком месте. Стало понятнее его пылкое увлечение, строгость в воспитании Сары. Кто не хочет для своих детей совершенства и красоты? Или удовлетворения оттого, что они достигают мастерства?

– Вот. – Мак достал папку с фотографиями. – Это Сара и ее лошадь. На этой лицо видно лучше.

Женщина посмотрела на фотографии, кивнула:

– Она хорошая наездница.

Трудно было понять, серьезно она говорила или нет.

– Ее дедушку зовут Лашапель. Вот он. – Мак показал на фотографию.

– Он тоже приехал? Мы организуем встречи одноклассников.

Выпускаем журнал Les Amis du Cadre N... [\[84\]](#)

– Он умер сегодня ночью, – перебила Наташа.

– Поэтому она сбежала?

– Нет. – Наташа взглянула на Мака. – Мы думаем, она еще не знает.

Женщина протянула фотографии Маку:

– Мне жаль, что больше ничем не можем помочь, но, если будут новости, мы, конечно, вам сразу сообщим. Мадам, месье, не хотите осмотреть территорию?

Им выделили молодого человека в качестве гида, и они вышли в *Carrière Honneur*, на огромную открытую песчаную арену, где мужчина в черной фуражке ехал верхом на резвом гнедом коне; за ними из своих безупречных стойл наблюдал десяток лошадей. Он проехал легким галопом в одну сторону и обратно. Конь фырчал от усилий.

Молодой человек объяснял по ходу: здесь содержат лошадей, принимающих участие в представлении; там – участвующих в выездке; далее – прыгающих через препятствия. Всего около трехсот животных. Это был мир порядка, мир неизменно высоких стандартов. Маку было отрадно, что подобное место существует.

– Зачем мы на все это смотрим? – время от времени недовольно

спрашивала Наташа.

Они шли по аллее, обсаженной деревьями, к следующему блоку стойл и другой песочной арене. Этого мира они оба не понимали. Но он знал, что она думает так же: что еще они могли сделать? По крайней мере, здесь они начали лучше понимать, к чему стремилась Сара. Парадоксально, но за несколько сот миль от дома они были близки к ней, как никогда.

Наташа открыла телефон:

– Попробую еще раз позвонить в компанию, выдавшую кредитную карточку. Пару часов уже прошло.

– Вы в отпуске? – спросил гид по-английски с сильным акцентом, когда Наташа отошла.

– Не совсем.

– Фотограф? – Молодой человек показал на сумку с фотоаппаратом.

– Да. Но я здесь не по работе.

– Вы должны сфотографировать Карусель. Это шоу, которое отмечает окончание года обучения. Выступают все берейторы.

– Простите. – Телефон Мака зазвонил.

– Что такое? – Наташа оторвалась от своего разговора.

Он отвернулся, провел рукой по волосам.

– Бог мой... – Мак закрыл телефон.

– Она знает, – догадалась Наташа. – Сара знает, что он умер.

Мак кивнул.

Она закрыла рот рукой:

– Тогда она знает, что у нее ничего не осталось.

Мак видел, как побледнела Наташа, и подумал, что и сам бледен. Они смотрели друг на друга, забыв о лошадях и об окружающей их красоте.

– Таш, заблокируй карточку, – посоветовал он. – Если она решит не приезжать сюда, мы не дадим ей уехать еще куда-нибудь.

– Она будет подвергаться еще большему риску. Мы должны сделать так, чтобы у нее были деньги на еду и ночлег. По ночам уже холодно.

– Но мы неделями можем гоняться за ней по всей Франции. Есть миллион мест, где можно остановиться с лошадью. Мы должны положить этому конец.

– Знаю, но отрезать ее от единственного источника помощи нельзя.

– Если бы мы не перекрыли финансовую помощь в Англии, она бы так далеко не уехала.

Похоже, он обвинял ее. Не мог не обвинять.

– Она бы нашла другой выход.

– Мы ищем ее два дня и две ночи и до сих пор понятия не имеем, где

она.

– Месье? – Молодой гид прижал рацию к уху. – Месье? Мадам? Attendez, s'il vous plaît^[85]. – Он быстро говорил по-французски. – Английская девочка здесь. Девочка на лошади. Мадемуазель Фурнье говорит, чтобы вы следовали за мной.

На деле прибытие Сары произошло совсем не так триумфально, как ей представлялось. В первые два дня путешествия она не раз это воображала. Ожидала, что испытает возвышенные чувства, достигнув места, которое должно было стать ее вторым домом. Это была ее судьба. Оно было у нее в крови, как говорил дедушка.

Последние пять миль эти мысли были для Сары как костыль, помогающий двигаться. Она проехала через Сомюр, не замечая элегантных широких улиц, медового цвета домов, непреходящую красоту набережной. Изнуренный Бо с забинтованными коленями оглядывался по сторонам. Прохожие неодобрительно ахали, словно считали, что нельзя ехать на раненом животном. Она знала, что выглядела, мягко говоря, странно: лицо в синяках, одежда в грязи. Двадцать километров, восемь километров, четыре километра... Она понуждала его идти вперед, кусая губы, чтобы не плакать от боли в плече, от головной боли, которая не проходила.

Она с трудом сдержала рыдание, увидев указатель на École de Cavalerie. На жилой улице показался георгианский фасад здания в виде подковы. Но лошадей там не было. На мужчинах, которые прохаживались по двору, была не черная униформа, а современная камуфляжная военная форма.

– Кадр-Нуар? – спросила она, перейдя плац Шардоне.

– Non! – Человек в камуфляже посмотрел на нее как на сумасшедшую. – Le Cadre Noir n'a pas été ici depuis 1984. C'est à St Hilaire de Fontaine. – Он указал в сторону круговой развязки. – C'est pas loin d'ici... cinq kilometers^[86].

На миг ей показалось, что она не может двигаться дальше. Но Сара собрала все силы и последовала указаниям военного. Миновала несколько развязок с круговым движением, проехала через небольшой городок. Испугалась, что снова сбилась с пути, пока ехала по длинной зеленой дороге, окруженной лугами с лошадьми.

И вдруг она очутилась на месте. Комплекс оказался больше, чем она думала, и более современный. Он не был похож на элегантный старинный двор, наполненный людьми в форме, как описывал Папá. Были охраняемые

ворота, шесть арен олимпийского размера, рестораны, парковки, сувенирный магазин. Она проехала в открытые ворота, не привлекая большого внимания. Глаза закрывались от усталости. Потом она увидела указатель «Grand Manège des Écuycers». Конечный пункт ее странствия.

Она провела Бо вокруг закрытой арены, мимо центрального входа, с афишами грядущих представлений с ценами на билеты, вглубь, по следам копыт с остатками опилок из стойл на бетонной дорожке. По другую сторону громадных деревянных дверей она услышала мужской голос. Выпрямила спину, глубоко вдохнула, протянула руку и, содрогаясь, постучала несколько раз. За дверями было тихо, потом кто-то скомандовал: «Но!» Сара вдохнула и снова постучала, более настойчиво.

Сдвинули засов, дверь открылась, и она увидела перед собой помещение с куполом, как в современном соборе, и с песчаным полом. По периметру стояли лошади с седоками в черной с золотом форме, которую она знала с детства. Казалось, она попала на какую-то генеральную репетицию. Стояла благоговейная тишина, каждый из мужчин был сосредоточен на движениях своего лоснящегося мускулистого коня.

Мужчина, открывший двери, смотрел на нее во все глаза, потом стал отчитывать ее по-французски, размахивая руками. Она так устала, что плохо понимала, что он говорит. Она перебила его.

– Мне нужно поговорить с Grand Dieu, – сказала она срывающимся от усталости голосом. – Je dois parler au Grand Dieu.

От удивления мужчина умолк, и, воспользовавшись его замешательством, Сара проехала мимо. Бо прядал ушами.

– Non! Non! – Мужчина с рацией поспешил за ней.

– Que faire?^[87] – Пожилой мужчина в фуражке шел в их сторону с противоположного конца школы.

Лицо мужчины было в морщинах, веки набрякли. Черная форма безукоризненна, накрахмалена и поддерживала осанку, словно корсет.

– Désolé, Monsieur. – Мужчина помоложе выхватил у Сары поводья и потянул Бо к выходу. – Je ne sais pas ce que...^[88]

– Non! – Сара ударила мужчину по руке и направила Бо вперед. – Пустите его. Мне нужно поговорить с Le Grand Dieu.

Второй мужчина подошел к ней. Посмотрел на перевязанные колени Бо, потом перевел взгляд на Сару:

– Je suis le Grand Dieu. – (Она выпрямилась.) – Mademoiselle, – серьезно сказал он низким голосом, – vous ne pouvez pas entrer ici. C'est Le Cadre Noir. C'est pas pour...^[89]

– Я должна выступить перед вами, – перебила она его. – Je... je dois monter mon cheval pour vous. – Она видела, что другие наездники остановились и смотрят на нее. – Я не могу вернуться. Позвольте мне показать, как я езжу.

– Мадемуазель, мне жаль, но это место не для вас. – Он поднял руку. – Вы и ваша лошадь не в состоянии...

Она заметила еще одного мужчину, который говорил по рации, возможно, вызывал охрану. Ее охватила паника. Она порылась в кармане и достала фотографию Папá.

– Monsieur! Regardez! C'est Henry Lachapelle^[90]. Вы его знаете. Он был здесь. – Она держала фотографию у него перед глазами, рука дрожала. – Вы его знаете!

Он остановился, взял у нее снимок. Мужчина с рацией что-то быстро говорил, показывая на нее.

– Анри Лашапель? – повторил он, рассматривая фото.

– Mon grandpère^[91]. – В горле у Сары образовался ком. – Пожалуйста! Пожалуйста! Он сказал, что мне надо приехать сюда. Пожалуйста, позвольте мне показать вам, как я езжу!

Старик обернулся, посмотрел на других всадников, потом снова на фотографию. К нему быстрым шагом подошел мужчина с рацией в руке. Он что-то прошептал старику на ухо и показал на рацию.

Оба взглянули на нее.

Старик смотрел на нее оценивающе.

– Ты приехала сюда из Англии? – медленно произнес он.

Она кивнула, затаив дыхание.

Он покачал головой, будто не мог ничего понять.

– Анри Лашапель, – прошептал он.

Потом медленно пошел прочь. До блеска начищенные черные сапоги поднимали облака песка. Сара сидела прямо, не зная, что делать. Он дает ей понять, что разговор закончен? Она видела, что человек с рацией следует за ним. Потом увидела, как они жестами попросили всадников отступить назад и выстроиться по бокам арены.

Grand Dieu встал в дальнем конце огромной арены. Он долго смотрел на нее, потом скомандовал:

– Commence^[92].

Возникла какая-то путаница: гид, видимо, неправильно понял и повел их на открытую арену, но после новых переговоров по рации они

повернули назад. Наташа едва поспевала за Маком, от ходьбы по булыжнику на высоких каблуках на ногах появились волдыри. Она пыталась не поддаваться эйфории.

– Может оказаться, это не она, – сказала Наташа Маку, стараясь сохранять спокойствие.

Он поднял бровь:

– Как ты думаешь, сколько английских девочек к ним приезжает?

Гид подал им знак. Они шли быстрым шагом через дворы, длинные ряды стойл, где мирно ели лошади, вышли наружу, где было по-зимнему холодно, и у белого здания Наташа увидела женщину с конским хвостом, которая их встречала.

– Ici, Madame^[93], – сказала она, кивнув. – Она в Grand Manège des Écuys. Это наша профессиональная арена.

Когда Наташа поравнялась с ней, она улыбнулась, сделав большие глаза:

– Она приехала из Англии? Одна? C'est incroyable, eh?^[94]

– Да, – согласилась Наташа. – И вправду невероятно.

Они снова оказались в главном фойе с фотографиями, где было представлено славное прошлое. Открылась еще одна дверь, и она увидела, что Мак впереди нее резко остановился. Все замолчали. Здание было внушительных размеров – настоящий памятник искусству верховой езды. На широкой арене черными точками выделялись одетые в униформу всадники. Как ожившая картина старого мастера, подумала Наташа. Будто они перенеслись на пять веков назад. Мужчина с рацией прошептал что-то девушке, и она жестом велела следовать за ней к местам для зрителей внизу.

– Таш, посмотри. – Мак потянул ее за рукав.

Наташа посмотрела, куда он показывал, спускаясь за ним по ступеням.

Сара очень медленно ехала к центру арены. Ее конь, резвое, здоровое, лоснящееся животное, каким она помнила его по Кенту, был покрыт ссадинами и грязью. Колени замотаны самодельными бинтами, в хвосте колючки. Глаза ввалились от усталости. Но Наташа смотрела на Сару: девочка была так бледна, что казалась неземным духом. Один глаз практически не виден из-за синяка, спина и правая нога в грязи. Она казалась слишком маленькой по сравнению с огромной лошадью. Худые руки покраснели от холода. Она не обращала внимания на все это, полностью сосредоточившись на том, что делала.

Неподалеку стоял немолодой мужчина с неестественно прямой

спиной, в черном мундире и бриджах. Он смотрел на Сару. Она пустила Бо рысью, потом легким галопом, делая небольшие элегантные круги вокруг безучастно наблюдавших всадников. Наташа не могла отвести от Сары глаз. Девочка была не похожа на себя, казалась более хрупкой и старше своих лет. Лошадь перешла на рысь, потом стала двигаться по диагонали огромной арены. Она по-балетному выбрасывала ноги, словно каждый шаг на мгновение повисал в воздухе. Потом распрямилась, замедлилась, пока не стала делать движение, стоя на месте.

Лицо Сары превратилось в маску сосредоточенности, напряжение было видно по теням вокруг глаз, по сжатым челюстям. Наташа наблюдала за мельчайшими движениями каблуков, за едва заметными сигналами, которые Сара посылала поводьями. Она видела, что лошадь слушала, принимала сигналы и подчинялась, даже несмотря на усталость. Наташа совершенно не разбиралась в лошадях, но осознала, что стала свидетелем чего-то необыкновенно красивого, достижимого только годами строжайшей дисциплины и непрерывной работы. Она поглядела на Мака, сидевшего рядом, и поняла, что он тоже это видит. Он подался вперед, не сводя глаз с девочки, будто желал ей успеха.

Ноги лошади поднимались и опускались в ритмичном танце, большая голова свесилась от усердия. Только струйка слюны выдавала усилия, которых стоило ей движение. Потом она стала кружиться вокруг своей оси. Движение было настолько точным и выверенным, что Наташе хотелось заплодировать этой невероятной элегантности. Сара прошептала что-то Бо, худенькая ручка благодарно погладила его; заметив этот мельчайший жест, Наташа не удержалась от слез. Когда лошадь вдруг поднялась на задние ноги, покачиваясь и пытаясь побороть силу притяжения, слезы градом покатались по лицу Наташи. Потерявшийся ребенок и раненая лошадь отдавали себя до конца. Наташа вдруг подумала, что считает своими их обоих.

Мак взял ее за руку, и она сжала ее, благодарная за тепло и силу, боясь, что он может выпустить ее ладонь. Сара поехала легким галопом по краю арены, красиво и медленно, строго контролируя каждое движение. Она сидела неподвижно, будто статуя. Наташа повернулась посмотреть на старика и увидела, что всадники сняли шляпы и прижали их к груди. А потом один за другим поехали вслед за Сарой, опустив голову, отдавая дань увиденному.

Мак выпустил ее руку и потянулся за фотоаппаратом, сделал несколько снимков. Наташа нашла бумажный платок и поняла, что ее переполняет радость. То, что сделала Сара, было потрясающе. Она заслужила, чтобы

кто-то это запечатлел.

Лошадь перешла на рысь, потом на шаг. Всадники переглядывались, словно были удивлены своим поведением. Когда девочка направилась к центру и повернулась лицом к старику, они распределились по сторонам арены и стали наблюдать. Сара, с посеревшим от напряжения лицом, остановила лошадь. Все четыре ноги располагались строго по одной линии, бока лошади повлажнели от пота, напряжения и усталости.

– Она это сделала, – прошептал Мак. – Сара, умница, ты только что это сделала.

Девочка тяжело дышала, опустив голову, она приветствовала старика, будто воин, вернувшийся с битвы. Старик снял шляпу и кивнул. Даже со своего места Наташа видела, как внимательно девочка на него смотрит, каждая клеточка ее тела стремилась услышать его приговор. Наташа затаила дыхание и снова взяла Мака за руку.

Grand Dieu шагнул вперед. Он смотрел на Сару, словно хотел увидеть в ней что-то новое. Лицо было серьезным, глаза добрыми.

– Non, – сказал он. – Мне жаль, юная леди, но мой ответ «non». – Он протянул руку и погладил шею лошади.

У Сары сделались большие глаза, будто она не могла поверить в то, что слышит. Она ухватила за гриву Бо, потом бросила взгляд на места для зрителей, возможно впервые увидев Наташу и Мака. Потом, вздохнув, соскользнула с лошади и потеряла сознание.

Глава 26

Выражение скорби по усопшим – безумство, ибо оно наносит вред живым, мертвым это чувство неведомо.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Она молчала на протяжении короткой поездки в château, не противилась, когда Наташа взяла ее за руку: возможно, хотела поддержать, возможно, боялась, что девочка снова исчезнет. Они понимали, что не время задавать вопросы.

Когда приехали в château, Наташа отвела Сару в свою комнату, раздела, как маленькую, и уложила в огромную постель. Укутала одеялами худые плечики. Девочка закрыла глаза и уснула. Наташа сидела рядом, положив руку на спящую девочку, словно этот небольшой человеческий контакт мог принести ей успокоение. Никогда и никого она не видела настолько худым и бледным. Она представила, через что пришлось пройти Саре, и это ее потрясло.

После того как Grand Dieu вынес свой вердикт, началась суматоха. Когда Сара упала на песок, они с Маком бросились на арену. Мак поднял на руки безжизненное тело, а Grand Dieu взял поводья. Слышались возбужденные крики, мадемуазель Фурнье закрыла лицо руками. Когда Мак проходил мимо, Наташа удивилась, с какой легкостью он поднял Сару, будто пушинку. Ее тронуло, как бережно он прижимал девочку к себе. Перенесенная в офис, через несколько минут Сара пришла в себя. Они сидели по обе стороны от нее, и Наташа бережно держала голову девочки на коленях. Эпическое путешествие на время отдалило их друг от друга, и никто не знал, как реагировать.

Потом Сара посмотрела на Мака, не понимая, как он здесь оказался, и снова закрыла глаза, будто решила, что не способна с этим справиться.

– Сара, все хорошо. – Наташа погладила ее потные свалевшиеся волосы. – Ты не одна. Ты теперь не одна.

Но девочка, видимо, ее не слышала.

Местный доктор, которого вызвали с другого конца École Nationale, диагностировал сломанную ключицу и множественные ушибы. Сказал, что прежде всего ребенку нужен отдых. Принесли чай. Оранжевый. Печенье.

Сару заставили поесть и попить. Она повиновалась, почти не сопротивляясь. Взмолвленные люди говорили по-французски. Наташа плохо понимала. Она поддерживала совершенно обессиленную девочку, пытаясь вселить в нее силу и отвагу. Просила у нее прощения за то, что подвела.

C'est incroyable. Слух быстро распространился по École Nationale, и люди в бриджах для верховой езды и фуражках приходили взглянуть на юную англичанку, которая прибыла сюда, проделав путь через половину Франции.

C'est incroyable. Наташа слышала, как люди повторяли это шепотом, когда Мак нес Сару к машине. Она отметила, что взгляды, которыми их провожали, выражали отнюдь не восхищение. Будто подвиг Сары мог свершиться по недосмотру с их с Маком стороны. Она не чувствовала обиды, считая, что они, вероятно, правы.

Бо отвели в ветеринарный центр, где занялись его ранами. Ночь он должен был провести в стойле. Как сказал Grand Dieu, это самое малое, что они могли сделать для такого животного. Потом Мак сказал, что Grand Dieu долго стоял, глядя на Бо, когда тот, накормленный, напоенный и перевязанный, опустился на толстую подстилку из золотистой соломы, протонав от удовольствия.

— Alors, — сказал старик, не глядя на Мака. — Всякий раз, когда мне кажется, что я знаю все о лошадях, возникает что-то, что меня удивляет.

— У меня то же чувство в отношении людей, — заметил Мак.

Grand Dieu положил руку ему на плечо:

— Поговорим завтра. Приходите в десять. Она заслуживает объяснения.

Теперь, когда Сара наконец заснула, Наташе казалось, что только постоянная бдительность не даст девочке исчезнуть. День сменился вечером, небо потемнело. Наташа съела шоколадку и выпила бутылку воды из мини-бара. Прочитала несколько страниц книги, оставленной кем-то из гостей. Сара не шевелилась. Время от времени, обеспокоенная неподвижностью девочки, Наташа склонялась над ней и проверяла, дышит ли та. Потом снова возвращалась на кресло.

Когда она вышла в коридор вскоре после восьми, ее ждал Мак — казалось, уже довольно долго. Она заметила у него новые морщины — плод напряжения последних дней. Наташа бесшумно закрыла за собой дверь, и он встал на ноги.

— Она в порядке. Но очень замерзла. Хочешь на нее посмотреть?

Он покачал головой. Тяжело вздохнул и выдавил улыбку:

— Все-таки мы ее нашли.

– Да.

Наташа удивилась, почему, вопреки ожиданиям, это их не радует.

– Я все думаю... – он запнулся, – она так выглядела... Что могло произойти...

– Понимаю...

Они стояли в коридоре. Пахло старым лаком, старинные ковры заглушали звуки. Наташа не могла отвести от него глаз.

Он шагнул вперед и кивнул в сторону своей комнаты:

– Пойдешь ко мне? Если она спит в твоей постели, тебе надо где-то...

Всегда найдется другая Мария.

– Мне кажется, нельзя оставлять ее одну, – спокойным деловым тоном сказала Наташа. – Я в кресле посплю. Ничего страшного.

– Может, ты и права.

– Мне так кажется.

– Я рядом, если что.

Мак попытался улыбнуться. Лицо у него было серьезное и усталое. Словно после возвращения Сары он тоже понял, как близки они были к катастрофе. Не сдержавшись, Наташа дотронулась до новых морщинок у него под глазами.

– Тебе тоже нужен отдых, – сказала она тихо.

Он посмотрел на нее так, что она потеряла голову. Стала беззащитной, любимой. Стальная дверь открылась и обнажила то, что, как ей казалось, давно исчезло.

Потом все вернулось на круги своя. Он смотрел в пол. Засунул руки в карманы.

– Я в порядке. – Мак отвел взгляд. – Высыпайтесь обе. Позвони мне утром.

Сара так крепко спала, что, когда проснулась, не сразу поняла, где находится. Подняла голову с подушки. Глаза были словно засыпаны песком. Увидела высокое окно, каштан вдалеке. Мимо проехала машина, и этот звук пробудил ее.

Она села, почувствовала запах немытой кожи и грязной одежды. И только тогда увидела Наташу: та свернулась в кресле, натянув одеяло до подбородка. Из-под него виднелась босая нога.

Сара смутно помнила, как Наташа гладила ее волосы, как повторяла ее имя со страхом и облегчением. Потом вспомнила арену, печальные глаза Grand Dieu, когда он сказал «поп».

Боль обожгла грудь. Она снова опустила голову на мягкую белую

подушку и стала смотреть на высокий-высокий потолок – единственную преграду между ней и огромным пустым миром.

Он сказал «non».

Non.

– Если она не хочет говорить, думаю, не надо на нее давить.

Наташа стояла в парадном вестибюле, пока Мак оплачивал счет.

Она посмотрела вниз, где Сара ждала их в машине, на заднем сиденье, прислонившись головой к окну. У нее был отсутствующий взгляд.

– Она не просто не хочет говорить о дедушке, Мак. Она вообще не хочет говорить.

Полицейские нашли паспорт Сары, а также пустой бумажник и кое-что из вещей на дороге в Блуа. Сара не вышла из ступора, даже когда ей протянули драгоценную книгу Ксенофонта с загнутыми страницами.

Мак забрал свою кредитную карту и поблагодарил мадам, которая настояла, чтобы он взял приготовленную для девочки еду в дорогу. Все хотят накормить Сару, подумала Наташа, будто еда могла заполнить чудовищные пустоты, которые образовала жизнь.

– Она опустошена, – сказал Мак. – Она жила этой надеждой долгое время, намного дольше, чем мы об этом знаем, и вдруг ей говорят, что этому не суждено быть. Дедушка умер. Она преодолела верхом пятьсот миль или больше. Она потрясена, измождена и разочарована. Она всего лишь подросток. Все знают, что подростки могут подолгу не разговаривать.

– Наверное, ты прав. – Наташа скрестила руки на груди.

Время от времени выглядывало солнце, словно играло в кошки-мышки со свинцово-серыми тучами, но никто из них не заметил, насколько живописен короткий путь от château до Кадр-Нуар. Охранника у ворот, видимо, предупредили об их приходе. Наташа заметила, с каким любопытством он посмотрел на заднее сиденье, когда они проезжали.

Мадемуазель Фурнье ждала их перед главной конюшней. Она поцеловала Наташу и Мака, словно то, что они пережили вместе, сблизило их. Потом обняла Сару за плечи и широко улыбнулась:

– Как ты сегодня себя чувствуешь? Уверена, тебе надо было хорошенько выспаться.

– Хорошо, – пробормотала Сара.

– Хочешь посмотреть на свою лошадь, пока мы ждем месье Варжюса? Бошер отлично отдохнул за ночь. Он очень сильный. Его стойло вон там...

Она повела их в сторону блока, где содержались лошади, принимающие участие в представлениях, но Сара сказала: «Нет».

Повисла неловкая пауза.

– Я не хочу его видеть. Не сейчас.

– Мне кажется, Сара вначале хочет поговорить с Grand Dieu, – заметил Мак, будто извиняясь.

– Конечно. – Мадемуазель Фурнье по-прежнему улыбалась. – Как я не догадалась. Следуйте за мной, пожалуйста.

Кабинет был украшен фотографиями, сертификатами и медалями. Наташа заметила, как внимательно Мак их разглядывал.

Вошел месье Варжюс – с таким видом, будто вернулся с другой, более важной встречи. С ним был еще один мужчина, которого он представил как месье Гино, администратора курса. Сара сидела между Наташей и Маком. Наташе показалось, что девочка съежилась, будто задалась целью занимать как можно меньше места в этом мире. Наташа потянулась к ее руке, но остановилась на полпути. Проснувшись утром, Сара снова возвела вокруг себя стену. От вчерашней незащитности не осталось и следа.

Grand Dieu был одет в черную форму, сапоги начищены до зеркального блеска. Примятые волосы говорили, что он провел несколько часов верхом. Он сел за стол и какое-то время смотрел на Сару, словно удивлялся, что ребенок был способен на то, что он видел вчера. С сильным акцентом он объяснил по-английски, что в Кадр-Нуар принимают не более пяти новых членов в год, обычно одного или двух. Кандидаты сдают экзамен, на котором присутствуют лучшие наездники страны. К экзамену допускаются лица, достигшие восемнадцати лет. Чтобы быть принятым, кроме всего этого, необходимо быть гражданином Франции.

– Видишь, Сара, необходимо родиться во Франции, – сказала Наташа.

Сара молчала.

– Тем не менее, мадемуазель, я бы хотел сказать, что вчера вы и ваша лошадь показали нечто поразительное. «Хорошая лошадь быстро едет». Вы знаете, кто это сказал? Ваш Джордж Элиот. – Старик склонился над столом. – Если вы выполните условия нашей системы, я не вижу причин, почему бы через несколько лет вам и вашей лошади не вернуться к нам. У вас есть талант и смелость. Достигнуть того, что достигли вы в вашем возрасте... – Он покачал головой. – До сих пор не могу поверить. – Он опустил голову. – Я хотел бы вам также сказать, что ваш дедушка был прекрасным наездником. Мне всегда было жаль, что он ушел. Уверен, он бы стал maître écuier. Он бы гордился вашими достижениями.

– Но вы меня не примете?

– Мадемуазель, я не могу принять четырнадцатилетнюю девочку. Вы должны понимать это.

Сара отвернулась и прикусила губу.

– Сара, ты слышала, что сказал месье Grand Dieu? – вступил в разговор Мак. – Он считает тебя очень талантливой. Мы придумаем, как можно продолжать тренировки, и когда-нибудь ты сюда вернешься. Мы с Таш хотим тебе помочь.

Сара изучала свои белые кеды, которые вместе со сменой одежды купил утром Мак. Наступила долгая пауза.

Снаружи был слышен стук копыт по бетонному покрытию, вдали тихо заржала лошадь. Сара, скажи что-нибудь, мысленно умоляла Наташа.

Сара подняла голову и посмотрела на Grand Dieu:

– Вы возьмете мою лошадь?

– Пардон? – Старик заморгал.

– Вы возьмете мою лошадь? Бошера?

Наташа непонимающе посмотрела на Мака:

– Сара, ты не хочешь отдавать Бо.

– Я не с вами разговариваю, – сказала та резко. – А с ним. Так вы возьмете его?

Старик смотрел на Наташу:

– Мне кажется, сейчас не время...

– Вы считаете его талантливым? Est-ce que vous pensez il est bon?

– Mais oui. Il a courage aussi, c'est bien^[95].

– Тогда я отдаю его вам. Мне он больше не нужен.

Наступила тишина. Мужчина из административного отдела шептал что-то на ухо Grand Dieu.

– Джентльмены, мне кажется, Сара еще не оправилась. – Наташа наклонилась к ним. – Мне кажется, она...

– Перестаньте говорить мне, что я имею в виду! – возмутилась Сара. – Я вам объясняю: он мне больше не нужен. Месье может его взять. Вы его возьмете? – требовательно повторила она.

Grand Dieu внимательно смотрел на Сару, словно пытался понять, насколько она серьезна.

– Вы действительно этого хотите? – Он нахмурился. – Отдать его Кадр-Нуар?

– Да.

– Тогда да, я приму его с благодарностью, мадемуазель. Совершенно очевидно, это очень способная лошадь.

Что-то смягчилось в Саре. Она так крепко сжала челюсти, что Наташа видела напрягшийся мускул на ее щеке. Сара расправила плечи и повернулась к нему:

– Хорошо. Мы можем идти?

Их всех будто парализовало. Мак сидел с открытым ртом. У Наташи закружилась голова.

– Сара... это очень серьезный шаг. Ты любишь свою лошадь. Даже я это понимаю. Пожалуйста, не принимай поспешных решений. Подумай. Ты много пережила...

– Нет! Не буду я думать. Хоть раз послушайте меня. Бо останется здесь. Теперь, если собираетесь ехать, поехали. Прямо сейчас. Или я поеду одна, – добавила она, когда никто не сдвинулся с места.

Этого было достаточно, чтобы все вскочили. Мак бросил смущенный взгляд на старика и поспешил вслед за Сарой на залитый солнцем двор.

– Мадам... – Когда Сара не могла их слышать, Grand Dieu взял Наташину ладонь обеими руками. – Если она захочет его навестить или передумает, это ничего. Она так молода. Столько пережила...

– Благодарю вас.

Наташа хотела еще что-то добавить, но в горле застрял ком.

Он выглянул в окно. Сара стояла на солнце, скрестив руки на груди и пиная булыжник.

– Она так похожа на своего деда, – сказал француз.

Вскоре после выезда из Сомюра начался дождь. Грозовые тучи сталкивались над горизонтом и неслись навстречу. Ехали молча. Мак следил за дорогой, ведя машину по лужам.

Наташа завидовала его занятию: молчание в тесной машине стало невыносимым. Она не могла даже остаться наедине со своими мыслями. Время от времени она бросала взгляд в зеркало на солнцезащитном щитке и видела худенькую девочку на заднем сиденье, которая смотрела в окно. Лицо Сары было непроницаемым, но ее окружала аура такого глубокого страдания, что она распространялась на весь салон. Дважды Наташа пыталась ей сказать, что еще не поздно, что можно вернуться за Бо. В первый раз Сара промолчала, во второй закрыла уши руками. Наташа так расстроилась, что не договорила.

Дай ей время, уговаривала она сама себя. Поставь себя на ее место. Она потеряла дедушку, дом. Но Наташа не могла понять, почему девочка, которая делала все, чтобы сохранить лошадь, единственное существо, которое у нее осталось в целом мире, ее связь с прошлым, а возможно, и с будущим, отдала ее с такой легкостью.

Вспомнились последние минуты в Кадр-Нуар. Grand Dieu проводил их до стойл:

– Сара, вы должны посмотреть на свою лошадь перед отъездом и убедиться, что она в удовлетворительном состоянии.

Наташа разгадала его маневр: он надеялся, что при виде Бо девочка одумается, осознает последствия своего решения.

Сара нехотя подошла к стойлу, но остановилась в нескольких футах от него, откуда не было видно лошади за высокой дверью.

– Пожалуйста, – просил он, – посмотрите, насколько лучше он сегодня выглядит. Посмотрите, как ветеринар поработал над его ранами.

Давай, Сара, молча просила Наташа. Проснись! Посмотри, что ты собираешься сделать. Она была согласна взять на себя заботу о Бо. Готова была на все, чтобы облегчить страдания Сары. Но Сара лишь бросила взгляд на работу ветеринара. Даже когда лошадь высунула голову и издала звук приветствия, который, казалось, исходил у нее из живота, Сара не подошла ближе. Она опустила плечи, засунула руки глубже в карманы, потом, кивнув *Grand Dieu*, повернулась и пошла к машине. Лошадь прядала ушами и смотрела ей вслед.

Не только Сара и ее потери занимали мысли Наташи. Дождь барабанил по крыше. Из-за дождя не было видно стоп-сигналов машин впереди и дороги. Они приближались к Кале. Наташа смотрела на руки Мака. Когда они выйдут из машины в Англии, для нее тоже все будет кончено. Они договорятся, кто будет жить в доме эти последние несколько недель, уладят деловые вопросы, и он отправится в новое жилье, а она будет в одиночестве собирать осколки своей жизни. Что у нее осталось? Она потеряла любимый дом, сломала карьеру, разрушила потенциальный союз. Тяжело было признать, но жить дальше не хотелось.

Она закрыла глаза. А когда открыла, то увидела город под эстакадой шоссе. По пустынной улице ехала девочка на велосипеде. Она наклонилась вперед и двигалась спокойно и грациозно, невзирая на погоду. Наташе почему-то вспомнилась поездка на поезде несколько месяцев назад, когда она увидела девочку на лошади, стоявшей на задних ногах, на узкой лондонской улочке. Ее поразила и запомнилась не сама картина, а то, как спокойно и гармонично взаимодействовали девочка и животное. Она это поняла, хотя видела их меньше секунды.

А потом у нее в голове зазвучал голос – высокий взволнованный голос Констанс Девлин, ее свидетельницы: «Люси может легко сбиться с пути. Для этого вам только нужно перестать ее слушать».

– Мак, останови машину, – вдруг сказала Наташа.

– Что?

– Останови машину.

Единственное, что знала Наташа, – дальше они ехать не могут. Мак, ничего не понимая, припарковался. Она вышла из машины и открыла заднюю дверцу:

– Выходи, Сара. Нам нужно поговорить.

Девочка отшатнулась от нее как от ненормальной.

– Нет, – сказала Наташа, плохо отдавая себе отчет в том, что делает. – Дальше мы не поедem. Мы должны поговорить – ты и я. Выходи.

Она взяла ее за руку и вытащила из машины. Под дождем они пошли к кафе под навесом на противоположной стороне. Наташа слышала, как возмущался Мак, но решительно велела ему оставить их наедине.

– Хорошо. – Наташа выдвинула стул и села.

Других посетителей не было, она даже не была уверена, что кафе открыто. Она привела сюда Сару, но не знала, что собирается ей сказать. Она знала одно: ехать дальше, чувствуя волны боли и немое страдание, она не может. Нужно что-то делать.

Сара бросила на нее полный недоверия взгляд и села рядом.

– Ты знаешь, Сара, что я юрист. Всю жизнь я занимаюсь тем, что пытаюсь разгадать, в какие игры играют люди, чтобы их опередить. Я неплохо разбираюсь в характерах. Обычно я могу определить, что у человека на уме. Но у меня возникли трудности. – (Сара уставилась на стол.) – Я не понимаю, почему девочка, которая прогуливала, крала и обманывала, чтобы сохранить лошадь, девочка, у которой была единственная цель в жизни, и она была связана с этой лошадью, вдруг все бросает. – (Сара молчала. Она отвернулась и положила руки на колени.) – Приступ гнева? Ты думаешь, что, если швырнуть все псу под хвост, кто-то вмешается и изменит для тебя правила? Если в этом дело, поверь, никто ничего не будет менять. Эти люди работают в соответствии с принципами, которые были выработаны триста лет назад. Они не станут их менять ради тебя.

– А я и не просила! – огрызнулась Сара.

– Тогда ладно. Ты не веришь им, когда они говорят, что в будущем смогут тебя принять? Не знаю, может, ты не хочешь попытаться? – (Сара молчала.) – Из-за дедушки? Боишься, что не сможешь ухаживать за лошадью без его помощи? Но мы можем помочь тебе. Я знаю, с самого начала мы с тобой не очень ладили, но это лишь потому, что не были честны друг с другом. Мне кажется, наши отношения можно улучшить.

Наташа ждала. Она понимала, что так говорила с клиентами. Но ничего с этим сделать не могла. Это лучшее, на что я способна, сказала она про себя.

Но Сара просто сидела и молчала.

– Мы можем поехать домой? – спросила она.

Наташа закатила глаза:

– Что? И это все? Ты не собираешься ничего мне сказать?

– Я просто хочу уехать.

Наташа почувствовала, как в ней закипает гнев. Ей хотелось закричать: Сара, почему ты все усложняешь? Почему так хочешь себе навредить? Но вместо этого она сделала глубокий вдох и сказала спокойно:

– Нет. Мы не можем уехать.

– Что?

– Я знаю, когда кто-то лжет, и я знаю, что ты мне лжешь. Поэтому нет, мы никуда не поедem, пока ты не объяснишь мне, что происходит.

– Вы хотите правды?

– Да.

– Вы хотите говорить о правде? – Сара горько усмехнулась.

– Да.

– Потому что вы всегда говорите правду, – с насмешкой бросила Сара.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Да то, что вы все еще влюблены в Мака, но не говорите ему об этом. – Сара кивнула в сторону машины, где Мак, едва различимый из-за льющегося ручьем дождя, склонился над дорожной картой. – Это так очевидно, что смешно. Даже в машине вы не знаете, как себя вести, когда он рядом. Я вижу, как вы украдкой на него смотрите. Как вы будто бы случайно касаетесь его. Но этого вы ему не скажете.

Наташа сглотнула:

– Это сложно.

– Конечно сложно. Все сложно. Потому что вы знаете, как и я... – ее голос сорвался, – вы знаете, как и я, что иногда, если сказать правду, станет еще хуже, а не лучше.

Наташа смотрела на Мака на противоположной стороне улицы.

– Ты права, – наконец согласилась она. – Хорошо. Ты права. Но, как бы я ни относилась к Маку, я могу с этим справиться. Когда я смотрю на тебя, Сара, я вижу человека, который лишается стержня в жизни. Вижу человека, который причиняет себе боль. – Она наклонилась вперед. – Для чего, Сара? Зачем ты это делаешь с собой?

– Потому что так надо.

– Нет, не надо. Тебе сказали, что через несколько лет тебя смогут принять, если ты...

– Через несколько лет.

– Да, через несколько лет. Знаю, кажется, это будет не скоро, когда ты молод, но время летит быстро.

– Почему вам надо вмешиваться? Почему вы не верите, что это правильное решение?

– Потому что это неправильное решение. Ты лишаешь себя будущего.

– Вы ничего не понимаете.

– Я понимаю, что ты не должна исключать всех из своей жизни только потому, что тебе больно.

– Вы не понимаете!

– Понимаю, поверь мне.

– Я должна была его оставить.

– Нет, не должна. Конечно же не должна! Черт! Чего хотел для тебя твой дедушка больше всего? Что бы он сказал, если бы знал, что ты сделала?

Сара повернулась к ней лицом. Она побелела от гнева. Голос сорвался на крик.

– Он бы понял!

– Не уверена.

– Я должна была его оставить. Только так я могла его защитить!

Наступила тишина. Наташа сидела не шевелясь.

– Защитить его?

Девочка сглотнула. И тогда Наташа заметила блеск в глазах Сары, дрожащие побелевшие костяшки пальцев. Когда она снова заговорила, ее голос был мягким.

– Сара, что случилось?

Вдруг девочка зарыдала, тяжело и горько. Наташа сама так плакала тридцать шесть часов назад: это были рыдания, выражающие потерю и одиночество. Наташа заколебалась, потом притянула девочку к себе и крепко прижала, шепча слова успокоения:

– Все хорошо, Сара. Все хорошо...

Рыдания затихли, превратились в всхлипывания. Сара шепотом поведала ей об одиночестве, о тайнах, о долге, о страхе и о темной дороге, на которую едва не встала, и Наташины глаза тоже наполнились слезами.

Через залитое дождем ветровое стекло Мак видел, что Наташа сжимает Сару в объятиях, пожалуй слишком сильно. Наташа что-то говорила, девочка согласно кивала. Он не знал, что делать, но было видно, что у Наташи созрел какой-то план. Он не хотел мешать, если ей удалось получить хоть какое-то объяснение последних событий.

Он сидел в машине, смотрел, ждал и надеялся, что ей удастся хоть как-то улучшить положение.

К столику подошла женщина, вероятно хозяйка заведения. Наташа что-то заказала, потом посмотрела в его сторону. Они встретились взглядами, ее глаза сияли. Она знаком позвала его.

Он вышел из машины, закрыл дверцу и направился к ним под навес. Обе смущенно улыбались, будто стеснялись, что их застали врасплох. Он отметил с болью, что его жена, почти бывшая жена, очень красива. Она сияла.

– Мак! Наши планы меняются.

Он посмотрел на Сару, которая с интересом изучала содержимое хлебной корзинки.

– Перемена касается лошади? – спросил он, держась за спинку стула.

– Конечно.

Мак сел. Небо над ними расчищалось.

– Слава богу!

По пути в Англию Наташа и Сара устроились на заднем сиденье. Они о чем-то шептались, иногда включая Мака в разговор. Они не будут возвращаться в Сомюр. Сара сказала, что знает одного человека, которому полностью доверяет доставку Бо. Они позвонили в Кадр-Нуар, где, к счастью Сары, ожидали их звонка. С лошадью все было хорошо. Она будет там в безопасности, пока ее не заберут. Наташа сказала, что сама Сара не придет.

– Нам нужно заняться похоронами, – сказала она мягко.

Время от времени Мак оглядывался и видел две склонившиеся головы: они что-то планировали, обсуждали. Казалось, между ними было полное взаимопонимание. Сара останется с Наташей. Они рассматривали разные варианты: интернаты – Наташа позвонила сестре, которая сказала, что слышала, есть школы, в которые принимали с лошадью, – или платные конюшни в другом районе Лондона. Наташа сказала, что проблем с Салем больше не будет. Без подписи Сары условия и положения договора, а также его притязания на лошадь были беспочвенны. Она пошлет ему официальное письмо с объяснением всего этого и предложением держаться подальше. И Бо будет в безопасности. Они устроят для него лучшую жизнь. Где-нибудь, где он сможет бегать по зеленым лугам.

Наташа, подумал Мак, занималась тем, что у нее лучше всего получалось: решала чужие проблемы. Время от времени, когда упоминалось имя Анри Лашапеля, лицо Сары кривилось от боли. Тогда

Наташа сжимала ее руку или поглаживала по плечу. Показывая снова и снова, что рядом.

Мак наблюдал за всем этим в зеркале заднего вида, испытывая благодарность, но чувствуя себя лишним. Он знал, Наташа не намеренно исключила его и Сара навсегда останется в его жизни тоже, что бы ни произошло между ними двоими. Возможно, так Наташа дипломатично говорит ему, что проведенная вместе ночь была ошибкой, а теперь, когда напряжение поисков закончилось, она бы хотела вернуться к более стабильной жизни с Конором. Что же все-таки это было? Лебединая песня? Прощание? Он не отваживался спросить. Твердил себе, что иногда поступки говорят больше слов, и с этой точки зрения все было ясно.

Когда они добрались до Кале, Сара наконец позвонила человеку, который, по ее словам, мог бы доставить Бо в Англию. Она взяла Наташин телефон и отошла подальше, словно не хотела, чтобы ее слышали. Мак был поражен, с какой легкостью она решила оставить Бо в другой стране. Потом подумал и понял, что ей было все равно, где он будет, если не с ней.

– Ты тихий какой-то, – заметила Наташа, когда Сара отошла на значительное расстояние.

Прижав телефон к уху, Сара шла между автомобилями, стоящими в очереди на паром.

– Наверное, мне нечего сказать. Вы все решили без меня.

Она посмотрела на него с удивлением, уловив обиду в голосе.

– Вот. – Сара вернулась, не дав им времени больше ничего сказать друг другу. – Том хочет с вами поговорить.

Наташа взяла телефон, Сара стояла совсем близко, будто расстояние между ними сократилось.

Мак смотрел на Наташу, пока она разговаривала. Бешеный поток путанных мыслей почти заглушал ее речь. Что-то в ней изменилось: лицо смягчилось и посветлело. Ей не суждено было материнство, но, казалось, она обрела новую цель в жизни. Он отвернулся, поняв, что не может скрыть свои чувства.

– Нет, ну что вы... Вы уверены? – сказала она, а потом после паузы: – Да, да. Я знаю.

– Он не хочет брать денег. – Закончив разговор, она обернулась, посмотрела на Сару. – И слушать не желает. Сказал, что будет в тех краях в середине недели и привезет Бо.

Удивленная, Сара улыбнулась: как и Наташу, ее застала врасплох такая неожиданная щедрость.

– Но есть условие, – добавила Наташа. – Он сказал, что взамен ты

пригласишь его на свое первое выступление.

Молодым проще, подумал Мак позже, их надежда может еще возродиться. Иногда всего пара ободряющих слов способна вселить уверенность в прекрасное будущее, которое сменит бесконечную череду препятствий и разочарований.

– По-моему, условие справедливое, – заметила Наташа.

Сара кивнула.

Вот если бы у взрослых тоже так было, подумал Мак, возвращаясь к машине.

Повозившись с ключом, Наташа открыла входную дверь и вошла в темную прихожую. Зажгла свет. Был второй час ночи. Сонная Сара привычно поднялась наверх, как будто у себя дома. Наташа прошла за ней, поправила постель, протянула чистое полотенце. Удостоверившись, что девочка легла спать, медленно спустилась по лестнице.

Впервые за сорок восемь часов она была уверена, что Сара не исчезнет снова. Что-то изменилось между ними, будто сдвинулись тектонические плиты. Только что она взяла на себя громадную ответственность, зная, что подписывается на долгосрочные серьезные финансовые обязательства, что впереди ее ожидают эмоциональные американские горки. И тем не менее в глубине души Наташа ощущала радость, неведомую много лет.

Мак развалился на диване в гостиной, вытянув длинные ноги и положив их на пуфик. В руке зажаты ключи от машины, глаза закрыты. Она позволила себе осмотреть его долгим взглядом: мятая одежда, настоящий мужчина. Наташа принудила себя отвернуться. Смотреть на него было сродни мазохизму.

Он зевнул и выпрямился. Наташа поспешно отвела глаза, пока он не заметил. На полу были разложены фотографии: ряды снимков десять на двенадцать покрывали полированный паркет. Должно быть, он оставил их несколько дней назад, когда обнаружилось исчезновение Сары. Лошади в движении, сияющее умное старое лицо Ковбоя Джона – черно-белые образы, вдохновившие Мака на новые достижения в том, что он делал лучше всего. Ее внимание особенно привлек один снимок.

На нем женщина говорила по телефону. Улыбалась, не видя камеры. Ее окружали голые ветки сада. Свет за ней низкий и мягкий. Она была красива: зимнее солнце отражалось на коже, глаза смягчились от неведомого удовольствия. Камера не просто холодно отражала отдаленный образ. В нем было что-то интимное, тайный сговор между камерой и моделью.

Наташа не сразу поняла, что женщина на снимке – это она сама. Идеализированная версия ее самой, человека, которого она не помнила, который, как ей казалось, растворился в желчности развода. Внутри что-то напряглось и сломалось.

– Когда ты это снял?

Мак открыл глаза:

– Несколько недель назад. В Кенте.

– Мак... – Она не могла оторваться от фотографии. – Ты меня видишь такой?

Она отважилась посмотреть на него. На лице появились новые горестные морщины, кожа посерела от усталости, губы плотно сжаты, будто он заранее готов к разочарованию. Он кивнул.

У нее учащенно забилося сердце. Она подумала об Анри, о Флоренс, о Саре, которая смело сказала правду под дождем, не ведая, к чему это приведет.

– Мак... – Она не отрывала взгляда от фотографии. – Я должна тебе кое-что сказать. Я должна это сказать, даже если это будет самым глупым и унижительным поступком в моей жизни. – Она глубоко вдохнула. – Я люблю тебя. Всегда тебя любила, и даже если уже слишком поздно, я хочу, чтобы ты знал, что я сожалею. Хочу, чтобы ты знал, что самой большой ошибкой в моей жизни было позволить тебе уйти. – У нее задрожал голос, дыхание прерывалось. Руки, державшие фотографию, дрожали. – Ну вот, теперь ты знаешь. Если ты не любишь меня, ничего страшного. Потому что я сказала правду. Я буду знать, я сделала все, что могла, и если ты не любишь меня, это ничего не изменит, – закончила она торопливо, а потом добавила: – Если честно, неправда, что в этом нет ничего страшного. На самом деле это меня, вероятно, убьет. Но я все равно должна была сказать.

Обычное обаяние его покинуло.

– А как же Конор? – резко спросил он.

– С ним все кончено. Я никогда...

– Мать твою! – Он поднялся. – Мать твою!

– Почему ты?... – Она застыла, потрясенная: он редко ругался.

– Таш...

Он подошел к ней, ступая прямо по фотографиям, которые расползались по скользкому паркету, и встал почти вплотную. Она затаила дыхание. Он был так близок, что она ощущала тепло его кожи. Только не говори «нет», мысленно просила она. Только не отшучивайся, не ищи удобной причины, чтобы уйти. Во второй раз я этого не переживу.

– Таш... – Он взял в ладони ее лицо. Голос охрип и срывался. – Жена

моя...

– Ты хочешь сказать...

– Только не отгораживайся. – В его голосе слышался гнев. – Не отгораживайся снова.

Она бормотала извинения, но поцелуи и слезы заглушили слова. Он взял ее на руки, она обвинила его ногами, прижалась к нему всем телом, спрятала лицо у него на шее.

– Нам предстоит долгий путь, – сказала она много позже, когда они поднимались в свою спальню. – Думаешь, мы сможем...

– Шаг за шагом, Таш, потихоньку. – Он поднял голову и посмотрел в сторону комнаты, где спала девочка. – По крайней мере, мы знаем, что это возможно.

Эпилог

Лошадь – это воплощение красоты... Нельзя устать любоваться ею, когда она показывает себя во всем своем великолепии.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Поездка от дома, который построил Мак, до боковой улочки за Грейз-Инн-роуд в дневное время занимала сорок пять минут. В час пик – на полчаса дольше. Наташа посмотрела на часы: оставалось всего пара минут, чтобы закончить работу с бумагами.

Вошла Линда со стопкой бумаг, которые надо было подписать.

– Успеешь до часа пик?

– Наверное, нет. Сегодня пятница.

– Ну, желаю удачи. И не забудь, в понедельник в девять у тебя встреча с этим парнем, специалистом по иммиграции.

– Помню. – Наташа встала и сложила вещи в сумочку. – Не задерживайся долго, ладно?

– Придется задержаться. Хочу привести в порядок документы. Эта временная сотрудница на прошлой неделе обратила мою систему в полный хаос.

«Макколи и партнеры» рождалась трудно, но полтора года спустя Наташа начала понимать, что ее решение основать собственную фирму было правильным. Остаться в «Дэвисон и Бриско» не имело никакого смысла. И дело было не только в том, что Конор так враждебно воспринял ее новости. Вероятно, еще до того, как они с Маком воссоединились, он знал, что так будет. Шрамы, оставленные делом Перси, не заживали. Было видно, что Ричард перестал относиться к ней как к потенциальному партнеру. Фактически после ее возвращения он не считал Наташу полезным сотрудником. Когда она увидела, что он приглашает Бена на обед чаще, чем разговаривает с ней, то поняла, что пора уходить.

Она благодарила Бога за Линду. Верная помощница не покинула ее, и это поддержало ее не только профессионально, но и эмоционально. Она подозревала, что в «Дэвисон и Бриско» уход Линды Блит-Смит переживали намного тяжелее, чем ее собственный.

– Хороших выходных, Лин. – Наташа перекинула пальто на руку и

собралась спускаться вниз.

– И тебе тоже. Надеюсь, все пройдет хорошо.

На Грейз-Инн-роуд уже образовался затор, машины в сторону Вест-Энда еле двигались. Наташа не сразу увидела Мака: он остановился на другой стороне улицы. Она посмотрела в обе стороны и побежала через дорогу, лавируя между медленно ползущими автомобилями, с прижатой к груди папкой.

– Ты минута в минуту, – сказал Мак, когда она нагнулась, чтобы поцеловать его. – Плата за услугу.

– Ты чудо. – Она бросила папки в машину. – А ты, – обратилась она к малышу в детском кресле, который улыбался ей, – размазал банан по папиной куртке.

– Шутишь! – Мак оглянулся. – Как же так, старина?

– Она будет нами гордиться. – Наташа засмеялась, застегивая ремень безопасности и оглядывая передвижной мусорный бак, в который превратилась машина Мака.

Появление Мака с Наташей на подобных мероприятиях стало предметом постоянных шуток. На стареньком автомобиле они приезжали, украшенные эполетами из детской рвоты или пропахшие содержимым подгузника. В окружении блестящих внедорожников и огромных «мерседесов», на которых прибывали другие родители, они чувствовали себя озорными школьниками. Когда они привезли с собой Ковбоя Джона (взяв с него обещание «никакой марихуаны, ни одной сигареты»), Мак получил особое удовольствие, представляя его жене директора как «предыдущего учителя Сары».

– Вы здесь учите цирковым номерам? – спросил Ковбой Джон с невинным видом. А потом, когда женщина потеряла дар речи от изумления, задал следующий вопрос: – Леди, вы продаете здесь хорошие авокадо?

Джон жил в часе езды от школы в облицованном белой вагонкой коттедже. Две его старые лошади паслись на зеленом лугу. Он по-прежнему продавал прохожим сельскохозяйственную продукцию сомнительного происхождения. После возвращения Сары он, смущенный, что было на него не похоже, попросил у нее прощения: дескать, он ее подвел. Подвел Капитана. Для него так и осталось загадкой, в какую игру играл Саль. Джон заплатил долг Капитана, и Саль отлично это знал.

– Мне надо было рассказать вам. – Сара посмотрела на Наташу. – Надо было хоть кому-нибудь рассказать.

По молчаливому согласию они никогда не говорили о конюшне на Спеапенни-лейн.

– И на какое мероприятие мы сегодня едем? – спросил Мак.

Поток машин медленно пересекал Вествей и направлялся из Лондона в зеленые пригороды и дальше.

Наташа порылась в сумочке и достала письмо:

– Праздник по случаю окончания года с чествованием способных и одаренных учеников. Будем слушать, как играют на музыкальных инструментах и декламируют стихи. – (Мак застонал.) – И как Сара поет. Да нет, – поправилась она, когда Мак повернул голову. – Сара...

– ...Будет делать то, что делает Сара. Она не заметит, как мы выглядим. – Мак влился в поток автомобилей. – Когда она рядом с Бо, все остальное для нее не существует.

Всем известно, как тяжело сочетать уход за детьми с работой, думала Наташа, пока они ползли через город. Но это трудно понять, пока не коснется тебя лично. В ее случае она за девять месяцев приобрела двоих детей и лошадь. Ирония заключалась в том, что после долгих лет, когда ей говорили, что следует снизить уровень стресса, меньше пить и заниматься сексом в тщательно рассчитанные дни, она зачала в три самых удручающих и пьяных дня своей жизни.

Но это и было самым прекрасным. Они пришли к такому заключению, когда лежали по обе стороны от него, рассматривая его пухлые ручки и ножки и соломенные, как у Мака, волосы. Он появился, потому что так было суждено.

От домика в Кенте они давно отказались. Теперь они арендовали новый коттедж. Лондонский дом был снят с продажи. Мак, Наташа и малыш проводили выходные за городом, а Сара училась в элитной школе-интернате на северо-западе от шоссе M25. Это была одна из немногих школ в Англии, в которую не только принимали с лошадью, но и обеспечивали тренировки на нужном уровне. И брали непомерную плату, даже учитывая стипендию, которую получила Сара.

– Но послушай, – говорил Мак, сидя за кухонным столом, когда они получали счет за семестр и ахали, – кто говорил, что семья обходится дешево?

Они не жалели денег. В школе Сара расцвела среди ровесников, у которых по разным причинам не было семьи. Она училась средне, но очень старалась. Завела друзей и, что самое важное, была счастлива.

По выходным они приезжали в съемный коттедж в четырех милях от школы и проводили время вместе. Она говорила не только о Бо и его поведении на арене, его многочисленных достижениях и мелких

разочарованиях. Все чаще она рассказывала о своих друзьях. Она была не самой общительной девочкой, но познакомила их с несколькими подругами. Это были милые девочки, вежливые, целеустремленные, строящие планы на жизнь после окончания школы.

Сара не была самым открытым и нежным ребенком. По природе она отличалась подозрительностью и, если чувствовала себя несчастной или незащищенной, тут же уходила в свою скорлупу. Но в маленьком коттедже Сара ощущала себя в безопасности, она весело рассказывала им о Дэвиде, Хелен и Софи, о чьей-то лошади, которая не хотела идти в стойло, когда они участвовали в выступлении в Эвешаме. Мак с Наташей, довольные, молча переглядывались за кухонным столом. Они проделали долгий путь. Каждый из них.

Школьные игровые площадки были забиты автомобилями. На краю поля для игры в крикет яркие краски сплетались в блестящее лоскутное одеяло. Родители шли по траве. Женщины на высоких каблуках смеялись и хватались за своих мужей, когда каблуки проваливались.

Сара увидела их еще до того, как распорядитель показал Маку, куда поставить машину. Она побежала к ним, в безукоризненных бриджах для верховой езды и белоснежной блузке.

– Успели! – сказала она, когда Наташа выходила из машины, чувствуя, что юбка пристала к ногам.

– Разве мы могли пропустить такое. – Мак поцеловал ее в щеку. – Как ты, милая?

Но Сара уже открывала заднюю дверцу.

– Привет, Генри, мой маленький солдат! – Она расстегнула ремень и вынула младенца из кресла; он схватил ее за волосы, она улыбнулась. – Он еще вырос!

– Он запачкает тебя бананом. Привет, любовь моя. – Наташа поцеловала ее, заметив, что Сара тоже выросла.

С каждой неделей Сара становилась все более женственной. От худенькой девочки, которую они впервые увидели, не осталось и следа. Она была выше Наташи, стала крепкой и лоснящейся, как ее лошадь.

– Готовы?

– Да. Бо – молодец. Как я по тебе соскучилась! Правда-правда. – Сара обнимала Генри, а он, как всегда, был в восторге.

Генри сцементировал их новую семью, в очередной раз подумала Наташа. Через пару недель после того, как они узнали о Наташиной беременности, слегка оправившись, они сообщили об этом Саре.

Социальные работники опасались, что девочка может почувствовать себя обделенной и все снова развалится. Но Мак с Наташей думали иначе и оказались правы. Когда появился маленький человек, которого можно было любить без всяких условий, все стало намного проще.

Они направились в сторону арены, где уже начали собираться зрители. Мальчик в форме протянул им программку вечера. Наташа отметила с гордостью, что Сарина Карусель значилась в самом верху программки.

– Хотите, я могу понянчиться с Генри в выходные? – предложила Сара, ловко отцепляя маленькие пальчики от своих волос. – Я с удовольствием. У меня нет никаких планов.

– Я думала, у тебя вечеринка. – Наташа искала в сумочке влажную салфетку. На плече Сары уже красовались следы банана. – Разве вы не собирались куда-то с девочками из шестого класса?

Они переглянулись, и это не ускользнуло от внимания Мака.

– О-о... О чем это вы?

– Что? Я не могу просто предложить свои услуги няни?

– Мне кажется, юная леди, вы подлизываетесь, – нарочито строгим тоном заявил Мак.

– Я заняла вам очень хорошие места. Правда, только два. Подумала, вы посадите Генри на колени. Вам там будет хорошо все видно.

Мак помолчал.

– Слушайте, в чем, собственно, дело? – Он всегда лучше Наташи угадывал настроение Сары.

Та напустила на себя растерянный вид, но не выдержала и улыбнулась:

– Меня приняли на курс.

– На какой курс?

– В Сомюре. На летний курс. Шесть недель под руководством месье Варжюса. Сегодня утром пришло письмо.

– Сара, как здорово! – Наташа обняла ее. – Вот это новость! А ты думала, у тебя нет никаких шансов.

– Учителя послали компакт-диск и письмо. Месье Варжюс написал в ответ, что видит определенный прогресс. Он мне лично написал.

– Прекрасно!

– Я знаю. – Она замялась. – Но это ужасно дорого. – Она шепотом произнесла сумму, и Мак присвистнул:

– Тебе долго придется его нянчить!

– Но я должна поехать. Если у меня все получится хорошо, это зачтется при поступлении. Пожалуйста! Я все что угодно сделаю.

Наташа подумала об автомобиле с кузовом универсал, который они с

Маком присмотрели в автосалоне на прошлой неделе. Теперь о нем придется забыть.

– Мы что-нибудь придумаем. Не переживай. Может, какие-то деньги остались от твоего Папá...

– Правда? Нет, правда?

Ее позвали. Она обернулась, потом посмотрела на часы и тихо выругалась.

– Тебе пора.

Оркестр настраивал инструменты. Сара отдала Генри Наташе, извинилась и помчалась к стойлам.

– Спасибо! – прокричала она и помахала им рукой над головой зрителей. – Большое спасибо! Я все верну когда-нибудь. Честно!

Наташа прижала к груди сына и посмотрела ей вслед.

– Ты уже все вернула, – сказала она тихо.

Сара поправила подпругу и выпрямилась, пробежала рукой по аккуратным косичкам, в которые она заплетала гриву Бо все утро. С ее места за спешно установленными экранами ей были видны зрители. Она заметила, как Наташа передала Генри Маку и полезла в сумочку. Фотоаппарат. Мак взял фотоаппарат и ласково покачал головой.

Она обожала фотографии Мака. Вся ее комната была увешана ими. После смерти Папá Мак собрал все старые фотографии, которые нашел в квартире в Сандауне: Сара с Нанá, старые, покрытые сепией снимки Папá верхом на Геронтии, – и сделал с них копии, как-то обработав в цифровом режиме. Снимки стали четче и больше. Лицо Папá было хорошо видно. В день похорон они с Наташей вставили некоторые из них в рамки и повесили в ее комнате, чтобы она нашла их там, вернувшись домой.

– Мы знаем, мы тебе не родственники, – сказали они ей в тот вечер, – но хотели бы стать твоей второй семьей.

Она не спрашивала, почему они называли сына Генри, но догадывалась. Он связал две половинки ее жизни. Иногда ей даже казалось, что он похож на Папá, хоть это и было невозможно. Она видела Папá повсюду – в том, чему он научил Бо. Каждый раз, сидя верхом, она слышала его голос. Посмотри на меня, Папá, обращалась она к нему мысленно.

В вечернем воздухе пахло свежескошенной травой. Из чайной палатки за ареной доносился аромат клубники. Все на мгновение стихло, потом скрипки в оркестре заиграли мелодию, под которую они репетировали несколько недель. Бо дернул ушами, узнав музыку. Она почувствовала, как он переместил вес, готовясь к предстоящему заданию.

Вечером в маленьком коттедже они, наверное, поужинают едой из местного ресторана в другом конце деревни. Мак будет дразнить ее по поводу мальчиков, а Наташа попросит помочь искупать Генри. Она всегда так поступала, будто Сара делала ей большое одолжение, хотя обе знали, что Саре это доставляет удовольствие. Через два месяца она будет во Франции.

Она вдруг ощутила, что находится если не там, где должна быть, то там, где ей хорошо. Разве можно желать большего?

Она взглянула на мистера Варбертона, инструктора по верховой езде, который держал поводья Бо и едва слышно считал.

– Готова? – Он поднял голову. – Помни, что я тебе говорил. Спокойно, вперед, прямо и легко.

Сара еще больше выпрямилась, сжала ногами бока лошади и выехала на арену.

Благодарности

Эта книга была бы невозможна без технической помощи и поддержки многих людей. Я бы хотела особо отметить Николу Маккахилла и солиситора Джона Болча. Все юридические ошибки исключительно на моей совести или допущены в угоду сюжету.

Я также благодарна Йолейн и Тьерри Оже из «Шато Верьер» в Сомюре, фотографам Марку Моллоу и Эндрю Бурману, Шейле Кроули из «Curtis Brown», Кэролин Мейз, Эриол Бишоп, Элени Фостирополус, Люси Хейл из «Nachette UK», Линде Шонесси и Робу Крайтту из «AP Watt».

Благодарю также Аннабел Робинсон из «FMCM», Хейзел Орме и Франческу Бест. Кэти Рансيمان за перевод на французский, вино и бесконечную дружбу, а также Ханну Мейз, Криса Лакли и Соню Пенни за обучение во время моего первого посещения Кадр-Нуар.

Я также признательна Дрю Хейзел, Кэти Скотленд и Джинни Брайс, как и Барбаре Ральф и Джону Александру.

Благодарю членов «Writersblock», вы сами знаете, кто вы такие.

Выражаю свою признательность Саймону и Шарлотте Кельвин за их щедрый вклад в благотворительность. Это означает, что они появятся в том или ином виде в моем следующем романе.

Благодарю членов моей семьи – Лиззи и Брайана Сэндерс и Джима Мойеса, но прежде всего Чарльза, Саскию, Гарри и Локи. Верховая езда – это исследование. Честно.

В 2007 году я прочитала статью журналиста Стива Волка в журнале «Филадельфия уикли» о четырнадцатилетней девочке Мекке Харрис. Все свое время вне школы она проводила в городской конюшне в Филадельфии. Любви к лошадям и верховой езде ее научили «Черные ковбои Филадельфии» – учреждение, которое дает шанс детям из самых неблагополучных районов Филадельфии найти свой путь в жизни благодаря лошадям.

Она была от природы одарена и целеустремленна, и ее выбрали играть в команде, в которой были только чернокожие, в поло против Йельского университета. Осенью 2003 года она получила анкету из престижной школы поло в Калифорнии, но так ее и не заполнила.

15 октября 2003 года Мекка Харрис, ее мать и гражданский муж матери были найдены в своем доме мертвыми. Они пали жертвами наркомана.

Я не могла забыть эту историю не только из-за удивительных фотографий Мекки – хрупкой худенькой девочки с косичками под жокейской шапочкой. А потому, что могла быть на ее месте, хотя моя жизнь никогда не была так тяжела, как ее. Когда я была подростком, я пропадала в городских конюшнях, разбросанных по боковым улочкам Лондона. Моей ареной были местные парки. Лошади уберегли меня от беды (хотя мои родители могут со мной не согласиться) и стали моей страстью, которая длится тридцать лет.

Сейчас я живу на ферме. Моя лошадь пасется на зеленом лугу, а не живет в стойле под железнодорожным мостом. У Мекки Харрис должны были быть свои зеленые луга. Эта книга посвящена ей и таким детям, как она, для которых лошади могут стать выходом.

notes

СНОСКИ

1

Не так ли? (фр.) – *Здесь и далее примеч. перев.*

Удачи, наездник (фр.).

Высокая кухня и высокая мода (*фр.*).

Школа кавалерии (фр.).

5

Здесь: инструктор (*фр.*).

Вы готовы? (фр.)

Главный Бог (*фр.*). «...Командующего корпусом берейторов всегда называли Главный Бог, потому что он руководил теми, о которых все говорили, что они ездят как боги...» Из фольклора Кадр-Нуар.

Договорились? (фр.)

Тонко чувствующий (*фр.*).

Здесь и далее эта команда означает, что лошадь должна поднять круп.

Хорошо! Очень хорошо! (*фр.*)

Раз, два, три... (*фр.*)

Солиситор – категория адвокатов в Великобритании, ведущих подготовку судебных материалов для барристеров – адвокатов высшего ранга.

С днем рождения! (фр.)

Спасибо! (фр.)

Вот! ($\phi p.$)

Превосходный (фр.).

Представление (фр.).

Придурки (*фр.*).

Девочка из Кадр-Нуар (*фр.*).

Нет! Это половина подарка (*фр.*).

Нет, взгляни (*фр.*).

В ноябре (фр.).

Не все ($\phi p.$).

Вот так ($\phi p.$).

Нет ($\phi p.$).

Продолжай (фр.).

Извини (фр.).

Омлет с приправами (*фр.*).

Няня (*фр.*).

Время (фр.).

Шапка (фр.).

Позже (*φρ.*).

Очень приятно (*фр.*).

Гурман (*фр.*).

Вперед (*фр.*).

Вельвет Браун, по прозвищу Национальный Бархат, героиня спортивной драмы 1944 г. по одноименному роману Энид Багнольд. Игра слов – Вельвет по-английски «бархат».

Бифитеры – популярное прозвище церемониальных стражей лондонского Тауэра. Хотя формально бифитеры отвечают за надзор за заключенными Тауэра и охрану королевских регалий, на практике они выполняют функции экскурсоводов и сами являются достопримечательностью.

Дорогая (фр.).

Я ничего не вижу (фр.).

Обычно объединяет остро нуждающихся в жилье и тех, кому не по карману частные квартиры.

Базовая школа (*фр.*).

Высокая школа (*фр.*).

Опасное (*фр.*).

«Королева Елизавета Вторая», название трансатлантического пассажирского авиалайнера.

Лодка (фр.).

Скоростное шоссе (*фр.*).

Здравствуйте (фр.).

Как в Кадр-Нуар (*фр.*).

А-а, месье Шоколад, о-о, месье Какао (*фр.*).

Что ты здесь делаешь? (*фр.*)

Ты потеряла коров, ковбой? (фр.)

Эй, я к тебе обращаюсь! (фр.)

Эй, я с тобой говорю, шлюха! (*фр.*)

Да пошли вы (фр.).

Черт возьми! Ты чего надулась? (*фр.*)

- Ежкин кот! Ты что, не знаешь, что невежливо не отвечать, когда к тебе обращаются? – Мне... мне нужно в Тур.
- Хочешь в Тур. Будет тебе Тур. Садись.
- А что там у тебя в рюкзаке?
- Ничего.
- Больно уж он набит для ничего (*фр.*).

– Пожалуйста, оставьте меня в покое. – Скажи, когда мы еще увидимся, и я оставлю тебя в покое.

– Эй, шлюшка, давай снимай, а не то пуцу твою клячу на собачьи консервы (*фр.*).

Посмотрите, лошадь танцует (*фр.*).

Может, тогда потанцуем? (*фр.*)

61

Стащите ее! (фр.)

Ты в порядке? (фр.)

Что я могу сделать? (фр.)

Я позвоню в жандармерию. Хорошо? *(фр.)*

Тебе нужна помощь? (*фр.*)

Лошадь? Коричневая лошадь? Французский сель? (фр.)

Тебе нужна моя помощь? (*фр.*)

Булочная (*фр.*).

Бар, где продают сигареты (*фр.*).

Ты упала? (*фр.*)

Простите меня (*фр.*).

Присядь, милая. Хочешь чего-нибудь выпить? (*фр.*)

Ударилась головой? Жерар! (фр.)

Нет, нет, нет. Не здесь. Сюда (*фр.*).

Звони. Не нужно (*фр.*).

Hy! ($\phi p.$)

Посмотрите! Какая она бледная! (фр.)

Ты потеряла свою лошадь? (фр.)

Какого она цвета? (*фр.*)

Коричневого (*фр.*).

Это от потрясения (*фр.*).

Лошадь коричневая? Какого она роста? Такого? (фр.)

Это ваша? Фермер нашел ее на кромке поля сегодня утром. Он говорит, она дрожала как осиновый лист (*фр.*).

Друзья Кадр-Н... (фр.)

Подождите, пожалуйста (*фр.*).

Нет! Кадр-Нуар здесь не располагается с тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года. Он в Сент-Илер-де-Фонтен. Это недалеко, в пяти километрах (*фр.*).

В чем дело? (фр.)

Сожалею, месье. Не знаю, что... (фр.)

Я Главный Бог. Мадемуазель, вам сюда нельзя. Это Кадр-Нуар. Это не для... (фр.)

Месье! Взгляните! Это Анри Лашапель (*фр.*).

Мой дедушка (фр.).

Начинайте (фр.).

Сюда, мадам (*фр.*).

Невероятно, да? (фр.)

Ну да. Он еще и отважный, это хорошо (*фр.*).